

СКАЗ О ПОХОДЕ ЧЖЭН ХЭ В ЗАПАДНЫЙ ОКЕАН

1 том

ЛО МАОДЭН

Table of Contents

[Annotation](#)

[Ло Маодэн Сказ о походе Чжэн Хэ в Западный океан](#)

[Аннотация](#)

[Abstract: The translation of Luo Maodeng's novel](#)

[Приветственное слово писателя Ван Мэна\[1\]](#)

[Над бездной веков и пространств \(предисловие\)](#)

[Пролог\[28\], кой глаголет о Сотворении мира, нисхождении
Светозарного Будды и благоволении Государя Всея империи Мин](#)

[Часть первая\[147\], коя глаголет о подготовке экспедиции –
строительстве кораблей, отборе военачальников и выплавке якорей](#)

[Часть вторая\[254\], коя глаголет о вооружении и дислокации флотилии,
а также о первых преградах на пути в океан](#)

[Часть третья\[301\], коя глаголет о том, как государство Золотого лотоса
и слоновой кости\[302\] оказало сопротивление флотилии](#)

[Часть четвертая\[396\], коя глаголет о битвах в Сиаме и усмирении
непокорной Явы](#)

[Часть пятая\[476\], коя глаголет о пирате Чэнь Цзуи и приключениях в
Царстве женщин](#)

[Вклейка](#)

[Сноски](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)
[24](#)
[25](#)
[26](#)
[27](#)
[28](#)
[29](#)
[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)
[66](#)
[67](#)

[68](#)
[69](#)
[70](#)
[71](#)
[72](#)
[73](#)
[74](#)
[75](#)
[76](#)
[77](#)
[78](#)
[79](#)
[80](#)
[81](#)
[82](#)
[83](#)
[84](#)
[85](#)
[86](#)
[87](#)
[88](#)
[89](#)
[90](#)
[91](#)
[92](#)
[93](#)
[94](#)
[95](#)
[96](#)
[97](#)
[98](#)
[99](#)
[100](#)
[101](#)
[102](#)
[103](#)
[104](#)
[105](#)
[106](#)
[107](#)
[108](#)
[109](#)
[110](#)
[111](#)
[112](#)

[113](#)
[114](#)
[115](#)
[116](#)
[117](#)
[118](#)
[119](#)
[120](#)
[121](#)
[122](#)
[123](#)
[124](#)
[125](#)
[126](#)
[127](#)
[128](#)
[129](#)
[130](#)
[131](#)
[132](#)
[133](#)
[134](#)
[135](#)
[136](#)
[137](#)
[138](#)
[139](#)
[140](#)
[141](#)
[142](#)
[143](#)
[144](#)
[145](#)
[146](#)
[147](#)
[148](#)
[149](#)
[150](#)
[151](#)
[152](#)
[153](#)
[154](#)
[155](#)
[156](#)
[157](#)

[158](#)
[159](#)
[160](#)
[161](#)
[162](#)
[163](#)
[164](#)
[165](#)
[166](#)
[167](#)
[168](#)
[169](#)
[170](#)
[171](#)
[172](#)
[173](#)
[174](#)
[175](#)
[176](#)
[177](#)
[178](#)
[179](#)
[180](#)
[181](#)
[182](#)
[183](#)
[184](#)
[185](#)
[186](#)
[187](#)
[188](#)
[189](#)
[190](#)
[191](#)
[192](#)
[193](#)
[194](#)
[195](#)
[196](#)
[197](#)
[198](#)
[199](#)
[200](#)
[201](#)
[202](#)

[203](#)
[204](#)
[205](#)
[206](#)
[207](#)
[208](#)
[209](#)
[210](#)
[211](#)
[212](#)
[213](#)
[214](#)
[215](#)
[216](#)
[217](#)
[218](#)
[219](#)
[220](#)
[221](#)
[222](#)
[223](#)
[224](#)
[225](#)
[226](#)
[227](#)
[228](#)
[229](#)
[230](#)
[231](#)
[232](#)
[233](#)
[234](#)
[235](#)
[236](#)
[237](#)
[238](#)
[239](#)
[240](#)
[241](#)
[242](#)
[243](#)
[244](#)
[245](#)
[246](#)
[247](#)

[248](#)
[249](#)
[250](#)
[251](#)
[252](#)
[253](#)
[254](#)
[255](#)
[256](#)
[257](#)
[258](#)
[259](#)
[260](#)
[261](#)
[262](#)
[263](#)
[264](#)
[265](#)
[266](#)
[267](#)
[268](#)
[269](#)
[270](#)
[271](#)
[272](#)
[273](#)
[274](#)
[275](#)
[276](#)
[277](#)
[278](#)
[279](#)
[280](#)
[281](#)
[282](#)
[283](#)
[284](#)
[285](#)
[286](#)
[287](#)
[288](#)
[289](#)
[290](#)
[291](#)
[292](#)

[293](#)
[294](#)
[295](#)
[296](#)
[297](#)
[298](#)
[299](#)
[300](#)
[301](#)
[302](#)
[303](#)
[304](#)
[305](#)
[306](#)
[307](#)
[308](#)
[309](#)
[310](#)
[311](#)
[312](#)
[313](#)
[314](#)
[315](#)
[316](#)
[317](#)
[318](#)
[319](#)
[320](#)
[321](#)
[322](#)
[323](#)
[324](#)
[325](#)
[326](#)
[327](#)
[328](#)
[329](#)
[330](#)
[331](#)
[332](#)
[333](#)
[334](#)
[335](#)
[336](#)
[337](#)

[338](#)
[339](#)
[340](#)
[341](#)
[342](#)
[343](#)
[344](#)
[345](#)
[346](#)
[347](#)
[348](#)
[349](#)
[350](#)
[351](#)
[352](#)
[353](#)
[354](#)
[355](#)
[356](#)
[357](#)
[358](#)
[359](#)
[360](#)
[361](#)
[362](#)
[363](#)
[364](#)
[365](#)
[366](#)
[367](#)
[368](#)
[369](#)
[370](#)
[371](#)
[372](#)
[373](#)
[374](#)
[375](#)
[376](#)
[377](#)
[378](#)
[379](#)
[380](#)
[381](#)
[382](#)

[383](#)
[384](#)
[385](#)
[386](#)
[387](#)
[388](#)
[389](#)
[390](#)
[391](#)
[392](#)
[393](#)
[394](#)
[395](#)
[396](#)
[397](#)
[398](#)
[399](#)
[400](#)
[401](#)
[402](#)
[403](#)
[404](#)
[405](#)
[406](#)
[407](#)
[408](#)
[409](#)
[410](#)
[411](#)
[412](#)
[413](#)
[414](#)
[415](#)
[416](#)
[417](#)
[418](#)
[419](#)
[420](#)
[421](#)
[422](#)
[423](#)
[424](#)
[425](#)
[426](#)
[427](#)

[428](#)
[429](#)
[430](#)
[431](#)
[432](#)
[433](#)
[434](#)
[435](#)
[436](#)
[437](#)
[438](#)
[439](#)
[440](#)
[441](#)
[442](#)
[443](#)
[444](#)
[445](#)
[446](#)
[447](#)
[448](#)
[449](#)
[450](#)
[451](#)
[452](#)
[453](#)
[454](#)
[455](#)
[456](#)
[457](#)
[458](#)
[459](#)
[460](#)
[461](#)
[462](#)
[463](#)
[464](#)
[465](#)
[466](#)
[467](#)
[468](#)
[469](#)
[470](#)
[471](#)
[472](#)

[473](#)
[474](#)
[475](#)
[476](#)
[477](#)
[478](#)
[479](#)
[480](#)
[481](#)
[482](#)
[483](#)
[484](#)
[485](#)
[486](#)
[487](#)
[488](#)
[489](#)
[490](#)
[491](#)
[492](#)
[493](#)
[494](#)
[495](#)
[496](#)
[497](#)
[498](#)
[499](#)
[500](#)
[501](#)
[502](#)
[503](#)
[504](#)
[505](#)
[506](#)
[507](#)
[508](#)
[509](#)
[510](#)
[511](#)
[512](#)
[513](#)
[514](#)
[515](#)

Annotation

Классический китайский роман, созданный в конце XVI века, повествует о масштабных экспедициях китайской флотилии, во главе которой стоял адмирал Чжэн Хэ – дворцовый евнух, выходец из мусульман. Сведения из документальных материалов, вплетенные в фантастико-приключенческую основу романа и сопровождаемые элементами как религиозно-мифологической, так и народной смеховой культуры, представляют широкую панораму придворной жизни и военных традиций средневекового Китая, стран Южной и Юго-Восточной Азии, Аравийского полуострова и восточного побережья Африки.

Сокращенный перевод романа предназначен для широкого круга читателей.

Ло Маодэн

Сказ о походе Чжэн Хэ в Западный океан

Оформление переплета Татьяны Луниной

© Н. Боровская, перевод, 2023

© ООО «Международная издательская компания «Шанс», 2023

Все права защищены

* * *

Л. Д. Позднеевой, моему Учителю, посвящается.

Переводчик

Проф.

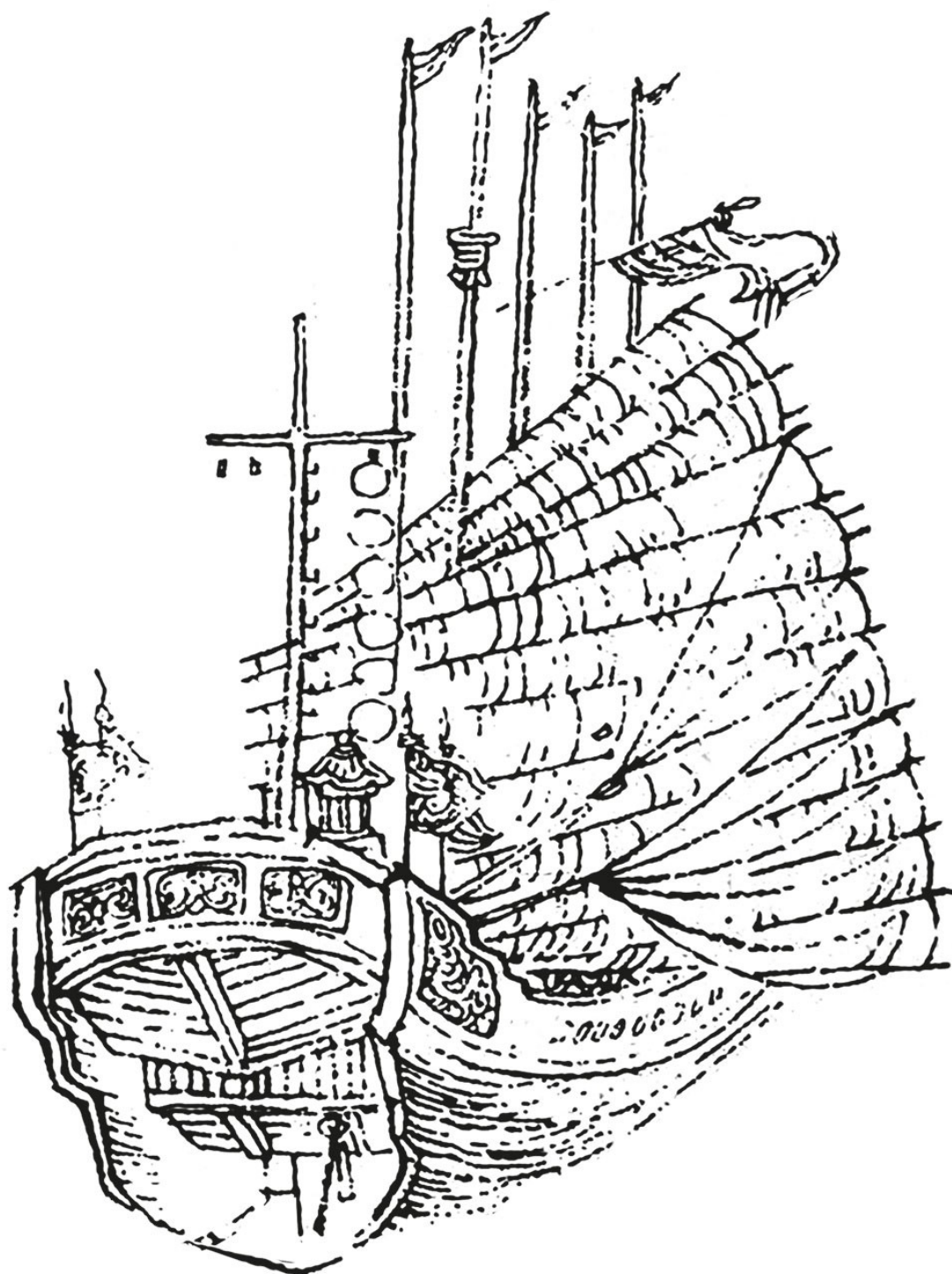
Переводчик выражает благодарность за помощь и поддержку разными путями в сем нелегком труде прежде всего своему пожизненному соратнику д. и. н. С. А. Торопцеву, а также писателю Ван Мэну (卞), директору НИИ морской культуры Шанхайского университета

моря профессору Ши Пину (彭 彭), переводчику русской литературы
профессору Нанкайского университета Гу Юю (顾 宇), д. филос. н. А. И.
Кобзеву, к. и. н. В. Ц. Головачеву.

□□□

□□□□□□□□

□□□□□□□□ 2013

Аннотация

По общепризнанным представлениям европейцев и даже по мнению ряда историков, эпоха великих географических открытий XV–XVI веков началась с экспедиций Васко да Гамы, Христофора Колумба и Фернана Магеллана. По сути же их почти на столетие опередили, а по масштабам – численности кораблей и количеству участников – во много раз превзошли грандиозные морские походы гигантской китайской армады первой четверти XV века. Флотилия, возглавляемая адмиралом Чжэн Хэ (он же – дворцовый евнух Саньбао, что в переводе означает «Три драгоценности»), добралась до берегов Индии, Аравии и Африки. Об этом и повествует представляемый читателю роман Ло Маодэна (род. в 1517 г.) «Сказ о походе Чжэн Хэ в Западный океан» (*Саньбао тайцзянь Сиян цзи*), первое издание которого датируется 1597 годом. Это одно из известнейших в средневековой китайской литературе произведений, объединившее все семь плаваний флотилии в один продолжительный морской поход.

Жанр «Сказа» можно обозначить как авантюрно-приключенческий роман, фэнтэзи и даже триллер, или то, что в современной литературе называют травелогией. В этом плане роман был для своего времени экспериментальным. В географическую, историческую и мифологическую канву произведения автор вплел точные документальные сведения из записок участников экспедиции и ряда трудов того времени в различных областях знаний. Любопытный читатель найдет в романе массу зачастую более нигде не сохранившейся уникальной информации, касающейся строительства кораблей и дислокации флотилии, размеров якорей, вооружения армии, нравов и обычаев как далеких султанатов, так и самой империи Мин – и даже подробное описание потустороннего мира и ада, каким его представляли в Китае.

В книге ощущается мощное влияние буддизма, есть в ней и описания магических практик даосских сект. При этом повествование разнообразят вкрапления комических и даже эротических эпизодов.

Данное издание является сокращенной версией этой стоглавой эпопеи при сохранении всей ее канвы путем тематического объединения глав в крупные части. Издание рассчитано на широкий круг читателей, поэтому наиболее важные и интересные главы представлены в нем целиком, а остальные – в виде крупных

фрагментов, соединенных между собой выделенными курсивом связками от переводчика.

Исследованию романа была посвящена диссертация, в свое время защищенная переводчиком, поэтому, несмотря на общедоступный характер издания, перевод снабжен подробным комментарием, поясняющим многие исторические и культурные реалии, и не теряет ценности для специалистов-китаеведов.

За исключением перевода на английский язык последних пятнадцати глав, описывающих в основном пребывание флотилии в царстве мертвых, роман целиком – даже в таком на треть сокращенном виде – не был переведен ни на один из языков мира, поэтому российское издание «Сказа» можно по праву считать мировой премьерой.

Abstract: The translation of Luo Maodeng's novel

The Tale of Zheng He's Voyage to the Western Ocean (San Bao taijian Xiyang ji, 1597)

According to the generally accepted Eurocentric ideas shared by many historians, the era of great geographical discoveries of the 15th – 16th centuries began with the expeditions of Vasco da Gama, Christopher Columbus, and Ferdinand Magellan. However, preceding these voyages by almost a century and greatly outdoing them in scale (considering the number of ships and participants involved) were the extraordinary expeditions conducted by the enormous Chinese armada in the first quarter of the 15th century. Under the command of Admiral Zheng He – a palace eunuch also known as «San Bao» (meaning «Three Treasures» in reference to the three central precepts of Buddhism) – this fleet managed to reach the shores of India, Arabia, and Africa. The seven separate cycles of these epic explorations are depicted as one long sea voyage in this novel, considered one of the most outstanding in medieval Chinese literature.

The genre of «Xiyang ji» may be described as an adventure novel, a fantasy, a thriller, or even what is referred to in modern literature as a travelogue. In this regard, the novel was experimental for its time. The author wove into the geographical, historical, and mythological canvas of the work accurate documentary information derived from the diaries of expedition members as well as from contemporary treatises on various fields of knowledge. An inquisitive reader will find in the novel unique information that is often not found anywhere else. Examples vary from the construction

of ships and the deployment of flotillas to the size of anchors and types of military armaments; there are also descriptions of the mores and customs of distant lands and of the Ming Empire itself, as well as a detailed description of the Buddhist Other World and Hell as it was imagined in China at the time. The book is deeply steeped in the philosophy of Buddhism, and it also includes references to the practices and rituals of Taoist sects. At the same time, the narrative is animated by comic and even erotic episodes.

While the present edition is an abridged version of this hundred-chapter epic, the plot and the general content of the novel are implicitly preserved in their entirety by combining all chapters thematically into larger sections and mostly cutting out the numerous descriptions of saints' lives. Addressed to a wide range of readers, this publication contains translations of the most important and interesting chapters in their entirety, while the rest of the text is presented in the form of large fragments linked together by italicized narrative from the translator. The translator (whose doctoral thesis was dedicated to the study of the novel) provided a detailed commentary on the period's historical and cultural realities, which makes this edition of interest to both foreign scholars of Chinese history and literature as well as a popular audience.

Not counting an English translation of the final fifteen chapters (Laurie Bonner-Nickless: *To the Gates of Fengtu*, 2017) which in fact describe only the voyage to the Other World, the novel as a full has never been translated into any language before now. Thus, it is fair to say that even in its shortened form – approximately two-thirds of the original length – the Russian edition of this epic can be rightly termed a «world premiere».

Translated by Leon Pinsky

Приветственное слово писателя Ван Мэна^[1]

Первое описание походов Чжэн Хэ в Индийский океан в художественной форме, представленное в знаменитом произведении китайской классической литературы «Сказ о походе Чжэн Хэ в Западный океан», – это огромное событие с точки зрения не только истории морских походов Китая, но и всей мировой истории мореплаваний. В то время экспедиции китайской океанской флотилии во главе с Чжэн Хэ объективно стимулировали обмен между Китаем и зарубежными странами, распространяя в мире достижения китайской цивилизации и демонстрируя ее технический прогресс. Тем более стоит обратить внимание на то, что ныне, в XXI веке, авторитет Китая

проявляет себя в поразительном научном и технологическом прогрессе, что отнюдь не случайно совпадает с выдвинутой нашей страной концепцией создания Сообщества единой судьбы человечества.

Роман эклектичен за счет сочетания мифологических сюжетов с подлинными записками участников экспедиции Чжэн Хэ, что делает произведение одновременно и познавательным, и развлекательным. Вслед за автором читатель посещает целый ряд стран Азии и Африки, знакомится с их обычаями, промыслами, образом жизни, а также узнает много интересных деталей, относящихся к эпохе XV–XVI веков в самом Китае.

Китайские и зарубежные исследователи уделяют большое внимание историческим аспектам походов Чжэн Хэ. Опубликовано и немало работ, посвященных изучению самого романа, однако до сих пор не было ни одного его издания на иностранном языке.

Профессор Нина Боровская – высокопрофессиональный китаевед, активный участник китайско-российских культурных связей. В 1960-е годы она приступила к изучению романа «Сказ о походе Чжэн Хэ в Западный океан». Одновременно с этим она последовательно и упорно осуществляла его перевод на русский язык, что потребовало от нее огромных усилий.

Благодаря публикации русскоязычной версии книги у иностранных читателей впервые появится возможность познакомиться с этим выдающимся произведением, непосредственно прочувствовать величие достижений мореплавателей средневекового Китая и понять их устремления. Это в свою очередь позволит лучше донести до зарубежного читателя суть истории Китая, чтобы его голос был услышан в мире.

Ван Мэн

Над бездной веков и пространств (предисловие)

Беседа Переводчика с Автором о событиях, имевших место быть в пространствах Востока и Запада до и после написания романа

Н. Е. Боровская: Приветствую вас, почтеннейший господин Ло Маодэн, как автора героической эпопеи, впервые опубликованной по нашему календарю в 1597 году под названием «Простонародное повествование о хождении дворцового евнуха Саньбао^[2] в Западный

океан» и повествующей о плаваниях флотоводца Чжэн Хэ, между 1405 и 1433 годами осуществившего семь грандиозных по размаху морских экспедиций к берегам Индии и Африки. До нас дошли обрывочные сведения о том, что вы были автором произведений и других жанров, редактором и составителем комментариев к произведениям простонародной литературы и вам повезло увидеть публикацию романа при жизни.

Себя я представляю в качестве не только переводчика, но и исследователя вашего романа, которому при публикации дала более понятное для современного читателя название. Поскольку моя фамилия для вас трудно произносима, предлагаю обращаться ко мне «госпожа Бо». Я родом из России – огромной далекой северной страны, о которой вы, конечно, еще и не слыхивали, ведь первое официальное посольство оттуда прибыло в Пекин уже после крушения династии Великая Мин^[3], а по нашему календарю – в 1657 году, полвека спустя после опубликования романа. Практически до XIX века в силу междоцивилизационного непонимания контакты между двумя странами налаживались с трудом. Да это и неудивительно! Ведь, судя по вашему произведению, подобные отношения существовали и между посланными китайским императором Чжу Ди флотилями и правителями многих посещенных ими стран Западного океана^[4], который, замечу, большинство называло Индийским, ибо он омывал Индию.

Господин Ло Маодэн: Верно. Ежели вы знакомы с философской концепцией конфуцианства о взаимодействии Поднебесной – так мы называли нашу территорию – с остальным миром, то, вероятно, знаете заповедь философа Мэн-цзы^[5] о долге китайского императора: «Управлять Китаем и держать в повиновении иноземцев всех четырех сторон света». Еще до снаряжения морских экспедиций Чжэн Хэ многие правители стран Южных морей^[6] направляли своих послов с данью к императорскому двору в Нанкине, а после переноса столицы в 1421 году – и в Пекине. Это ли не выражение почитания ими высокой державы-сюзерена? Заметьте, что китайский двор отдаривал послов более щедро по сравнению с присланной ими «данью», дабы поразить их могуществом и великодушием китайского властелина.

Госпожа Бо: Аналогичная практика обмена дарами наблюдалась в средние века и в Европе, и на Ближнем и Среднем Востоке. Однако в большинстве стран эти подарки воспринимались как дипломатическая вежливость или использовались посольствами для достижения целей своих стран. В Китае же в них видели знак выражения покорности, хотя это не всегда соответствовало реальности. Например, из записок местных авторов того времени известно, что султан Адена считал передаваемые им флотилии Чжэн Хэ ценности дарами, а вовсе не данью.

Господин Ло: Нам сие неизвестно.

Госпожа Бо: В ваше время продолжала действовать типичная с древности модель – «центр и варварская периферия», согласно которой в мире существовало несколько центров высокой цивилизации и военной мощи, стремящихся к господству над ближними и дальними территориями. В древности, помимо Китая, это Римская империя, в средние века – Византия, Османская империя, Арабский халифат, не говоря уже об империях Нового и Новейшего времени. Центры влияния фактически существуют и в наше время, в XXI веке. Их порождает уверенность крупных развитых держав в изначальном превосходстве собственной цивилизации, хотя некоторый прогресс человечеством достигнут – созданы международные организации сотрудничества и нормы, помогающие странам договориться и урегулировать конфликты мирным путем.

Что до эпохи Чжэн Хэ, то в канун плаваний только смерть эмира Тимура в начале похода спасла Китай от нашествия его полчищ. Основанием для намеченного монголами вторжения послужило оскорбительное для эмира официальное письменное обращение императора Чжу Ди с требованием дани, в то время как сами тимуриды считали китайскую культуру хоть и достаточно развитой, но ниже собственной. Или возьмем Европу. Существует изданная чуть раньше вашего романа поэма «Лузиады», в которой описаны походы к берегам Индии мореплавателя Васко да Гамы из наверняка известной вам Португалии – известной, ибо за полвека до публикации вашего романа португальцы орудовали на юге Китая, построив Макао как оплот проникновения вглубь страны. Автор поэмы Луис де Камозэнс верил, что именно Португалии Божественным Промыслом определено стать мощным фактором мирового прогресса. И причина, очевидно, не только в его слабом знакомстве с нравами дальних стран. В Европе записки об иных землях существовали со времен греческого историка Геродота^[7], родившегося за несколько лет до смерти Конфуция.

Господин Ло: Отмечу, что в Китае веками велись записи о разных землях и обитающих там народах. Еще при династии ранняя Хань^[8] наш великий историк Сыма Цянь включил в свой труд собранные путешественником и дипломатом Чжан Цянем сведения о народах, населявших Среднюю Азию. Много позже в «Истории империи Поздняя Хань» приводятся сведения о нескольких посольствах из Большой Цинь ко двору нашего государя, а в произведении начала династии Тан^[9] «Заметки о посещенных странах» есть уже и ее описание.

Госпожа Бо: Древнейшие сведения о непосредственных контактах с Большой Цинь, как называли в Китае Римскую, а позже и Византийскую империю, подтверждает и римский историк Луций Анней Флор.

Господин Ло: Со времен следующей династии – Сун^[10] – частные китайские купеческие суда практически непрерывно курсировали между Южным Китаем и странами Южных морей, а при монгольской

династии Юань^[11] активизировались военно-дипломатические экспедиции. Всё это давало материал для новых трудов об окружающем мире. Такова выдающаяся работа Чжао Жугуа «Описание иноземных стран».

Госпожа Бо: Труд Чжао Жугуа, впервые опубликованный по нашему летоисчислению в 1225 году, мне знаком по современному изданию на русском языке^[12]. А географические записки участников грандиозных экспедиций Чжэн Хэ в первой четверти XV века – вскоре после установления династии Мин – принесли особенно много новых знаний. Эпоха Великих географических открытий подразумевает и процесс знакомства с иными культурами и цивилизациями. С одной стороны, китайские мореплаватели считали жителей некоторых стран дикарями лишь на основании того, что те, как вы отмечаете в своем романе, запахивали одежду на другую сторону или ходили с распущенными волосами. В то же время они с удивлением открывали для себя, что многие из этих варваров демонстрировали добрые нравы, вполне совпадающие с нормами конфуцианской морали.

Но позвольте вернуться непосредственно к миссии Чжэн Хэ и поинтересоваться, какой вам видится цель этих экспедиций. Что заставляло китайского императора неоднократно отправлять огромное и дорогостоящее посольство в столь дальние страны, вплоть до восточного побережья Африки? Ведь, согласно высказанной вами концепции, послы вассальных стран были обязаны сами являться с дарами и данью ко двору сюзерена?

Господин Ло: Это верно для ранних, сильных китайских династий. Напомню, что только за несколько десятилетий до начала плаваний Китаю удалось освободиться от правления чужеземных завоевателей. До того, как Чжу Ди волей Неба стал императором, он возглавлял оборону всех северо-западных рубежей страны от монголов, т. е. имел богатый воинский опыт. Кроме того, он завоевал трон после трех лет сражений с правительственными войсками, устранив слабого, хотя и законного императора Цзяньвэня.

Госпожа Бо: Из истории разных стран известно стремление многих узурпаторов трона с помощью внешних завоеваний укрепить свой авторитет как внутри страны, так и за ее рубежами.

Господин Ло: Гораздо важнее то, что к началу XV века Китай окреп экономически и в военном отношении, что давало новому государю возможность показать другим странам, сколь велики его сила и влияние, сколь богата и могущественна его держава. В «Истории династии Мин» (*Мин ши*) так и записано: «После того как император Чжу Ди с помощью оружия утвердился в Поднебесной, он вознамерился подчинить своему авторитету десять тысяч стран и разослал послов по всем четырем сторонам света для привлечения их ко двору».

Госпожа Бо: Значит, термин «подчинить» всё же обозначен в официальной хронике империи Мин. А это означает, что возросший

потенциал и укрепление власти императора внутри страны к началу XV века давали Китаю возможность не только возродить, но и активизировать систему вассалитета стран Южных морей, ставшую к тому времени номинальной^[13]. Позволю себе заметить, что захват Китаем соседнего Дайвьета накануне морских экспедиций и сами эти экспедиции побудили многие страны Южных морей смотреть на империю Мин как на вполне реальную силу в регионе и, с одной стороны, опасаться ее, а с другой – стремиться заручиться ее поддержкой в собственных интересах борьбы с соседями или укрепления позиций внутри страны.

Господин Ло: Не забывайте, что экспедиции Чжэн Хэ должны были также способствовать укреплению, развитию и расширению внешнеторговых связей Китая, нарушенных во время войн против монгольских захватчиков. Морские пути приобрели особо важное значение, ибо к тому времени в результате походов Тамерлана привычные сухопутные маршруты торговли с Центральной Азией оказались закрыты.

Госпожа Бо: В вашем произведении постоянно упоминаются две цели экспедиции, сформулированные в императорском указе, распространявшемся флотоводцами в посещаемых странах: формула «умиротворить иноземцев» сочетается с задачей «добыть драгоценность», под которой подразумевается потомственная государева печать. Что конкретно имелось в виду в романе под «умиротворением иноземцев»?

Господин Ло: С древности наши государи полагали, что те, кто царил в Поднебесной, простирали свой надзор над всем, что лежит между небом и землей. Первый император династии Мин на тринадцатом году правления в манифесте для Явы указывал, что по приказу Неба он «умиротворяет и направляет на путь истинный как далекие, так и близкие народы» исключительно по повелению Неба. Сие означало наведение порядка и спокойствия на ближних и дальних рубежах и создание единого мирового сообщества с Китаем как его центром.

Госпожа Бо: Мне помнится, что у Римской империи был похожий девиз – «Pax Romana», а это – «Pax Sinica». Вы придерживаетесь подобного же мнения относительно воздействия Китая на инородцев?

Господин Ло: Наш великий философ Мэн-цзы по этому поводу высказался так: «Я слышал, что Китай воспитывал варваров, но не слышал, чтобы варвары его воспитывали...» Поистине так. Не случайно надпись на одной из каменных стел близ Нанкина, относящаяся к началу экспедиций, заканчивается словами императора династии Мин: «[Я] постоянно направляю посольства во все иноземные заморские страны, чтобы нравственно их [иноземцев] перевоспитать, научить этикету, привить чувство долга и тем изменить их варварские обычаи».

Госпожа Бо: Это не уникально. Древнегреческий философ Плутарх^[14] называл великий Рим «якорем, который навсегда приютил в гавани мир, долго блуждавший без кормчего»^[15]. Интересно, что слово «империализм», в последующие века употреблявшееся как синоним колонизации, во времена создания вашего романа использовалось для выражения воли той или иной страны к укреплению своих позиций в мире *во имя объединения человечества*. Я уже упоминала поэму о плаваниях флотилии Васко да Гамы к берегам Индии. Так вот, ее автор писал, что португальские мореплаватели несли свет народам, и выражал веру в то, что в далеких чужих землях они «жизнь по-новому направят, строительство городов и сел затеют, законы обветшалые исправят». Еще ранее итальянский гуманист Полициано^[16] утверждал, что Португалия путем захвата дальних территорий «укрепила ослабевшие узы единства обитаемого мира». Тем не менее и исторические труды того времени, и последствия португальских экспедиций говорят именно о колонизации – иными словами, о насильственном захвате Португалией чужих территорий, установлении над ними жесткого политического контроля и собственной монополии в торговле.

Господин Ло: Думаю, эти португальцы сильно преувеличивали свою просвещенность, да и намерения у них были явно захватнические. Иное дело Китай. Экспедиции, которые возглавлял Чжэн Хэ, ничего подобного не совершали. Еще накануне плаваний в «Записях по истории Мин» сказано: «... страны всех четырех сторон света были поставлены на подобающее им место без каких-либо намерений подчинить их». Наш император требовал регулярного посещения его двора посольствами даннических стран и обозначал их вассальную позицию формальными процедурами. Ту же политику он продолжал и во время экспедиций Чжэн Хэ. Не случайно я упомянул в романе, как через своих посланников наш государь именовал местных властителей китайским княжеским титулом «ван» и вручал им печать в качестве инвеституры на правление. В целях укрепления позиций Китая в морской торговле флотилия основала в нескольких странах свои фактории, передавала календари для ведения в этих странах принятого в Китае летоисчисления, дарила местным князькам и их приближенным одеяния высоких китайских сановников, подобными жестами обозначая позицию Китая как сюзерена, но, подчеркну, нигде не ставила вместо них своих представителей.

Госпожа Бо: Действительно, в отличие от европейских стран, значительно позднее Китая посылавших морские эскадры, внутри империи Мин первой половины XV века не созрели экономические предпосылки для начала колониальной экспансии, присущей эпохе первоначального накопления капитала. В то же время исторически масштабы экспедиций, военная и техническая оснащенность флотилии, численность участников походов впечатляют. Особенно это заметно,

если сопоставить китайскую армаду, состоявшую в среднем из двух сотен судов и 28 000 участников, с масштабом, скажем, экспедиций Колумба (пусть даже семнадцать судов второй экспедиции, самой большой) или второй, также наиболее крупной, экспедиции Васко да Гамы (двадцать судов и общая численность участников несколько сот человек). В вашем романе флотилия совершает одно путешествие, в которое включены важнейшие события всех походов. Предполагаю, что вы прибегаете к фольклорной гиперболе, суммируя численность кораблей (почти полторы тысячи) и участников (в романе их двести тысяч) всех семи экспедиций.

Господин Ло: Не отрекаюсь, я сознательно гиперболизировал масштабы экспедиции, дабы прославить ее мощь и величие, чем нарушил историческую точность.

Госпожа Бо: Меня настораживает и то, что в вашем романе суда флотилии снабжены огромным количеством разнообразного оружия и пороха. Не свидетельствует ли это об отнюдь не мирных ее намерениях? Вопрос этот крайне важен, ибо широкий круг читателей всегда черпает сведения об исторических событиях в основном из художественной литературы – так было в ваше время не только в Китае, но, например, и в Англии, где зритель и читатель полностью доверяли историческим пьесам вашего современника, драматурга Вильяма Шекспира. Традиция перешла в Новое и сохранилась в Новейшее время.

Господин Ло: Как я уже говорил, у императора Чжу Ди не было намерений захватывать чужие территории и грабить другие страны. Как правило, Чжэн Хэ и его спутники встречали хороший прием, правители многих государств были заинтересованы в том, чтобы великая держава выступала их покровителем и союзником. И всё же в ряде случаев неизбежно приходилось сочетать дипломатические шаги с демонстрацией военной силы и непосредственным вооруженным давлением. Прежде всего это было актуально для отражения набегов морских пиратов, терроризировавших побережье и проливы Китая и ряда других стран.

Госпожа Бо: Согласна, что дипломатические методы приобретали гораздо большую убедительность, ежели на рейдах портовых и столичных городов стояла китайская армада с огромной армией на борту. В Новое время, когда Америка с применением военно-морского флота подавляла в Китае восстание, направленное против ее вмешательства в экономику и политику страны^[17], подобные действия называли «дипломатией канонерок». Но вернемся к роману. В отличие от официальных источников вы предоставляете слово самим иноземным правителям. Многие из них заранее подозревают непрошенных гостей в намерении захватить их земли и диктовать свою волю. Более того, вы, на мой взгляд, дерзко отобразили нежелание ряда стран признать свое подчиненное положение и их готовность дать

захватчикам вооруженный отпор. В исторических документах зафиксировано только три крупных вооруженных столкновения флотилий: в Палембанге (Восточная Суматра) в 1407 году, на Цейлоне в 1411 году и во время вмешательства во внутренний конфликт в стране Самудра (Северо-Западная Суматра) в 1415 году. А согласно вашему роману, из 27 стран и мифических царств, посещенных флотилией, двенадцать – едва ли не половина – оказали китайским гостям упорное вооруженное сопротивление.

Господин Ло: В целом я не отступил от исторической правды. Вот документальное свидетельство из опубликованных записок участника экспедиций – переводчика Фэй Синя^[18]: «Мелкие и ничтожные далекие иноземцы иногда противились благотельному воздействию императора». А в «Истории династии Мин» записано, что экспедиции «поочередно обошли все иноземные страны, объявляя императорские указы и поднося подарки местным властителям, и если те не подчинялись, то их подавляли военной силой». Посвятив несколько глав состязанию в воинском искусстве с магами и военачальниками Могадишо, я лишь художественными средствами передал и развил упомянутую Фэй Сином недружелюбную и настороженную позицию султана этой страны. Или взять правителя Цейлона. Он действительно надменно и непочтительно встретил наше морское посольство, тем самым оскорбив честь и величие императора. Как прикажете поступить? Его необходимо было проучить, что и показано в моем романе. В Палембанге, напротив, флотилия помогла местному правителю схватить и казнить бесчинствовавшего там пирата – иными словами, установить мир и спокойствие в стране. Должен признать, что, создавая художественное произведение, я использовал свое право на вымысел. Батальные сцены – на суше ли, на море, массовые сражения или индивидуальные схватки – давали мне возможность продемонстрировать величие и мощь китайской армады, а приемы высокого воинского искусства – развлечь читателя.

Госпожа Бо: Однако, согласно тексту вашего произведения, воины китайской флотилии достаточно люто расправлялись с вступившими с ними в схватку местными воителями.

Господин Ло: В исторических документах вы не найдете описаний жестоких сражений, они – плод моей авторской фантазии, хотя я опирался и на традицию сцен битв в более ранних исторических эпопеях, прежде всего в любимых всеми в Китае «Троецарствии» и «Речных заводах». Зато сам факт расправ с чужеземцами исторически достоверен и подтвержден участниками походов. Вот отрывок из текста на Чанлэской стеле^[19], установленной перед последним походом: «Тех властителей из иноземцев, что упрямылись и не оказывали почтения, захватывали живьем; разбойничьи войска, которые своевольничали и грабили, уничтожали, и поэтому морские пути стали

свободными, и иноземцы благодаря этому занялись мирными делами». Тут я не погрешил против истины.

Госпожа Бо: Жестокость расправ с непокорными, которые тем самым переходят в категорию врагов, неудивительна для вашей эпохи, которая вошла в историю под названием Средних веков. Вот как португальский историк Гаспар Корреа описывает в своем труде «Легенды Индии» действия участников флотилии Васко да Гамы, свидетелем которых он являлся. Начиная борьбу с арабским судоходством, флотоводец приказал сжечь у Малабарского берега арабское судно со всеми пассажирами-паломниками. Не помогла и мольба капитана корабля: «...даже на войне щадят тех, кто сдается, а мы ведь не сопротивлялись вам, примени к нам правила великодушия». Не разжалобило завоевателя и то, что многие женщины метались, поднимая на руки детей. В Каликуте, несмотря на обещания заморина возместить убытки и его сообщение об аресте виновников нападений на португальцев, Васко да Гама захватил стоявшие в порту суда и обстрелял город, превратив его в руины. Он приказал повесить на мачтах захваченных индийцев, а затем отправил заморину полную лодку отрубленных у них рук, ног и голов: «Когда каликутский заморин направил послов в Кочин, чтобы открыть глаза союзнику португальцев на их зверства, португальцы послов перехватили, отрезали им уши и носы, и на их место пришили собачьи и в таком виде вернули послов обратно»^[20].

Господин Ло: Как видите, на фоне описанных вами действий европейских открывателей миров XV-XVI веков поведение участников флотилии Чжэн Хэ представляется относительно милосердным. Во-первых, они благожелательно относились к тем правителям и странам, которые не оказывали сопротивления, во-вторых, они не трогали мирное население, а сражались с войском. Я не случайно включил в роман эпизод, когда участвующий в походе Государев советник – земное воплощение Будды Дипанкары – с помощью магии упрятал на три года всё население царства Простоволосых в волшебную переметную суму, дабы спасти этих людей от угрожавших им злых чародеев. Благодаря милосердию Государева советника и адмирал Чжэн Хэ, и другие командующие смягчали кару, которая ждала их противников. Я глубокий почитатель буддийского учения, знаток буддийских канонов, посему сознательно ввел буддийского монаха в число главных героев романа, желая донести через него великие постулаты учения – о карме, милосердии, освобождении от страданий.

Госпожа Бо: Логика буддийского святого была свойственна и властителям дум других великих империй, в том числе Римской. Поэт Вергилий еще в I веке до н. э. напоминал своим согражданам, что их назначение – владычествовать над народами, однако придавал этому владычеству моральное назначение – водворять мир, но щадить покоренных.

Позвольте вернуться к еще одной упомянутой в романе цели экспедиции – поискам государственной печати. Эта формулировка упоминалась в жизнеописании второго законного императора династии Мин, исчезнувшего после штурма дворца войсками Чжу Ди.

Господин Ло: Ходили слухи, что свергнутый владыка не сгорел во время штурма, а бежал куда-то, и хотя он получил посмертное имя^[21], новый государь не был уверен в его гибели. Посему неудивительно, что в «Истории династии Мин» содержится указ Чжу Ди, где среди целей экспедиций упомянуты поиски пропавшего императора. Однако даже в мое время многие авторы исторических записок не считали это серьезным основанием для походов подобного размаха.

Госпожа Бо: Ваша трактовка событий своеобразна. В романе мореплаватели ищут не свергнутого императора, а последнего хана правившей почти столетие монгольской династии Юань – Тогон-Тэмур, которого в Китае называли Шунь-ди и который задолго до описываемых событий был изгнан из страны. Более того, вы связываете эти поиски с будто бы захваченной им государственной печатью. В чем причина такой подмены?

Господин Ло: Признаюсь, я сознательно изменил трактовку событий. В подобном приеме был намек на продолжавшуюся и при мне внешнюю угрозу Китаю со стороны монголов. Замечу, что поиски печати были еще и удачным художественным приемом.

Госпожа Бо: В наше время его называют детективным. И всё же изменение официальной трактовки исторических событий представляется мне смелым шагом. Связь средневековых китайских эпопей с историческими сочинениями была чрезвычайно прочной, и хотя авторы имели право придумывать новые эпизоды, но за искажение фактов, приведенных в хрониках, подвергались гонениям со стороны властей. Позвольте всё же уточнить, что побудило вас во второй половине XVI века обратиться к походам, завершившимся за полтора века до этого?

Господин Ло: Я жил в печальную эпоху. Вскоре после экспедиций Чжэн Хэ Япония предприняла попытки вторжения в Китай через Корею. Хотя они не удались, но привели к бесчинствам японских пиратов у берегов Китая – и это на фоне длительного периода навязанного властями после походов Чжэн Хэ «морского запрета» на внешнюю торговлю, продолжавшегося и в мое время. Повзрослев, я постоянно слышал о проникновении португальцев в наши южные порты и усилении их позиций в районе Южных морей. Из-за назревавшего кризиса страна оказалась не в состоянии не только отстаивать свое влияние за рубежом, но и защищать собственную территорию от нашествия европейцев. Всё это нанесло завершающий удар по системе межгосударственных отношений империи Мин со странами Южных морей и Западного океана, столь удачно скрепленной экспедициями Чжэн Хэ, и привело к крушению престижа империи. Своим

произведением я хотел напомнить правителям Китая о времени его величия, когда, по свидетельству Фэй Синя, «...все страны признали себя подданными. Процветала присылка дани и подношений». В предисловии к роману я выразил эту мысль так: «Ныне положение на востоке опасное... Наша великая династия Мин обновила мир, всем заморским варварам посчастливилось узреть солнце...». Так я взывал к патриотическим чувствам народа и правителей моей страны во времена ее унижения.

Госпожа Бо: Вам будет приятно узнать, что патриоты рубежа XIX–XX веков, такие как Сунь Ятсен, Лян Цичао, в лихую годину колонизации Китая иностранцами действительно обратились к вашему роману как патриотическому напоминанию о былой мощи страны. А некоторые китайские историки того периода считали, что вашей задачей было, «...видя слабость и беспомощность государственных деятелей того времени..., высмеять правящие круги»^[22]. Не отрицаю, что результаты морских экспедиций Чжэн Хэ – усиление политического влияния Китая в регионе Индийского океана, установление оживленных дипломатических и торговых связей с большинством стран, в том числе и наиболее крупными из них, – уже в XVI веке в силу «морского запрета» постепенно были сведены к минимуму. В отличие от европейских морских экспедиций того времени высокотратные многолетние плаванья гигантских флотилий в итоге не изменили хода истории ни самого Китая, ни стран, посещенных флотилией.

Господин Ло: Это было очевидно уже в мое время.

Госпожа Бо: Итак, мы с вами определились с целями и итогами экспедиций Чжэн Хэ. Однако порождает недоумение тот факт, что во главе столь масштабного проекта был поставлен евнух. Признаюсь, что для основной массы читателей вашего романа за пределами Китая облик евнуха никак не вяжется с представлением о героическом полководце.

Господин Ло: Евнухи на императорской службе – традиция Китая. Следует признать, что их значимость и численность после захвата власти Чжу Ди значительно возросла; вероятно, новый император полагался на них больше, чем на придворных сановников, многие из которых относились к нему как к узурпатору. Во всяком случае, в то время именно евнухи возглавляли все двенадцать внутриворцовых инспекторатов; их влияние распространилось на внешние посольские связи Китая, и они даже контролировали деятельность управлений торговых кораблей. Чжэн Хэ пользовался особым доверием императора Чжу Ди – ведь он попал к нему четырнадцатилетним подростком^[23]. Отрока оскостили, однако, несмотря на то, что он происходил из мусульманской семьи выходцев из Средней Азии (возможно, прибывших в Китай во времена монгольского владычества), Чжу Ди покровительствовал ему – дал приличное образование и пожаловал почетное буддийское имя-титул Саньбао («Три Драгоценности»). Через

несколько лет он стал брать с собой в походы молодого евнуха, который проявил себя храбрым и способным воином. Саньбао был одним из командиров и при взятии Нанкина войсками Чжу Ди с целью свержения его племянника с трона. После воцарения своего покровителя воин-евнух получил боевые награды и звание «главного евнуха» (*тайцзянь*) в Инспекторате дворцовых евнухов – оно соответствовало четвертому чиновному рангу из девяти в табели о рангах династии Мин. А потому, когда встал вопрос об отправке экспедиции в дальние страны, многие из которых были мусульманскими, император остановил выбор на преданном ему храбром воине, чья семья исповедовала ислам, а сам он был хорошо знаком еще и с буддизмом. Как справедливо полагали власти, это могло помочь в установлении более тесных контактов с правителями и населением стран, исповедовавших эти религии.

Госпожа Бо: Насколько мне известно, Чжэн Хэ был не единственным евнухом среди участников и руководителей морских походов первой четверти XV века.

Господин Ло: В китайских флотилиях около семидесяти евнухов занимали руководящие должности. Семеро главных руководителей флота – Чжэн Хэ, вице-адмирал Ван Цзинхун, военачальники Хун Бао, Хоу Сянь и некоторые другие – имели высокие звания дворцовых евнухов. По должности во время плавания Чжэн Хэ и Ван Цзинхун были «главными послами», а еще несколько высших евнухов выступали в качестве вице-послов.

Госпожа Бо: Разрешите перейти к вопросу о фактологической точности описанных в романе стран и событий. Вам, к счастью, не довелось узнать, что впоследствии весьма авторитетные историки литературы обвиняли ваш роман в недостоверности. И это при том, что вы впервые в своем сочинении при описании ландшафта, построек, а также нравов и облика жителей многих стран достаточно полно и точно использовали труды переводчиков – участников экспедиций: «Любуюсь берегами океана» Ма Хуаня^[24] и уже упомянутые записки Фэй Синя. Известно, что исторические источники являлись основой для произведений разных жанров и в более ранние эпохи, но вы первый включили в роман-эпопею целый ряд документов: помимо географических записок, еще и текст мемориальной стелы, установленной мореплавателями в Каликуте, изречения из подлинного указа императора Чжу Ди от 1409 года и из текста Чанлэской стелы. В то же время большинство поданных властями разных стран вассальных и капитуляционных грамот, тексты которых приведены в вашем сочинении, не зафиксированы в исторических трудах и вряд ли вообще подписывались в период экспедиций Чжэн Хэ. Как вы это объясните?

Господин Ло: Я воспользовался правом сочинителя. Конечно, эти грамоты – псевдоисторические документы, однако для придания им

большей достоверности я зачастую клал в их основу отрывки или отдельные выражения из подлинных документов современной мне либо прошлых эпох. В той же мере вымышленными можно считать и списки полученной дани. Хотя, просмотрев труды, касающиеся даннической торговли периода плаваний, и записки участников экспедиций, вы легко удостоверитесь, что перечисленные в моих списках товары, будь то драгоценные камни и хлопчатобумажные ткани, ладанное дерево или серая амбра, благовония и специи, знаменитые арабские скакуны или дары местной земли, а также металлы и другие товары, столь нужные для развития нашей мануфактуры, действительно вывозились Китаем из той или иной страны или региона.

Госпожа Бо: Порадую вас сообщением о том, что обвинения в изобилии вымысла, предъявлявшиеся вам литераторами первой половины XX века, вскоре смягчились трудами историков. Обозначилось немыслимое прежде явление: современные историки Китая стали обращаться к художественной прозе за фактами, опущенными в династийных историях. Эта тенденция стремительно укреплялась во второй половине XX и начале XXI века, причем не только в Китае, но и среди европейских ученых. Вы первый из китайских средневековых романистов, кто, используя прием «описательного протоколизма», вставлял в ткань повествования подлинные сведения, касающиеся формирования флотилии, и точные данные о размерах судов разного типа, их вооружении, составе экипажей, диспозиции кораблей. Какими источниками вы пользовались?

Господин Ло: При описании строительства, вооружения кораблей, личного состава на каждом судне я черпал сведения из военных трактатов эпохи Мин, специальных изданий Военного ведомства, солидного труда по речным и морским перевозкам, записок чиновников Ведомства общественных работ, контролировавших строительство кораблей на верфи, и тому подобных источников.

Госпожа Бо: Оставляя в стороне приемы фольклорной гиперболизации, не могу не заметить и прочие отступления от исторической достоверности. Так, при перечислении находившегося на судах огромного количество разнообразного оружия, реально использовавшегося китайской армией в XV веке, вы называете скорострельное дульнозарядное фитильное ружье – аркебузу «птичий клюв» – и гладкоствольную пушку малого калибра *фаланцзи*, которые попали в Китай только в начале XVI века с португальских кораблей, после чего стали производиться в Китае.

Господин Ло: Мне это было известно, но уж очень хотелось сообщить моему читателю о новых вооружениях современной ему китайской армии.

Госпожа Бо: Меня как переводчика весьма впечатлило появившееся в вашем произведении – впервые, насколько я знаю, –

воспевание величия человеческого труда, вложенного в создание флотилии. В отличие от авторов предшествовавших и современных вам китайских эпоей вы прославили подвиги не только флотоводцев и воинов, но и простых ремесленников, чьими руками строились корабли, выплавлялись якоря. Вы повели читателя в порт, на верфь, описали процесс сплава древесины, сообщили о приобретенных в походах естественно-научных сведениях (например, о процессе опреснения соленой воды). В этом плане ваш роман сопоставим с уже упоминавшейся поэмой Камозэнса, который, используя труд своего современника «Очерк о небесной сфере» и теорию Птолемея, ввел в поэму изложение строения вселенной, сообщил о «новом инструменте астролябии», а в поэтическом описании смерча на море подметил, что соленая морская вода, поднятая к облакам, выпадает пресным дождем.

Господин Ло: Верно, я не мог пройти мимо восхищавшего меня бурного развития ремесел, кораблестроения, литья металлов в Китае. Мне хотелось восславить техническую мощь своей страны. Для этого я обращался к текстам специальных трактатов.

Госпожа Бо: Эти данные представляют большую ценность в вашем романе, особенно если учесть, что архивные материалы были уничтожены противниками экспедиций после их завершения. В наши дни исследователи романа обнаружили приведенные вами точные размеры якорей в энциклопедии «Раскрытие природных вещей, явленных небом», которая хотя и была издана на несколько десятилетий позже публикации романа, но явно обобщила сведения из более ранних естественнонаучных трудов. И всё же при том, что вы впервые старались показать процесс выплавки якорей, нельзя отрицать, что успех этого процесса был, по-вашему мнению, обеспечен участием святого Ху Динцзяо, да и сами суда строились с помощью мастера и изобретателя древности Лу Баня, обожествленного в качестве покровителя ремесленников и строителей. Думаю, в этом и кроется причина позднейших обвинений в том, что в вашем произведении святые или нечисть – такие же реальные участники событий, как и сами мореходы.

Господин Ло: Похоже, что вы там в вашем далеком будущем перестали верить в то, во что верили мы. Наш космос населен обитающими в небесных чертогах божествами и небесными полководцами, кои иногда спускаются на землю. Я уж не говорю о водной стихии – она кишмя кишит всякой нечистью, строившей козни мореходам. А буддийские и даосские святые, наоборот, помогали отважным путешественникам. Отсюда в романе в качестве героев выведены и Светозарный Будда Дипанкара, и даосский патриарх Чжан Даолин, и богиня Тяньфэй – покровительница мореходов. О действиях последней я писал: «Случалось, когда мы попадали в бушующие волны, на мачтах вспыхивали огни богини. И сразу же, как только появлялся волшебный свет, умерялась опасность...»

Госпожа Бо: Думаю, вам еще не было известно, что на самом деле так происходит разряд энергии – в форме светящихся пучков или кисточек. Он возникает на острых концах высоких предметов – башен, мачт, горных вершин и других объектов при большой напряженности электрического поля в атмосфере, часто во время шторма. Во время опасности эти огни сулили морякам разных стран надежду на спасение. В поэме о плаваниях Васко да Гамы это свечение названо огнями покровителя португальских моряков – святого Эльма. Все люди в ваше время верили в своих святых. Поэма «Лузиады» открывается сценой, где Юпитер на Олимпе просит греческих богов оказывать содействие мореплавателям. По мнению автора поэмы, португальцам покровительствовала Венера, а противодействовал Вакх. Признаюсь, мы считаем подобные рассказы мифами, хотя, пожалуй, при этом создаем свои. Но всё же в наши дни миф и научные знания не сливаются столь органично, как в ваше время.

Господин Ло: Но разве не очевидно, что я не пытался умалить смелость и отвагу, величие разума человека, дерзнувшего вступить в малоизвестную ранее и внушающую страх морскую стихию, бросить ей вызов и выйти победителем?! Помощь богов вовсе не отрицает личные заслуги человека.

Госпожа Бо: Нам в наше время кажется, что линия, которую мы считаем мифологической, несколько отягощает повествование, однако признаю, что она же оживляет и украшает его документальную часть. Хочу коснуться еще одного вопроса. Всем знакомым с историей развития китайской литературы известно, что ваш роман, наряду с «Путешествием на Запад» У Чэнъэня, был первым произведением крупной формы, сюжет которого посвящен странствиям – сегодня этот жанр называют «романом дороги», или травелогией.

Господин Ло: Здесь желательно подчеркнуть, что, в отличие от моего современника У Чэнъэня, который повел своих героев по маршруту, соответствующему традиционным буддийским представлениям о географии Земли, я пошел путями, не изведенными в жанре эпоса. Так, я изучил карту путешествий и впервые попытался выстроить композицию вокруг реального маршрута экспедиций. Мне даже удалось уточнить расположение Простора мягкой воды и участка магнитного хребта, известных под другими названиями по более ранним географическим трудам.

Госпожа Бо: Жанр путешествий является древнейшим в литературе разных стран.

Господин Ло: Тогда вам должны быть понятны мои трудности как первопроходца в выстраивании сквозного сюжета в «романе дороги». Не отрицаю, что я объединил семь экспедиций в одну, и поход в романе длится восемь лет – по вашему летоисчислению с 1409 по 1416 год. Однако я постарался отправить моих героев почти во все основные

страны, посещенные флотилией, и отразить все наиболее драматические события, которые происходили с участниками похода.

Госпожа Бо: Мне ваш роман также представляется во многом новаторским для своего времени. Не сравнивая созданный в конце XVI века «Сказ» с высокими образцами произведений современной ему эпохи Позднего Возрождения в Европе, хочу отметить появление в романе образа рядового морехода – сметливого и хитроватого воина, чьи похождения отдаленно напоминают поведение героев европейского плутовского романа.

Господин Ло: В мое время среди быстро растущего городского населения, к счастью, появился грамотный читатель – мелкие чиновники и даже ремесленники и торговый люд. При династии Мин на уровне начального образования активизировались негосударственные школы. Ко времени плаваний в высшее учебное заведение для знати – *гоцзыцзянь* – могли уже поступать дети чиновников независимо от ранга, а также выходцы из торгово-ремесленных слоев и земледельцев, купившие это право. По тематике мой роман – исторический, по сфере бытования – народный. Соответственно он несет в себе элемент народного отношения к историческим событиям и лицам и их оценку, порой отличную от официальной. В то же время не скрою, что одним из моих тайных желаний было изменить пренебрежительное отношение властей к роману-эпопее как низкому жанру, повысить его статус и ввести в сферу высокой литературы, ранее для него запретную.

Госпожа Бо: Возможно, поэтому, спустя более трех столетий после его создания, некоторые китайские литераторы бросали в адрес романа упрек в неровностях стиля, смешении живого языка с архаическим.

Господин Ло: Подобный факт я не отрицаю, но его восприятие зависит от позиции читателя. Стилистика использования исторических документов в «Сказе» иная, чем в ранних эпопеях эпохи Мин. Это уже не их вольный пересказ, рассчитанный больше на слушателя, чем на читателя, хотя я и сохранил традиционную сказовую отсылку к слушателю в конце каждой главы. Сочетание разных языковых пластов, а именно литературного языка официальных документов с обогащенной жаргонизмами и диалектизмами разговорной речью, как и смешение стилей – трагического с площадным фарсом – я почитаю за достоинство моего произведения.

Госпожа Бо: Действительно, в наше время многие литературные критики признали смешение жанров наиболее яркой характеристикой повествований о путешествиях. Однако не скрою от вас еще одно обвинение литераторов Нового времени в ваш адрес – будто бы вы заимствовали сюжеты и образы героев из произведений предшествующих эпох или популярных в ваше время.

Господин Ло: Не понимаю, что в этом зазорного. В мое время сочинители всех жанров – не только в прозе, но и в поэзии – свободно черпали из общей кладовой предшествующей литературы. Другое

дело, как мы пользовались этими сокровищами. Пару забавных новелл я включил в роман в неизменном виде, но даже их я подстраивал под ход повествования. Что с того, что в романе У Чэнъэня «Путешествие на Запад» встречается сюжет о Царстве женщин? Автор тоже не сам его выдумал. Упоминание о подобной стране можно найти в наших древних книгах.

Госпожа Бо: А в энциклопедии французского монаха Готье из Меца «Картина мира», созданной более чем за триста лет до появления вашего романа, тоже есть подобные рассказы о «чудесах мира» – об острове, где живут только существа мужского пола, и о реке Шабаш, которая перестает течь по субботам^[25].

Господин Ло: Страну, где правят женщины, в своих заметках о пути в Индию упоминал монах Сюаньцзан, и эти сведения впоследствии вошли в династийную историю эпохи Тан. В моем романе данный сюжет вносит комический элемент в повествование о приключениях флотоводцев-евнухов. А возьмем древние апокрифы о хождениях в ад – сколько их было и до эпохи Мин, и раньше! Мне они понадобились не только для того, чтобы развлечь читателя. Вы можете со мной не согласиться, но я свято верую в то, что, согласно буддийским законам о карме, убиенные местные воины сами навлекли на себя кару несправедливыми деяниями, совершенными в прошлой жизни. Иными словами, в мое время безадресное заимствование из классической литературы, включая поэзию, считалось не плагиатом, а скорее показателем эрудиции автора и данью традиции.

Госпожа Бо: То же происходило и в Европе. Почти на век позже публикации вашего романа французский драматург Мольер положил в основу своей комедии 1670 года «Проделки Скапена» сюжет древнеримского комедиографа Теренция, да еще и почти дословно заимствовал две сцены из пьесы своего современника Сирано де Бержерака. А на упреки отвечал так: «Я беру свое добро всюду, где его нахожу». Шекспир же по поводу целиком заимствованной сцены в одной из своих пьес заметил: «Это девка, которую я нашел в грязи и ввел в высший свет». С этих позиций особо значимо упомянутое вами переосмысление сюжетов применительно к новому тексту. Слушая вас, я вспомнила, что и в Европе известные истории романа «Метаморфозы», созданного, по вашему счету времени, в конце династии Восточная Хань, а по нашему – во II веке, впоследствии переосмыслились авторами. В сборнике новелл «Декамерон», написанном в независимой республике Флоренция как раз в канун утверждения династии Мин, или в романе «Дон Кихот», изданном лишь десятилетием позже вашего произведения, то, что в древности «объяснялось гневом богов, могло объясняться жаждой наживы»^[26]. Посему лично я снимаю с вас обвинения в заимствовании чужих сюжетов.

Напоследок хотелось с грустью сообщить вам, что ваше произведение долго замалчивалось и не сразу вышло к широкому читателю.

Господин Ло: Меня не удивляет, что на судьбе романа отразилась политическая борьба между противниками самоизоляции Китая и ее сторонниками. Даже во времена императора Чжу Ди, инициатора морских походов, экспедиции подвергались суровой критике со стороны многих представителей конфуцианской элиты Китая, считавших их ненужными и дорогостоящими затеями. После смерти Чжэн Хэ и восшествия на престол нового императора подобные изоляционистские взгляды возобладали. Не только морские экспедиции были прекращены, но и большинство технической информации о флоте Чжэн Хэ было уничтожено или утрачено. Подобная ситуация сохранялась и в мое время. Я писал свой роман в том числе и как протест против подобных взглядов.

Госпожа Бо: Официальная «История Мин», скомпилированная в эпоху, последовавшую за выходом романа в свет, содержала критические заметки о плаваниях. А какими вам видятся их результаты?

Господин Ло: Я придерживаюсь оценки, изложенной самими участниками экспедиции на Чанлэской стеле: «Страны за горизонтом от края и до края земли стали доступны, и в их числе самые западные и самые северные, как бы далеки они ни были. Все дороги к ним пройдены, и все пути сочтены. [...] В результате на морских трассах установилось спокойствие, народы разных заморских стран находятся под нашей защитой». Экспедиции способствовали совершенствованию техники кораблестроения и мореплавания, принесли в Китай новые сведения о народах, населявших берега Западного океана, были созданы заморские базы, столь необходимые для развития торговли. Одновременно благодаря росту китайских поселенческих колоний в этом регионе усилилась тенденция, направленная на знакомство с традициями и культурой Китая.

Госпожа Бо: Вам не известно, что династия Мин в Китае сменилась длительным периодом правления еще одной (после монголов) иноземной династии – маньчжурской. Неудивительно, что ваш роман, прославляющий мощь завоеванной ими страны в период ее величия, замалчивался. Только в канун крушения маньчжурской династии – по нашему летоисчислению это вторая половина XIX века – ваш роман стал переиздаваться. Именно тогда его, на мой взгляд, по достоинству, оценил крупный знаток и ценитель китайской демократической ветви литературы Юй Юэ. Он писал, что роман превосходит «Путешествие на Запад» вольностью манеры изложения, и высказывал удивление, почему он менее популярен: «Еще и еще раз перечитываю этот роман и вздыхаю в восхищении, отмечая его достоинства... Теперь, по

прошествии веков, он тем более заслуживает изучения. Небрежно перелистав, не отбросишь»^[27].

И действительно, китайские, а вслед за ними и зарубежные ученые-литературоведы стали изучать «Сказ». Сначала они делали это порознь, а более десяти лет назад начал осуществляться крупный совместный германо-китайский проект, и в Китае прошла первая международная конференция по «Сказу», в которой я приняла участие. Горжусь тем, что на иностранном языке роман впервые публикуется в России совместным российско-китайским издательством.

Господин Ло: Выражаю благодарность за сообщенные вами радостные известия. Надеюсь, что мое произведение найдет читателя и в вашей стране.

Пролог^[28], кой глаголет о Сотворении мира, нисхождении Светозарного Будды и благоволении Государя Всея империи Мин

Весна преобразает лик природы,
Цветов разлит повсюду аромат.
Роскошные несутся экипажи —
Дурманит этот нежный вешний ветер.
С пьянящей влагой леж до заката,
Так и провел я весь свой долгий век.
Виски мои давно седыми стали,
Но не забыть мне плаванья Саньбао.

О! Допрежь всего из вселенского хаоса вознеслось и открылось Небо^[29], и вот по нему мчатся золотой барашек и нефритовый конь, тигр златой за нефритовым^[30], извиваются золотая змея и священный дракон, сверкает солнце – золотой ворон, сизыми псами несутся тучи. А за ними вослед – хищный безрогий дракон и еще один, свившийся с зайцем в символ супружеского счастья. Рассиялись солнце, луна и пять планет, пронеслись длинноногий бог с телом человека и мифический феникс. И вот тогда всё наполнили сырость и влага, пали обильные росы, загремели громовые раскаты и пришли лютые морозы.

Средь бесчисленных светил воссели два древних божества^[31], наполненные силою солнца и чистой энергией луны, идущие по небу и

свершающие 365 оборотов – по одному в сутки. Поелику сказано: солнце на юге дарит тепло, луна в зените светит ослепительно ярко.

В последующий период сгустком сформировалась Земля, в ней разграничились хлябь и твердь. Появились три алтаря^[32], три местопребывания государя и три сферы^[33]; четыре стороны света и четыре далеких окраины; пять знаков для записи музыки^[34], пять видов одежды^[35] и еще многое другое. Буйно разрослись сказочные деревья джамбу^[36] несказанной высоты, взвились ввысь горы и потекли воды.

В третий цикл расплодилась тьма существ, в том числе и люди. Живородные и яйцеродные, рожденные из плоти или эфира, от духа или черта, из сырости^[37] и даже от летающих – за десятки тысяч калп^[38] они заполнили всё окрест. А засим разошлись на конфуцианцев, буддистов и даосов, врачей и геомантов, гадателей, живописцев и физиогномистов, музыкантов и шахматистов.

Когда сложились три религии – конфуцианство, даосизм и буддизм, меж их патриархов один лишь Будда Сакьямуни пребывал в нирване на дивных склонах Линшань на Западном небе – в райских куцах Сукхавати^[39].

Там, в храме Громогласия Будды^[40], он восседал под украшенным хоругвями драгоценным балдахином в окружении трех тысяч будд трех миров^[41], пяти сотен архатов, восьми стражей Небесных врат и великого множества бодхисаттв. Взгляните, сколь Государь-Будда безмятежен и радостен: поистине, он сеет причины и получает следствия^[42].

В день ежегодного поминовения усопших – пятнадцатого числа седьмого лунного месяца по установившемуся издревле порядку – накрыли столы, расставили вазы со всевозможными цветами и редкостными фруктами.

Сказывают, что Сакьямуни спросил, где в сей миг пребывает быстроногий божественный посыльный в воинском чине – тот, что ежегодно проверяет, что творится на всех четырех материках^[43] и докладывает собранию бессмертных; все добрые и злые дела заносятся в особую книгу и представляются на рассмотрение во дворец Нефритового императора. И вот появился гонец – высокий, широкоплечий, темнолицый, с выпирающими зубами. В руках он держал топорик, коим луну починяют^[44], а ногами быстро-быстро крутил солнечное колесо – только-только приостановится у небесного рая или подземного царства, а через мгновенье он уже в самом дальнем уголке земли на краю света. Отвесив поклоны, посыльный сообщил, что жители восточной Пурлавидехи, как и встарь, почтительны и вежливы, а народец северной Курудвипы по-прежнему груб и бесчувственен:

– На нашем западном материке мы воспитываем в себе жизненную энергию и накапливаем духовные силы, праведники из поколения в поколение передают ученикам рясу и патру^[45]. На южном материке Джамбудвипе распространились дарованные Буддой каноны Трипитаки, пред людьми распахнулись врата к постижению основ

буддизма, открылись школы, и наставники повели учеников по пути просветления. Однако после властвования инородцев^[46] землю сию сложно очистить от зловония и пагубной энергии *ци*.

И внял сим речам Светозарный Будда Дипанкара^[47] – тот, что в записях Сакьямуни о подлежащих вознаграждению деяниях подвижников значится отцом-наставником. Словно встревоженная птица, он встал-встрепенулся и изрек:

– Ежели на исконные земли Китая обрушились подобные напасти, я лично сойду с небес, дабы освободить народы мириад миров.

Будда кликнул своих верных учеников – бодхисаттв Махасаттву и Цзямоа^[48], втроем вскочили они на золотой луч и, подгоняемые ветром, помчались сквозь бесконечное воздушное пространство, неторопливо разгоняя облака и осторожно касаясь туч, тихонько погромыхивавших в ответ. В полете они обсуждали, в каком виде Светозарному стоит явиться в мир, и приняли решение использовать не его истинное нетленное тело святого, а физическую оболочку – *нирманакая*^[49]. А еще, дабы принять обличье человека, Будде следовало выбрать праведных родителей и праведное место рождения. Светозарный вспомнил, что в далеких странах Южного моря^[50] обитает его старинный друг – бодхисаттва Гуаньинь (**Ил. 11**)^[51], с коим они встречались на сходах на горе Линшань, и тот наверняка поможет ему в нелегком выборе. В сей же миг наставник вместе с двумя бодхисаттвами опустились на гору.

Гора сия расположена посреди безбрежных морских просторов, к востоку от нее видны государства Корё и Силла^[52], Япония и острова Рюкю, а на западе – дивное зрелище обеих столиц Нанкина и Пекина и всех тринадцати провинций Китая. В древности гора носила название Мэйцунь, а основатель династии Мин переименовал ее в Путошань, иначе говоря, Поталака^[53].

Святого Гуаньинь они нашли прогуливающимся в густой тени бамбука. Достаточно взглянуть на его облик, и становится ясно, что это воистину тот, кто спасает от горя и избавляет от бед, являя собой воплощение великой доброты и великой скорби. Не зря на всех его изображениях по одну сторону стоит подросток, а по другую – девочка, безостановочно шепчущая молитвы^[54].

В роще беззаботно летали ожереловые попугаи, ветер гнул стебли бамбука, а в голубой воде плескались юркие рыбешки. Встретившись, хозяин и гость не торопясь добрели до пика Гиджхакута, где и уселись на площадке в позе лотоса, читая сутры и обсуждая пути к вратам знаний и совершенствования. И только по прошествии – семижды семь – сорока девяти дней Светозарный окончил чтение сутр и спросил Гуаньинь, где сыскать добрую землю и добродетельных супругов, дабы, родившись у них в облике человека, растолковать людям буддийские заповеди. Гуаньинь почтительно сообщил, что на материке Джамбудвипа стоит дивный град Ханчжоу, о коем с древности глаголят: «На небе рай, на земле Сучжоу и Ханчжоу». Это и есть добрая

земля. Там слева от западных городских ворот стоит дом советника Цзиня. В незапамятной давности он и его нынешняя супруга были Золотым отроком и Нефритовой служанкой в свите небесного Нефритового императора и в совершенстве постигли буддийское учение. Узнав, куда держать путь, Светозарный стал прощаться.

В сей миг пред ним нежданно бухнулись на колени драконы четырех морей, подслушавшие их философский диспут. Уразумев безграничную добродетель Светозарного, они возжелали выразить свою признательность и получить благословение, поднеся ценные дары. Будда отказался:

– Ежели не вырвать корни алчных вожеланий, разрастется древо страданий. Ни к чему подношения.

Драконы молили:

– Скромно уповаем, что господин примет дары. Безграничные добродетели рождают безграничную радость.

Будда взглянул – пред ним на коленях распростерся синемордый дракон в одеяниях цвета индиго, с ниткой светящихся жемчужин в лапах. Он назвался царем драконов Восточного моря^[55] и сообщил, что держит ожерелье Восточного колодца^[56], составленное из жемчужин, хранящихся у драконов его владений:

– Стоило одному из моих подданных заснуть, как жемчужина соскальзывала у него с загривка, а я ее подбирал. Так денно и ночью собирал по жемчужине – ровно тридцать три, по числу поколений буддийских патриархов.

– И какой прок от жемчужин? – спросил Светозарный.

Дракон пояснил:

– Морская вода на поверхности соленая, а в глубинах – пресная, пригодная для питья. Жемчужина годами остается на загривке дракона, притягивая пресное и отталкивая соленое. На свету видно, как в ней плещутся волны, а исходящее от нее сияние в темноте освещает всё округ. Коли бросить жемчужину в море, верхний слой тотчас расступится, и, черпая из глубин пресную воду, можно готовить еду и заваривать чай. Всякой вещи свое место!

Будда решил, что подобное сокровище может в миру пригодиться, и приказал доставить ожерелье на Джамбудвипу. Дракон поклонился, почтительно сложив лапы, и дивное ожерелье, озарив всё окрест ослепительным сиянием, исчезло.

Засим опустил на колени красномордый дракон в алом одеянии, в лапах он держал неочищенный кокосовый орех. Это оказался царь драконов Южного моря. Он произнес:

– Кокос сей вырос в блаженной стране на Западном небе. По форме он круглый и напоминает нимб над головой буддийского святого.

На вопрос Светозарного, каков прок от этого дара, дракон поведал, что в океане существует обширный участок, называемый Простор мягкой воды^[57].

– Из чудодейственного ореха следует выпилить черпак, и воды он зачерпнет раз в десять поболее, чем во всех пяти озерах и четырех морях. Стоит любым судам войти в тот Простор и сим ковшом вычерпать верхний слой, как из глубин поднимется плотная вода, и колеса кораблей начнут легко вращаться.

Будда решил, что черпак тоже сгодится, и приказал отправить кокос на Джамбудвипу.

Тут пал на колени царь драконов Западного моря^[58] – белолицый и в белом одеянии; в его лапах сверкало нечто лазоревое и гладкое, словно стеклянный шар. Он объяснил, что это лазурит^[59] – яйцо птицы Гаруда^[60] с вершины горы Сумеру. Цветом оно зеленовато-голубое, словно зрачок монаха-иноземца, а по свойствам – необыкновенно твердое, как устои даосизма, ничем не разбить:

– Я позаимствовал лазурит у праотцев и сохранил до сего дня. Сия драгоценность приносит в дом мир и спокойствие, кто ею обладает – не ведает нужды ни в пище, ни в одежде.

Отвечая на вопрос Будды, какой от шара прок, дракон пояснил:

– В моем океане на пятьсот *ли* тянется Магнитный хребет^[61]. Шар следует подвесить к носу корабля: тотчас все магнитные породы расплавятся без остатка, и барки милосердия^[62] спокойно достигнут иного берега – нирваны.

Будда одобрительно кивнул, решив, что и эта вещица может понадобиться.

В этот момент повалился на колени черномордый дракон в черном одеянии и с черным аки туча «башмаком созерцания» в лапах. Он назвался повелителем драконов Северного моря^[63] и поведал, что башмак достался ему от основателя чань-буддизма – Бодхидхармы Дамо^[64]:

– Праотец прибыл в Китай водным путем, миновал Восточную Индию, Пенанг и Шривиджайю^[65] и вошел в мои морские владения. Вдруг поднялся страшный ураган, сотрясший небесный свод и земную ось. Барка, на коей плыл Дамо, затонула. Подплыв ближе, я увидел, что святейший преспокойно восседает на поверхности вод, словно на суше, пребывая в состоянии созерцания. На ноге у него был соломенный башмак. Я переправил праотца в восточные земли и попросил оставить мне башмак, дабы с его помощью усмирять моря-океаны. Как только в море грянет буря, бросьте башмак в воду – ветер тотчас стихнет, волны улягутся.

Будда велел доставить на Джамбудвипу и башмак.

На сей раз Светозарный решительно собрался в путь. Вдруг глядит – к нему толпами ползет морской народец с воплями: «Отец наш, повремените!» Все твари возопили, что желают получить наставления от почтеннейшего, дабы стать благоговейными почитателями буддийской веры. Ради этого чем только они ни готовы были пожертвовать: аллигатор-кайман – идущей на барабаны кожей,

большая черепаха – панцирем для гаданий, громадные карпы – переливающейся при движении парчовой чешуей, диковинные крокодилы – бесценными ячейками на коже, морская черепаха бисса – удивительным панцирем, мангровые крабы – клешнями, жемчужные устрицы^[66] – перламутровым свечением, моллюск тридакна – толстенной, как деревянный ковш, раковиной^[67], водяная змея – красным венчиком на голове и фиолетовым, как ряса высших бонз, телом, а иглобрюхая рыба-собака – раздувающимися отростками, похожими на груди Сиши^[68].

Государь-Будда заинтересовался, ради какого воздаяния они готовы на столь ценные подношения. Морские твари почтительно отвечали, что желают стать благоговейными почитателями вероучения. Светозарный запротестовал: «К чему эти жертвы?» И тут все эти твари возопили, что ежели Будда не примет их дары, они навечно останутся в море скорби, их души в потустороннем мире не очистятся от грехов и не смогут перебраться на барку милосердия.

– Ладно, ладно, – согласился Светозарный. – Появление всех живых существ обусловлено совокупностью множества причин, эти существа не имеют неизменной самости: ничто нельзя отбросить, ибо ничто невозможно приобрести в свою собственность^[69].

Светозарный дал им наставление и только собрался снова в путь, как появились пернатые и разные звери. Те тоже молили Будду помочь им выбраться из моря скорби. Будда наставительно произнес:

– Без совершенствования собственной природы невозможно удостовериться, на каком этапе пути к истинному прозрению ты находишься. Не всем существам дано спасти душу, сбросить бремя суетного мира и достичь пробуждения – *бодхи*.

Светозарный прочитал гату, после чего пернатые и звери благодарно завопили, заползали, залаяли, запели – и исчезли.

Сказывают, что Государь-Будда, простившись с горой Путошань и бодхисаттвами, сел на облако-повозку, один вздох – и он перелетел через огибающую город реку Цяньтан и оказался в Ханчжоу. Будда вмиг добрался до жилища советника Цзинь, что стояло за обращенными к озеру Сиху (**Ил. 10**) вратами Юнцзинь.

Безыскусное жилище выглядело достаточно просторным – сразу видно, что люди тут живут не бедные: лучшего места на земле и придумать нельзя, да и расположено оно близь озера. Позади виднелась гора Феникс, очертаниями напоминающая парящую птицу. Слева возвышался южный пик, справа – северный, они склонились друг к другу, как двое почтенных мужей в учтивом поклоне. Озеро Сиху, величие гор и рек – с далекой эпохи Тан и поныне изысканные пейзажи юго-восточного Китая остаются местом наслаждения:

На Сиху живописно заходит весна,
Цепью гор гладь озерная окружена,
За уступом уступ – стройных сосен смарагд,

И жемчужиной в волны спустилась луна.
Всходы риса пробились ковром бирюзы,
Камышинка юбчонкой дрожит, зелена,
Силы нет из Ханчжоу уехать куда-то,
И чарующих вод в том отчасти вина^[70].

Или вот еще:

Дух Изначальности сполна мастеровит,
Сработал озеро с картинностью экрана,
Лазури гладь, что Будды зрак слепит,
Чернеют горы, как власы брахмана^[71].
В зеленой ряске рыбки шустрые снуют,
Скрывает иволгу густой коричный дух.
Щебечут птицы, а свирели так поют,
Что шелеста дождя не принимает слух^[72].

Долго бродил Светозарный по прекрасному Ханчжоу и его окрестностям, внимательнейшим образом осматривая каждый уголок, но ничто не вызывало у него подлинного удовлетворения. Тогда он решительно повернул к дому Цзиня. И тут он увидел величественный древний буддийский храм – всего в сотне шагов от жилища, перед ним ворота – узкие и низкие, а сразу за ними – зал Небесного владыки^[73], по обе стороны коего возвышались исполинские фигуры, символизирующие пожелания благоприятной погоды для хорошего урожая. Перед храмом высился изящный, как лотос, взгорок с древней, неизвестно с какого времени уцелевшей пагодой на вершине. И этот храм, и этот взгорок взметнулись, словно два крыла, будто мать, охраняющая сына, а с небес фиолетовой дымкой их окутывал свет зари. Государь-Будда направился к храму и вошел прямо в зал Великой силы, глянул – там шла вечерняя трапеза. Оказалось, это и был храм Чистоты и милосердия^[74]. А при таком названии всяк смекнет, что строение то не один век насчитывает.

С возвышающимся у храма Пиком грома связана древняя легенда. Случилось когда-то так, что лепесток Лotosового трона Будды из храма Громогласия Будды слетел на земли Китая, его занесло на дамбу, и он задержался среди красот озера Сиху. Как вдруг трижды прокричал золотой фазан^[75], и небо потемнело. Листок не смог взлететь обратно и застыл, постепенно превратившись в сей пик. Светозарный, сам сошедший с Западного неба, умилился, взглянув на храм, с тем небом связанный. Как говорится, родная деревня всегда красивей других, а односельчане – дороже всех. Почтеннейший возрадовался и произнес:

– «Истинный путь возле нас, а мы ищем его в далеком»^[76]. И верно, он здесь, здесь!

А в это время в Ханчжоу супруга господина Цзиня однажды вечером загляделась на отражение мириад звезд в стоявшем во двореке тазу с

водой. Завороженная сим зрелищем, женщина изловчилась и поймала одну – как говорится, схватила в воде отражение луны. Она до того обрадовалась, что поднесла руку ко рту и нежданно вместе с водой проглотила светило. А это и был Светозарный Будда, с помощью высшей магии обернувшийся падающей звездой. Вскоре госпожа Цзинь зачала и в свой час родила необыкновенное дитя.

Сказывают, что после сего события дух почтенных родителей дитяти вознесся в небесные сферы, их брэнная оболочка, согласно буддийскому учению, исчезла, и в открытых для вящей убедительности гробах не оказалось их тел. Младенца, с самого рождения удивительно крупного и упитанного, словно Будда Майтрейя^[77], принял на попечение настоятель того самого буддийского храма Чистоты и милосердия, что стоял у озера.

В ребенке обнаружилось много необычного и странного. Он не ел скоромного. Да это бы ладно, а вот что чудно: его хоть три, хоть пять раз в день корми – вмиг всё слопает, сколько чашек ни наливай – всё выпьет, а вроде и не насыщается. Зато ежели ему несколько дней не давать пищи, он и не попросит и голодным не выглядит. Или вот еще: глаза вроде обычные, а он их не открывает; рот и язык на месте, а не разговаривает; руки и пальцы как у людей, а он ими не двигает; обе ноги на месте, а не ходит. Такая, видно, у него планида – сиднем сидеть. То на несколько месяцев замрет супротив кирпичной стены в зале созерцания, а то полгода неподвижно сидит в монашеской келье, уставившись на деревянную перегородку. А время летело стремительно, словно вспышка молнии, и вот уже трижды три – девять лет минуло.

Однажды в храм забрел буддийский монах и завел ученую беседу с настоятелем. Мальчик вдруг вострепнулся, подошел и принял участие в беседе, проявив недюжинные познания в буддийском учении. Потрясенный сим чудом, настоятель предложил принести календарь и выбрать счастливый день для пострижения юнца в монахи.

Стоял шестой день четвертого месяца по лунному календарю, и порешили назначить церемонию на восьмой день, ибо на него приходился день рождения Будды. Сей день сулил удачу для множества событий – вступления в брак, посещения родных и друзей, представления докладов императору, пересчета молодого населения (новорожденных, усыновленных, взятых под опеку и прочее), обрядов омовения, пострижения в монахи, вхождения в служивое сословие, закладывания первого столба для строительства, заключения соглашений и торговых сделок. Быстро пролетели два дня, и вот настало восьмое число. Настоятель монастыря проснулся на рассвете, велел согреть воду, наточить бритву, самолично возжег благовония, прочел молитвы и затем собственноручно сбрил шелковистые волосы с головы ученика – и юный послушник стал точно как Будда Амитабха.

Взгляните-ка на него – то погружен в каноны, то распевает сутры, красноречив и разговорчив, обо всём судит да рядит. Немало жителей Ханчжоу, соблюдавших буддийские посты и читавших сутры, стали собираться вокруг этого монаха, словно рой пчел или косяк рыб, а то сказать – как стая гусей. Ханчжоу превратился в центр изучения канонов и постижения буддизма. Сказывают, что вершилось сие чуть севернее озера Сиху, близ Летящей скалы у подножья горы Линъинь, где утился древний храм с тем же названием.

Озеро бросало на скалу ответ – лазоревый, как глаза буддистов из западных земель, и проходившие в храме встречи получили известность как сходы у горы Лазоревый пик – Бифэн. Храм стал центром совершения обрядов *пуджа* – поклонения и служения божеству. А когда молодому наставнику пришла пора взять монашеское имя, его так и нарекли – Бифэн. Вместе с родительской фамилией Цзинь он стал именоваться Цзинь Бифэн^[78]. В холод и зной, с раннего утра до поздней ночи монах читал сутры и проповеди.

К тому времени ему было где-то за двадцать, он был бритоголов, но, в отличие от своих собратьев, не желал сбривать растущую от висков бороду. И все, начиная от Будды Вайшраваны и иных будд, достигших высшей стадии просветления, до взявших обеты братьев-мирян и сестер-мирянок, от монахов, заговаривающих мантрами зло, до жертвователей-благодетелей и монахов, занимающих официальные посты в монастырях, – все единодушно выражали по этому поводу крайнее удивление. Сим вопросом задавались высокие чины столичных, окружных и провинциальных духовных ведомств, об этом судачили монастырские служки – от ответственных за чайную церемонию до кладовщиков и чистильщиков овощей, поваров и даже уборщиков отхожих мест. Однако Бифэн оставался непреклонен, и вскоре стало ясно, что он постригся в монахи, дабы избежать искушений, но, как говаривали в старину, сохранил бороду, желая выглядеть доблестным мужем.

Происходили сии события как раз в ту пору, когда под девизом «Вечная радость» на трон взошел император Чжу Ди (**Ил. 1**)^[79]. Государь пригласил на службу людей достойных, заботился о народе, как о родных детях, все силы и разум положил на дело благоденствия страны, трудился, не жалея сил и времени. Ежедневно с третьим рассветным криком петуха на ступенях дворца уже толпились придворные, сановники и военачальники.

Император восседал в своем прекрасном небесном дворце. Трижды просвистел кнут^[80], и по обе стороны трона выстроились гражданские и военные чины. Ошую стояли члены Дворцового кабинета, представленные советниками Хранилища старинных книг и документов, Восточного терема, а также четырех палат: «Полярной звезды», к коей относились советники наследного принца, «Вступления на престол» с находившимся там императорским тронem,

«Просвещения», где наследника готовили к императорским экзаменам, а также палаты «Доблести и геройства», к коей был приписан глава высшей местной военной администрации. В сей группе придворных толпились сановники в должности наставников-воспитателей и опекунов наследника, чиновники внутридворцовых служб^[81] императрицы и принца, а также ученые из Академии Ханьлинь^[82] в разных должностях – библиотекари, толкователи конфуцианских канонов, придворные чтецы и прочие. Присутствовали на аудиенции и главы всех шести министерств-ведомств – чинов, ритуалов, общественных работ, сбора податей, наказаний и военного, кои явились в сопровождении чиновников управлений, входивших в состав министерств. Присутствовали и девять высших придворных чинов – главы Цензората по надзору за деятельностью местных властей, Канцелярии по приему жалоб и прошений трону и Палаты по уголовным делам. За ними толпились девять придворных чинов малых ведомств – главы Приказов Жертвоприношений, Пиршеств, Императорских конюших и Придворного этикета, Центрального ведомства второй столицы – Нанкина, а еще начальники Императорского училища^[83], Курьерского департамента, Инспектората по астрономии и календарю и Медицинской академии. А еще были там «ревизоры по высочайшему повелению» всех тринадцати провинций страны, главы шести отделений высшего Цензората, контролировавших работу министерств. Присутствовали и важные чины двух крупных уездов близ Нанкина. Все выглядели торжественно и были преисполнены радостного возбуждения.

Одесную от трона выстроились князья и вельможи, высшая знать с титулами *гун, сима, хоу, бо*^[84], а также командующие Пятью армейскими управлениями^[85], Управлением военными делами столицы^[86] и императорской гвардией «Алые шлемы». И тут же командиры разных рангов, тысяцкие и сотники – все как на подбор грозные и воинственные.

Сановники Приказа придворного этикета доложили о прибытии посланцев из ближних и дальних краев с многочисленными дарами. Они желали поздравить великого императора с наступлением эпохи мира и порядка. Первыми чудесные дары вручили посланцы разных уголков Поднебесной.

Меж тем к воротам Умэнь приблизились несколько человек весьма странного вида явно не из стран, впитавших культуру Срединной империи, скорее они были похожи на погребальные фигурки^[87]. На головах – белые тюрбаны, полы одежды не по-китайски запахнуты на левую сторону, на ногах сапоги из шкуры яка, разговаривают на каком-то непонятном языке. Церемониймейстер доложил о прибытии иноземных гостей с данническими подношениями.

Это оказались посланцы империи Тимуридов – Кашгара^[88] и его столицы Самарканда, Татарского ханства^[89], а также островов Рюкю.

Император остался вельми доволен дарами, отдал распоряжение всем четверем гостиним дворам радушно принять заморских гостей, пожаловать им награды согласно рангу, а Пиршественному приказу устроить роскошный пир. По окончании аудиенции гости поблагодарили за оказанные милости, а глашатай возгласил:

– Гражданским и военным выстроиться в два ряда. Тем, у кого есть дело, выйти вперед для аудиенции, у кого такового нет, покинуть дворец.

Настала очередь церемониймейстера:

– Прошу встать с колен, расходитесь.

Все присутствовавшие прокричали здравицу императору и покинули зал. Поглядите: остался лишь один почтенный старец, на голове – шапка парадная, сам в парадном одеянии, подвязанном красивым поясом, на ногах парадные башмаки, в руках дщица из слоновой кости^[90].

Прокричав здравицу, опустился на колени пред алыми ступенями трона. Император спросил, кто таков. Тот поведал, что спустился с горы Дракона и тигра – Лунхушань, наречен «Великолепным Великим праведником Чжаном секты Истинного единства^[91], тождественно наследующим недеяние как главное стремление основателей даосского учения».

Император догадался, что перед ним – Небесный наставник Чжан Даолин, и спросил, во имя чего великий праведник распластался у ступеней трона. Почтеннейший отвечал:

– Вассалы обманывают вашу милость – догадаться нелегко, ибо земля необъятна и небо высоко. Дело мое столь значимо, что не смею скрыть от Высочайшего.

– Говори, не бойся, – поощрил император.

И монах заявил:

– Иноземцы поднесли вам немало даров, но все они ничего не стоят.

– А что же стоит?

– Есть кое-что.

– Я – Сын Неба и Земли. Весь народ Поднебесной – мои дети, все богатства Поднебесной – мои богатства, все ее сокровища – мои сокровища. О какой такой важной и жизненно необходимой вещи ты толкуешь?

– Она находится не где-то в Поднебесной, а в самом дворце.

– Где же ее искать, как не в моих складах-сокровищницах? Только слева от Западных ворот Запретного города их девять^[92]. Там хранятся: запасы соли; золота, серебра, драгоценных камней, перьев и шерсти животных; серы и селитры; тканей и красителей; воинских жилетов^[93], обуви и одежды; полотняных и шелковых тканей; меди, железа и красного сандала; доспехов и оружия; монет и ценностей, а еще отдельный склад для хранения шелка, тюля и парчи. Да еще во внутреннем павильоне есть хранилище драгоценностей, полное

жемчуга, кораллов, агата, янтаря, тридакны, камня «кошачий глаз», черепаховых панцирей, изумрудов – всего и не перечесать. Какое же из моих сокровищ Небесный наставник имеет в виду?

На что Чжан отвечал:

– Ежели помилуете меня, грешного, – доложу, а нет – так и промолчу.

Император повелел:

– Говори!

– Сокровищ у государя хоть возами вози; поистине, громоздятся они, словно горы, да только нет такого, с помощью коего можно противостоять любым недругам.

– Никак это волшебная, светящаяся в ночи жемчужина с заливка черного дракона?

– Не о ней речь.

– Есть ли название у столь редкой вещицы?

– Сие есть потомственная императорская печать^[94].

– Упоминается ли о ней в классических канонах?

– Да, в одной старой энциклопедии.

– Мы изучили три учения и девять философских течений, канонические книги и комментарии к ним, древние философские трактаты. Как могло случиться, что нам неведомо о сокровище, с помощью которого наследуется престол?

– Знания, коими обладает Ваше Величество, не те, что у обычных людей.

– Как так? Растолкуй, послушаю.

– Ваши знания касаются великих основ, кои сформулированы так: совершенствуй личность, порядок в семье, упорядочивай государство и усмирай Поднебесную^[95]. От сих принципов и в древности, и поныне зависит спокойствие либо беспорядок, процветание или упадок Поднебесной. Неужто высочайший учится, как бедные служилые, что декламируют наизусть тексты, не понимая их смысла, и нагромождают красоты стиля, лишь бы победить в состязании?! Потому-то вы и не узрели сию драгоценность.

– Поведай мне о ней.

Небесный наставник назвал сокровище – потомственная государева печать – и изложил всю ее историю с древности:

– Наконец, печать оказалась в руках Шуньди, последнего императора монгольской династии Юань – того, что сбежал. Батюшка ваш, основатель Великой Мин, послал за ним в погоню двух полководцев из знати – Сюя и Чана^[96]. Шуньди мчался всё быстрее, а оба военачальника стремительно нагоняли его. И вот уж в закатной стороне света прямо перед Западным океаном показалась гора Хунло. У Шуньди оставалось лишь семеро всадников, и преследователи решили: «На сей раз вырвем траву с корнем». Шуньди пригорюнился: «Ну, в этот раз поджарят меня на жаровне». Да кто же знал, что Небесный

владыка распорядится по-своему?! Видят – над морем-океаном встал медный мост, и Шуньди на белом слоне с императорской печатью в руках проскочил по нему и стремительно направился во владения варваров. Военачальники рванулись было за ним, да только мост тот мгновенно исчез, и им пришлось повернуть к подножью горы. Тут с неба с грозным рыком спустился единорог^[97]. Обоим вельможам ничего не оставалось, как вернуться восвояси. Так потомственная императорская печать попала к западным варварам. Однако ежели монгол-иноземец одолел сей путь, то неужто мы, китайцы, его не пройдем! Что ежели мы немедленно перебросим войска с севера и юга, призовем командующих Пяти армейских управлений и сорока восьми военных гарнизонов^[98], соберем всех тысяцких и сотников и направим их походом против варваров в Западный океан? Неужто не сдюжим?

– Сухопутный путь далек и полон опасностей, горы круты и обрывисты, нелегко придется воинам Южной династии^[99]. Надобно разузнать дорогу у бывалых людей. Может, Небесный наставник ошибается? Вы ведь не бывали в Западном океане, откуда вам знать о трудностях пути?

– Ваш верноподданный внимательно изучил расположение небесных тел и географию тех мест. Ваше Величество задали вопрос, и я не смею скрыть правду.

– Ну что ж, поведай ее мне.

– Верноподданному нетрудно изложить – боюсь, однако, напугаю государя и удостоюсь тысячи смертей.

Император не сдержал улыбки:

– Сражаясь за нашу новую власть^[100], мы порубили столько монголов, что трупы горами громоздились, а кровь реками лилась. Даже только что вылупившихся цыплят порубили. Мы легко захватили вражеских полководцев, сохраняли спокойствие и уверенность. Поощрить противника значило разрушить и Небесные врата, и потусторонний мир. Мы справились с этим играючи, чего мне нынче бояться?

– Ежели будет ваша воля и Ваше Величество не видит в том вины верноподданного, решусь обо всем поведать.

– Вы слишком скромны! Говорите.

– Дозвольте не перечислять все округа, области, уезды, ярмарочные центры и морские причалы.

– О военных победах мы позаботимся. Вы поведайте нам об опасностях пути – заставах у основных портов, переправах и речных теснинах.

Небесный наставник повел свой рассказ:

– С тех пор как Небо целиком накрыло сущее, всё рожденное на земле располагается на четырех материках: Пурравидеха, Апарагодания, Джамбудвипа и Курудвипа. Земли и реки, коими владеет Ваше Величество, находятся на Джамбудвипе. Ежели Ваше Величество распорядится отправить войско в поход, полководцам следует идти

водным путем: выйти из полноводной Янцзы к устью канала Мэнхэ^[101], миновать японские острова Рюкю и южные окраины Китая. Затем предстоит тяжелейший путь в пятьсот *ли* вдоль Магнитного хребта. Южнее за ним – устье Красной реки, впадающей в залив Южно-Китайского моря: это еще тысяча *ли* водных преград. Преодолеют их, а впереди уже ждет река Белого дракона^[102], это еще триста *ли* нелегкого плавания. Ну а дальше пути и вовсе нет, ибо там на восемьсот *ли* раскинулся Простор мягкой воды^[103]. Как его преодолеть? Повсюду в мире – в девяти больших и восьми малых реках, в пяти озерах и четырех морях – вода плотная. По ней корабли легко пройдут при попутном ветре с парусами. А в мягкой воде гусиное перо и то вглубь погружается, мелкая ряска – и та со дна не всплывает.

Император попросил уточнить местоположение этого участка океана. Небесный наставник пояснил, что по нему проходит водораздел между южным материком Джамбудвипа и западным – Апарагодания:

– Словами не описать все имеющиеся там чудеса несказанные, не перечесть, сколько там странного и удивительного.

Небесный наставник упорно стоял на том, что хотя путь в те земли вельми тяжел, опасен и труднопреодолим, поиск наследственной печати, оставшейся у западных варваров, того стоит. Император предложил послать в те края какого-нибудь сноровистого служаку. Не успел Небесный наставник ответить, как вмешался сановный буддист Яо, коему двором был пожалован зело почетный титул:

– Кто слухи распускает, сам ложь от правды не отличает. Пусть праведник Чжан и отвечает за поиски имперской печати.

Император тут же дал согласие, а даос подумал: «Между мной и этим Яо никогда не возникало ни обид, ни вражды. С чего он ко мне придирается и строит козни? Надо придумать, как достойно ответить на подобные любезности». Доблестный Небесный наставник нахмурился и в мгновение ока составил план: «Сановник Яо – буддист. На этом деле о поисках печати я его уничтожу, покажу, что коли в городе пожар, задохнется и рыба в пруду. Будет пупок кусать^[104], да поздно». И затем откликнулся:

– Я придумал, как вернуть печать. Это не сложнее, чем, пошарив в мешке, вытащить нужную вещь.

– Говори – слушаем, – повелел император.

Чжан осторожно начал:

– Дозвольте сперва кое-что важное предложить.

Император милостиво согласился, и Небесный наставник продолжал:

– Прежде чем я займусь поисками государевой печати, надобно истребить буддийских монахов по всей стране, в буддийских скитах и храмах обеих столиц – севера и юга – и всех тринадцати провинций. Только тогда я осмелюсь изложить мой замысел – как отправиться в Западный океан и добыть наследственную печать.

Поскольку теперь император не мог думать ни о чем, кроме печати, он тут же последовал совету Чжана и издал эдикт об уничтожении буддийских монастырей Поднебесной – неважно, в дальних ли, ближних местах. Эдикт передали в Ведомство обрядов, Ведомство в свою очередь направило распоряжение в обе столицы и в тринадцать провинций. В течение семи дней со дня получения указа всем буддийским монахам предписывалось расстричься и вернуться к мирской жизни. Не выполнивших указ велено было изгнать за территорию Великой стены; не покинувших монастыри – считать нарушившими эдикт, членов их семей обезглавить, а соседей, кои не донесут^[105], отправить в ссылку в отдаленные места на военное поселение.

Издавна говорится: кто ближе к огню, обжигается первым. Получив приказ из министерства, полицейские управления пяти столичных районов без промедления занялись преследованием и уничтожением буддистов. В знаменитых горах Поднебесной насчитывалось четыреста восемьдесят буддийских храмов, в них – тьма-тьмущая буддийских монахов. Были среди них и великие мудрецы, и самые обыкновенные люди – как говорится, и змеи, и драконы.

Сказывают, буддистам ничего не оставалось, как собрать вещички, повесить тюки на коромысла, коромысла взгромоздить на плечи и со слезами на глазах покинуть монастыри. Бывало, что отцы-наставники и настоятели оплакивали послушников и учеников не только из своих, но и из прочих скитов, ибо всех постигла одна и та же участь. Некоторые отправились утолить горечь в дома вольных дев^[106], другие решили на прощанье расслабиться в женских буддийских монастырях, что до того строго воспрещалось.

Кто мог удержаться от стенаний! Монахов несчетно, роптаний немерено! И стон сей великий был услышан толкователем канонов – буддийским монахом Цзинь Бифэном из монастыря Цинлянь, что в священных горах Утай. Он как раз сидел в зале и рассуждал с учениками о сокровенном, когда его коснулся разносивший вести ветер-пассат. Мудрец подумал: «В канонах Махасангхика Виная^[107] тоже описана пора подобных страданий. Ежели я не преодолею их, буддизм вовек не воспрянет. Ради чего же тогда я сошел в сей грешный мир?» И он наказал главному смотрителю храма^[108]:

– Велите монахам охранять площадку для молений, я же направлю свои стопы в Нанкин.

Что тут началось! Начальники главного Департамента по делам буддийского духовенства^[109], руководители каждого из отделов – те, кто отвечал и за административный порядок в монастырях, и за обучение послушников, и за толкование канонов, и за соблюдение религиозных заповедей, а также главы соответствующих провинциальных, окружных и уездных департаментов, настоятели и надзиратели

монастырей, ученые-каноники, следящие за проведением диспутов, – все как один взмолились:

– О, почтенный наставник! Что с нами будет, ежели вы нас покинете?

С той же мольбой обратились к нему остальные буддисты – от монахов и монахинь высшей степени посвящения до буддистов-мирян. Наставник обещал обернуться за два-три дня. Как возможно с горы Утай за пару дней добраться до Нанкина? Однако ведомо, что Цзинь Бифэн – не обычный мирянин, на божественном луче взлетает, на нем и приземляется.

Смотрите – вот он надел круглую шапочку, нарядный халат, подвязанный золотистым шелковым шнуром, на ногах плотные носки и сандалии. Он перекинул через плечо свой чудодейственный посох с девятью звенящими кольцами, поймал божественный луч, миг – и монах в Нанкине. Оглянулся – до чего же прекрасен сей град **(Ил. 9)**, раскинувшийся меж гор, воистину – свернувшийся дракон или присевший перед прыжком тигр^[110].

Бифэн спустился с божественного луча и оказался у храма Поклонения двум святым. Смеркалось.

Старейшина вошел в храм, подошел к жертвеннику. С порывом ветра явился охраняющий город святой: одет в ярко-красный халат с золотым поясом, на голове черный тюрбан, в руках – длинная и узкая, словно кинжал, дщица из слоновой кости. Лицо напудрено-нарумянено, зубы белые, губы алые^[111]. Клацая зубами, он трижды обошел наставника справа, как того требовал буддийский ритуал^[112]. Затем представился духом Нанкина, изгоняющим из города злые силы, оберегающим и благословляющим императора, правящего по мандату Неба под девизом Хунъю^[113]:

– В Нанкине тринадцать внутренних и восемнадцать внешних городских ворот, я охраняю внешние врата. Когда эти дикие чужеземцы – Юани – вторглись в Китай, смешались Небо и Земля, нечисти всякой расплодилось превеликое множество. Однако по вступлении на престол нынешнего императора я всю ее изничтожил, а немногие оставшиеся убрались в дальние края. В городе настали мир и покой.

Бифэн решил осмотреть город, взял посох с девятью кольцами и вышел за ворота монастыря. Видит – на улицах полным-полно народу, все шумят-галдят, дома стоят тесно. Он подумал: «Раз уж прибыл на Джамбудвипу, придется спасать людские души. Таков путь Будды». Взгляните-ка: вот уже Светозарный – в одной руке посох, в другой золотая патра – идет по улицам и выкрикивает:

– Нищий монах просит подаяния на вечернюю трапезу!

Так миновал более десятка домов, но никто не проявлял милосердия и сострадания, пока он не оказался у тринадцатого по счету строения. Глянул на богатый высокий дом и подумал: «Может,

всё же найдется добрый человек и проявит дружелюбие». Постучал в ворота, громко попросил подаяние. Показался какой-то неказистый плешивый человечек, рот клювом орлиным выпирает. Завидев буддийского монаха, затараторил:

– Проходи, проходи дальше.

Бифэн не тронулся с места, и тогда человечек вцепился в его рясу и потянул к соседнему дому. Из тех дверей показался еще один нескладный неряшливый мужичок с неопрятными волосами и заорал на первого:

– С какой стати ты тащишь в мой дом этого бродягу буддиста? Он у твоих ворот остановился!

Первый был горячего нрава, схватил соседа за грудки, и вот уже они сцепились в клубок. Чуть погодя на улицу высыпали соседи. Они не только не утихомиривали драчунов, наоборот – подливали масла в огонь, выкрикивая:

– Какое еще подаяние кланчит этот монах?

И вся толпа стала толкать буддиста, да так, что он перекатывался с одного конца улицы на другой. Спросите, почему? Да вспомните, что в те времена даосы были в почете, а буддисты преследовались, и монахам строго-настрого запрещалось появляться на улицах. Светозарному ничего не оставалось, как усмехаться и повторять про себя: «Как сказано в канонах, вручаю себя Будде. Поистине не осталось на Джамбудвипе ни милосердия, ни сострадания».

Пока суд да дело, начало светать, император появился в тронном зале, где собрались военные и гражданские чины. А Бифэн в это время с трудом пробирался ко дворцу. Миновав процветающий торговый речной порт Шансиньхэ^[114], вошел он во внешние врата Цзяндун. Пройдя через внутренние городские ворота Трехгорья, по Шлюзовому мосту попал на одноименную улицу, перешел через арочный мост Хуайцин и древний мостик Дачжун, свернул на улицу Церемоний и, наконец, достиг главных внутренних ворот города – Полуденных. А навстречу ему катит экипаж с важным дворцовым евнухом-сановником, впереди на коне – охранник, воздымающий табличку с должностью и рангом вельможи.

– Прошу подаяние, – смиренно произнес монах. Охранник окинул его взглядом: голова обрита, шапка тыквой, крашенная одежда, в одной руке – патра, в другой – посох, сразу видать – буддийский монах. Служака был человек злобный, выхватил из седельного выюка терновый прут и стеганул Бифэна по ногам. Да только буддист не привык кричать от боли, он только молча упал на колени. Охранник еще больше разошелся.

Они и не заметили, как евнух сошел с экипажа и подошел узнать, что стряслось. Охранник смекнул, что дело пахнет судом, и стал оправдываться:

– Императорский указ повелевает привечать даосов и истреблять буддистов, их отлавливают по всем городам и весям, хватают без разбора любого, у кого на голове пусть даже всего две волосинки: лысые и плешивые вовсе попрятались, боятся нос за ворота высунуть. А этот монах важно себе расхаживает, да еще взывает о подаянии. Уж не знаю, на какого покровителя он рассчитывает?

Вельможа спрашивает:

– Монах, ты что, на вершине горы отсиживался или под водой хоронился? Глухой, что ли, императорского указа не слышал?

– Да я из дальних краев иду, там ни о чем таком и слыхом не слыхивали.

– У нашего столичного града внутренних ворот тринадцать, да еще восемнадцать внешних – ты через какие вошел?

Почтеннейший чуток призадумался, и его осенило:

– Уважаемый посланник государева двора, позвольте поинтересоваться, далеко ли отсюда ваши родные края?

Сановник был человеком высоконравственным – видя, сколь учтиво обращается к нему монах, вежливо ответил:

– Ученик Ваш не местный – из Хойчжоу^[115].

– Тогда вам-то следовало знать. Это только жителям столицы не ведомо, как нынче обстоят дела в областях, округах или уездах. Там теперь всё как положено: на сторожевой башне городской стены висят побеленные таблички, на коих чернеет название, посему всяк точно знает, через какие ворота входит. Государь учредил в Нанкине столицу с городской стеной, но на ней ни одной башни и никаких обозначений. Где мне, ничтожному, да еще в предутренней мгле, разобраться, в какие из множества внутренних и внешних ворот я входил?

А охранник всё не унимался:

– Дозвольте отконвоировать монаха обратно, пусть укажет ворота.

– Да я пока сюда шел, столько раз петлял да за углы заворачивал. Где мне сыскать дорогу, по которой пришел? – возразил Бифэн.

– Ну коли так, я не стану разбираться со стражем ворот, лучше разберусь с тобой, – заявил вельможа.

– Благодарю покорно, что выручили бедного монаха.

– Что значит выручил? Я собираюсь привлечь тебя к ответственности.

– Это как же?

– Самое малое – тебя допросят в Отделе жертвоприношений при Ведомстве церемоний, а похуже будет – так твою голову отрубят да вывесят на устрашение прочим.

– Ваше превосходительство преисполнен благих намерений; что до меня – я, ничтожный, не вижу в этом великого свершения^[116].

– Что ты имеешь в виду?

– Ежели мою бедную голову выставят на шесте, тем самым я лишь обеспокою посланника двора ответственностью, сие никак не назовешь великим событием.

– Издревле встречались люди, ценившие долг и пренебрегавшие богатством, но не ведал о таких, кои ценили долг и пренебрегали жизнью.

– Да что слушать его напыщенные речи, – злился охранник.

Тогда сановник приказал:

– Присмотри за ним, а я отправлюсь во дворец – пусть там примут решение.

Не успел договорить, как во дворце зазвонили колокола и загремела барабанная дробь – настал час утренней аудиенции у императора.

Сказывают, что вельможа прибыл во дворец и доложил государю, что у главных ворот Запретного города ошивается какой-то странствующий монах, явно рассчитывая на аудиенцию.

– Мы истребляем буддистов! С чего этот монах ждет аудиенции? Может, ведун какой?! – воскликнул император. И приказал: – Проси!

Получив государево дозволение, Бифэн уверенно, с достоинством вошел в тронный зал. Он не присоединился к гражданским вельможам, стоявшим ошую, не подошел и к военачальникам, выстроившимся одесную, а двинулся прямо к ступеням трона.

– Как смеешь, старик, ступать на царскую тропу? – набросились на него гвардейцы-охранники.

Бифэн спокойно отвечал:

– Я сизмальства человек опасливый, из трех развилок дороги всегда выбираю ту, что посредине.

Почтеннейший буддист не совершил большой приветственной церемонии, лишь сложил руки ладонями и воздел их кверху.

– Ты что, монах, – возмутился церемониймейстер, – не знаешь, в каком *положении* должно находиться пред императором?

Бифэн сделал вид, что недослышал:

– К чему говорить о *поражении*! В государстве спокойствие, народ благоденствует – это ли не радость?

От такой непочтительности государь рассвирепел и приказал дежурному офицеру выволочь негодника за дворцовые ворота, казнить и выставить голову на шесте. Охрана схватила Бифэна, и в этот момент с восточной стороны зала послышались чьи-то шаги, перезвон яшмовых подвесок, и с криком «Пощадите!» во всём блеске вперед выступил некий сановник. Оказалось, это господин Лю, удостоенный недавно утвержденного почетного титула «Правдивого князя»^[117] – при парадном поясе с кистями и с дщицей для записей в руках. Трижды прокричав здравицу императору, сановник торопливо заговорил:

– Бью челом Вашему Величеству. В Поднебесной множество буддийских монастырей и храмов, в них несть числа монахам, однако

явившихся на аудиенцию к императору ничтожно мало. И ежели нынче сей монах предстал пред светлейшие очи, то, несомненно, имеет тому множество оснований. Молю Ваше Величество тщательно разобраться. Ежели его доводы придутся не по вкусу – казните без промедления.

– По ходатайству вельможи отпустите старца, – согласился император. И когда Бифэна снова ввели в зал, спросил его: – Какая несправедливая обида заставила тебя прибыть во дворец?

– Я решился предстать пред государем исключительно по причине указа об истреблении буддийских монахов, – отвечал Бифэн.

– И что ты имеешь против нашего решения?

– В давние времена – при династии Хань – император Вэнь-ди^[118] не рубил головы буддистам. Из поколения в поколение вы наследуете великим властителям. Небо высоко, земля беспредельна, моря щедро принимают все реки – к чему делать исключение для человека? Представители всех верований и всех течений – подданные государя. Отчего власть к одним благосклонна, а к другим равнодушна, буддистов уничтожает, а даосов возвышает?

– Основанием тому послужил доклад Небесного наставника Чжана с горы Дракона и тигра.

Не успел договорить, как доложили о прибытии самого Чжана. Император повелел пригласить даоса в зал, тот вошел, отвесил пять обычных и три земных поклона.

– Уважаемый преодолел столько трудностей в вашем морском пути, прошу простить за беспокойство, – приветствовал его император.

– Что вы, что вы! Сие есть приятная обязанность всех ваших подданных!

Дело в том, что Небесный наставник на самом деле пересекал моря и океаны в поисках чудодейственных грибов долголетия, дабы поднести их ко двору, – этим-то и объяснялось императорское приветствие. Даос увидел стоявшего у ступеней трона буддийского монаха и поспешил осведомиться:

– Государь мой вступил на путь истребления буддистов – отчего дозволили сему монаху появиться во дворце? Разве не об этом сказано нашими древними мудрецами: как сможет исправлять других не способный исправить себя? Прошу Ваше Величество задуматься над этим.

Император ответил:

– С раннего утра до поздней ночи вместе с гражданскими и военными чинами мы решаем важные государственные дела, порой сложно разобраться во всех мелочах и тонкостях. Мы пригласили монаха во дворец, почитая его знатоком древности и современности, но на деле от всех этих мудрецов слышишь пустую болтовню. Пока я не определился, как с ним поступить!

Тут уж Небесный наставник дал волю своему гневу и приказал гвардейцам препроводить монаха под конвоем в Отдел жертвоприношений. Буддист только усмехнулся:

– И о чем же там со мной будут беседовать?

– Для начала изымут твою ставленную грамоту^[119], а потом отправят в отдаленные места на военное поселение, – пригрозил Небесный наставник.

Светозарный задумался: «Для моего долгого существования трудно указать год рождения, да и место пребывания как назвать – Небо или Земля? Все позднейшие последователи трех религий и девяти течений – мои потомки, тем более сие касается Чжана». Однако Бифэн ничем не выдал тайных мыслей и просто спросил:

– Не иначе как вы и есть праведник Чжан?

– Тебе не ведомо, что я – Небесный наставник, чьи жизненные силы неисчерпаемы, как мощь Неба и Земли, я несравненный во Дворце единорога, первый вельможа на горе Дракона и тигра, – напыщенно ответил Чжан.

– Мы, буддисты, не выставяем себя напоказ, не поддаемся искушениям^[120], не стремимся уничтожить другие учения, полагая всех равными. По какому праву ты вознамерился сокрушить наши догматы? – спросил Бифэн.

В ответ Небесный наставник обрушился на него с обвинениями в том, что буддисты ничего не смыслят в Пути Неба – Дао – и не имеют ни малейшего представления об алхимии и магических практиках даосов: изготовлении киновари и пилюль бессмертия, изгоняющих нечисть нефритовых печатях (Ил. 13), амулетах с магическими заклинаниями, волшебных мечах и прочем.

Пространные рассуждения Чжана не были ни праздным пустословием, ни хвастовством. О нет, он искренне стремился доказать превосходство даосизма и унижить буддиста. Бифэн понял, что стоит ему в ответ разразиться гневной тирадой, как обстановке миролюбия настанет конец, да и вряд ли он добьется сим успеха: «Лучше промолчать: как говорится, язык на замке, сердце налегке – притворюсь бестолковым и непонятливым». Так он и поступил, однако молчание буддиста только раззадорило Чжана:

– Ну, ты же монах, расскажи про особенности твоего учения.

Бифэн сообразил – одно неверное движение, и партия проиграна, посему скромно молвил:

– Да какое-такое учение может быть у нас, странствующих монахов? Ютимся в скитах да полуразрушенных храмах, носим одежду из старых лоскутов, в левой руке всегдашняя патра для подаяний, в правой вечный посох.

Чжан обрадовался, полагая, что монах ему проигрывает:

– Разумеется, вот они, буддийские заповеди. Живете, как нищие, носите истрепанную одежду – для вшей раздолье, патра –

принадлежность попрошайки, а предназначение посоха – отгонять собак.

Резкости Чжана никому не пришлись по душе, даже придворные почувствовали, что даос говорит что-то не то. Бифэн ответил:

– Коли *Дао*-Путь Небесного наставника – само совершенство, смею ли я, ничтожный монах, принять от него наставление?

– Назовите тему, – заинтересовался Чжан.

– Например, как погрузиться в транс и отпустить свой изначальный дух в свободный полет.

– Что в этом сложного? – растерялся Небесный наставник.

Император, видя, что даос боится допустить оплошность, немедленно объявил высочайшее повеление: во избежание ссор и конфликтов каждому спорщику проявить свои сверхъестественные способности, да не абы как, а со всем тщанием. Даос заявил, что теперь самое время пустить в ход всю тайную магию заклинания духов, «вызвать бурю и вспенить волны», вызвать небесных полководцев и заставить их выполнять его приказания.

– На каких условиях соревнуемся? – уточнил Бифэн.

– Коли я потерплю поражение – покину горную обитель, а коли ты – уйдешь из монахов и не будешь противиться государеву указу.

– Подобные наказания слишком мягкие.

– Да какие же еще?

– На кону – голова. Проигравший получает голову противника.

Перед началом состязания император обратился к военным и гражданским сановникам с призывом выступить поручителями соревнующихся:

– Желаящие обязаны расписаться в книге. Буде допустят нерадивость, привлечь к ответственности их самих, а также соседей, родственников и друзей.

Четверо высоких военачальников выразили готовность стать поручителями даоса, но ни один – буддиста.

Государь снова громогласно обратился к придворным:

– Кто встанет на сторону монаха?

В ответ – полная тишина; можно сказать, ни вороны не каркнули, ни сороки не чирикнули, ветер стих и травы не колышутся. Небесный наставник веками обитал на горе Дракона и тигра, его имя передавалось из поколения в поколение, и никто не сомневался, что уж он-то не оплошает. А буддист – человек пришлый, неизвестно даже, из какого храма, речи его неубедительны. Приближенные перешептывались: ежели что пойдет не так, нешто он обо мне позаботится? Как говорится, встану – поддержит, а упаду – не поднимет. Кто-то уклончиво бормотал: «Да кто осмелится охранять буддиста?», а другие прямо заявляли: «Давно сказано: сваха не отвечает за зятя, поручитель не возвращает долги. Возьмешься защищать буддиста, а случись что не так – титула и наград лишишься».

Наконец, поручителями Бифэна выступили старейший сановник Чэнь и Лю Правдивый.

Состязание началось. Небесный наставник отдал множество распоряжений. Из двух близлежащих уездов затребовал: сорок девять столов, за коими никогда не сидели женщины, и триста мотков желтой шерсти, также не прошедшей через женские руки; восемь корней обращенного к солнцу персикового дерева; двадцать четыре давеча закаленных глиняных чана; двенадцать пар прежде не использованных печей; шестьдесят неженатых рисовальщиков; пятьдесят шесть белозубых, кровь с молоком, отроков; сотни тысяч листов нетронутой кистью бумаги, пропитанной наговорной водой. А еще велел пригласить сто двадцать служилых даосов, а из Скита духовной музыки^[121] – шесть десятков мальчиков-танцоров, не достигших возраста первого перелома^[122]. Указанные уезды славились работающими и неподкупными чиновниками, в ведомствах, отвечающих за курьеров, работали честные люди, посему всё было исполнено в точности и незамедлительно доставлено в столицу прямиком в Запретный город.

Небесный наставник приказал меж девяти дворцовых зал соорудить жертвенник из доставленных столов: составить их один на другой аж в несколько чжан высотой, плотно обвязав и обмотав нитями трехсот мотков толстой шерсти для вязания. Затем по распоряжению Небесного наставника, согласно схеме восьми триграмм Ицзина^[123], на земле расставили восемь пеньков персикового дерева – древа жизни – и приказали восьмерым прекрасным отрокам в шлемах, склеенных из бумажных иконок, без устали бить по ним барабанными палочками. Художникам было велено нарисовать знамена с изображением пяти владык неба, связанных со знаками зодиакального цикла^[124], и на каждом знамени изобразить духа-покровителя одной из сторон света: олицетворением востока, чьим знаком выступало дерево, был Зеленый дракон; юг, которому соответствовал знак огня, был представлен духом звезды жизни и судьбы^[125]; запад, соотносимый со знаком золота, символизировал устрашающий нечисть Белый тигр; север был отмечен знаком воды – на его белом знамени красовался Злобный дух звезды несчастий; и, наконец, центр находился под знаком земли – его символизировало желтое знамя с духом Божественного чина на нем. Затем расставили двадцать четыре едва обожженных глиняных чана с водой в соответствии с количеством сезонов сельскохозяйственного календаря, к каждому подвели прекрасного отрока, закрепили на их головах бумажные шлемы, а в руки дали палки – размешивать воду. Меж глиняными кувшинами разместили двадцать четыре печи, к ним подвели прочих отроков, коим вручили опахала, дабы огонь в печах раздували. Затем Чжан пригласил сто двадцать дворцовых добродетельных даосов, имеющих чиновные ранги, – декламировать канонические тексты, а шести десяткам юных мальчиков велено было играть на ударных инструментах. Над жертвенником зазвучали

даосские напевы под ритмичные удары бамбукового барабанчика. Ох, до чего Небесный наставник любил пускать пыль в глаза: императорский дворец стал походить на небесные чертоги.

Как только сооружение жертвенника было закончено, даос почал поститься и вершить ритуальное омовение. По истечении дня он подошел к жертвеннику и по столам взобрался на самый верх, где распустил власы и, опираясь на меч, совершил особый вид ритуального хождения по звездам Большой Медведицы^[126], скручивал мудры (**Ил. 18**) и бормотал заклинания^[127].

Всю ночь до света зари он провел у жертвенника под ясным, словно прозрачным, небом, усыпанным звездами. Рассвело, а наставник Чжан еще продолжал демонстрировать всякие чудеса, дабы вызвать к себе на подмогу небесных полководцев. Однако ничего не происходило – кроме одного: неожиданно с северо-запада стали напозать мохнатые черные тучи, они вмиг заволокли всё небо, сильный ветер, крепчая, трепал флаги, и вот уже небо и земля погрузились в кромешный мрак. Придворные взволновались: «Похоже, духи небесные собираются к нам пожаловать!» А кто-то из сановников обратился к императору: «Боюсь, в такой тьме нам не отыскать буддиста». Император тут же повелел запереть дворцовые врата и не выпускать монаха.

В это время во дворце собралось не менее четырех сотен разных чинов – военных и гражданских. Думаете, среди них не нашлось тех, чьи ближайшие родственники^[128] стали даосами или, напротив, постриглись в буддийские монахи? Сторонники даосов порадовались успехам Чжана, а имевшие в родне буддистов несколько встревожились при виде устроенного Небесным наставником действия. ... Поручитель Бифэна, господин Чэнь, был обеспокоен всеми этими приготовлениями и отправился на поиски подопечного. Буддист, опершись на перила, невозмутимо стоял на дворцовом крыльце.

Чэнь тихонько подошел и похлопал его дощечкой из слоновой кости по плечу:

– Не пора ли вам пойти показать свое искусство?

– Какое-такое искусство? – удивился Бифэн.

В ответ услышал известную поговорку:

– Служилые, крестьяне, торгаши – всяк делать свое дело поспеши. Даосу необходимо дать достойный ответ.

И господин Чэнь рассказал об устроенном Небесным наставником представлении, предложив буддисту прочесть мантры и воспрепятствовать явлению небесных полководцев на даосском алтаре.

Бифэн стал отнекиваться:

– Даоса поддерживают во дворце, вот ему и удалось соорудить алтарь, а мне на то не дадут соизволения. Да к тому же я в отличие от него не скручиваю мудры, не прибегаю к заклинаниям и заговорам.

Тогда старый вельможа предложил:

– Ежели вам понадобится напарник в каких делах, может, займ в посреднической конторе или взять что временно у местных органов власти^[129] – да хоть попросить императора вам то предоставить, – только скажите!

– Это нечестно, – отказался Бифэн. – Лучше я сам достану необходимое.

С этими словами он вытащил из рукава свою патру и сказал, что ее нужно наполнить водой.

– Что же вы, мудрый наставник, постеснялись попросить воды и так до вечера и постились всухую? – изумился Чэнь.

Но Бифэн объяснил, что в данном случае наполнение патры водой имеет иную цель.

– Так это ради одной патры воды мы тут столько беседуем? – поразился сановник.

Тут как раз мимо шел дежурный охранник с круглой бляхой на поясе и в сапогах на толстой белой подошве^[130]. Сановник Чэнь попросил его набрать для почтеннейшего воды. Охранник взял патру и собрался идти на поиски, но буддист его остановил и начал подробно перечислять, какую воду ни в коем разе нельзя зачерпывать:

– Не бери воду для омовения рук и ног, а также налитую в кувшин, не черпай ту, что стекает из-под стрех дома, не приноси воду из канавы или из пруда, где разводят рыб.

Сановник в нетерпении попросил Бифэна не перечислять столь подробно негодную для использования воду, а прямо назвать ту, коя ему нужна.

– А нужна мне «водица без корня»^[131], – объяснил Бифэн.

Услышав сии слова, охранник поставил патру на землю и собрался уходить:

– У деревьев, у бамбука есть корни, но я никогда не слыхивал, чтобы у воды были корни: такую я не смогу найти, призовите кого-то другого.

Но Бифэн его осадил:

– Так называется проточная вода, свободно текущая из реки в море.

Как только охранник принес волшебную патру с водой, буддист зачерпнул каплю своим длинным ногтем^[132], плеснул оземь, и тотчас у врат чертогов небожителей началось наводнение.

А даос во дворце вел себя дерзко и самоуверенно, словно буддиста вовсе не существовало. Стоя наверху алтаря, он аж топал ногами от нетерпения в ожидании небесных полководцев. Тем временем черные тучи, под прикрытием коих те только и могли явиться, неожиданно рассеялись. Небо очистилось, и солнце жгло столь яростно, что все сорок восемь листочков с заклинаниями^[133] сгорели – вестник-дымок от них уже поднялся ввысь, однако небесных полководцев так и не видать.

Бифэн, который за это время вошел в залу и встал у жертвенника, подшучивал над даосом:

– Я думал, ты и вправду потомок бессмертного святого, праправнук патриарха. А ты своими жалкими трюками наносишь оскорбление трону! За три дня сего действия потратил столько дворцового довольствия! Как смеешь ты, безалаберный даос, состязаться со мной, истинным буддистом? Желал бы я заполучить твою голову, да боюсь нарушить запрет убиения живых существ. А пощажу – как отплатить за твое преступное стремление истребить буддистов? Ну да ладно! Императорский трон над нами, придворные окрест него, и с древности сказано: прощающий не глуп, а глупец не способен прощать.

При этих словах от Бифэна во все стороны стали расходиться мириады золотых лучей, и его земное тело исчезло.

Придворные бросились наперебой докладывать императору, что Небесный наставник сжег сорок восемь заклинаний, но небесные воины так и не явились, зато буддийских монахов пощадил даоса, но сам исчез. Император в сердцах воскликнул:

– Уж мы-то не помилуем Небесного наставника! Ежели я так поступлю, получится, что я ему покровительствую, а закон не ведает личных пристрастий.

И тут же повелел: даосу спуститься с жертвенника, а подручным – обезглавить его на лобном месте и поднести к трону голову казненного: «Принять к исполнению!» Придворные уже оплакивали Небесного наставника: вот-вот по велению Неба завопит-завоет, словно стая разъяренных тигров, старинный обоюдоострый меч длиной в треть *чжана*, вот-вот обогреть землю капли крови.

– Неправедный навет! – возопил Небесный наставник. Он заявил, что из полусотни листков с заклинаниями сгорело лишь сорок восемь: – Ежели государь на пару часов отсрочит наказание за мою смертную вину, я поднимусь на алтарь и дозовусь до небесных воинов.

Чжан снова взошел на жертвенную площадку, проделал все положенные церемонии и сжег оставшиеся два листка с заклинаниями. Тут же раздались громовые раскаты, и с небес прямо на алтарь по очередности спустились все четверо защитников даосской веры. Первым делом они поведали о затоплении Небесных врат: «Небесное воинство было занято вычерпыванием воды. И только когда начался утренний отлив, мы углядели сии два заклинания и тотчас примчались в ожидании ваших распоряжений». На сей раз Небесный наставник вежливо отказался от их подмоги и спустился с алтаря.

Придворные слово в слово пересказали императору беседу даоса с небесными воинами, и тот в ужасе воскликнул:

– Буде в нынешнем году затоплены небесные дворцы, каково придется моему народу?

Он преисполнился сострадания, а в это время даос, спустившийся с жертвенника, распростерся ниц у ступеней трона, ожидая указаний высочайшего. Император был вне себя:

– Небесные сферы затоплены, небесные полководцы явились с опозданием. Мы постараемся проявить снисхождение к вашему тяжкому проступку. Как известно, за преступление, заслуживающее смертной казни, мы имеем право помиловать, но за менее тяжкое преступление наказание неотвратимо^[134].

И затем объявил:

– Желаем отправить подданного к далеким западным варварам на поиски яшмовой императорской печати, дабы мы могли водворить порядок и спокойствие в стране. Не является ли сие достаточным наказанием за малую вину?

Небесный наставник взмолился:

– Ежели государь проявит свое благоволение, что по сравнению с сим поиски печати?

О, доблестный даос, он сдвинул брови и тут же придумал очередную хитрость: «Нынче буддист причинил мне столько неприятностей, что не грех воспользоваться государевым поручением и сделать ответный ход». И обратился к императору:

– Дозвольте завтра представить доклад с рекомендацией того достойнейшего, к которому по силам справиться.

– Мы уже приняли решение найти печать, посему не стоит терять время. Легче устно доложить, чем составлять бумагу. Говори!

– Коли так, дозвольте рекомендовать буддийского монаха, участвовавшего в состязании. Он проявил столь необыкновенные способности! Уверен, ему ничего не стоит пересечь океан и добыть печать.

– Да мы и имени того монаха не знаем, как можно посылать его за государевой печатью?

– Ваше Величество облечено властью провести дознание и всё доподлинно узнать об этом человеке.

Государь повелел пригласить тех двоих сановников, что поручились за буддиста. Оба вельможи тотчас распростерлись ниц у трона, и государь потребовал сообщить все известные им сведения. Вельможи назвали имя монаха – Цзинь Бифэн. Тут Небесный наставник заявил, что он-то и должен отправиться в Западный океан за драгоценной печатью. Лю Правдивый не сдержался:

– Ошибаетесь, Небесный наставник! Уж у вас-то нет никаких оснований давать рекомендации после того, как вы предложили государю истребить буддистов. Нынче вы потерпели поражение в состязании с Бифэном, а теперь предлагаете поручить ему сию важную миссию – как же так?

В этот момент перед троном пали ниц те самые четверо вельмож, что защищали Небесного наставника. Они заявили, что хотя даосский

патриарх истреблял буддистов, но нынче он выдвигает Бифэна, а коли так, то его заслуги искупают ошибки.

– Это как же? – удивился император.

– Истребление рядовых монахов, не проповедовавших буддийских заповедей, привело к появлению во дворце святого буддийского мудреца, постигшего истину.

Император смилостивился и повелел Небесному наставнику отправиться на гору Утай, найти и привести Бифэна: «Принять к исполнению!»

Наутро император вручил даосу высочайший указ, золотую верительную бирку^[135] и спросил, далек ли путь от Нанкина до горы Утай.

– Четыре тысячи шестьсот *ли*, – ответил Небесный наставник.

– Откуда у вас столь точные сведения? – удивился государь.

– Ваш подданный наблюдал ход небесных тел, дотошно изучал географию – ему ли не знать длину всякого пути? Обязуюсь возвратиться на следующий день.

– Да как возможно одолеть сей долгий путь за столь краткий срок?

– Обычные посланцы Вашего Величества выбирают либо сухопутную дорогу и тащатся по горам на осле, либо водную – на лодке, и тогда не обойтись без попутного ветра. Оба эти пути – не для меня.

– Ты что же, способен сокращать расстояния?

– Никакого секрета нет. Оседлаю Соломенного дракона^[136], вознесусь к облакам и помчусь сквозь туманы. Расстояния мне нипочем.

– Ну что же, быстрее отправишься, скорее вернешься.

Простившись с государем, Небесный наставник вышел за ворота, прошептал магические формулы и заклинания, и, сев на дракона, вскоре достиг монастыря Манджушри, что на горе Утай^[137].

Меж тем Бифэн прозрел коварный замысел даоса: «Согласие мое участвовать в таком походе никак не соответствует практике буддийского монаха, а ежели откажусь – буддизм не воспрянет». Он нашептал монахам свой план действий, а сам отправился в Нанкин.

Сказывают, что меж тем Небесный наставник, войдя в ворота храма, стал громко восклицать:

– Императорский указ доставлен! Зажигайте курильницы, готовьтесь заслушать!

Видит – во дворе суетится множество монахов – старые и молодые, высокие и низкие, все в белых головных уборах, холщовых одеждах с соломенным перевяслом да в плетеных из соломы башмаках. Тащат столы для жертвоприношений и расставляют их перед статуей Будды, на них водружают вазы с цветами, курильницы с благовониями. Чжан возмутился:

– Эй вы, насельники, с чего так возгордились, что не повинуетесь императорскому посланцу? Почему не вышел навстречу ваш главный

наставник – Цзинь Бифэн? Как посмели вырядиться в холщовые одеяния – знак траура?

Монахи в один голос повинились:

– Господин уполномоченный императорский посланник, умерьте свой гнев! Как на духу признаемся: почтенный Цзинь Бифэн, наш учитель, третьего дни отправился в Нанкин, где состязался с вами, господин, и претерпел всяческие унижения. Вернувшись, он надолго погрузился в невеселые думы, а нонешней ночью его дух отлетел в буддийский рай Сукхавати.

Небесный наставник еще больше распалился:

– Да что вы несете! Его тело тысячелетиями нетленно, как он мог умереть?

– Ежели господин императорский посланник не верит, можете взглянуть на гроб, сего дни установленный в келье.

Небесный наставник, разумеется, не поверил и направился в келью. Вошел – и вправду стоит гроб, всего четырьмя гвоздями заколоченный, перед ним траурный экран^[138], в курильницах благовония, горят две восковые свечи, стоит чаша с подаянием. Тут Чжан просто расхохотался:

– Уж не знаю, где сейчас Цзинь Бифэн, но гроб-то не всамделишный.

Монахи стали утверждать, что гроб настоящий.

– Раз так, открывайте, посмотрю, – потребовал Чжан.

При этих словах монахи стали испуганно переглядываться. Тогда даос, коего пуще прежнего одолели сомнения, приказал принести меч и топор. Ему пришлось трижды повторить свое требование – делать нечего, пришлось монахам повиноваться.

– Откройте гроб! – скомандовал Небесный наставник.

Он обращался то к одному, то к другому монаху, но все в один голос твердили, что они, ученики, не смеют открывать гроб своего учителя. От этих слов недоверие Небесного наставника возросло, он сам схватил топор, взмахнул пару раз и отколол крышку. У буддистов были свои ухищрения – в гробу действительно лежал Цзинь Бифэн.

– Да он тут живой спит, обмануть меня хотите! – вскричал даос. Он дотронулся до тела, но глаза Бифэна оставались плотно закрытыми, словно железные створки, а тело было холодным как лед – похоже, монах и вправду помер.

Тогда Небесный наставник решил испытать еще кое-что. Он подумал: «Может, буддист просто выключил дыхание? Коли дам себя одурачить, значит, зря проделал столь дальний путь, а у него появится новая возможность трепать языком и распространять про меня небылицы. Попробую-ка я вклинить в этот процесс, дабы потом не раскаиваться, что называется, не кусать себе пупок».

Небесный наставник придал лицу скорбное выражение и признался, что напрасно не поверил в смерть монаха:

– Он и вправду умер! Однако держать гроб в келье неуместно, я бы желал вместе с вами похоронить покойного.

– Да по чину ли вам, императорскому посланнику, хоронить нашего учителя? – поразились монахи.

Даос стал убеждать их:

– Вам неведомо, что после состязания Бифэн пощадил меня, и в благодарность за это я прямо там, у алтаря, поклонился ему большим церемониальным поклоном – как своему наставнику. И нынче я вместе с вами надену одежды трехмесячного траура^[139]. Как мы, его ученики, можем оставить гроб открытым, а тело захороненным? Разве не удивительно, что я оказался здесь и могу поучаствовать в погребении?

Неужели монахи посмели противиться речам императорского посланца?

– Как скажете! – смиренно согласились они.

Сказывают, что Небесный наставник вместе с несколькими монахами-умельцами отправился на могильный холм, дабы вырубить тростник, вырыть яму, разрыхлить землю и вымостить усыпальницу^[140]:

– Остальные обычным порядком выносите покойника.

На кургане Небесный наставник лично определил по фэншую место захоронения – на земляном откосе повыше прочих могил. Когда монахи стали возражать, что, пожалуй, это высоковато, эдак злой дух Тяньган может навредить учителю, даос возразил:

– Цзинь Бифэн – не обычный монах; чем выше могила, тем ближе он к райскому Западному небу.

Пока рабочие мостили яму кирпичом, Чжан давал указания насчет ее размеров: ширина не более трех *чи* в окружности, глубина – один *чжан*.

– Это не соответствует канонам, – возразили монахи.

Однако даос стоял на своем:

– Вы не понимаете, что почтенный Бифэн – святой, постигший истину, и его надо хоронить по иным правилам, нежели обычных монахов.

Когда пришло время опускать гроб в могилу, Небесный наставник еще раз снял крышку гроба, удостоверился, что труп на месте, затем собственноручно потянул за веревку и стал вертикально опускать гроб в яму, но так, что его верхняя часть оказалась внизу, а та, где ноги, – наверху^[141].

Возроптавшим монахам он хитро объяснил:

– Ноги умершего устремлены в небо, они словно касаются облаков, чтобы он мог взлететь прямо в рай. А если опускать его ногами к земле^[142], то он отправится в преисподнюю.

Завершив церемонию, Небесный наставник вернулся в столицу. Бифэн к тому времени успел прибыть во дворец, дабы доложить императору о коварстве даоса.

Государь обсуждал с приближенными разные государственные дела, по коим было принято много важных решений. Неожиданно евнух из Совета двора доложил, что у дворцовых ворот дожидается вызова на аудиенцию тот самый буддийский монах, что накануне состязался с Небесным наставником.

– Не следует употреблять слово «вызывать», оно звучит пренебрежительно, – раздумчиво произнес государь. – Лучше пригласите его.

Дежурный гвардеец вышел к воротам и отчеканил: «Почтеннейший приглашается во дворец!» Бифэн неспешно вошел в тронный зал, по-прежнему не проделал никаких особых церемоний – просто приветствовал государя монашеским поклоном со сложенными ладонями. На сей раз император принял буддиста совсем иначе, выказал ему почтение, пригласил в приемные покои, усадил на старинный расписной фарфоровый табурет-бочонок **(Ил. 14)**, обращался к нему не иначе как «Государев советник» и поинтересовался, встретился ли тот с Небесным наставником, коего он направил на его розыски. Бифэн поведал:

– Даос действительно явился в мой скромный храм с императорскими полномочиями. У него не было другого выхода, как следовать вашему повелению. Что до его истинных намерений, то вот уж верно сказано: «Цзиндэ не стареет душой»^[143]. Я достаточно его раскусил, поэтому пришлось мне, бедному монаху, прибегнуть к кое-каким хитростям и поиграть со смертью. Даос открыл гроб, убедился, что я мертв и воспользовался этим, дабы захоронить меня вверх ногами.

– Сие недопустимо! – вскричал государь. – Чем закапывать так других, закопал бы себя.

Не успел договорить, как дворцовый распорядитель доложил, что Небесный наставник ожидает аудиенции. Бифэн попросил дозволения императора удалиться, дабы тот без свидетелей выслушал донесение даоса. Император повелел дежурному гвардейцу препроводить Государева советника в зал Вэньхуадянь, что в юго-восточной части Внешнего двора Запретного города, и лишь после этого приказал пригласить Небесного наставника. Даос вошел с выражением глубокой скорби на лице и в траурном одеянии первой степени – грубом холщевом рубище с неподрубленными краями, подпоясанном плетеным из конопляного шнура, и в парадной шапке *саньян*^[144] на голове.

Император уже знал, в чем дело, но нарочно спросил, что заставило почтеннейшего надеть траур, добавив при этом:

– Согласно положениям закона, ежели кто, помимо родителей, покинул сей мир, необходимо допрежь всего просить нас о погребении и поминании усопшего и только после того являться во дворец в траурном одеянии. А ежели речь о дальней родне, то вовсе недопустимо носить траур во дворце.

Небесный наставник поведал, как по его прибытии на гору Утай оказалось, что буддист «вернулся на Запад»^[145]:

– Не тратя времени на оплакивание, я самолично организовал похороны с соблюдением всех церемоний, совершил погребальное жертвоприношение и с почетом проводил учителя в последний путь.

– Вы с Цзинь Бифэном едва знакомы, а уже взялись с почетом его хоронить! От нас вам пожалованы высокие чины и титулы, даровано щедрое жалование, а случись с нами нечто неизбежное, как вы тогда себя поведете?

Даос не ухватил суть вопроса, но, стараясь подладиться к государю, громко объявил, что ежели государь-дракон вернется в свои океанские глубины, то он окажет ему те же почести, что и буддийскому наставнику.

– Значит, вы и меня захороните вверх ногами? – хмыкнул император. От этих слов даоса прошибла испарина, а император продолжал: – Да что это вы так перепугались, почтенный? Беда лишь в том, что без этого буддиста некому отправиться в Западный океан за государевой печатью.

Даос согласился, что никто иной не справится. А император продолжал:

– Пока вы посещали гору Утай, к нам прибыл еще один буддийский монах, несогласный с вашей позицией в отношении буддистов. Он тоже жаждет померяться с вами силами.

Тут Небесный наставник призадумался: «Неужто я своими действиями нарушил ход небесных светил, определяющий судьбы буддистов? В противном случае откуда здесь мог появиться еще один буддийский монах?» А император объявил:

– Он дожидается в зале Вэньхуадянь, но не вздумайте снова вступать с ним в схватку.

В это время в зале показалась какая-то фигура. Чжан еще издали узнал Цзинь Бифэна. Краска стыда залила его лицо, он покрылся холодным потом, не понимая, как тот мог оказаться во дворце после того, как он самолично его похоронил. И когда буддист осведомился, по кому это Небесный наставник справляет траур, тот молча сорвал с себя парадную шапку и холщовый халат, поспешно укрепил шпилькой черную круглую шапочку даосского монаха, накинул обычный даосский халат, подпоясав его мягким поясом, после чего сложил ладони в почтительном приветствии.

Если хотите знать, о чем император поведал Бифэну, слушайте следующую часть^[146].

Часть первая^[147],

коя глаголет о подготовке экспедиции - строительстве кораблей, отборе военачальников и выплавке якорей

Походом движутся на запад корабли,
Заката дымка да туман на сотни ли.
За горизонт уходят крепости вассалов^[148],
Свет солнца и луны – в потоке главном.

Сказывают, что император вызвал Бифэна во дворец, дабы сообщить некую новость:

– После того, как наша потомственная печать исчезла в странах Западного океана, геомант возвестил, что звезда Кохаб^[149] взошла над Западным океаном. Что ежели мы обеспокоим Государева советника просьбой присоединиться к походу? Даст ли он на то свое соизволение?

Однако буддист предложил отправить вместо него Небесного наставника.

– Ну, нет, это дело Государева советника, – запротестовал даос. – Наши предки завещали нам только волшебную печать, меч да наговоренную воду с порошком сожженного талисмана для изгнания злых духов, ничего иного я не умею. В походе же надобны другие навыки – с ходу вломиться в ряды противника, захватить его боевые знамена, добиться скорой и полной победы, дабы не посрамить чести трона. Мне ли подобное осилить?

– А я, – возразил Бифэн, – человек мягкосердечный, способный лишь читать сутры и медитировать. Нешто это забота буддийского монаха – вести в бой войско, размахивать мечом и убивать людей?

– Об этом ли я прошу? – воскликнул император. – От вас только требуется высказывать свое мнение по важным вопросам!

– Ну, ежели речь лишь о том, чтобы засвидетельствовать доблестные подвиги и благие деяния, не осмелюсь возразить. Однако пусть и Небесный наставник не отлынивает!

Даос попробовал еще раз отказаться:

– Как я покину гору Дракона и тигра, там же никого не останется!

– Ошибаетесь! – резко возразил государь. – Или вам неведома формула героев древности: «ради государства забыть семью, не убояться трудностей»?

Тут уж Небесному наставнику ничего не оставалось, кроме как прикусить язык и закивать:

– Еду, еду.

- Далеко ли отсюда путь до Западного океана? - обратился император к Бифэну.

- Десять да сверх сего еще восемь тысяч *ли*.

- А как туда сподручней добираться - по суше или по воде?

- От нашего государства до стран Западного океана нет пути посуху, только по воде.

- Известен ли он Государеву советнику?

- Главные направления хорошо знакомы.

- Почтеннейший имеет в виду, что прошел сей путь самолично или из книг о том вычитал?

- Я, странствующий монах, где только ни побывал, все четыре материка исходил.

Тогда император попросил Государева советника поведать о главных вехах пути. А Бифэн в ответ:

- Объяснять на словах пустое. Я захватил кое-что, дабы государь мог рассмотреть всё собственными глазами.

С этими словами он поднес императору сложенную гармошкой книжицу^[150]. Император положил ее на столик с изображением девяти драконов, а приближенные аккуратно развернули листы.

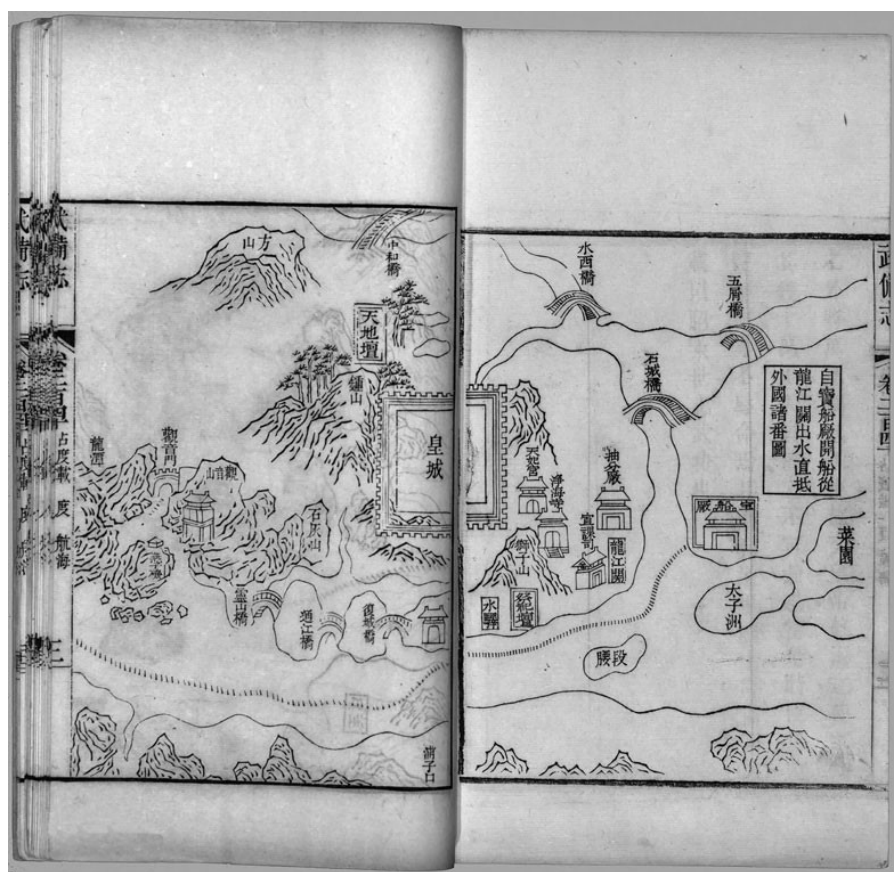

Рис. 1. Разворот карты Мао Куня, выполненной в виде книжечки

Глянул государь своим зорким оком – а там всё раскрашено голубым да зеленым. Голубое – горы, на каждой мелко дано название. Зеленое – воды, на них тоже мелко-мелко начертаны наименования, будь то хоть реки, хоть моря. Кружками обозначены государства, и в каждом – его прозвание: и так один кружок за другим, все помечены. Нарисовано всё так-то аккуратно и точно, иероглифы выведены четко. Император безгранично возрадовался:

– Премного благодарен за ваши прекрасные советы! Бесконечные просторы открываются нашему взору!

После чего попросил приближенных подробно зачитать весь маршрут с момента выхода кораблей из гавани.

– Дозвольте мне, – вызвался Бифэн.

Он поведал, что корабли прямо из Нанкина через шлюзовой канал Синьхэ^[151] входят в Янцзы и огибают гору Цзиньшань^[152].

– Не там ли находится источник с лучшей в Поднебесной водой для заварки чая? – заинтересовался государь.

– Именно так, – продолжал Бифэн. – Пройдя расположенный на Янцзы процветающий городок Мэнхэ, флот вскоре оказывается в устье Красной реки, а затем река Белого дракона выведет к морю. Нужно держать курс на юг: по правую руку будут императорские земли – цветущие Чжэцзян и Фуцзянь, по левую – Япония, впереди – острова Рюкю. Затем следует повернуть на запад – и вот уже справа южные окраины Гуанчжоу и Юньнани. За ними – Простор мягкой воды и Магнитный хребет. Он находится в Южно-Китайском море – на дне вдоль всего побережья громоздятся неотесанные валуны, кои притягивают металлические предметы, – отсюда и название.

– Неужто эти камни есть и под водой? – удивился император.

– Там они повсюду – и в надводной, и в подводной части.

– Как же их миновать?

– Кое-кому сие удавалось.

– Благодарю Государева советника. А что там еще за Простор мягкой воды?

И Бифэн рассказал об этом опасном участке моря, где вода так отлична от обычной плотной воды всех рек, озер и морей, по которой движутся даже тяжеленные плоты.

– Как же нашим кораблям миновать сей участок? – беспокоился император.

– Да всё понятно, буддисты сами мягкотелые, они с мягкой водой одной породы, – не сдержался Небесный наставник.

– А что ждет нас дальше? – отмахнулся император.

- К югу от Простора мягкой воды всё еще Джамбудвипа, а к западу
- уже Апарагодания, где и расположены государства Западного океана,
- продолжил Государев советник.

- Вот туда нам и надо!

- Сие есть общее название региона, у каждого из государств свои границы. Прошу царственноликого заглянуть в книжицу, и всё прояснится.

Император и вправду разглядел на карте обозначение осьмнадцати стран:

- Раздолье, одначе, немалое!

- Да оно и неудивительно! - воскликнул Бифэн и принялся перечислять страны, кои предстояло посетить экспедиции.

В книжке-гармошке всё было обозначено столь четко, а Государев советник описал всё так ясно, что императору казалось, будто он уже проделал весь путь: стоит протянуть руку - и вот она, потомственная яшмовая печать!

- Ну, что же, - молвил император, - путь понятен, книжицу сию мы припрячем. А теперь поведай, сколько воинов и сколько гражданских потребно отправить с экспедицией?

Советник Цзинь отвечал, что для подобных подсчетов у него имеется другая книжица, кою он почтительно поднес государю. Император разложил ее на столике с девятью резными драконами и стал внимательно разглядывать. Она вовсе не казалась столь нарядной и яркой, как первая - одни лишь строгие ряды иероглифов, в коих перечислялись участники похода. Государь повелел зачитать текст, и советники приступили: «Во первой строке - номер по порядку, во второй - верховный главнокомандующий^[153], коему присваивается звание адмирала и вручается соответствующая печать; в третьей - помощник главнокомандующего в звании вице-адмирала и с должностной печатью». Далее по порядку шли командующие левого и правого авангардов с печатями и званиями полного генерала и генерала^[154]; в шестой строке - командующие пятью десантными эскадрами^[155] (центральная, правая, левая, авангардная и аррьергардная) из числа генерал-губернаторов провинций - *дуду*, они наделялись званиями контр-адмиралов Западного похода; в седьмой - командующие четырех морских дивизий, возглавлявшие ранее воинские соединения от регионов и ниже в чинах *цаньцзян*, *юцзи*, *души* и *бацзун*, они получали звания командоров Западного похода; в восьмой строке - сотня командиров в чине глав приграничных гарнизонов; в девятой - полторы сотни тысяцких, в десятой - полтыщи сотников^[156].

Далее построчно значились: сановник Ведомства по учету населения и сбору налогов, ответственный за провиант и фураж, по десять официальных геомантов, десятков толмачей и чинов уездных комитетов просвещения, а еще десятков чиновников из протокольного

отдела. В пятнадцатой строке – десяток невоеннообязанных^[157], в шестнадцатой – чиновников да лекарей медицинских ведомств 132 человека; в семнадцатой – по двадцать мастеров от каждого из 360 цехов^[158]. И в последних трех строках: тридцать тысяч храбрых воинов, 250 монахов из Скита духовной музыки и 250 монахов знаменитого храма Чаотянь^[159].

– Так вот оно что! Государев советник изначально несет в мириады миров вселенной учение чань-буддизма! Как говорится, его сердце могущественней целого воинства! – воскликнул государь. А про себя с недоумением подумал: «А за что отвечает Небесный наставник? Где сие означено?»

Государев советник словно угадал его мысли:

– Небесный наставник сохранит свое почетное звание и станет учить уму-разуму военачальников. К чему ему новая должность? Убо и не упомянут.

– А прописаны ли ваши обязательства, почтеннейший?

– Мое дело скромное – вести учет воинским подвигам, посему моя должность и не обозначена в списке.

– Коль скоро Небесный наставник и Государев советник не склонны указывать свои служебные обязанности, мы не станем их к тому понуждать. Одначе пред тем, как войска выступят в поход, надобно провести церемонию изгнания нечисти и злых духов. Сие поручаем Небесному наставнику. Отвести беду, избавлять от напастей – таково бремя Государева советника. Мы будем спокойны, токмо ежели вы оба обратите силы и энергию свою на достижение победы, станете добиваться успеха с первой минуты похода и оправдаете возложенную на вас ответственность.

– Я, скромный монах, совместно с Небесным наставником приложу все силы, не обманем доверие государя.

Засим император объявил, что драгоценные книжицы позволили ему ознакомиться и с маршрутом экспедиции, и с численностью чиновников и воинов, кои примут участие в походе:

– Одначе Государев советник помянул, что в страны Западного океана посуху не добраться. Мы бы желали знать, сколь много кораблей надобно для похода и в каком порядке они будут следовать? Вы, верно, и об этом позаботились, советник?

В ответ Бифэн почтительно поднес императору еще одну книжечку.

– Славно, славно! – молвил государь.

Он и эту книжицу разложил на столе с девятью драконами и принялся изучать. А в ней опять всё раскрашено: синим – горы, зеленым – воды, а на них – корабли, четко поделенные на отряды, с означенным количеством судов в каждом, да столько, что с первого взгляда не определишь. Исполненный радости непомерной, государь весь день разглядывал рисунки. Они выглядели словно в облачной дымке: что толку звать приближенных, разобрать что-либо могло лишь зоркое око

высочайшего. Император насилу насчитал: в первой группе – 36 девятимачтовых кораблей, и рядом мелко приписано: «36 кораблей-сокровищниц^[160] *баочуань* (Ил. 4, 5, 6) длиной 44,4 *чжана*^[161], шириной 18 *чжан*».

Во второй группе оказалось 180 пятимачтовых боевых судов *чжаньчуань*: длина 18, ширина – 6,8 *чжана*. Третий отряд составили 300 шестимачтовых транспортных кораблей *цзочуань*, предназначенных для перевозки личного состава, вооружения и военной техники, длиной 24, шириной 9,4 *чжана*. В четвертую группу вошли семь сотен восьмимачтовых крупногабаритных быстроходных «конских кораблей» *мачуань* длиной 37, шириной 15 *чжан*, кои перевозили коней и всякие товары, среди них – дары для иностранных дворов и полученную от них дань. Пятая группа включала 240 семимачтовых грузовых судов-зерновозов *лянчуань* с провиантом и фуражом, об их размерах сказано: длина 28, ширина 12 *чжан*. Ни много ни мало – 1456 кораблей (Ил. 7, 8). На каждом имелись гостиные для приема посетителей, выстроенные по принципу «три явных, пять скрытых»^[162], и просторные залы, спланированные по схожему плану «пять скрытых, семь явных». Все суда были обеспечены даосским трехуровневым компасом (Ил. 21)^[163]. Стрелка двигалась по двадцати четырем сегментам, что позволяло днем следить за движением ветра и облаков, а ночью – звезд и небесных тел.

Изучив книжицу, император и возрадовался, и пригорюнился. Отчего возрадовался? Да оттого, что с такой армадой легко достичь Западного океана и отыскать государеву печать. А отчего пригорюнился? И то сказать – кораблей многое-множество, строить их непросто, расходы неисчислимы. Не иначе как придется пустить в дело земельный налог^[164] всех тринадцати провинций страны. Как тут не призадуматься? При этом мысль о возможности раздобыть печать столь вдохновила Его величество, что он был готов на всё.

Тем временем солнце за гору закатилось, стемнело. Государь повелел всем расходиться. Служащие из Департамента по делам буддийского духовенства препроводили Государева советника в святое место буддистов – монастырь Чангань^[165] в Нанкине, где они сообщали проживали и служили своему учителю. А чиновники из Департамента по делам даосизма^[166] вслед за Небесным наставником скопом отправились в раскинувшийся в горах Нанкина храм Чаотянь.

Император же вернулся в павильон Небесной чистоты^[167], что на территории императорского дворца, вот только на душе у него было беспокойно.

Отчего? Да оттого, что отправка флотилии в Западный океан – деяние непомерной значимости, затраты немерены, и все заботы тяжким грузом легли на сердце государя. Он отправился в женские покои, но и там мысли не давали заснуть, ночь казалась бесконечной, как в тех стихах:

Осенняя пора. Как ночь долга.
Искрятся росы под луной, река чиста,
Из-за реки – стена хором глядит издалека.
Глядит издалека. Но нет мостка^[168].

Императору не спалось, он кликнул кого-то из придворных, приказал распахнуть окна, откинуть унизанную жемчугом занавеску. Глянул – всё вокруг озарено луной. Поистине, как писали поэты в эпоху Тан:

Полная луна струит свой свет,
Только путь возвратный так далек.
Реки, речки, и мостов над ними нет,
Ночь в тревоге, а туман глубок.

Впечатленный сиянием луны и ярких звезд, император неожиданно аж нутром ощутил всю значимость предстоящего события. Он немедленно приказал вызвать старшего дворцового евнуха, ответственного за Инспекторат по печатям^[169]. Как говорится, барину стоило бросить клич, холопы хором отозвались. Указ дан – кто осмелится ослушаться? Евнух явился и пал на колени пред государевым ложем. Он ли, спросил его император, отвечает за хранение печатей, а получив подтверждение, поинтересовался, какие золотые и серебряные печати остались в хранилище. Услышав, что таковых не имеется, государь был потрясен:

– Как так? В прежние дни в Нанкине насчитывалось несколько золотых печатей с сидящим драконом^[170] весом не менее 48 *лян*, не одна серебряная печать со стоящим тигром весом 54 *ляна*, имелись и яшмовые печати с изображением древнего безрогого дракона^[171] весом 36 *лян*, и та, на коей записана история чужеземца с курчавой бородой^[172]. Да еще неведь сколько печатей с изображением водяного дракона, свивающейся змеи, мифической гигантской рыбыны Ао, краба, с ручкой в виде черепахи и прочие. И ты, хранитель печатей, предерзко заявляешь, что у тебя их нет?

– Дак в нашем инспекторате при Ведомстве церемоний не хранится иных печатей, окромя тех, что предназначены для указов Вашего величества. Сии регалии споро отливают и гравируют на них надписи в деловом стиле *чжуаньшу*^[173]. Одначе всё это современные изделия, а старинные, потомственные печати – не наша забота.

– А те где хранятся?

– Их отнесли к категории драгоценностей, посему осмелюсь предположить, что искать их надобно в государевых кладовых.

Император приказал немедленно вызвать смотрителя императорских сокровищниц, кои находились во внутренних дворах дворца, и смотрителем был не обычный чиновник, а опять же евнух. Он примчался со скоростью метеора и, беспрестанно кланяясь, спросил:

– По какому делу вызвал государь меня, раба смиренного?

– А нет ли у тебя, – осведомился владыка, – старинных печатей, золотых ли, серебряных, медных либо металлических?

Услыхав поспешное «А то как же, есть, есть, есть», государь приказал принести две золотые печати с сидящим драконом, две серебряные с тигром, пять с безрогим драконом и еще четыре – те, где записана история чужеземца с курчавой бородой. Евнух не мешкая доставил запрошенные печати, и император повелел старшему евнуху из Инспектората печатей их принять.

Возвещая рассвет, трижды прокричал золотой петух^[174], император прошел в тронный зал, куда проследовали все ожидавшие гражданские и военные чины. Трижды просвистел кнут – сигнал к началу аудиенции, и придворные выстроились по обе стороны трона. Император повелел с особым вниманием выслушать его указ. Присутствующие прокричали троекратную здравицу, и государь рек:

– Владения наши простираются в пределах четырех морей, богатства Сына Неба неисчислимы. Прочные нити связуют нас с тысячью поколений правителей прошлого, мы прокладываем путь тысячам поколений будущих властителей Китая. Ныне наследственная государева печать затерялась в странах Западного океана, чем мы весьма опечалены. Посему почитаем неотложным нанять командующего войском и выступить походом, дабы вернуть сокровище. Допрежь всего надобно найти достойного главнокомандующего и вручить ему печать адмирала. Нынче здесь находится золотая драконова печать, и пусть тот воитель, что готов повести флотилию в Западный океан, выйдет вперед.

Император раз за разом повторил призыв, но ответом ему была полная тишина: среди военачальников не наблюдалось никакого движения. Государь вновь воззвал к присутствовавшим, и тогда выступили вперед четверо в полной парадной форме и опустили на колени у ступеней трона. Император опешил, ему хотелось спросить: «Неужли сии чиновники и вправду собираются получить печать военачальника? С виду невзрачные да хилые, под силу ли им возглавить подобный поход?»

– Кем будете? – спросил церемониймейстер.

Они представились. Всяк значился высоким чином в отделах небесных тел и знамений, контроля за точностью ночных страж и водяных часов из Инспектората по астрономии и календарю^[175]. Государь обратился к сановникам:

– Зачем пожаловали?

– Вечор мы до поздней ночи наблюдали за небесными знамениями и узрели, что душа и воля полководца устремлены к рукояти Ковша Большой Медведицы, а лучи падают на небесную Ограду^[176], беспрерывно указуя на министра. О сем и дерзаем доложить высочайшему.

– Не иначе как флотоводец – это кто-то из руководства Пяти армейских управлений, имеющий высший титул знати?

– О, нет, титулы сии связаны со звездой Помощи^[177] и не входят в Северный Ковш.

– Тогда, верно, какой-то министр или товарищ министра одного из шести ведомств.

– Сии чины определены звездой Сопровождения и также не входят в Ковш.

– Ежели это не военный и не гражданский чин, где же искать главнокомандующего?

– Похоже, это некто из высокопоставленных лиц ближайшего окружения императора.

– Среди моих приближенных немало придворных евнухов. Неужли кто-то из них способен повести флотию в Западный океан?!

В сей миг от придворных, выстроившихся в восточной стороне зала, отделилась чья-то фигура – послышался перестук сандалий и перезвон яшмовых подвесок на поясе, и все увидели молодого князя. Он приблизился к трону и трижды прокричал здравицу. Император признал в нем Правдивого советника Лю и поинтересовался:

– О чем господин собирается нам доложить?

– Я, ничтожный, осмелюсь предложить кандидатуру старшего дворцового евнуха. Он того достоин! Имею в виду хранителя печати из дворцового Инспектората церемоний^[178] – по фамилии Чжэн, по имени Хэ **(Ил. 2, 3)**.

Император не скрыл крайнего удивления. Однако Лю Правдивый известил, что он со всем старанием изучал небесные знамения и географические координаты, познал радости и горести шести буддийских кругов перевоплощений, прошлое и будущее:

– Стоило мне, ничтожному, взглянуть на этого человека – ноги короткие, верхняя часть туловища вытянута^[179], – мигом понял: не иначе как станет первым вельможей при государе, и пусть рожден простолюдином, драгоценности и сокровища заполнят его сундуки. Лицо широкое, внушительное: подбородком кивнет – что приказ отдает. Он, как Ши Чун, добудет тысячи повозок с богатством^[180]. Головастый, что тигр, зоб раздут, как у ласточки^[181], – его ждет будущее Бань Чао, удостоенного титула удельного «князя десяти тысяч *ли*»^[182]. Глаза – что реки: разрез ровный, длинный и прямой, рот огромный, словно море, – всё предвещает щедрое вознаграждение. Лицом строг, брови-мечи – он воинским искусством обладает в полной мере. А уж цвет лица – румянец до глянца и три черты *ян* указывают, что его ждет благоденствие и блеск славы; желтое сияние от параллельных складок верхней части лба – свидетельство того, что в ближайшее время он перейдет на высокую должность^[183].

Выслушав сию пылкую речь, император выразил обеспокоенность, не староват ли евнух Чжэн для похода. Лю Правдивый убежденно возразил:

– Имбирь и финик долго созревают, зато чем старше, тем спелее. Поистине, дышит по-черепашьи^[184], худощав, как журавль, – сие ли не знамение того, что он, подобно даосскому патриарху Люй Дунбиню, попадет в царство бессмертных. Поистине, он что чистая жемчужина, упавшая в море^[185], и пусть стратег Цзян Тайгун лишь в восемьдесят лет встретил правителя Чжоу, его всё же пригласили в советники^[186].

– А с чего это он стал евнухом?

– Согласно древней физиогномике, ежели лицо покрыто рябинами, что мандариновая корка, – человеку предопределено одиночество, а узкое межбровье – предвестник отсутствия жены и детей. Потому-то приближенные государя и оскостили его.

– Если речь идет об Инспекторате церемоний, то, верно, это евнух Саньбао – Три драгоценности? – предположил император.

И все приближенные в один голос вскричали: «Он самый!» Император повелел не мешкая пригласить евнуха в тронный зал. Саньбао отбил земные поклоны и воскликнул, сколь он счастлив предстать пред государем. Император возгласил:

– Нынче мы собрались отправить хорошо вооруженное войско в страны Западного океана на поиски государевой печати. Надобно нанять главнокомандующего, коему будет вручена печать адмирала. Лю Правдивый поручился за тебя как за человека достойного. Что скажешь?

– Я, ничтожный, почту сие за счастье, ибо мечтаю свершить подвиги на море, явить дальним странам всю силу и мощь Китая, – ответил Саньбао. – Готов немедленно отправиться в Западный океан!

Помимо передачи евнуху печати, император также приказал секретариату Государственной канцелярии составить соответствующий указ о назначении. Саньбао почтительно принял печать и высочайший рескрипт, поблагодарил за милость и поспешно спустился с тронных ступеней.

Об этом скажу в стихах:

Звучат над прудом Фениксовым^[187] шэныя ^[188],
Он – церемоний страж, давно в почете.
Но меркнет блеск парчовых алых туфель,
Затмили их колчаны и кольчуги.
Душой открытый – он военачальник,
Отважный – он пригоден к жаркой битве.
И ниц пред ним склонятся басурманы,
С поклоном чашу дружбы поднесут.

Государь возгласил, что в походе главнокомандующему потребен помощник:

– Нами приготовлена еще одна золотая драконова печать. Кто решится отправиться в плавание и принять печать вице-адмирала?

Император повторил свой призыв, но ответом снова было молчание. Тогда он молвил:

– Не далее как сего дни знатоки из Инспектората по астрономии и календарю узрели, что душа и воля полководца устремлены к рукояти Ковша Большой Медведицы, а лучи падают на небесную Ограду, указуя на министра. Инспекторат церемоний и есть сия рукоять, а заместителем главнокомандующего явно должен стать министр. Пусть выйдет вперед глава одного из шести ведомств.

Не успел договорить, как из группы приближенных, стоявших одесную от трона, выступил сановник – как описал когда-то поэт: «свисают до полу концы кушака, дщица из яшмы невелика»^[189]. Трижды прокричав здравицу, он торжественно произнес:

– Ваш верный слуга готов отправиться с войском на запад.

Вручая сановнику золотую печать, государь хорошенько разглядел его: богатырь ростом в девять *чи*^[190], поперек себя шире, мускулистый и ширококостный, лицо крупное, рот большой. Упорно учился и добился высшей степени *цзиньши* на императорских экзаменах^[191], что позволило ему впоследствии дослужиться до придворного сановника. В прошлом не раз менял место службы, продвигался успешно, пока не заполучил высокий чин. Состоял в должности генерал-губернатора трех пограничных районов севера Китая, показал себя твердым и надежным, как Великая Китайская стена. Ныне – советник по военным делам, возглавляет Военное ведомство в Нанкине^[192] и отвечает за координацию всех военных гарнизонов города. Он равно полезен и важен в центре и на местах, равно сведущ в военных и гражданских делах. Наружность величественная – о таких говорят: «зоб ласточки, шея тигра, и летает, и мясо пожирает»^[193]. Муж сей смел и отважен – из тех, кто готов с честью пасть на поле брани, дабы тело погребли в шкуре его коня. Поистине, как написал на своих дверях некий военачальник давних времен: «Дом мой вместит храбрецов миллион, знатным гостям – на тысячи счет». Перед императором стоял министр Ван^[194].

– Господин министр, готовы ли вы отправиться в Западный океан и принять печать вице-адмирала? – обратился к нему государь.

Тот почтительно ответствовал:

– Ваш раб полагается на волю государя. Клянусь совершать подвиги в далеком чужеземье и добиться титула «князя тысячи *ли*»!

Император повелел вручить господину Вану печать и указ, и тот с благодарностью их принял.

Затем император призвал выйти вперед того, кто готов возглавить левый авангард флотилии в звании полного генерала и получить серебряную печать со стоящим тигром. И снова в ответ молчание. Отчего так? Да оттого, что морской поход вызывал страх не только у

гражданских, но и у военных! Но вот от группы придворных отделился старый служака Чжан Фу, опытный вояка, носивший почетный титул Отважного *гогуна*^[195]. Позвякивая серебряными подвесками на поясе, он приблизился к трону, отвесил земной поклон, прокричал здравицу и заявил, что готов рекомендовать командиров и левого, и правого авангардов. Государь усомнился:

– Мы и одного не можем заполучить, а досточтимый предлагает сразу двоих. Поистине, сие означает способность отыскать мудрых для служения государству, что достойно величия сановников древности. Кто же сии мужи?

Чжан Фу отчеканил:

– Оба из знатных родов, потомки крупных военачальников. Оба, как сказано в конфуцианских канонах, способны повести войска и с оружием в руках защитить страну и престол, оба руководили Канцелярией хранения союзных договоров. Они почитают великого стратега древности Сунь-цзы как своего учителя, глубоко постигли «Шесть секретных учений»^[196]. Один – внушительного вида, курчавый и с бакенбардами, громадный и свирепый храбрец. Второй, по всему видать – военачальник: могутный и кряжистый, у него нос мусульманина, а глаза круглые, как медные колокольцы^[197], тверд духом и силен волей. Первый зело досуж во всех видах воинского искусства, будь то длинная или короткая секира (**Ил. 31, 32**)^[198], алебарда (**Ил. 33**)^[199], копье (**Ил. 30**) или короткий меч. У второго глаз быстрый и острый, он одинаково ловко и стрелу, и пулю пустит, и молотом, и нагайкой ударит. Первый – словно спустившийся в наш суетный мир Небесный владыка Ли^[200] с укрощающим демонов мечом в руках. Второй – словно Дух Севера^[201], пред ним развевается семизвездное знамя^[202]. Первый – сам будто свирепый тигр, конь его – что летящий дракон, извивается-сверкает, а «отблески солнца и лунного света озаряют знамена, как молнии высверк»^[203]. Второй – своей мощью и энергией сотрясает землю: он кипит яростью и лютой ненавистью к врагу, рык его грозен и ужасен, словно рокот военных барабанов в горных ущельях. Имя первого – Чжан Цзи, второго – Лю Инь, ныне они занимают высокие должности командующих левого и правого крыла лейб-гвардии императора^[204]. Оба готовы отправиться плавание.

По приказу императора и того, и другого вызвали в тронный зал. Лишь глянул на них государь своим драконьим оком, и ему стало ясно: поистине, они оправдывают хвалу сановника. И повелел вручить обоим серебряные печати с изображением тигра и указы о назначении.

Затем император потребовал отобрать для похода пятерых командующих эскадрами и четверых командиров дивизий.

– Печати на месте. Кто из военных либо гражданских чинов желает отправиться в Западный океан? – обратился государь к присутствующим.

Не успел окончить речь, как послышался шорох парадных кожаных сапог и позвякивание колец на поясе, и с восточной стороны зала к ступеням трона приблизился господин Сюй, обладатель высокого титула *гогуна* Благоденствия^[205]. Он пал ниц, положил земные поклоны, прокричал здравицу и произнес:

– Полководец стоит во главе всех видов вооруженных сил, и подчиненных следует отбирать вельми осторожно. Предлагаю дозволить военным и гражданским чинам выдвигать кандидатуры из своего круга.

Император сие одобрил и тотчас издал указ: «Всем гражданским и военным чинам предложить на наше рассмотрение несколько десятков лиц высокого звания, способных осуществлять командование». И все сановники и военачальники тотчас приступили к обсуждению известных им руководителей Пяти армейских управлений, после чего, однако, те заявили, что определить талант командира – дело его воинского подразделения, и с низким поклоном попросили главу Военного ведомства лично решить сей вопрос. Тот отрубил:

– Времени для выдвижения кандидатов не много, и всё же спешить не следует. Желательно допрежь выслушать ваши рекомендации. – И с поклоном в их сторону: – Прошу титулованных вельмож Пяти армейских управлений принять решение.

Однако господин Сюй настаивал на своем:

– Ноне мы выбираем командиров для флотилии, дело сие архиважное. Как говорится, одной рукой не закроешь глаза жителям всей Поднебесной. Думаю, правильнее, коли поначалу знатные вельможи из Пяти управлений выскажут свои предложения, затем сановники Военного ведомства дадут каждому поручительство, после чего кандидатов обсудят офицеры их подразделений, и уж тогда государь вынесет окончательное решение. При подобном многоступенчатом отборе есть надежда не пройти мимо нужных людей и не испортить дело.

Придворные единодушно закивали.

И пошло – армейские управления выдвигали, ведомство подписывало поручительства, командование подразделений обсуждало. Выдвигали-поручались, обсуждали-мозговали, решали-постановляли. Случалось и так, что названные кандидатуры не удостоивались поручительства, либо те, кто его удостоился, не получали одобрения собственных военачальников, и приходилось искать новых лиц. Обсудили не менее двадцати воинских чинов. Наконец придворные пали ниц у ступеней трона, отбили земные поклоны и доложили, что список военачальников, достойных быть представленными на высочайшее утверждение для вручения им печатей и званий контр-адмиралов и командоров, готов: «Ждем высочайшего утверждения». Указанные в документе мужи склонились у ступеней трона, выражая готовность принять указ из рук государя для

его благоговейного исполнения. Дежурный сановник велел выдвинутым на должность командиров эскадр встать ошую, а четырех дивизий – одесную от ступеней трона. Служители Приказа придворного этикета подготовились зачитать имена, евнухи Инспектората печатей – вручить оные, а чины секретариата Государственной канцелярии – выдать указы. И вот все на местах. Чиновник Приказа придворного этикета по одному выкликал значившихся в списке. Первыми шли пятеро будущих командиров эскадр – Ван Тан, Хуан Дунлян, Цзинь Тяньлэй, Ван Мин и Тан Ин. Каждый откликнулся: «Здесь!», почтительно принимал печать контр-адмирала и указ, благодарил и отходил от ступеней трона. Их доблесть и отвага, готовность отдать все силы ратным подвигам заслуживают быть воспетыми в стихах. Затем тот же чиновник по одному выкликал претендентов на должность командиров дивизий – это были Хуан Цюаньянь, Сюй Ичэн, Чжан Бо и У Чэн. Им были вручены печати командоров и указы.

Осьмнадцать гвардейцев с честью служат ханьскому вану^[206],

Ловчие соколы на плечах, с арбалетом надежна охрана.

В вихре весеннем мчится в Чанъян государев выезд,

Бравым гвардейцам быть при охоте дарована милость.

Император объявил, что отправляющейся в Западный океан флотилии потребуется еще сотня командиров в чине глав приграничных гарнизонов, полторы сотни тысяцких и полтыщи сотников, и повелел:

– Главе Военного ведомства представить список для нашего одобрения и вручения печатей.

Военачальники и министры пали ниц у ступеней трона и, отбивая земные поклоны, доложили:

– Ваше Величество, найти таких воинов мудрено. Командирам сим потребны ум и мужество, дабы были и в науках сведущи, и воинским искусством во всём блеске владели, умели добиваться быстрого успеха и скорой победы, – тогда лишь не посрамят они чести трона. Поручительство столь значимо, что мы, ничтожные, не посмеем взять на себя подобную ответственность.

Военачальники испросили дозволения государя в указанный им срок собрать на военном плацу представителей знатнейших родов из Пяти армейских управлений и устроить пред ними серьезные испытания, дабы выбрать достойнейших. Император милостиво согласился:

– Полагаюсь на ваше мнение, сроку даю три дня.

С тем императорский экипаж покинул дворец, а приближенные разошлись для скорейшего исполнения высочайшей воли.

Глава Военного ведомства – министр Ван – разослал официальную бумагу титулованному руководству Пяти армейских управлений, те в свою очередь отправили депеши в столичные гвардейские полки^[207],

оттуда донесли указ до окружных военных гарнизонов, а там уже тысяцкие и сотники готовились с лошадьми и оружием назавтра к рассвету явиться на ристалище, спеша продемонстрировать свое воинское искусство. Имена тех, чьи навыки и стратегические познания окажутся наилучшими, будут сообщены во дворец, и им вручат печати для похода в Западный океан.

Не заметили, как солнце сменило луну, наступила пятая стража третьего дня, и петухи возвестили рассвет. Министр Ван отправился к месту состязаний – сам в паланкине восседает, свита дубинками дорогу расчищает. А на плацу народу тьма-тьмушая, лошади мордами трутся – да тут и объяснять нечего! Собралась вся титулованная знать. Соболы хвосты и крылышки цикад на головных уборах военачальников; меховые шапки на ближайших советниках императора. Стоило министру появиться, военные и чиновники поприветствовали его и расселись чин по чину. Каждый представился, и глава Военного ведомства неспешно ознакомился с их послужными списками. Было воинов, похоже, не менее двух тысяч, да еще четыре сотни, и он молвил:

– Нынче есть из кого выбирать, наверняка найдем славных вояк.

Взошел на командную вышку и видит – на востоке и на западе вздымаются древки боевых знамен со златыми письменами: «Выберем достойнейших для страны». Министр приказал не мешкая приступить к состязаниям во всех осьмнадцати видах боевого искусства^[208], среди коих – стрельба из лука верхом на коне и стрельба из арбалетов, владение пиками, изогнутыми и прямыми мечами (**Ил. 35, 38**), копьями, щитами, большими и малыми секирами, алебардами, а также многосекционными стальными плетями (**Ил. 57**), металлическими четырехгранными прутами типа булавы, палицами с железными крюками на острие, трезубцами (**Ил. 54**), когтистыми пиками *ла*, а еще рукопашный бой, перетягивание канатов и забрасывание лассо.

Многие воины не выдержали натуги и пали замертво, в новых списках оставшихся значилось не более семи сотен. Среди них осьмнадцать человек ранее состояли в должности командиров гарнизонов, все они весьма отличались от прочих – знали толк в ратном деле, от корки до корки проштудировали древние военные каноны – помимо «Шести секретных учений», еще и «Три стратегии Хуан Шигуна». А еще вдвое больше среди состязавшихся оказалось тех, кто уже имел чины тысяцких и сотников. Остальные, получившие чины в результате соревнования, происходили из рядовых воинов.

Министр Ван возликовал, тут же разделил победителей на группы и приступил к подготовке доклада. Однако до установленной императором численности командиров разных уровней не доставало еще полсотни человек. Князья и советники вздохнули: «Долго готовились, а нынче за один миг надобно всё решить». Каждый принужден был отобрать еще по несколько десятков ратников – только

тогда высочайший наказ был выполнен, и сановники покинули ристалище.

На другой день едва трижды прокукарекали петухи, все вновь собрались в императорском дворце. Об этом поэтами прошлого созданы стихи:

В дворцовых покоях свита в поклоне,
Весенние сосны ликуют на склоне.
Тепло благовонных курильниц струится,
Осенняя грусть в бубенцах колесницы.

Император взошел на трон, военные и гражданские простерлись ниц. Глава Военного ведомства, отбив земные поклоны, доложил, что испытания завершены, и он готов представить сильнейших. Император глянул на списки: «И где же все эти люди?» Ему доложили, что они ожидают высочайшего распоряжения за главными воротами Запретного города. Государь повелел – и тотчас все семь сотен и еще полсотни ратников стройными рядами вошли во дворец и преклонили колена пред троном.

– Воинам в латах и шлемах не отбивать поклоны, – скомандовал дворцовый советодатель, – остальным подняться с колен.

Воины прокричали троекратную здравицу императору и поднялись. Так взгляните же на них – все как на подбор, один к одному:

Сверкают золотые шлемы (Ил. 28), серебром отливают кольчуги. Нарукавники из разноцветного шелка с золотым шитьем, не широкие, да и не узкие^[209]; плетеные шелковые шнуры свисают с поясов, словно плети весенней ивы; посверкивают кривые сабли – эти «зеленые драконы» (Ил. 37) ^[210] в ночи; в руках – обоюдоострые мечи: как говорится, чист небосвод, но белый тигр у ворот^[211]. На нагрудных доспехах (Ил. 26, 27), озаряя небо и землю, поблескивают защитные медные пластины, украшенные мордами зверей с оскаленными пастьми. В мягких футлярах – луки с изображением животных, ими пораженных, а тетивы натянуты, будто струны лютни; колчаны для стрел невелики, но словно о них сказано: несть числа небожителям в гротах даосских. Издалече слепит глаз парча: то черная с фиолетовым отливом и древними узорами, а то украшенная головами тигриными да кольцами яшмовыми, красоты несказанной; взглядишься – виден дивный узор на одеждах: ряды рогатых драконов напоминают зубцы башен городской стены. О, блеск, о, великолепии!

Воины рвутся в бой: кулаки сжаты, зубы стиснуты; о, этот устрашающий оскал – чем не демоны?! Брови нахмурены, волосы из-под шлемов развеваются, лица искажены яростью – ну точно свирепые чудища!

Воистину:

Они воплощение храбрости, всегда готовы к свершениям,
Кто смеет с ними сразиться – ждет того поражение.
Тиграми рвутся в бой боевые кони,
Воинство жаждет схватить доподлинного дракона.

Император приказал: «Допрежь всего вручить всем драгоценные печати для командирских приказов и выдать ведомственные казенные печати для прочих дел». Военачальники поблагодарили за высочайшие милости и разошлись. А император дал распоряжение подобающим ведомствам отобрать для флотилии по несколько провиантмейстеров, предсказателей и толмачей, а еще несколько сот травников и несколько десятков лекарей. Глава Ведомства по сбору податей выдвинул своим представителем чиновника департамента из южного Чжэцзяна. Инспекторат астрономии и календаря направил десять человек из числа официальных геомантов. Училище толмачей четырех сторон света^[212] отобрало с десятков лучших знатоков, а Придворная медицинская академия – сотню травников и три десятка лекарей. Всем было велено прибыть к месту службы и ожидать дальнейших распоряжений.

Император издал очередной указ: «Для похода в Западный океан также потребна тьма умелых воинов, тысячи боевых коней. Повелеваю всякому ведомству выполнять мой приказ». Военное ведомство немедленно распорядилось отобрать воинов, а Конюшенная палата^[213] – закупить лошадей. Не прошло и десяти дней, как была набрана сотня тысяч храбрых воинов, кои денно и нощно тренировались на ристалище. За ограждениями Чангани^[214] разбили пять крупных военных лагерей: центральный, правый, левый, авангардный и арьергардный.

Внутри каждого лагеря располагалось от пяти до одиннадцати малых лагерей, имеющих собственные названия, как то: Стражники, Дворцовая рать, Воинские подвиги, Государева гвардия, Отважные, Небесное воинство, Впередсмотрящие, Честные и Справедливые, Верные храбрецы и еще многие. Отдельные лагеря обозначались по названию местности, из которой прибыли воины.

Во всех лагерях с утра до ночи проводили учения и ждали высочайшего указа, дабы двинуться в поход. Всё так, как поется в старинной «Походной песне»:

В юртах гуннов мятеж: в далеких краях закатных
Созвал император совет – стратеги в дворцовых палатах.
Имперские стяги прикроют стеною «гибкую иву»^[215],
И гунны, как тополь сухой, в огне в одночасье погибнут.
Зависла луна над заставой, с запада путь прикрывает,
Над севером черные тучи громадой своей нависают^[216].
Исстари в водных сражениях слушались воевод —
Важно занять позиции ближе к истокам вод.

Сановник Военного ведомства сделал запись в книге вербовки воинов и доложил императору, что все они отменно натренированы и готовы отправиться в Западный океан.

Сказывают, что Конюшенная палата издала приказ закупить лошадей, и притом наилучших, что есть в Поднебесной. Не прошло и десяти дней, как пригнали жеребцов, да не простых табунных, а отборных скакунов – таких как Летящий дракон, Красный заяц – предвестник удач, Великолепный, Гнедой Хуалю и Конь-гора^[217], Борзый, легендарные Прыгун Су и Громогласный, а еще Прядущий ушами, Единорог, Быстроногий рысак, Обгоняющий ветер, Пронзающий облака, Молниеносный, Вожак, Стремительный чалый, Воронок, Конь-дракон, Рослый, Летящее облако, Белоснежный, Сивка, Отражающий блики, Светonosный, Рассекающий волны, Парящее облако, Конь-огонь, Иноходец, Златогривый, Освещающий ночь, Саженный вороной, Пегий дракон, Устремленный в небо, Пышногривый, Львиная грива, Яшмовый каурка, Буланы, Вишневый, Золотистый рысак и прочие.

А что до их характеристик и масти, то все они великолепные и удивительные: даже взмыленные выглядят отменно, а уж ржанье их – словно рык тигра. Были там и молодые жеребчики, и взрослые мерины, и упрямые, и добродушные. И черные, как сажа, вороные, и карие гнедые, черногривые саврасые, светло-рыжие каурые, рыжие и каштановые, мышастые серые с желтыми подпалинами, белоснежные сивки, белоголовые или белогрудые пегие, буланы с серебристой гривой или в яблоках. Да и у конюшен названия звучные, приличествующие именам лошадок, кои в них содержались: Летящий тигр, Парящий единорог, Быстроногий, Конь-дракон^[218], Быстроногий мул, Конь-феникс.

Их поместили в императорские стойла, стойла для необъезженных жеребцов, загоны внутренние и наружные, расположенные слева и справа, на юго-востоке и юго-западе.

Конюшенная палата доложила, что кони отобраны, все токмо ожидают высочайшего распоряжения к началу похода. Поистине, как в «Песне о скакуне Небесного владыки»^[219]:

Бурлящим потоком киль корабля омылся,
С созвездия Фан^[220] Небесный скакун спустился.
Копытами бьет и мчит, слышен их мерный стук,
Уши торчком, как срезанный острый бамбук.
В царских конюшнях славен он и поныне,
Бывало, гордо скакал через Врата Златые.
Гриву и хвост вздымая, являет радость и силу.
Чем же воздать способен за государеву милость?
Быть ли ему таким, как заурядной лошадке?
Ужас вселяет в конюших громоподобным ржаньем.
В скромный возок с барабаном^[221] его запрягали прежде,
А нынче на воинской службе он умирят мятежных.

Участь свою воеводы с ним разделить готовы,
Чтоб на морских просторах войн не случилось новых,
Пусть бы навеки покой был нам снова дарован.

Главный конюший доложил, что его палата-ямэнь занимается выпасом коней и готова к походу. На следующий день император поднялся на трон, во дворец пожаловали сановники, трижды просвистел кнут, подавая сигнал к началу аудиенции, выстроились рядами военные и гражданские. Высочайший повелел пригласить во дворец Государева советника – настоятеля буддийского храма Чангань.

Сказывают, что в это время настоятель Цзинь по имени Лазоревый пик, погруженный в толкование древних канонов, пребывал в храме вместе со своим учеником Фэй Хуанем, послушником того ученика по прозвищу Юньгу^[222] и прочими пятью монахами. А только услышал императорский зов – взгляните! Надел на голову шапку, похожую на тыкву-горлянку, накинул одежды крашенные, а не как у простолюдинов, в одной руке чаша для подаяний – патра, в другой – посох. Неторопливо и важно ступая, направился он во дворец, напрямик в Цзинлуань – приемные покои императора. Государь, издали узрев приближающегося монаха, спешно приказал вынести навстречу свой паланкин. Настоятель, сложив ладони, приветствовал императора поклоном, а государь воскликнул:

– Десять дней прошло с нашей последней встречи с почтеннейшим!

– Ничтожный знал, что в эти дни у Вашего Величества много забот – проследить за отбором командиров, военными учениями и сборами, закупкой коней. Не смел являться во дворец, дабы не препятствовать важным государственным делам.

– Буде речь зашла о поиске достойных полководцев, признаюсь, у меня на сердце неспокойно.

– Отчего так?

– В моей империи все вельможи, имеющие три высших титула – девять *гунов*, осьмнадцать *хоу* и тридцать шесть *бо*, – получают высокое жалованье. Желая вознаградить их, мы даровали им всяческие милости, пожаловали стяги с драконами и знамена с изображением солнца и луны. Справедливо ли, что нынче каждый из них дрожит за свою жизнь, а посему не изъявляет готовности отправиться в Западный океан?!

– Что сие значит?

– Намедни мы повелели доставить во дворец несколько золотых драконовых печатей, но ни один из высоких сановников по собственной воле не выразил согласия вступить в должность командующего флотилией.

– Сие означает, что в ранг «главного посланника» будет возведен старший евнух дворцового Инспектората церемоний, а вместе с ним в путь отправится и глава Военного ведомства.

- Каким образом Государеву советнику удалось сие прозреть?
- Ничтожный ночью наблюдал за небесными светилами и увидел, как звезда главнокомандующего вошла в Ковш Большой Медведицы, а ее сияние пролилось на ведомство, где трудится министр Ван.
- Инспекторат астрономии и календаря сообщил мне о сем знамении, но мы всё же пребывали в сомнении относительно того, что звезда сия связана с евнухом Саньбао.
- Кто именно о нем ходатайствовал?
- Лю Правдивый.
- Инспекторату следовало бы повысить Лю сразу на три ранга и пожаловать ему титул *гуна* или *хоу*.
- Да за что такие почести?
- Инспекторат истолковал соотношение сил *инь* и *ян* как должно, а господин Лю бескорыстен настолько, что душа его обозревает всё пространство округ.
- Не спорю, инспекторат дал верное толкование – но в чем же особая послуга Лю?
- Поелику никто из почтенных мужей империи не желает отправляться в Западный океан, трудно найти кого-то, помимо евнуха Саньбао. Воистину, самой природой ему уготовано участие в сем походе. Кто, как не Лю, прозрел сие?
- Отколь ему стало всё известно?
- Евнух тот не простой смертный, в предыдущем рождении он был Духом лягушки в Небесной реке – Млечном пути. Посему ему не по душе горы и суша, вода – его родная стихия, сиречь ему-то и предназначено возглавить морской поход.
- А где свидетельства того, что в походе следует участвовать главе Военного ведомства?
- Дак ведь и он не обычный человек! Сказывают, что до сошествия в мир был звездой свирепого Белого тигра. Имея в своих рядах тигра-полководца, мы всенепременно сокрушим любые вражеские крепости, а тогда, как говорится, уничтожим их военачальников и бросим их стяги в дорожную пыль.
- Услыхав, что оба будущих полководца когда-то являли собой духов светил в небесных чертогах, император призадумался: «Верно ли, что в мире людей столь много сошедших с неба звезд? Не вызовут ли сии вести смятение среди собравшихся в поход воинов?» И поспешил спросить:
 - А ведомы ли почтеннейшему личности командиров правого и левого авангарда?
 - Ничтожный и о них всё заприметил.
 - Откуда же?
 - Ничтожному ни к чему гадания, я и без того прорицаю всё наперед.

– Буде советник зрит сокрытое в грядущем, признайтесь, достойны ли отправиться в плавание назначенные нами командиры авангардных отрядов Чжан Цзи и Лю Инь?

– Сии мужи не токмо достойны, без них в походе не обойтись.

– Желал бы узнать причину, – допытывался император.

– Хотя они не являются духами небесных светил, зато дополняют и побуждают друг друга: евнух Саньбао – Дух лягушки, а авангардные недаром имеют прозвища соответственно «Восточная Лагуна» и «Западная Лагуна». Неужли лягушка, завидя лагуну, не прыгнет в нее? И дале: раз есть Западная Лагуна, то допрежь всего следует отправиться на запад, но поелику имеется еще и Восточная, то лягушка обязательно вернется на восток – в этом и заключена их взаимозависимость!

– А среди прочих военачальников есть духи звезд? – не успокаивался император.

– Коротко не объяснить, небесные тайны сокрыты от глаз земных. Токмо как отправимся в Западный океан, прикажите гадателям записать день отплытия и сторону света, на кою ориентированы звезды. Я готов сопровождать флотилию. Дабы засвидетельствовать воинские подвиги, обязуюсь вести подробные записи событий – кто, в какой день, в каком бою участвовал. Коли они проявят себя достойными воителями, по возвращении станет ясно, с какой звезды всяк спустился. Высочайший глянет зорким оком – в тот же миг всё поймет.

– Ежели Государев советник предпочитает до времени хранить сие в тайне, не станем настаивать. Ныне, когда войско приведено в боевую готовность, решение вопросов окончательной готовности кораблей к выступлению оставляю на усмотрение почтенного советника.

Государев советник ответствовал:

– Строительство кораблей – дело нешуточное. Ведомству по сбору податей надобно подсчитать земельный налог по всем тринадцати провинциям Поднебесной, а чиновникам из Ведомства общественных работ – отобрать лучшие деревья для постройки судов. Как сказано в древней летописи, загодя познав установленный Небом ход времени и в соответствии с даруемыми землей благами, надобно назначить счастливый день для строительства судоверфи. Только так возможно полностью выявить человеческие таланты и свойства природных материалов. Среди мастеров 360 ремесленных цехов следует найти и отобрать умельцев – лучших из лучших, день за днем добиваться успехов и в положенный срок завершить дело. У нас, буддистов, это называется так: хочешь добыть жемчужину с заливка дракона – сначала соберись с духом, дабы его обуздать.

Император глубоко задумался, засим изрек:

– Для возведения нового императорского дворца^[223] были собраны громадные средства и запасено немало древесины. Ныне повелеваю: строительство дворца временно прекратить, а всё заготовленное

переправить на судоверфь. Выгода будет взаимная, и народу меньше пагубы.

Монах промолвил:

– Высочайший думает о народе, о благе государства, в том нет ему равных в Поднебесной. Он истинный посланец Неба. Любовь Высочайшего к народу – залог успеха сражений и побед в Западном океане.

– Полностью полагаемся на советы почтеннейшего, – одобрительно откликнулся император.

И тотчас повелел – слушайте и выполняйте! – приостановить великую стройку и передать собранные средства и древесину на судоверфь: «Надлежащим ведомствам обсудить и доложить». Затем приказал пригласить Небесного наставника из даосского храма Чаотянь, дабы выбрать счастливый день для зачина дела. И еще издал указ: корабельному управлению сыскать просторное место для строительства судоверфи. А также вышел эдикт – отобрать лучших мастеров всяких ремесел. Кто посмеет не повиноваться?!

И вот взгляните: в зал входит Небесный наставник Чжан. Он представил государю официальную бумагу, в коей сказано: «Благоприятный день выбран – это шестой день девятой луны сего года между тремя и пятью часами утра. К этому времени желательно завершить заготовку древесных стволов и приступить к строительству кораблей».

Император воскликнул:

– Сего дни – двадцатый день восьмой луны; нас радует предложенный Наставником день, его и определим.

Не успел договорить, как чиновник корабельного управления Ведомства общественных работ подал донесение:

– Я, ничтожный, лично проверил участок для великой стройки: привольные земли в устье Саньча около канала Синьхэ^[224] весьма пригодны для воздвижения судоверфи. По окончании работ доложим Вашему Величеству.

Император повелел на шестой день девятого месяца приступить к делу. Только отдал приказ – пришло донесение из Управления ремесленных цехов: «Для великой стройки нами отобраны мастера из всех цехов. Составлен поименный список годных справиться с работой. Слушаем и повинuemся». Донесение от Ведомства по сбору податей гласило: «Мы, верноподданные, выполнили указ Высочайшего. Весь собранный поземельный налог тщательно учтен, ждем распоряжения об использовании денег для строительства судоверфи. Слушаем и повинuemся». Подало донесение и Ведомство общественных работ: «Для великой стройки мы присмотрели исполинские деревья, часть уже доставили в столицу и пустили в дело. На отмели Тяньнин, что на реке Девяти драконов^[225], осталось еще немало деревьев-великанов, однако с началом холодов река мелеет, да и гавань далеко. К тому же стволы

столь огромны, что невозможно сплавить их к назначенному дню. Боимся нарушить установленные императором сроки. Слушаем и повинемся». Император прочел и заметил:

– Верно, в это время река пересыхает, и берега стоят высоко. Считается, что деревья невозможно сплавить ни вверх, ни вниз по течению. Однако шестого числа, высоко ли, низко ли будет стоять вода, повелеваю приступить к работам.

Тут вмешался буддийский настоятель Цзинь:

– Немыслимо! Немыслимо! Ведь доложено, что мастера смогут достойно справиться со своей задачей, используя единственно деревья-великаны, – тогда и император возрадуется. А с мелкими деревцами мастера не выполнят свой долг и прогневают Ваше Величество.

– Как быть? – вскричал император. – Вода в реке убывает, громадные стволы по ней не пройдут.

Небесный наставник предложил:

– Ежели не удастся самим сплавить деревья, дозволейте призвать на помощь небесных воителей.

Государев советник возразил:

– Какой смысл черкать еще сорок восемь даосских заклинаний? Сие по-прежнему не приведет к исполнению благой воли Неба.

Небесный наставник всё же произнес заклинания, хотя на сердце у него было беспокойно. Доблестный император опасался проявить неучтивость к даосу, а посему только изрек:

– Положимся на высокое мнение Государева советника.

– Я, смиренный, – заметил Бифэн, – тоже погадал по циклическим знакам: пятого числа меж тремя и пятью часами утра деревья-великаны будут на судоверфи.

«Буддист назвал недостижимый срок, – про себя засомневался Небесный наставник. – Да еще и час отметил – глубокую ночь! Невероятно!» Император в глубине души тоже колебался, тем не менее вслух решил сказать что-то любезное:

– Откуда Государеву советнику сие ведомо?

Монах в ответ:

– Тайны Неба сокрыты до времени, а пятого дня вы сами сможете их лицезреть!

На том и порешили. Император покинул дворец, разошлись военные и сановники. Небесный наставник и Государев советник вернулись каждый в свой храм.

Незаметно летит время. Серп луны истончился, как меч, солнце и луна поспешали друг за другом, точно нити в ткацком челноке. Глазом моргнуть не успели – наступила первая декада девятого месяца. Ведомство по учету населения и сбору налогов полностью предоставило средства от земельного налога, судоверфь была построена, чиновники Ведомства общественных работ прибыли, мастера из трехсот шестидесяти цехов собрались – не хватало только

древесины. И вот настал четвертый день девятой луны. Ежедневно по три доклада подаются во дворец – деревья всё еще на отмели, невозможно спустить их на воду. Император обеспокоился: «На сей раз почтеннейший поторопился с обещаниями». И Небесный наставник решил: «На сей раз буддист оплошал».

Настал вечер четвертого числа. Сановники – те, что отвечали за сплав бревен, – взволнованно гудели о том, что доблестный Государев советник зря ляпнул про пятое число. Едва стемнело – работы были прекращены, и вскоре все отправились на покой. В полночь всё стихло и опустело, на рассвете запели петухи, после пяти утра развиднелось. Что же тогда произошло?

Сказывают, что сановники проспали до рассвета, даже не перевернувшись на другой бок, и поднялись только под утро. Открыли глаза, куда ни глянь – по речному простору с грохотом катят огромные валы, вздымающиеся до самого неба. Те, кто спал на бамбуковых плотках, почувствовали, как плоты раскачиваются вверх-вниз и вода оmyвает их тела; даже у тех, кто провел ночь на постоялом дворе, намокли лежанки. Всё это не столь и важно, зато глядь – ни одного из множества огромных деревьев, помеченных Ведомством общественных работ, нет на месте. Вот тут-то сановники встревожились не на шутку, а уж те, что отвечали за работы, – и подавно. Они смекнули: «Ежели недоглядим – деревья неминуемо разобьются в щепки». Одни кинулись искать их по нижнему течению реки, другие – по верхнему.

Сказывают, что утром пятого числа, еще до того, как император направился в тронный зал, прибыло срочное донесение с судоверфи: «Нынче река Янцзы разлилась необычно бурно. До восхода солнца валы достигали пятидесяти *чжан* и захлестывали судоверфь. Мы, верноподданные, оказались по шею в воде; глядишь, еще немного – и погрузимся по самую макушку. И тут мы увидали, что по волнам плывет тьма-тьмушая деревьев-великанов. Как только они приблизились, подтащили их к себе, взобрались на стволы и крепко уцепились в надежде спастись. Нежданно начался отлив, и мы разглядели на стволах клейма Ведомства общественных работ. Верноподданные не осмеливаются самовольно распоряжаться государевым имуществом. Покорнейше просим принять доклад». Прочитав сие послание, император тотчас всё уразумел: «Ну и монахи! Поистине, „не превзойти превращений в сфере Неба и Земли“, „негоже пренебрегать всем сущим в природе“^[226]».

Император проследовал в тронный зал, где собрались придворные, даосский и буддийский монахи, и возвестил:

– Деревья прибыли на судоверфь. Благодарим Государева советника за помощь.

– Милость императора достигла Неба, посему содействие ему оказывают все духи и святые. Волны ниспосланы свыше, деревья сами

поплыли по реке – осмелюсь ли я, ничтожный, приписывать себе небесные заслуги? – отвечивал монах.

В его словах было столько скромности и самоуничижения, что придворные умилились. Император распорядился немедленно приступить к работам на судовой верфи. Он также потребовал:

- Управлению судовой верфи надобны еще чиновники для надзора и руководства.

Не успел слово молвить, как вперед выступил министр общественных работ евнух Ма:

- Строительство кораблей – дело нашего ведомства, я, смиренный, не уклонюсь от трудной обязанности. Изъявляю желание возглавить работы.

Император произнес:

- Деяние сие громаднейшее, негоже взваливать всё на одного человека. Следует еще поразмыслить.

Не успел договорить – вперед выступил военный министр господин Ван:

- Строительство кораблей архиважно. Я, ничтожный, также желал бы руководить работами.

Император воскликнул:

- Поистине, таковы мои сановники: как сказал Конфуций, «заботятся о делах и не думают о пропитании»^[227].

И тут к трону приблизился старший евнух дворцового Инспектората церемоний:

- Я, Ваш раб, мечтаю вместе с почтенными господами руководить строительством.

Император похвалил:

- Мои приближенные не способны вести праздный образ жизни. Им ли бояться морей-океанов! Сразу вызвались двое министров и дворцовый служака-евнух!

Засим государь покинул дворец, придворные разошлись, Небесный наставник и настоятель Цзинь Бифэн вернулись восвояси, а Саньбао и оба министра сели в паланкины и отправились на судовой верфь – служки с дубинками в руках прокладывали им дорогу.

По прибытии сошли с паланкинов, церемонно приветствовали наблюдавших за работами чиновников, проверили все казенные бумаги и списки мастеровых, провели ритуал сожжения ароматной бумаги для поклонения духам неба и земли, символически раскололи бревно и положили почин стройке. Всё бы хорошо, да только уж больно крепкими оказались старые деревья, выросшие высоко в горах: стволы – в десять *чжан* обхватом. Топорами их рубили – не перерубили, долотом долбили – не раздолбили, теслом тесали – не обтесали, пилой пилили – не распилили, лопатами колошматили – не раздробили, рубанком строгали – не обстругали. Более месяца усердствовали, а дело с места не сдвинулось. Ежедневно паланкины

высокопоставленного дворцового евнуха и обоих министров показывались на судовой верфи. Министр Ма как-то бросил:

– Если работы и дальше будут продвигаться с таким трудом, мы за десять лет одного корабля не построим.

А министр Ван добавил:

– Иначе говоря, и через десять лет не сможем отправиться в Западный океан.

Саньбао с усмешкой заявил:

– Вы, господа министры, и через десять лет останетесь кабинетными червями.

«За строительство судов отвечает мое ведомство, это моя прямая обязанность», – решил министр Ма и замыслил втайне от всех отправиться в буддийский храм Чангань и бить челом настоятелю Цзинь Бифэну.

– Дело сие касается двух элементов – земли и дерева, – изрек настоятель, – посему ваши знания бесполезны. Пригласите умельцев Поднебесной, у них секрет мастерства.

Министр Ма откланялся, однако же эти слова крепко запали ему в душу – может, и вправду иначе не добьешься успеха!?

В один из дней, когда он ехал в паланкине, ему вдруг снова вспомнился совет настоятеля, и он наконец уразумел, что успех строительства кораблей воистину заключен в сих словах. И вот уже объявления начертаны и вывешены на проезжем тракте: «Приглашаются мастера Поднебесной. Тем, кто справится с работой, будет пожалована чиновничья должность. Быть по сему!» Мастера Поднебесной, не смущаясь дальностью пути, примчались со всех концов страны. Было их превеликое множество, нашлись и настоящие умельцы. Они стволы топорами рубили – разрубили, долотом долбили – продолбили, теслом тесали – обтесали, пилой пилили – распилили, лопатами колошматили – раздолбали, рубанком строгали – обстругали. Попросили принести хранившиеся у настоятеля Цзиня чертежи кораблей-сокровищниц и построили всё аккуратно по чертежам: и длина, и ширина, и форма судов – всё совпадало точка в точку. Лишь четыре судна, согласно императорскому указу, отличались от прочих. Первое – это флагманский корабль. На нем главный вход, двери во внутренние помещения, парадные красные ступени, приемная для аудиенций, длинные коридоры, внутренние покои, различные залы, боковые флигеля, а еще кабинет и канцелярия. Всюду расписные балки, резные стропила и стрехи; черепичные карнизы закручены на концах, как хоботы слонов, на карнизах – металлические сетки от птичьего помета.

Второй корабль предназначался помощнику главнокомандующего и почти в точности повторял устройство первого.

Третий корабль – резиденция буддийского монаха, на нем воспроизводилась обстановка храма Лазоревый пик. Пройдешь главные ворота и попадаешь в Зал ваджры^[228], далее – Зал четырех Небесных

Владык, стражей сторон света: по обе стороны – глиняные ваджры (**Ил. 20**), резные деревянные фигуры Будд, насылающих «благоприятную погоду для урожая». Позади – главный Зал Великой отваги: там возвышалась статуя Пратьекабудды^[229], а по обе стороны от него – вырезанные из сандалового дерева фигуры восемнадцати архатов, каждая более семи *чи* высотой. Позади – Зал будды Вайрочаны, а еще келья настоятеля и Зал созерцания. В центре последнего – трон Будды в виде Драгоценного лотоса с тысячью золотых лепестков, он так и называется – Лotosовый трон. Возвышалась там и башня Высокого доверия в три с половиной *чжана* высотой, по обеим сторонам коей расположились статуи охраняющих дхармы божеств и были начертаны восхваления Будде.

Четвертый корабль – резиденция Небесного наставника. Там тоже имелись главные и внутренние ворота, за ними – Зал богини Сиванму^[230] с вечноцветущими персиками бессмертия. В центре – Зал даосских божеств Трех небесных сфер: Нефритовой, Высокой и Великой чистоты; позади – кабинет Нефритового императора, а еще дальше – Башня сосредоточенности духа. На ней изображены четыре небесных полководца – Ма, Чжао, Вэнь и Гуань^[231], а по обе стороны – тридцать шесть духов звезд Большой Медведицы и семьдесят два демона земли, спускающихся с этого созвездия. А еще был Зал праведников с редкими цветами и экзотическими травами – ну чем не райский уголок на земле! Всё это были владения Небесного наставника Чжана с горы Дракона и тигра.

На украшение сих кораблей ушло несчетно золота; в них было вложено немало дум и забот самого императора.

Гуманная власть созвучна небесным светилам,
Ведет к процветанью верность небесным силам.
Но ежели черные стяги поднимутся вновь,
В ответ зазвучит барабанная дробь.
И варваров тех, что вовек непокорны судьбе,
Жестокая кара настигнет в небесном суде.

Не прошло и восьми месяцев, как строительство флотилии было завершено. Министры Ма и Ван, дворцовый евнух Саньбао составили докладную императору: «Корабли построены, просим Ваше Величество милостиво принять сию бумагу». Император прочел послание, и очи светлейшего загорелись гневом. Он немедленно созвал всех сановников и возгласил:

– Ведомство общественных работ уведомило о завершении строительства кораблей. Так ли это на самом деле?

От рядов приближенных отделился министр Ма:

– Государь, нам выпала великая удача, посему мы исполнили работы в кратчайшие сроки.

Тут же отвесил поклон министр Ван:

– Буде Небо и Земля находятся в строгом согласии, то и бесы, и духи поспешествуют. Посему и стало возможно столь стремительно осуществить строительство армады.

Свое слово молвил и Саньбао:

– Мы, ваши рабы, даже ночью при звездах неустанно усердствовали и свершили задуманное.

– Как вы, подлые холопы, смеете обманывать своего государя! – взорвался император. – Неужли сие великое дело возможно завершить в столь краткие сроки?

Сановники пали ниц и, отбивая поклоны, возопили: «Кто посмеет лукавить пред Высочайшим?» Император окинул придворных драконьим взором, видит – лишь один среди всех рта не открыл: это был Лю Правдивый. Государь осведомился, отчего тот молчит, и Лю отозвался:

– Верноподданный не вмешивается, доколе не спрашивают, но не свершит и грех умолчания. Ничтожный тоже разложил гадательные палочки, но не успел поведать об исходе гадания. Похоже, что в работах на верфи не обошлось без вмешательства небесных сил, посему дело так споро и успешно закончено. Государю не следует сомневаться.

Высочайший смилостивился:

– Желаю собственными глазами взглянуть на святого, кой нам посодействовал, тогда и поверю.

– Ну, что же, – откликнулся Лю, – сие несложно. Как говорят при жертвоприношениях в храмах Неба и Земли, нет искренности – духи не откликаются, проявишь искренность – святые появляются.

– Коли так, – молвил Высочайший, – три дня стану поститься, семь дней соблюдать буддийские обеты воздержания, а засим лично отправлюсь на судоверфь. Велю к тому времени сделать помост из девяти столов, составленных один над другим, и буде святой опустится на них с небес – тогда и поверю.

Тут сановники в один голос вскричали: «Благоговейно следуем высочайшему повелению!» Императорский экипаж покинул дворец, разошлись и сановники. А министр Ма, сложив ладони, с низким поклоном обратился к Лю:

– Высочайший возжелал узреть святого. Как устроить подобную встречу?

Господин Лю заверил, что в седьмой день месяца святой самолично спустится на землю, иначе господина Ма сии обещания не успокоили.

И вот настал долгожданный день, император сел в колесницу и в сопровождении свиты прибыл на судоверфь. А там уже соорудили помост из девяти столов, покрытых знаменитым цзиньчжоуским лаком. Императорский кортеж приблизился, и все замерли в ожидании небожителя. Ежели не исполнится, значит, не сбудутся надежды императора, и тогда уж ни сановникам, ни мастерам не избежать

казни. А коли речь зашла об отсечении головы, то кто не съежится от страха, чья душа не затрепещет от ужаса? Явится ли небожитель? Долгонько тянулось время, но показался только повар, суетившийся до того у котла на кухне, – востропанный и босой. В таком виде он и обратился к толпившимся:

– Я тут семь месяцев незаслуженно получал жалование, зато нынче расстараюсь ради дорогих гостей. Только вы должны хором позвать: «Святой, явись!» Помогите мне, и я обрету свой подлинный облик.

Собравшиеся громко кликнули – и доблестный повар обернулся святым и взлетел на помост. Тут даже император подивился:

– Не утверждай, что духов нет, они реально существуют, – и осведомился, как величать святого. Тот ответил:

– Я есмь имя, имя есмь я.

Высочайший лишь на минуту обернулся что-то сказать приближенным, а когда вновь глянул – святого и след простыл. Император возрадовался: ныне небожители помогли в постройке кораблей, а завтра благопоспешат в плавании. Он созвал мастеровых, а те, узрев императорский экипаж, с ходу бухнулись на колени, словно у них кости размякли. Император истребовал:

– Что за человек был там на помосте и как его имя?

Мастеровые ответствовали, что это повар, он из рода Цзэн, но имя его неизвестно. Император подивился, отчего тот так странно одет. Мастеровые поведали, что повар целыми днями ходит босой и со всклокоченной головой, но к поясу его привязаны четыре жемчужины величиной с кулак, а на ногах татуировки: на левой – тигр с жемчужиной в пасти, на правой – пион в окружении орхидей. Брюхо у него необъятное: оставишь миску еды – слопаёт всё дочиста, оставишь ведро – умнёт и его, а ничего не оставишь – может несколько дней вообще голодать. Император изрек:

– Воистину святой!

Он отпустил мастеровых и призвал к себе Лю Правдивого, дабы тот снова погадал и прознал имя святого. Лю ответил, что тут и гадать нечего, и запросто растолковал, каким образом имя святого зашифровано в его облике:

– В иероглиф 𠂇 – «цзэн», обозначающий родовую фамилию, – следует добавить посредине четыре точки, на что указывают привязанные к поясу четыре жемчужины, – новый иероглиф 𠂇 будет звучать как «лу». А дальше соединяем два иероглифа 𠂇 – «царь», на что намекают татуировки: на одной ноге тигр, царь зверей, на другой пион, царь цветов. Добавив к ним точку – жемчужину в пасти тигра – и откидную черту от иероглифа «орхидея», получим иероглиф 𠂇, он звучит как «бань». Сие означает, что нам помогал Лу Бань^[232]. Потому-то он и ответил: «Я есмь имя, а имя есмь я».

Его Величество согласился:

– Разумно! – и повелел пригласить на аудиенцию буддийского настоятеля.

Монах, увидев императорский экипаж, улыбнулся:

– Ныне Лу Бань узрел Сына Неба.

Император подивился, откуда почтеннейший прознал об этом. Тот признался, что именно он посоветовал министру Ма обратиться к небожителям.

– Как так? – переспросил император.

Настоятель пересказал свой разговор с господином Ма.

Император глубоко почитал настоятеля, а тот в свою очередь безгранично уважал Лю Правдивого. Государь тотчас повелел летописцу занести их имена в книгу подвигов и распределения наград и щедро одарил обоих. Засим экипаж двинулся к реке, дабы Высочайший смог взглянуть на корабли. Их величие воспевается в «Оде кораблям»:

Тысячи лет рубили деревья, долбили бревна,

Юй Шо и Гун Гу^[233] сделали лодку удобной.

С древних времен – из полых деревьев суда на воде,

Хвалу воздаем буйкам и ханьской слюде^[234].

О, скольким героям в прошлом несли корабли победы,

Военная джонка и ветер попутный об этом поведал.

Дивные лодки знаток мастерил из дерева груш и магнолий,

О, сколько чудес удивительных длительный мир готовит...

Слышно – в Цзянлине рубят стволы, валят без сожаленья,

Значит, в Куньмине^[235] скоро начнут потешных судов сраженье.

Быстрые кони, драконовы лодки^[236] – слава витязям нашим,

Цаплей украшен иль уткую нос кораблей^[237] – враг им не страшен.

Соколы сизые! Опередить всех и везде посмели,

Грозны их башни^[238] – то корабли мчатся к заветной цели.

Осмотрев суда, император обратился к настоятелю:

– Великолепная флотилия! Когда же можно отправляться в плавание?

Почтеннейший объяснил, что корабли готовы, но нет якорей.

– Годятся ли те, коими издавна славятся лавки на улице Саньшань?

– Они слишком малы.

– Буде старые якоря не подходят, повелеваем создать новые. Воплощение замысла оставляем полностью на усмотрение Государева советника.

– Надобно тотчас приступить к отливке якорей.

– Здесь присутствуют сановники и военачальники всех ведомств. Кто из вас займется сим делом?

Не успел государь слово молвить, вперед выступил евнух Саньбао:

– Я, ваш раб, готов приступить к работе.

Тотчас к трону приблизились и главы обоих ведомств – Военного и общественных работ, кои тоже выразили подобное пожелание. Император узрел всё тех же трех славных мужей – сердце его возликовало, и он промолвил:

– Весьма признателен вам, господа.

– Стоит ли об этом говорить, – хором откликнулись вельможи, – дело сие касается наших ведомств. Неизвестны нам лишь размеры якорей.

Император признался:

– Сие и нам не ведомо, обратимся к Государеву советнику.

Монах тотчас встал ошую от императора и растолковал:

– Якоря не должны быть слишком велики, иначе будут неповоротливы, но и не слишком малы, не то станут болтаться по дну. Существует три основные категории якорей – высшая, средняя и низшая, а еще в каждой три разряда – итого девять. У якорей высшей категории веретено – 7,3 *чжана* длиной, рога – 3,2 *чжана*, скоба-кольцо^[239] – 8,5 *чи*. У якорей второй категории веретено меньше на два *чжана*, рога – на один, а скоба-кольцо – на три *чи*. У якорей третьей категории веретено и рога меньше на один *чжан*, а скоба-кольцо – на два *чи*. При выплавке размеры якорей следует увеличивать или уменьшать соответственно сим меркам. А еще понадобится несколько сот канатов из пальмового волокна, достаточно прочных, чтобы выдержать вес якоря. Они продеваются в кольцо-скобу, что в верхней части веретена, – вот тогда якорь завершен.

После доклада настоятеля император в сопровождении придворных вернулся во дворец.

А евнух Саньбао и главы двух ведомств, получив наказ императора, распределили сферы работ и отправились за городские ворота, где на огромном пустыре замыслили соорудить якорную мастерскую. Допрежь всего решено было вывесить объявления и пригласить из разных цехов тех мастеровых, кои работают по дереву, железу и меди. Всем было обещано жалованье и пристанище: «Явиться без промедления! Да не посмеют ослушаться!»

Тем временем во все округа провинциального подчинения, области и уезды^[240] послано было несколько десятков «тигровых пластинок» **(Ил. 22)** ^[241] с указанием выдать приглашенным мастерам положенное довольствие, дабы те смогли не мешкая прибыть в якорные мастерские: «Да не посмеют ослушаться!» Повесили объявления на городских стенах, снаружи и внутри: «Всем, кто горазд ковать железо, лить чугун, ковать и выплавлять медь, следует безотложно прибыть в якорную мастерскую. Да не посмеют ослушаться!» Вослед тому начальству округов, областей и уездов вновь разослали «тигровые пластинки», повелев сановникам не дожидаясь рассвета отправить мастеров-кузнецов в якорные мастерские: «Да не посмеют ослушаться!»

Недаром молвят: во дворце обмакнут кисть в тушь – все бегает от утра до темна, во дворце напишут бумагу – народ Поднебесной загоняют до смерти. И вправду, и дня не прошло, как всех мастеровых обеспечили довольствием, и те – из ближних ли, из дальних краев – незамедлительно прибыли к месту работ. Евнух Саньбао уселся в центре, министр Ван ошую, министр Ма одесную. Собрались все сановники, сожгли ритуальные бумажные иконки буддийских святых, принесли жертвы святому-покровителю якорей. Мастера отворили топки печей и почали. Трое главных инспекторов^[242] вернулись каждый в свое присутствие. Как говорится, уже видны победные стяги, уже слышны добрые вести! Да кто же мог предугадать эдакую напасть! Мастера, что отбивали-обжимали молотом ковкое железо из печи, не справились с делом, – кузнецы не смогли отчеканить якоря! Незаметно пролетел месяц – литейщики отлили только четыре рога, кузнецы выковали всего одну скобу.

Сказывают, что главные инспектора раз в три дня посещали якорные мастерские. Раз десять за месяц побывали, а якорей всё не видать. В тот день они снова прибыли в мастерскую и сразу вызвали старост кузнецов, а было их двадцать четыре. Старосты пали ниц, и евнух Саньбао осведомился, как идет работа. Те ответствовали, что выковали лишь одно кольцо-скобу.

– Вместо якорей какие-то кольца куετε! – вскричал Саньбао и приказал всыпать по тридцать палок каждому. Старосты завопили, что эти скобы используются на якорях.

– Где это видано, чтобы на якоре была скоба? – изумился Саньбао.

– Господин высокий, – ответили старосты, – разве вы не слышали присказку «нет скобы – зря якоря искать поныне»?

От этих слов Саньбао еще боле рассвирепел и заорал:

– Ах вы, сукины сыны, как смеее переверять каноны и обвинять меня в невежестве! Неужто думаете, я не знаю сей цитаты? Только хоть и звучит похоже, но означает-то иное: «...мы скорбим. Зазря таких искать поныне»^[243].

Поелико ни один из мастеров не справился с работой как положено и тем нарушил императорский эдикт, их следовало наказать. И тут же был начертан приказ: «Отвести мастеровых под конвоем к устью реки, отрубить головы и выставить на всеобщее обозрение». Ох, беда! Сколько убиенных душ – и добрых, и злых^[244] – погрузились в водную пучину!

Сказывают, что опосля того вызвали старост мастеров-литейщиков, и было их ровно двадцать четыре. А те меж собой решили: как предстанут пред господами, не изъясняться по-книжному, а говорить по-простому, да и речь вести лишь о том, что видишь. Привели их к адмиралу, тот спрашивает:

– Как идет отливка якорей?

Старосты хором:

– Уж мы и так, и эдак пробовали, но пока не закончили.
– Раз не справились, вам положено по тридцать ударов батогами, – объявил Саньбао и приказал приближенным приступить к экзекуции.

Старосты бухнулись на колени и взмолились:

– Господин, да мы не сдюжим.

– Что значит не сдюжим? – возмутился евнух.

Тут мастера наперебой возопили:

– Сами-то мы духом крепки, что сталь закаленная, но наши тела не железные и не выдержат батогов.

Саньбао заорал, взъярившись:

– Ах, сукины сыны! Вместо того чтобы использовать железо для выплавки якорей, закаляли себя как сталь! За беззастенчивый грабеж казенного имущества понесете надлежащее наказание!

И приказал конвоировать мастеров к устью реки, отрубить головы и выставить на всеобщее обозрение. Ну и беда! Сколько душ упокоились в одно утро!

Сказывают, что после казни старост назначили новых. Токмо прибывшие из разных провинций мастера узрели местные порядки, как тут было не насторожиться, не взволноваться, не перепугаться насмерть – аж душа ушла в пятки! Как тут было не поусердствовать! Снова бумагу жертвенную сжигают и к выплавке якорей приступают. А всё не идет на лад работа – ни у литейщиков, ни у кузнецов, хоть и не сосчитать, сколько их умерло от изнеможения. Как быть инспекторам? Оказать снисхождение – не успеют выполнить работу в срок. Проявить строгость – так ведь простой народ не виноват. Воскурили они благовония и обратились с мольбой к Небу.

И вот в один из дней, покуда трое сановников беседовали в мастерской, а ремесленники наслаждались полуденным отдыхом, откуда-то донеслись шум, гам и крики. Евнух Саньбао сам был заядлым спорщиком и тотчас послал приближенных узнать, кто там горланит. Вот уж поистине тигр в овечьем стаде: строгий командир распекает войско! Привели горлопанов. Господин обратился к ним:

– Якоря еще не отлили, с чего раскричались?

– Да мы ни при чем, – оправдывался десятник, – это уличный горшечник. Явился нежданно-негаданно и предлагает чинить посуду.

– Где же он? – вскричал Саньбао.

– В мастерской, – отвечал десятник.

– Немедля привести! – велел Саньбао.

Служки поспешно исполнили приказание. Горшечник был по натуре человек своенравный, вольный и независимый – ему ли заботиться о мнении чиновников? Представ перед господами, он бросил свои вещички и громко рыгнул. Приближенные возмутились, что за странное приветствие. А тот в ответ процитировал Конфуция:

– «С использованием ритуала... большие и малые дела они свершали». У вельмож во дворцах, у народа в деревнях, у крестьян на

полях, у дровосеков в горах, у рыбаков с реки – свои ритуалы, даже пастухи и те кричат «Эгэй!» по-своему. Отчего и мне не иметь собственного приветствия?

– Коли ты столь сведущ в церемониях, отчего зарабатываешь на посуде? – спросил его Саньбао.

– Я лудильщик, это и есть мой ритуал. Яко починю много посуды, ритуал будет цениться в изобилии, а яко мало – то и в скудости^[245]. Коли в делах процветание, таков будет и ритуал, а ежели дела идут неважнецки, то и ритуал скромный. Так почему бы знатоку церемоний не починять посуду?

– А что тебе надобно в якорных мастерских? Поелику ты лудильщик, то и чини всякую утварь.

– В мастерских у вас тьма народу – неужто за трапезой чашки не разобьют? Как говорится, «у кого-то отнимает лишнее, кому-то прибавляет недостающее»^[246]. Тут-то и понадобится горшечник.

– Ладно, коли так. Но пошто кричишь, да еще высоко берешь, норов свой показываешь?

– Да разве я высоко беру? Это вы, почтеннейший, в скором времени высоко взойдете! Неужто я показываю свой норов? Это вы, господин, проявляете себя как муж высокого нрава.

– Сей холоп, – отрезал Саньбао, – не возьмет в толк смысл высоких речений.

– Зато я кое-что смыслю в ремеслах, – возразил горшечник.

– И каким же мастерством ты владеешь?

– Не смею лукавить, прямо скажу: мне, ничтожному, сподручно и чашки лудить, и патры, и котлы, и бачки. Дерзну починить и паланкин, в коем восседает почтеннейший, да и вашу мастерскую, а хоть бы и якоря выковать.

Саньбао, сам нрава необузданного, взрывался на болтовню да бахвальство горшечника то гневом, то смехом. Однако слова о том, что тот сведущ в якорном деле, прожгли его сердце:

– Что за чушь ты несешь, человек! Горазд чинить чашки, патры, котлы, бачки – ну и ладно! На худой конец, и паланкин наладь. Но ты берешься выковать якоря – и как же ты эдакое сотворишь?

– Древние хроники молвят, что чинить – значит искоренять старое и вводить новое, – витиевато молвил горшечник.

– Как же отлить якорь?

– Во всяком деле свои законы; зная их, всё одолеешь.

«Ну и бахвал, – подумал Саньбао. – Где это видано, чтобы горшечник ковал якоря?» Но вслух ничего не произнес. Господин Ван, сидя одесную, разгадал его мысли: «Конфуций говорил, что благородный муж „...прежде осуществляет задуманное, а потом уже говорит об этом“. Стоит ли верить болтовне ничтожного бродяжки!» Господин Ма, сидевший ошую, вставил:

– За высокими словами должны следовать великие деяния. Ученики Конфуция писали, что не «по внешности и речам судят о человеке»! Токмо ежели мастеров благословит Небо, якоря будут выплавлены.

Хотя последние слова министра Ма и не содержали глубокого смысла, они словно пробудили Саньбао – тот будто очнулся от похмелья, прозрел и бросил горшечнику:

– Докажи делом.

– И докажу! – воскликнул тот.

Саньбао приказал прислужникам накрыть чай. Взял одну чашку, но не донес до рта, а замахнулся и зашвырнул – да так далеко, что и не углядеть куда. Чашка разбилась вдребезги.

– Коль скоро ты такой мастер, – объявил Саньбао, – почини посудину, тогда и поглядим на твое умение.

– Не велика штукавина, да есть загвоздочка, – молвил горшечник. – Сын Неба не посылает солдат в бой голодными. Всяко мастерство надобно поощрять. Коли господин требует исполнения приказания, пусть прежде напоит меня, ничтожного, вином, накормит мясом да пампушками.

– А сколько осилишь?

– Свиную голову целиком, а пампушек – так сотню, вина хорошего ли, плохого – полный кувшин!

– Ну, это-то раздобыть нетрудно! – воскликнул Саньбао и повелел немедленно принести вино, свиную голову и пампушек.

Высший кликнет – низшие подчиняются. Принесли снедь.

– Вино перед тобой. Пей! – повелел командующий.

Горшечник одной рукой схватил кувшин, другой выдернул затычку и, не обращая внимания, кислое ли оно, сладкое, горькое ли, терпкое, сделал глоток. И враз отхлебнул полкувшина. Приближенные остерегли:

– Ты бы наперед мясного откушал!

– Да мне всё одно, и так пойдет, – буркнул горшечник. Засим взялся за свиную голову и быстрехонько справился с ней. Налег на пампушки – и умял всю сотню. Взгляните, по трем тропкам пробежал торопко^[247].

– Ну, теперь приступай к делу, – поощрил Саньбао.

Горшечник вздохнул:

– Уважаемый господин, ваше угощение зело обильно, дозвоьте чуток вздремнуть, тогда и примусь за дело.

В тот день Саньбао был в добром расположении духа, посему согласился:

– Ладно, отдохни.

Произнося эти слова, мог ли он помыслить, что перед ним ученик Чэнь Туаня^[248], и уж что-что, а поспать-то он горазд? С одного раза не разбудили, со второго не растормошили, с третьего не подняли. Ждал-ждал Саньбао, рассвирепел и велел служкам без промедления

привести горшечника в чувство. Те стали изо всех сил тормозить соню – а он не просыпается. Командующий в ярости распорядился доставить к нему горшечника прямо на лежанке. Служки внесли лежанку и поставили перед господами. Сказать, что горшечник притворяется, – так ведь храпит, будто гром гремит; сказать, что он вправду спит, – так ведь нет человека, коего не вможуту добудиться.

Тут Саньбао аж ногами затопал. Что делать? Велел служкам применить орудие пытки – ножной зажим. Двое ухватили спящего за ноги и втиснули его ступни меж двух деревянных дощечек, стянув их веревкой. Да ведь он и тут не проснулся! Затянули веревки потуже и пару раз огрели мужика молотком по пяткам. Как вдруг один из слуг, что совершал экзекуцию, отчаянно завопил.

– Пошто орешь? – удивился Саньбао.

Тот в ответ:

– Меня что-то больно ударило по ноге.

– Не того дубасил, что ли? Я сам прослежу, – заметил Саньбао, пристально глядя, как слуги взяли молоток и принялись колотить спящего по ногам.

Но тут взвизгнул от боли второй служка – удар пришелся ему по лодыжке. Командующий приказал:

– Огрейте-ка соню еще разок.

Приказ выполнили, но тут заорал третий служка – и его долбануло. Тогда Саньбао приказал снять зажим и принести батоги, да потолще, а когда их притащили, велел лупить ими спящего со всего размаху. Только видит – сперва дубинка заехала по ноге тому, кто держал голову горшечника, второй удар пришелся по державшему ноги, а третий – самому экзекутору по икрам.

– Не иначе колдовство какое-то, – подивился Саньбао.

– Ежели дубинка заколдована, надо поставить спящему на ногу клеймо, дабы она не отклонялась в сторону, – предложил господин Ван.

Саньбао не пожалел собственную инспекторскую печать, после чего избиение продолжалось. Следующий удар пришелся как раз по клейму, и оно вроде как скрипнуло.

– Нечего зря стараться, – смирился господин Ма, – придется подождать, покуда он сам проснется. Видать, человек сей владеет каким-то волшебным даром.

Саньбао тоже не мог ничего придумать и велел слугам оставаться на местах. Долго они стояли молча, а горшечник всё храпел. Саньбао приказал отнести лежанку к алым ступеням дворцового крыльца.

Вот уж солнце – золотая птица – к западу клонится, а луна – нефритовый заяц – на востоке поднимается. Трое инспекторов всё совещаются. Как вдруг видят – спящий зевнул, потянулся-изогнулся, почесался, слез с лежанки и предстал перед ними. Саньбао заорал:

– Ах ты, презренный чревоугодник! Из-за тебя задерживается свершение великих деяний!

– Я немного припоздал, за это починю больше чашек.
– У нас здесь только одна разбита, – возразил Саньбао. – Что еще ты собираешься чинить?

– Давайте ее сюда, – попросил горшечник.

Прислужники собрали осколки и передали ему. Но поелику они гневались на горшечника, то несколько осколков припрятали. Им ли знать, что мастер не сверлом дыры проделывает, не скобой трещины скрепляет!? Он набрал полную пригоршню фарфоровых осколков и стал пересыпать их из левой руки в правую, из правой – в левую, поплевал-поплевал, покрутил-повертел – и чашка снова целехонька. Горшечник обеими руками преподнес ее Саньбао. Евнух обрадовался, но виду не подал. А горшечник осведомился:

– Буде есть еще какая разбитая утварь, я и ее починю – вовек не сломается.

Саньбао попытал служек, а те, желая угодить командующему, намеренно разбили кое-что и принесли горшечнику. Вот уже на полу грудой свалены перебитые тарелки, чашки, пиалы, блюдца. Вы только полюбуйтесь на его сноровку! Поплюет-поплюет, из руки в руку переложит – и чашка готова скорей, чем если бы ее обжигали в гончарне. Только подноси да уноси! Саньбао призадумался: «Это не обычный человек, он наверняка преуспеет и в создании якорей». И приказал:

– Ты обмолвился, что сможешь выковать якоря. Берись за дело, а мы поглядим.

– Уважаемый, ежели есть сломанные якоря, я готов их починить, а коли нет, сделаю новые.

– Справишься с якорями – доложим во дворец, тебе пожалуйт чиновничью должность, выдадут хорошее жалование.

– На что мне ваши чины, жалованье, награды!

– Чего же тебе надобно?

– Починать дело честь по чести. Да боюсь, сие непросто.

– Отчего же?

– Хочу, чтобы почести мне оказали.

– Ты это о чем?

– Соорудите помост, поклонитесь мне как учителю, вручите меч и дозвоьте вести дела по своему разумению с правом казнить и миловать, да не подгоняйте.

– Помост сколотить несложно, не грех и поклониться, и меч вручить, и дать волю судьбами распоряжаться, а вот не торопить трудновато.

– Что так?

– Император установил срок, и не в нашей власти своевольничать.

– Каков же сей срок?

– Сто дней.

– Дак ведь впереди куча времени!

- Сорок дней уж минуло.
- А шестьдесят осталось. Столько и не понадобится!
- Добро, коли так.

Министр Ван приказал было всё подготовить для церемонии, но вмешался министр Ма:

- Допрежь следует оповестить государя, так-то оно надежнее.
- Господин Ма прав, - согласился Саньбао. - Завтра доложу императору, а уж тогда и помост построим, и поклоны отобьем.

Саньбао приступил к расспросам - как зовут горшечника, откуда родом.

- Я из области в Шаньдуне. Ни имени своего, ни фамилии не знаю. С детства наострился чинить да лудить, потому меня и прозвали Лудильщик - Динцзяо, а когда мне на плечи повесили тыкву, как у путешествующих даосских святых, все стали кричать мне вслед: Тыква-Лудильщик - Хулу Динцзяо.

- Ладно, будем звать тебя просто Ху Динцзяо^[249], - порешил командующий. Он поднялся, приказав чиновникам оказать этому человеку гостеприимство.

Как сказано в песне:

И облака, и луна так холодны и бесстрастны!
В мире подлунном покой - праведный Ху, среди нас ты.
В нирвану он погружен, над миром парит человеческим,
Но, как Земля и Небо, он постоянен и вечен.
На запад пойдут корабли - путь их далек и труден,
Ху мастерит якоря - с нами удача пребудет.

Сказывают, что назавтра с зарей трое почтенных инспекторов отправились на аудиенцию к государю. Первым доложил евнух Саньбао:

- Я, ваш раб, по высочайшему повелению посетил якорную мастерскую, дабы проследить за отливкой якорей. Надобны якоря небывалой величины, обычному смертному не справиться. Вечор повстречался мне некий человек родом из уезда Пэнлай^[250], по фамилии Ху, а по имени Динцзяо. Он бахвалится, что искусен в выделке якорей и в назначенный срок выполнит работу. Я, ваш верный слуга, не осмелился самолично распорядиться. Бью челом, прошу пожаловать тому мастеру императорскую грамоту и драгоценный меч, дабы смог он с этими полномочиями приступить к делу. Буде дождемся успешного окончания работ, уведомим Ваше Величество особо для принятия окончательного решения.

Императорский указ гласил: «Вручить грамоту, пожаловать меч». Саньбао почтительно принял и то, и другое, сел в паланкин и отбыл в якорную мастерскую. Оба министра уже дожидались там. Трое инспекторов, приветствовав друг друга, расселись по ранжиру и немедля приказали построить помост, приготовить пару золотых

цветов^[251], по четыре куска шелка и атласа, а еще принести по паре свиней и жертвенных баранов, две сотни пампушек и два чана вина. Затем пригласили Ху Динцзяо и предложили тому взойти на помост. Трое вельмож поклонились ему как учителю, вручили высочайший указ, меч и разнообразные подарки. Ху Динцзяо принял грамоту и меч, а цветы и подарки раздал мастерам. Те поклонились: «Сему горшечнику сподручно осилить любое дело!»

Сказывают, что инспектора вернулись в столицу, наказав местным чиновникам оказывать Ху всяческое содействие. Еще не смолкли их голоса, как Лудильщик взял в одну руку императорский указ, в другую меч, уселся на помост, велел мастерам приблизиться и опуститься перед ним на колени – мастера повинувались, а он молвил:

– Солдат подчиняется приказу с печатью, генерал – тигровой бирке. Ноне мне дарованы большие полномочия, а потому вы, мастера, следуйте моим указаниям.

– Приказывай! – откликнулись те.

Ху Динцзяо продолжал:

– Не стану давать непосильных поручений. Но ежели повелю отправиться в путь, все должны тронуться с места, прикажу остановиться – всем стоять, в какую сторону прикажу повернуть, туда и шагайте. Ослушников буду казнить по законам войны. Вот сим мечом!

Мастера решили, что правила вроде немудреные, и одобрительно загудели. Ху, довольный, кивнул, спустился с помоста, вышел за ворота и окинул приметливым взором горы, воды и земли окрест. Вернувшись, потребовал вина, мяса, пампушек – чиновники повинувались. Пир продолжался целую ночь.

Поутру Ху поднялся на рассвете и, не умывшись, не причесавшись, не поев, приказал мастерам принести пятьсот тростниковых циновок и расстелить их на отмели. Циновки немедленно были доставлены. Мастер отмерил шагами расстояние и повелел соорудить из тех циновок навес, открытый со всех сторон. По завершении работ он уселся в центре под навесом, прикрепил императорскую грамоту, повесил меч и засим повелел мастерам плотно завесить его снаружи циновками. А еще запретил подходить к нему ближе чем на сто шагов, шуметь, окликать его либо подслушивать. Мастера не посмели перечить тому, кто владел императорским указом и мечом. Никто не ведал, чем он занимается там внутри. Когда прибыли почтенные инспекторы проследить за ходом работ, и они не решились беспокоить Ху. Мастера тем временем что-то заколачивали, отливали железо – никто не сидел без дела.

Дни бежали один за другим, незаметно пролетела неделя. Месяц на небе стал тонким, как серп, – прошла еще неделя. Тут мастера забеспокоились. Одни говорили – сидит, мозгами раскидывает, другие намекали, что он обманул господ и потихоньку скрылся, как золотая цикада, что сбрасывает оболочку. Некоторые утверждали, что он там

просто дрыхнет. Только трое вельмож догадывались, что святой старец занят делом, и приказали не беспокоить его. К концу второй недели Ху Динцзяо руками и ногами принялся разбрасывать тростниковые циновки и кликнул работников помочь разобрать навес. Множество рук мгновенно всё исполнили, осталась лишь одна циновка – та, что посередине. Ху указал на нее со словами:

– Здесь в центре грамота и меч, не сдвигайте циновку.

Все подчинились. Ху начертил вокруг семижды семь – сорок девять кругов, по форме похожих на круглые жернова, и приказал мастеровым в каждом круге установить печь. Это были не какие-то там печурки: всякая – почти десять *чжан* в обхвате, около 2,4 *чжана* высотой. В каждой печи в соответствии с расположением сторон света по триграммам и гексаграммам «Ицзина» оставили небольшие отверстия для притока воздуха, а напротив гексаграммы, означающей «радость», соорудили небольшой помост и установили на нем чиновничье кресло.

Выбрали благоприятное время для начала работ – полдень следующего дня. Лавочникам приказано было доставить железо, мастеровым – уголь и заложить в достатке то и другое в печи, сколько бы ни понадобилось. На завтра к полудню железо и уголь были доставлены. Ху Динцзяо пригласил трех вельмож. Принесли в жертву свинью и барана, расставили чай и вино, сожгли ритуальные бумажные деньги, после чего развели в печах огонь и приступили к работе. Стоило инспекторам отбыть, как Ху Динцзяо взошел на помост, подул-пошептал что-то в отверстия на месте триграмм, помахал руками, глядь – из печных дверок вырвались ветер и пламя, кои яростно боролись меж собой: то огонь одолевал ветер, то ветер раздувал огонь. И уже невозможно было различить, день ли, ночь ли стоит – всё было озарено ярким светом. Камышовый остров, сплошь покрытый – семижды по семь – сорока девятью громадными печами, превратился в огнедышащую гору.

Незаметно пробежала неделя, а вдогон еще одна. К концу второй недели на несколько десятков *ли* вокруг островка не то сказать, что трава засохла, – камни потрескались, а земля раскалилась докрасна так, что по ней ни ногой не ступить, ни птице не пролететь. Ху Динцзяо понял, что процесс внутри печей завершен. Спустился с помоста и предстал пред инспекторами. Саньбао вежливо поинтересовался, как продвигается отливка якорей, и Ху доложил, что якоря готовы. Саньбао подивился, где же они. Ху Динцзяо в ответ:

– Якоря в земле.

Тогда командующий повелел:

– Коли так, пошлите людей поскорей достать их и представить нам.

Лудильщик пояснил, что якоря не остыли и вытаскивать их рано.

– Когда же настанет нужный час?

– Нынче поздно вечером прольется дождь, небо прояснится только ночью. А завтра с утра доложу об исполнении приказа.

Ожидание не давало покоя Саньбао, он с нетерпением ждал темноты, а затем – рассвета. И верно – с вечера хлынул дождь, ночью небо очистилось, и вот наступило долгожданное утро. Ху Динцзяо пригласил почтеннейших вельмож взглянуть на якоря. Земля на острове всё еще жгла ноги. Ху приблизился к лежавшей в центре циновке – под ней были скрыты не тронутые пламенем императорский меч и грамота. Изумленные инспектора только покачали головами. Сказывают, что тогда-то Ху Динцзяо и приказал: «А ну, работяги, тащите лопаты!» И пошло – только и слышен звон да лязг, только и видно, как землю копают да совками в корзины скидывают. Наконец в глубине ямы показались якоря. Господа возликовали. А Ху Динцзяо возгласил:

– Дозвольте обратиться, почтеннейшие! Возвращаю указ и меч. Якорей сих хватит на всю флотилию. Сколько есть кораблей – на каждом установите по нескольку, да только ни сейчас, ни впредь не пытайтесь их исчислить.

Саньбао удивился:

– Как так, не считать?!

Не отвечая, мастер Ху исчез. Инспектора были ошеломлены. И в сей миг стража у ворот доложила о прибытии Небесного наставника. Вельможи, преодолевая оторопь, с церемонным приветствием вышли ему навстречу. Наставник Чжан пожелал узнать, как идет выплавка якорей.

Саньбао подробнее поведал о появлении Ху Динцзяо и всех событиях, с ним связанных.

– Так вот оно что! – воскликнул даосский патриарх.

Вельможи поинтересовались, знает ли почтенный Чжан этого человека, и тот пояснил:

– Говорят, что он – существо необычное, Золотой отрок^[252] из небесных сфер, его называют Ху Динцзяо – его имя означает «Утверждающий учение».

Министр Ван смекнул, что не стоит удивляться словам мастера о том, что в прошлом он был лудильщиком – сим он намекал на созвучие своему подлинному имени. Господин Ма полюбопытствовал:

– А что означает двухнедельное затворничество мастера внутри навеса?

Даос растолковал, что Ху не сидел там всё это время, ибо обладает способностью превращаться в ящера:

– Он проник под землю и разыскал там разные виды якорей.

Саньбао поблагодарил за разъяснение, а министр Ван молвил:

– Прежде чем уйти, мастер пообещал, что якорей достанет на все корабли, но повелел не вести им счет. Посему приказываю немедленно, не сосчитывая, вытащить якоря и установить на каждом корабле так, как повелел святой. За нарушение приказа – казнь.

Услышав такие слова, ни один из мастеров не посмел ослушаться – а якорей и вправду оказалось в избытке.

Небесный наставник отбыл, а инспектора отправились во дворец и доложили: «Якоря изготовлены, ждем высочайшего повеления». Император вознаградил каждого по заслугам. А еще приказано было устроить пир и раздать награды сановникам, а также пригласить Государева наставника спуститься к реке и взглянуть на якоря. Монах Лазоревый пик отправился к кораблям. Видит – рога якорей высоко вздымаются, их лапы – словно огромные когти: хороши якорьки! А вот и «Ода якорям», воспевающая их мощь и красоту:

Кувшинки чаша золотая громадней с каждым днем,
И корневища белоснежны ее связуют с кораблем^[253].

Тот якорь превосходит всё и мощью, и уменьем.

Ай-я! Столь безупречное строенье!

Вдоль берега джонки, корабли военным строем,
Их башни-соколы устремлены навстречу морю...

О корабли! Вам несть числа, вы туч скопление;

На запад путь – к победам и свершеньям.

За флотоводца поднимаем кубки – он нетленен!

О Мин великая – как Небо, неизменна!

Ежели не знаете, как началось плавание, слушайте следующую часть.

Часть вторая^[254],

коя глаголет о вооружении и дислокации флотилии, а также о первых преградах на пути в океан

Сказывают, что почтенный Цзинь вернулся во дворец и признал, что якоря удались на славу и награды должны им соответствовать. Император согласился и направился в тронный зал, военные и гражданские стояли стройными рядами. Высочайший обратился к монаху:

– Корабли и якоря готовы. Когда Государев советник советует выступить в поход?

В тот день по лунному календарю значился четырнадцатый день первого лунного месяца пятого года правления Юнлэ^[255]. Монах объявил:

– Завтра мы встречаем Праздник фонарей – это счастливое событие. Первое полнолуние – также доброе предзнаменование. Свершим обряд сожжения ароматной бумаги с ликом бога богатства, дабы удача сопутствовала нам, и в добрый путь.

Император утвердил назначенный почтенным советником срок и тут же издал соответствующий указ.

Воссев на трон в Золотом зале, император подписал еще несколько указов: призвать главных евнухов из канцелярий строительных работ, ткацко-красильных мастерских и пошива одежды, а также из Инспектората по печатям и Инспектората, ведавшего императорским гардеробом^[256]. Все пятеро евнухов явились и склонились в низком поклоне. Император молвил: «Повелеваю оставить все дела и подготовиться к завтрашнему отплытию кораблей в Западный океан. Всякому сановнику иметь приличествующее рангу одеяние. У Небесного наставника есть подобающее облачение, однако Государев советник его не имеет. Посему повелеваю, дабы сего дни были готовы изукрашенный восемью драгоценными жемчужинами церемониальный атласный шестиугольный колпак буддийского монаха, белоснежное, что рыбе брюшко, парадное платье, бледно-желтая нижняя ряса с обнаженным правым плечом и верхняя расшитая драконами шелковая лоскутная кашья, а еще украшенный яшмой пояс в пять пальцев шириной. Не забыть пару расшитых драконами и фениксами покрывал на колесницу, пару монашеских башмаков, украшенных играющими с жемчужиной драконами, а также золотую табличку с изображением четырех свивающихся змей и драконов».

Пиршественной палате Высочайший повелел сделать приготовления для постного пира, предназначенного лично для Государева советника. А еще накрыть столы для воинов и полководцев, отправляющихся в плавание, а в императорском храме приготовить золотые и серебряные цветы на головные уборы и отрезы разноцветных шелков и атласа, дабы все участники флотилии имели достойные одеяния.

Распоряжения были сделаны, и император не показывался во дворце до самого утра.

И вот трижды прокричал золотой петух. Мгла только-только начала рассеиваться, а император уже восседал на троне, придворные собрались во дворце. Трижды просвистел кнут, гражданские и военные выстроились по обе стороны трона. Государь повелел пригласить Небесного наставника и Государева советника, и те явились одновременно. Его величество возгласил:

– Днесь флот отправляется походом в Западный океан. Наденьте парадные шляпы, завяжите длинные парадные кушаки со свисающими концами. Выезжайте с пышной свитой. Примите титулы и награды, владейте богатствами, пользуйтесь почестями. Уповаем на то, что исполните свой долг с величайшим тщанием, не выказывая

недовольства. Одно лишь печалит вашего государя – это отъезд Государева советника. Нет слов, дабы выразить глубину нашего к вам уважения!

Затем кликнул:

– Где же евнухи?

Все пятеро поспешно приблизились к трону. Император спросил:

– Готовы ли перечисленные нами накануне подношения?

– Наказ исполнен, – подтвердили те.

Император вызвал главу Пиршественной палаты, и чиновник доложил, что и скоромное, и постное – всё приготовлено. Государь спросил служителя императорского храма, изготовлены ли искусственные цветы и красная шелковая материя для участников радостного события, и тот подтвердил, что распоряжение исполнено! Немедля стольникам было велено накрыть пир в девяти залах. В центре расставили постную еду в таком изобилии, что только глазами и осилишь, – сие есть место Государева советника. Место слева предназначалось для Небесного наставника: там на столе скоромное было в таком изобилии, что одного взгляда достаточно, чтобы усладиться. Справа места для двоих, тоже сплошь заставленные яствами: одно – для командующего евнуха Чжэна, другое – для его помощника в будущем походе министра Вана^[257].

В отстроенном для наследного принца дворцовом павильоне Вэньхуа уготовили пиршество для всех воинов и командиров, отправляющихся в далекое плавание. В соседнем павильоне тоже всё расставлено для торжества, там собрались придворные – военные и гражданские чины.

Воистину:

Сей пир начинался прекрасной порой —

Волнующей, пышной, цветущей весной.

Внесли паланкин, перед ним – Хуалин^[258].

Пир состоится у башни Болин.

Вот книжников толпы – дворец ими полон,

В парадных одеждах князя вокруг трона.

Посланцы с востока пируют тут в радости,

Сановники строго расселись на празднестве.

Гостей услаждает «Густая роса»^[259],

Волшебные звуки летят в небеса.

Мы сливовым зельем наполним сосуды,

Мелодии лютни витают повсюду.

Славься, Великая Мин, всеми владеет она,

В восемь концов земли^[260] проникли ее письма.

Прочна золотая чаша^[261] – наследье святых праотцов,

Божественный наш владыка сзывает к себе мудрецов.

И вот, скажу я вам, окончен пир. Доставили парадные одеяния Государева советника, уложили в короб с изображением свивающегося дракона, и по высочайшему повелению сановник Государственной канцелярии и члены императорской фамилии передали короб буддийскому монаху. Затем принесли «золотой жетон» с изображением четырех драконов и собственноручно начертанными императором золотыми иероглифами: «Государев советник Великой Мин – Цзинь Лазоревый пик», и царедворцы вручили его буддисту в знак наделения полномочиями.

Гражданские и военные чины хором восхваляли благородство Советника – ну никак не похож на собирающих подаяние бродячих монахов!

Император тем временем взял по двадцать пар золотых и серебряных цветов, и члены царствующего дома вручили их командующему флотом адмиралу Чжэну. Такие же дары получил от них и вице-адмирал господин Ван. И, как заведено, от имени императора обоим командующим поднесли по три чаши вина и по три сотни бланков для указов с высокими полномочиями принятия решений – как говорится, сначала казнить, потом доложить. Флотоводцы поклонились в знак признательности и, спустившись с тронного помоста, отошли. Император снова взял золотых и серебряных цветов по пятнадцать пар и по стольку же отрезов красного и зеленого шелка и атласа^[262], и чиновники Управления монарших регалий^[263] вручили дары командирам левого и правого авангардов – Чжан Цзи и Лю Иню. Засим по обычаю им поднесли по три чаши вина, украсили цветами головные уборы. Оба командира, поклонившись императору в ноги в знак признательности, спустились с тронного помоста. Затем сановник того же ведомства вручил командирам пяти эскадр по десять пар золотых и серебряных цветов и по десять отрезов алого и зеленого шелков. Такие же дары преподнесли четверым командирам дивизий. Согласно порядку проведения церемонии, они тоже выпили по три чаши вина, воткнули цветы в шляпы, повесили на руку ткани и поклонились императору в ноги в знак благодарности.

Император отдал новые распоряжения: всякому, состоявшему в чине командира окружных военных гарнизонов, вручить по четыре пары золотых и серебряных цветков и по четыре отреза разноцветного шелка и атласа, каждому тысяцкому – по две пары цветков и по два отреза, а сотникам – по паре цветков и одному отрезу. Всяк провиантмейстер получил по две пары золотых и серебряных цветков и по два отреза шелка и атласа, а всяк официальный геомант, чиновник от медицины, военный лекарь и толмач – по одной паре серебряных цветов и по одному отрезу длиной пятьдесят *чи*.

Напоследок император повелел наградить каждого из новобранцев императорской столичной гвардии, находившейся в ведении Военного ведомства, четырьмя отрезами^[264] тафты для летних одежд и восемью

отрезами холста для зимних, а еще десятью *лянами* серебра. Всех призванных из военных поселений – как военнообязанных, так и не входивших в списки личного состава дополнительно рекрутированных – одарить соответственно восемью и двенадцатью отрезами тех же тканей и десятью *лянами* серебра, а всех без исключения матросов кораблей-сокровищниц – десятью отрезами красного и зеленого холста и восемью *лянами* серебра. Император также приказал Ведомству церемоний отобрать монахов и мальчиков-танцоров из Скита духовной музыки, а также даосских монахов из храма Чаотянь – и каждого наградить четырьмя отрезами черного летнего холста и столькими же зимнего, да в придачу пятью *лянами* серебра.

Ни один из отправлявшихся в плавание не был обойден императорскими милостями, а среди тех, кто их удостоился, не было таковых, кои не возрадовались. Ликующие возгласы сотрясали землю, со всех сторон звучали напевы.

Сказывают, что по дворцу был передан приказ: всем командирам во главе с главнокомандующим проверить готовность войска, а Государева советника и Небесного наставника сопровождать на их корабли. Кто дерзнет ослушаться?! Евнух Саньбао и министр Ван в сопровождении командиров левого и правого авангарда, пяти эскадр и четырех дивизий отправились на плац. На командном мостике развернули боевое знамя длиной в двадцать *чжан* с надписью «адмирал». Закололи свинью и зарезали барана, положили бумажные деньги и иконки, затем, согласно обряду, совершили жертвоприношение. Оба командующих возглавляли церемонию, генералы и офицеры один за другим отвешивали пять обычных и три земных поклона. Совершающий обряд приступил к чтению молитвенного текста:

«О непокорный Западный океан, наставник беспокоит просьбой созвездие Дунцзин^[265]. Пройти бы Драконьи врата – а там спокойствие; преодолеть морские валы – за ними гладь. Тьма государств верноподданных явится к императору, южные племена выразят свою покорность. Прозвучат победные гимны – нам пожалуют земли на кормление, по возвращении ждет прием у императора».

Обряд закончен. Трижды ударили пушки – и в тот же миг тысячи боевых коней помчались ровными рядами; куда ни глянь – развеваются знамена, воины разделились на девять отрядов и двинулись к кораблям. Главнокомандующий и его помощник ступили на флагманские корабли, Государев советник – на корабль, названный в честь храма Лазоревый пик, а Небесный наставник – на свой корабль. Не успели расположиться, как ординарец объявил, что вдали показался императорский выезд. Только взгляните:

Сверкающий экипаж владыки, украшенный бубенцами и хоругвями, покинул дворцовые чертоги и выехал из Запретного города. Четкими рядами движутся тысячи воинов и десятки

тысяч лошадей (Ил. 24, 25), выстроились по ранжиру трое князей и девять высших сановников^[266]. На стягах парами друг против друга - изображения копий и секир, знаменующих силу духа войска; старинные напевы перекликаются со звуками нефритовых рожков и шэнов. Гонгов гуденье, флейт журчанье.

И вот императорская колесница достигла устья реки Саньча. Усы императора топорщились, как у тигра, драконьи зеницы от воодушевления округлились, словно пара колец. Пред Высочайшим - несть числа величественным кораблям, рассеянным по поверхности вод, словно звезды по небу. На каждом полощутся трехсаженные золотистые стяги, на коих начертано: «Воины Великой империи умиротворят варваров, найдут сокровище». Император окинул пристальным взором всё окрест и увидел четыре флагманских корабля, не похожих на остальные. Первый из них принадлежал главнокомандующему. На нем был водружен десятисаженный стяг с надписью «Флотоводец», а на палубе висело несколько деревянных табличек: на центральной начертано «Верховный главнокомандующий империи Великая Мин», на левой - «Избегай встречи», на правой - «Мир и спокойствие». Второй корабль также был флагманским: на нем красовалось десятисаженное знамя со словом «Флотоводец», на палубе несколько деревянных табличек с теми же надписями, вот только на центральной было начертано «Сподвижник верховного главнокомандующего империи Великая Мин». Третий корабль назывался, как и буддийский храм, «Лазоревый пик» и повторял его устройство. На нем - десятисаженное знамя с изображением солнца как символа мудрости Будды; на центральной палубной табличке значилось «Резиденция Государева советника империи Великая Мин», на левой - «Слава Амитофо», на правой - «Небожитель Девятого Неба»^[267]. Четвертый корабль принадлежал Небесному наставнику, и на нем высился десятисаженный флаг с изображением семи звезд Ковша Большой Медведицы, а на палубе таблички: на средней крупно - «Ставка Небесного наставника империи Великая Мин», на левой - «Да минуют нас встречи с нечистью», на правой - «Да минуют нас встречи с драконами четырех морей».

Императорская колесница прямоком въехала на корабль главнокомандующего. Туда же прибыли Небесный наставник и Государев советник. Флотоводец и его помощник встали по обе стороны от государя. Все военачальники застыли в ожидании. Небесный наставник пал ниц пред императором и, кладя земные поклоны, доложил: «Для благополучного отплытия флотилии нижайше просим Ваше Величество собственноручно принести жертву реке». Последовал государев указ, и тотчас всё было готово к благодарственному жертвоприношению. Член академии Ханьлинь подготовил текст песнопения, на флагманском корабле установили алтарь. Император лично свершил церемонию, гражданские и военные

чины один за другим клали земные поклоны, а сановник из Ведомства церемоний приступил к чтению обрядового песнопения.

По окончании жертвоприношения государь со свитой вернулись во дворец, а Государев советник и Небесный наставник отправились на свои корабли. Адмирал пригласил к себе командующего Вана. Они расположились в ставке, и все военачальники выстроились в ожидании распоряжений. Флотоводец возгласил:

– Нынче мы подняли стяги у ворот военного лагеря^[268], с почтением приняли императорский указ, омыли доспехи у морских берегов^[269]. Пусть простирается наша великая мощь и сила на десять тысяч *ли*! Велика наша ответственность, огромное дело поручено нам. Всем командирам слушать наше оповещение! Судовая команда каждого боевого корабля составляется из десяти офицеров, отвечающих за безопасность, и стольких же рулевых, пушкарей и сигнальщиков, выправляющих навигацию корабля, а еще из двадцати якорщиков и полусотни десятских командиров. Боевые корабли организуются следующим образом: пятерка судов формирует дивизию, каждые две дивизии – эскадру^[270]; каждые четыре эскадры имеют единого командующего – он-то за всё и отвечает. Транспортные, конские и грузовые суда группируются таким же порядком. На каждом боевом корабле установить на вооружении^[271]: по пятьдесят мортир-ручниц (**Ил. 40**), десять сверхтяжелых пушек *да фагун* (**Ил. 42**), сорок легких пушечек *фаланцзи* (**Ил. 41**), 600 огнеметных труб (**Ил. 43**), сотню аркебуз «птичий клюв» (**Ил. 45, 46**), тысячу дымовых горшков^[272] и столько же цементных горшков с известковой пудрой^[273], по пять тысяч арбалетных стрел; четыре тысячи *цзиней* гранулированного пороха^[274], тысячу *цзиней* пороха для арбалетов (**Ил. 47**), три тысячи *цзиней* больших и малых свинцовых пуль, пять тысяч огненных стрел, пять тысяч огнеупорных кирпичей, триста пушек разного образца, по сто серповидных абордажных багров и секир, две сотни гвоздострелов, пробивающих обшивку судов, тысячу дротиков, двести плетеных тростниковых щитов^[275], три тысячи железных стрел. Флотилия везет с собой знамя эскадры – одно, опознавательную ленту – одну, мачтовых флагов – десять, пятицветных знамен^[276] – полста. Есть еще сорок больших и сотня малых гонгов, десяток больших и сорок малых барабанов, сотня фонарей, шесть тысяч зажигательных фитилей, пять тысяч железных шипов(**Ил. 48**)^[277]. На всех кораблях – одинаковое вооружение.

Командующий продолжил:

– Четыре флагманских корабля составят главную ставку, коя расположится посредине центральной эскадры^[278], состоящей из 32 кораблей-сокровищниц *баочуань*. Три сотни быстроходных военно-транспортных кораблей *цзочуань* разделятся на четыре эскадры – авангардную, арьергардную, левую и правую – и расположатся кольцом вокруг центральной. Авангардную дивизию, коя будет двигаться перед

авангардной эскадрой, составят 45 боевых кораблей *чжаньчуань*, а сотня конских кораблей *мачуань* завершит сей боевой порядок. Еще 45 боевых кораблей составят левофланговую дивизию, построение коей напоминает откидную каллиграфическую черту вниз и влево; еще шестьдесят грузовых судов *лянчуань* растянутся наискосок к ее голове от хвоста авангардной дивизии, а в центре ее будут двигаться 120 конских кораблей. Точно так же, только с наклоном вправо, выстроится правофланговая дивизия. Еще 45 боевых кораблей составят арьергардную дивизию, корабли которой разделятся на два отряда наподобие ласточкиного хвоста. У одного отряда впереди движется сотня конских кораблей и следом за ними – шестьдесят грузовых, кои располагаются дугой от головы левофланговой дивизии наискосок к голове арьергардной, словно левое ребро у человека. По тому же плану выстроен и второй отряд арьергардной дивизии, напоминая правое ребро человека. Днем направление движения следует распознавать по знаменам, ночью – по фонарям. Задача командиров – следовать означенным строем, не нарушая порядка. В случае намеренного нарушения виновному отрубить голову и выставить на всеобщее обозрение.

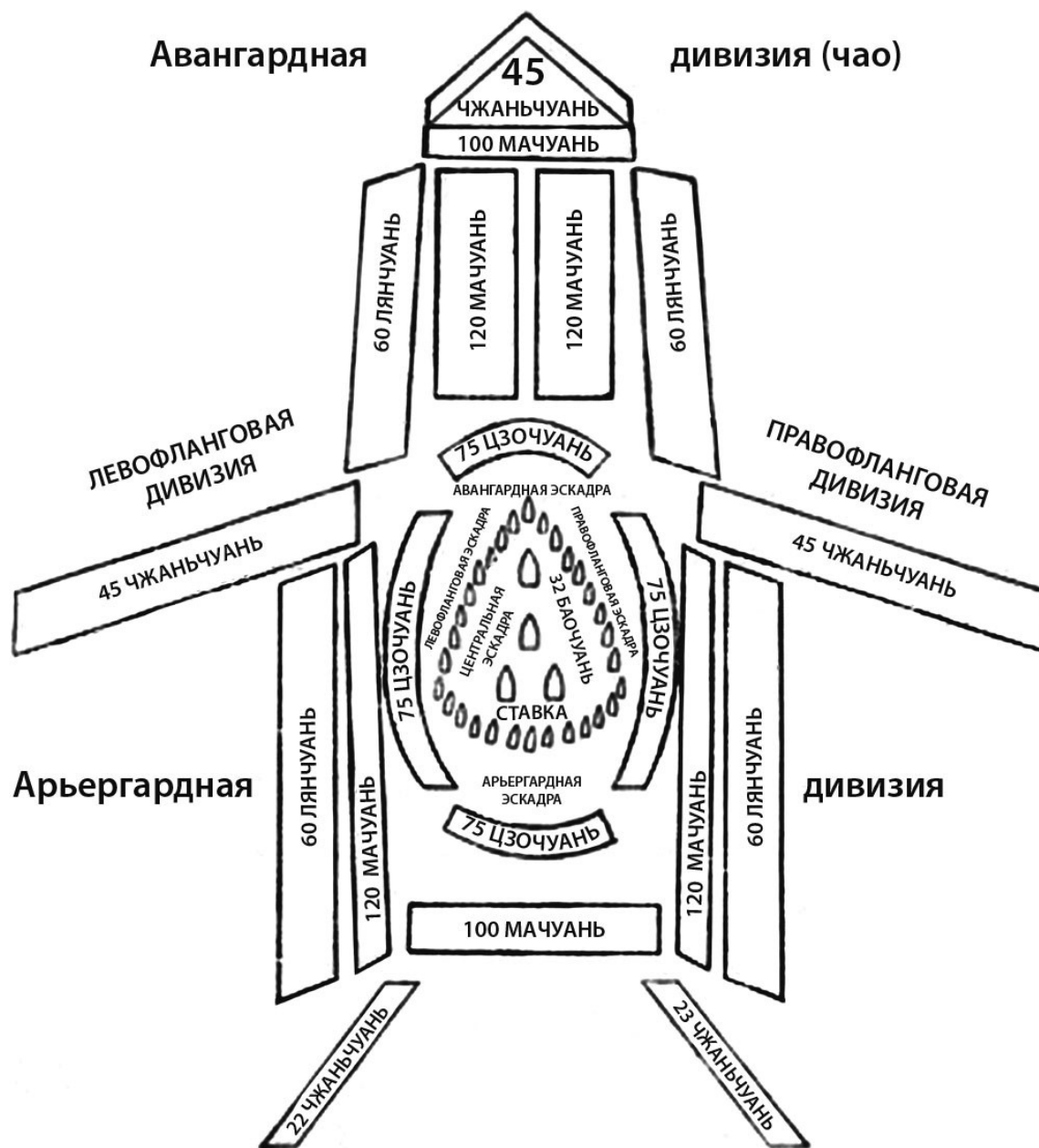

Рис. 2. Схема построения флотилии^[279]

Состав флотилии: 4 дивизии и 5 эскадр, представлявших собой сухопутный десант.

В центре – 32 корабля баочуань центральной эскадры, внутри которой расположена ставка.

Ставка – 4 корабля баочуань, на каждом размещались соответственно главнокомандующий Чжэн Хэ, второй командующий Ван Цзинхун, Государев советник и Небесный наставник.

Названия кораблей:

баочуань – корабли-сокровищницы; чжаньчуань – боевые корабли;

мачуань – конные корабли; лянчуань – грузовые суда;

цзочуань – военно-транспортные суда

Предписания даны, и военачальник евнух Ма по просьбе главнокомандующего отправился на корабль Государева советника, дабы определить наиболее благоприятнейшее для отхода флотилии время суток. По возвращении господин Ма со слов буддиста сообщил, что суда, оказывается, уже двинулись в путь. Саньбао немедленно призвал своего личного помощника-евнуха и уточнил, когда именно корабли вышли из гавани. Тот признался, что произошло сие именно в то время, пока господин командующий находился в ставке, полностью погрузившись в распоряжения о построении флотилии. Саньбао был обескуражен:

– Как осмелились мне не доложить?

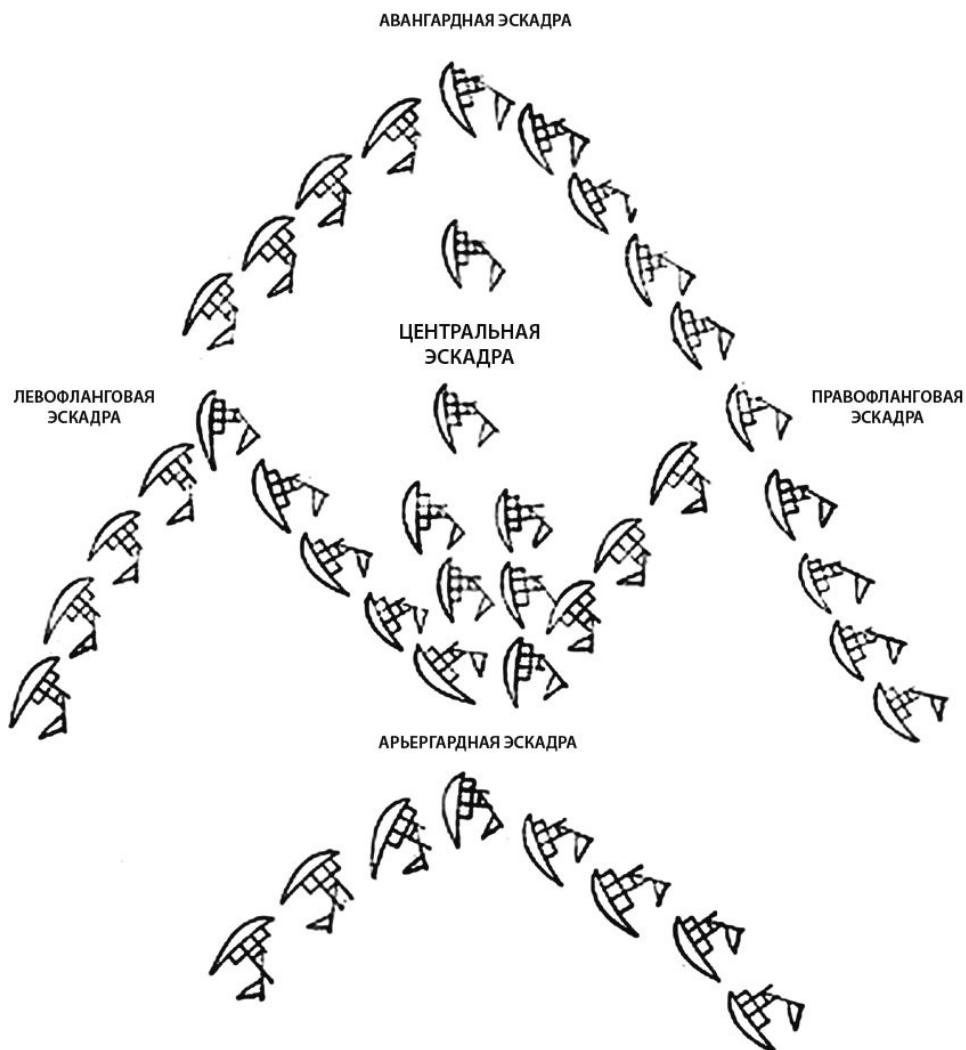

Рис. 3. Схема построения флотилии. Фрагмент (5 эскадр) ^[280]

Помощник объяснил:

– Когда пришла пора выступать, с вашего корабля в воду упал трос. Все засуетились, пытаюсь его выловить то с правого, то с левого борта, вот и не успели вовремя доложить.

В тот же миг младший евнух сообщил о прибытии Небесного наставника. Главнокомандующий вышел навстречу и пожелал узнать, как случилось, что он до сих пор не ведал о начале похода. Даос принялся оправдываться:

– Не гневайтесь, господин старший евнух, всё из-за меня, ничтожного. Дело в том, что на моем корабле находятся две с половиной сотни монахов, музыкантов и танцоров из Скита духовной музыки, а еще столько же монахов и послушников из храма Чаотянь.

Все как один до смерти страшились морского похода, и – дабы избежать рыданий и стенаний – я, ничтожный, запретил сообщать, когда именно корабли снимутся с якорей.

Командующий встревожился: не считается ли падение троса в воду дурным предзнаменованием? Небесный наставник растолковал:

– Само по себе событие сие не сулит ни счастья, ни беды, оно лишь предупреждает о неизбежности в будущем козней и бесчинств разных духов, коих надобно остерегаться.

Не успел договорить, как евнух-вестовой доложил о прибытии вице-адмирала Вана. Небесный наставник тут же распрощался и отчалил на джонке на свой корабль.

Оба командующих посидели, потолковали и только пришли к душевному согласию, как видят – ординарец^[281] коленопреклоненно докладывает, что на реке поднялся штормовой ветер, белые буруны волн вздымаются к небу, преграждая авангардным кораблям выход к морю. Остановились и фланговые дивизии, а суда арьергарда, прикрывающего корабли-сокровищницы, кренятся на бок и вот-вот перевернутся, столь велика опасность. От подобного сообщения у командующих душа ушла в пятки. Господин Ван предложил без промедления обратиться к Государеву советнику. Саньбао возразил, что допрежь надобно выслушать мнение Небесного наставника. Господин Ван уже был готов отправиться к даосу, но адмирал приказал ему возвращаться на свой корабль, ибо решил самолично посетить почтенного монаха. А тот в это время уже чертил магические заклинания в Зале верховного божества – Нефритового владыки. Неожиданно мальчик-танцор доложил о прибытии главнокомандующего. И правда – Саньбао уже тут как тут. Небесный наставник пригласил гостя войти, усадил на почетное место и смиренно спросил, ради какого-такого высокого наставления адмирал покинул главную ставку. Саньбао отвечал:

– Без дела я бы не осмелился вас беспокоить. Однако ныне ураганный ветер поднял громадные валы, и даже флагманские корабли вынуждены остановиться. Я желал бы обменяться с вами мнениями.

– Волнение на реке – дело привычное, – успокоил наставник.

– Что же привычного в том, что корабли не в силах продолжить плавание? – возразил адмирал.

– Ну, коли так, я, ничтожный, смогу помочь.

С этими словами наставник Чжан достал лист бумаги, начертал на нем два иероглифа «Спасение императора»^[282], позвал мальчика-танцора и приказал тому бросить бумагу в реку и посмотреть, что произойдет. Только служба выполнил повеление, как из воды явился безухий и безносый безбородый старец с длинными-предлинными руками – каждый палец вдвое длиннее обычного. Он с легкостью разорвал бумагу, а на вопрос службы, кто таков, ответил, что его

называют Цзян, что значит Водяной, но имя сообщить отказался и скрылся в пучине.

Раз за разом Небесный наставник писал всё новые заклинания, служки бросали их в воду, появлялись разные водяные, но все они, изничтожив бумагу, скрывались в речных глубинах.

Наконец, даос не выдержал – «Ох уж эти нежити, как смеют быть столь непочтительными!» – и приказал послушнику принести верительную бирку и драгоценный меч.

Холодный ветер севера песками
Сокрыл весь обозримый горизонт.
На десять тысяч бесконечных ли
Мазком единым навалилась муть.
Стоят суда, нет сил продолжить путь,
Тревожно людям, им не до еды.
Росткам весны тем паче стало грустно,
И даже небо будто ждет беды...
Наставник Чжан дает нам силу,
Заговоренною водой нас исцеляет.

Сказывают, что на сей раз Небесный наставник вызвал офицера службы посыльных, написал новое заклинание и приказал бросить за борт. Офицер швырнул заклинание в реку – тотчас из воды явились два старца и какой-то долговязый. Когда офицер попросил их назвать свои имена, долговязый вдруг заявил:

– Чем половинки бирки сличать, лучше кувшином вина привечать. Что даром вопросами нас донимать, свиных бы голов да бараньего мяса подать.

Офицер доложил об этом Небесному наставнику, тот растерялся. Адмирал, слушая всё это, и сердился, и смеялся, и всё ж таки не выдержал:

– Уважаемый наставник Чжан, ваши заклинания страшны только людям, а черти, оказывается, их не боятся!

Даос отговорился, что вовсе не собирался пугать нечисть до смерти.

– Да это просто смешно! – воскликнул Саньбао.

– Смешно, так и смейтесь! – буркнул Небесный наставник. – Эти бесы обладают недюжинной силой. Вот погодите, я начертаю самое сильное заклинание.

Командующий предложил обратиться к Государеву советнику, но даос отказался:

– Для меня сие унизительно, я способен еще кое-что придумать.

О доблестный Небесный наставник! Он вышел на палубу, распустил волосы, взял меч и совершил ритуал «шаги Юя», то есть прошел особым зигзагообразным шагом по мысленно обозначенному Ковшу Большой Медведицы, сопровождая обряд мудрами и мантрами. Затем он сжег

талисман, вытащил дощечку с заклинаниями и трижды ударил в нее, громко нараспев выкрикивая:

– С первым ударом отворитесь небесные врата, со вторым – разверзнется земля, с третьим – сойдите на алтарь небесные духи!

И только дощечка отозвалась эхом на удары, как с небес спустился дух. Кто таков?

– Мне, – говорит, – пожалован титул Несокрушимого Повелителя черных вихрей секты *чжэньи*^[283], охранителя устья Красной реки.

– А что за местность такая?

– Так и называется – устье Красной реки.

– По приказу императора Чжу, правителя империи Великая Мин, мы посланы умиротворить варваров и добыть сокровище. Драгоценные корабли дошли до реки, но из-за шквального ветра и волн не могут продолжить путь. Нижайше молим поведать: что за нечисть подняла бурю?

– Это не один дух, их целый десяток.

– Да кто же они?

Повелитель черных вихрей отвечал:

Боевым судам опасно

По реке пройти по Красной.

Там морские свиньи волны насылают,

Буревестник гонит птичьи тучи.

Воинов акулы пожирают,

Краб грозит клешней могучей,

На волнах речной дельфин взлетает,

Пасть раззявил кит, суда глотая.

Днем – драконов красных бой,

По ночам – зеленых вой.

– Есть еще и Белый угорь – злой дух, каковых в Поднебесной немного, – закончил свой рассказ Повелитель черный вихрей.

Небесный наставник немедля самолично вышел на нос корабля, распустил волосы, взмахнул мечом и воскликнул:

– Кто из водяного племени скандалит?

Глянул – река кишмя кишит всякой нечистью: и плавать-то они плавают, и нырять-то подныривают, и плещутся-поплескивают, и по волнам попрыгивают. На вопрос Небесного наставника в один голос отвечали:

– Да, мы такие – чем занимаемся, с того и наживаемся. Сегодня вот ваши корабли здесь проплывают – пошто их задарма пропустить?

Даос пообещал:

– Что зря болтать? Принесем жертвы.

– На том и успокоимся, – согласились речные духи.

Даос вернулся в свой Нефритовый кабинет и поведал обо всем главнокомандующему.

Флотоводец вернулся на флагманский корабль, приказал резать свиней и баранов и приготовить всё для жертвоприношения. Когда ароматные свечи и бумажные фигурки для сожжения были готовы, только тогда пригласили Небесного наставника. Даос прибыл в сопровождении учеников и послушников и устроил молебствие: и заклинания-то они пропели-прочитали, и во флейты подули, и в барабаны постучали. Жертвоприношение окончено. Водяные успокоились и уплыли. И только Белый угорь, грозный и величавый, с важным видом плескался у носа корабля, явно не желая уходить. Небесный наставник удивился:

– Тебе что, нужны новые жертвы?

Но тот только отрицательно помотал головой. Тогда даос спросил:

– Желаешь сопровождать наши корабли?

Чудище снова покачало головой. Небесный наставник воскликнул:

– И ни так, и ни эдак – чего же ты просишь?

Внезапно ему пришла в голову мысль: «Желаешь получить почетный титул?» Видит – чудище утвердительно кивает. Даос согласился:

– Хорошо, для начала вручим тебе указ, по которому ты становишься повелителем белых угрей устья Красной реки. А по возвращении из похода доложим обо всём императору, возведем здесь кумирню^[284], построим храм, и в твою честь будут вечно возжигать ароматные свечи.

Белый угорь удовлетворенно мотнул головой, вильнул хвостом и уплыл. И тотчас ветер утих, волны успокоились – кораблям ничто более не препятствовало. Небесный наставник вернулся на свой корабль, и флотилия спокойно и уверенно двинулась вперед.

Однако командующий всё еще тревожился, насколько точно по маршруту движется флотилия. Он отправил евнуха-порученца в Нефритовый кабинет – узнать у Небесного наставника, удастся ли нынче кораблям выйти в открытое море. Вернувшись, порученец доложил, что, по словам даоса, корабли только что вошли в воды знаменитой реки Белого дракона. Не успел договорить – прибыл ординарец с сообщением, что на реке вновь поднялся штормовой ветер, пенистые валы вздымаются к небу, большие и малые корабли вот-вот перевернутся! О том, чтобы двигаться, нет и речи, но и на месте устоять невозможно! «Верно, это моя вина, – огорчился адмирал. – Накликал духов, кои принесли беду». Он призвал своего заместителя господина Вана, и они купно отправились просить совета у Небесного наставника. Подплыв к кораблю даоса, они увидели:

Желтый туман над водой – на тысячу ли вдали,

Шквалистый ветер силен – раскачивает корабли.

Ох, как печально – суда накренились опасно,

Страшно смотреть – рыба-дракон лязгает пастью.

В то время как даос, восседая в Нефритовом кабинете, разглагольствовал о том, сколь некстати разразился сей шторм, храмовый мальчик-танцор доложил о прибытии командующих. Небесный наставник вышел навстречу, они обменялись поклонами, и со словами «Премного обязан господам за то, что пожаловали в мою скромную обитель» даос пригласил их в свой кабинет. Саньбао пояснил:

– Мы прибыли, дабы разузнать, что это за местность такая особая. Нас глубоко печалит, что ураганный ветер и бушующие волны препятствуют движению кораблей.

Господин Ван поинтересовался, какой-токой дух вызывает сей ужасный шторм. Небесный наставник признался, что выходил посмотреть на разгулявшуюся стихию, но ему неизвестно имя духа:

– Я гадал, и вышло, что у него есть голова, рога, усы и чешуя. На мой непросвещенный взгляд, это, похоже, дерзкий водяной дракон – из тех, что вызывают наводнение.

Командующий Ван встревожился:

– Сие крайне опасно. Ежели не прознаем, чем рассердили духа, то как сможем его умилостивить? Пожалуй, придется снова обратиться к Государеву советнику.

Небесный наставник признал доводы разумными.

Господин Ван вместе с главнокомандующим отплыли в джонке на корабль Цзинь Бифэна. Государев советник восседал на возвышении Тысячелистного лотоса, когда послушник Юньгу доложил о посетителях. Буддист тотчас смекнул, в чем дело:

– Пришли из-за шторма. Скорей проси войти.

Юньгу поспешно пригласил военачальников в зал. Оба командующих приблизились к Лotosовому трону, обменялись приветствиями с хозяином, после чего каждый занял место согласно рангу. Буддист повинулся:

– Благодарю, что высокие гости взяли на себя труд меня навестить – а я не успел выйти навстречу.

– Это мы проявили нетерпение, – возразил Саньбао.

– Без дела мы не решились бы на столь дерзкий поступок, – добавил господин Ван. – Меж тем, как ни поверни, а ураганный ветер и громадные водяные валы препятствуют продвижению флотилии. Покорнейше ждем наставлений.

– Это проделки знаменитого божества реки Белого дракона. Сам я толком о нем не слыхивал; возможно, то ведомо Небесному наставнику.

Господин Ван рассказал, что гадание даоса указало на существо с рогами, усами и в чешуе, и Бифэн поддакнул, что, судя по всему, это дракон.

– Мы пришли просить совета, – признался господин Ван, – ибо пока не поймем, чего тот добивается, не сумеем его успокоить.

Государев советник пригласил вместе пройти в Башню Висячих зеркал^[285]:

– Там есть одно, отражающее нечисть; глянем в него – и тотчас всё прояснится.

Они поднялись в башню, и Бифэн попросил монаха Фэй Хуаня с помощью Юньгу отвязать веревки и снять зеркало. А было оно немаленьким: подставка – три *чжана* высотой да более трех *чжан* в окружности. Поистине:

Луноподобно, как вода, прозрачно,
Но не кокеткам в нем красоваться.
Не утаит ни внешнее, ни суть,
И тайным замыслам его не обмануть.

Почтеннейший предложил главнокомандующим самим заглянуть в зеркало. И – о, ужас! – они узрели белого дракона, непрестанно пожирающего людей. Бифэн посоветовал снова обратиться к Небесному наставнику. Гости извинились за беспокойство и вернулись в Нефритовый кабинет. Даосу не терпелось узнать мнение Государева советника. Однако Саньбао отвечал, что буддист не сказал ничего вразумительного, только дал возможность увидеть в волшебном зеркале кровожадного белого дракона:

– Посему не единожды нижайше просим Небесного наставника что-либо предпринять!

Даос призадумался:

– С чудищем сим нелегко совладать. Оно поселилось в реке и творит всякие бесчинства, как ему заблагорассудится. Пасть у него огромная, он прожорлив и ненасытен. Поглощает только людей, полтыщи за раз, а ежели хоть на одного меньше – не насыщается.

Господин Ван произнес:

– Вы хотите сказать, что отважиться убить дракона не легче, чем решиться принять постриг буддийскому монаху?

Саньбао добавил:

– Философы Поднебесной с древности отделяли этические нормы от права^[286]. Мы получили высочайший приказ отправиться в Западный океан, нам предстоит опасное дело – как говорится, проникнуть в логово тигра и схватить тигренка. Смеем ли мы еще в начале пути от страха и рта не раскрыть, топтаться в нерешительности на месте?

– Ежели желаете успокоить шторм и безмятежно двинуться вперед, надобно ублажить дракона – принести в жертву полтыщи человек, – присоветовал Небесный наставник. – Велика жертва. Думается мне, что ему и пятидесяти хватит: главное – сохранить цифру пять.

– А этих откуда взять?

– За последние два дня ко мне обращалось множество воинов с жалобами на симптомы разных болезней. Пожалуй, я лично осматрю

жалобщиков и ежели увижу, что болезнь опасна и надежды на выздоровление нет, выберу полсотни для жертвоприношения.

Пока Небесный наставник и Саньбао беседовали, господин Ван молчал, понутив голову. Чело его было мрачно, на душе засела грусть-тоска. На вопрос Небесного наставника, отчего воевода невесел, вице-адмирал ответил:

– Я думаю о том, что жизнь людей определена Небом, дело сие не пустячное. Пусть мы и представляем здесь военную власть, но лишать жизни следует лишь виновных. Эти полсотни солдат отправились с нами в Западный океан, покинули родные места, оставили отцов и матерей, жен и детей. Они мечтали совершить подвиг, а по возвращении получить награду, встретить родных и оказаться в тесном семейном кругу. Неужто у нас хватит духа, едва отплыв от дома, принести в жертву реке ни в чем не повинных воинов?

Слова командующего Вана звучали в высшей степени справедливо; чье сердце от подобных речей не преисполнится сострадания! Саньбао не проронил ни слова, а сердце даоса упало, словно сорванный персик. В это время в дверях появился евнух Ма – военный инспектор и один из тех, чей меч, как говорится, дабы насытиться – рубит головы, дабы напиться – жаждет человеческой крови. Он воскликнул:

– Желая добиться больших успехов, не следует считаться с малыми потерями^[287]. Не дерзнув принести жертву, мы разрушим великие планы. Вы, адмирал, командуете тремя армиями, вам пожалована высокая должность – как могут сила и храбрость сочетаться с женской мягкотелостью? На кораблях несколько сотен тысяч храбрых воинов – пусть будет на полсотни меньше! Дозвольте бросить их в воду – и дело с концом.

Главнокомандующего и Небесного наставника сии речи ободрили, а господин Ван всё больше мрачнел.

– Каково суждение господина воеводы? – обратился к нему даос.

Ван возмутился:

– Сердце человека по природе своей сострадательно. Действовать несправедливо, убивать невинных – сие неприемлемо даже ради Поднебесной! Законы Неба и человеческое сердце не позволяют понапрасну загубить полсотни человеческих жизней!

Небесный наставник не проронил ни слова, а Саньбао отрезал:

– Знаете поговорку – дом у дороги и за три года не построишь? Всяк прохожий свое советует. В такие моменты, когда со скоростью вдоха необходимо решить судьбу великого дела, неразумно обращать внимание на мелочи.

И тут же повелел евнуху-вестовому передать приказ по дивизиям: всех больных воинов выстроить пятерками для осмотра – хоть на носилках принести.

Ординарец передал приказ и не скрыл, что всех недужных принесут в жертву реке. К несчастью, слух об этом дошел до каждого больного –

те, суетливо толкаясь, повскакивали с коек. Спросят Чжана – тот говорит, что выздоровел, спросят Ли – отвечает, что исцелился, хоть оба тяжело хворали. Плуты, кои ранее притворялись нездоровыми, теперь вмиг спрыгнули с коек. Были и такие, что уже несколько дней ничего не ели, но и они поспешно проглотили по нескольку чашек риса. Даже те, что, почитай, неделю были не в силах ни причесаться, ни умыться, быстрехонько привели себя в порядок, натянули сетки для волос^[288] и нахлобучили шапки с надписью «храбрец».

Почему воины так поступали? Нешто вы не знаете, что любая мурашка-букашка – и та цепляется за жизнь? С чего бы молодые, жизнерадостные молодцы согласились безвинно погибнуть в реке!

Тем временем адмирал на флагманском корабле приготовился к смотру. Командиры привели свои отделения и взводы и опустились на колени для доклада. Саньбао присмотрелся – ни один воин не выглядел больным. Он в ярости закричал:

– Ах, сукины дети! Коли уши заложило, носами чуют надобно! Мы пожелали осмотреть тяжело больных – вы что, нарочно согнали здоровых воинов, лишь бы отделаться?

Командиры задрожали от страха:

– Да ведь воины сии давеча тяжело страдали.

Командующий не поверил:

– Как же они все в одночасье выздоровели?

Воины в ответ:

– Мы третьего дни захворали, но за эти два дня излечились.

Саньбао заорал:

– Смеее меня дурачить, негодяи! Сейчас я вам кое-что сообщу! Позовите ко мне чиновников, ведающих списками личного состава.

Те прибежали, и командующий приказал представить ему все переданные накануне сведения о состоянии больных. Чиновники немедля выложили списки на стол командующего, и он начал выкликать воинов по именам – те один за другим отзывались. Все выглядели здоровыми и крепкими молодцами, ни одного немощного. Адмирал возмутился:

– Коли вы все в добром здравии, отчего мне подали эти списки?

Воины в ответ:

– Исстари говорится, вечер болен – нынче здоров. Допрежь всего мы, ничтожные, полагались на счастливую звезду нашего императора, а еще – на безбрежную, как море, милость наших высокочтимых командиров. Потому изо всех сил боролись за выживание – болезни и отступили. Всё это истинная правда! Неужли посмеем обманывать?

По природе своей человек любит лесть. От сих приятных слов сердце Саньбао смягчилось. А господин Ван, видя, что главнокомандующий более не сердится, решился молвить:

– Даже с больными воинами недостойно было так поступать, но нынче вроде таковых не имеется. Можно ли совершенно здоровых людей бросить в воду?

Командующий призадумался:

– Положение затруднительное. Поступим так, как вы, уважаемый, предлагаете.

Ван скромно заметил:

– Не стоит полагаться на мое незрелое мнение. Не лучше ли обратиться к Государеву советнику?

Небесный наставник не двинулся с места, а оба командующих отправились на корабль-храм «Лазоревый пик» прямо в зал Тысячелистного Лотоса. Завидев посетителей, почтеннейший тут же разгадал причину их появления и, улыбаясь, произнес:

– Амитофо! Командующие собираются заживо похоронить людей?

Саньбао воскликнул:

– К чему такие слова? Беда в том, что подлая скотина подняла ветер и волны, и нам ничего другого не остается!

Неожиданно Бифэн спросил, читали ли они роман «Троецарствие»; командующие признались, что читали, хотя не столь внимательно. Государев советник продолжал:

– Буде читали, то неужли вам неведомо, как Чжугэ Лян приносил жертву реке Лу?!^[289] Поистине, спасти жизнь одного человека важнее, чем построить ступу в честь умерших, не говоря о судьбах полусотни воинов.

В том и состояла мудрость буддиста, что он придумал план, кой тут же довел до сведения командующих. Довольный, он хлопнул в ладоши и рассмеялся. Зато у Саньбао аж дух перехватило:

– Боюсь, ничего не получится.

Но командующий Ван возразил:

– Разве вы не слышали, как встарь в храмах приносили в жертву животных? Ежели таким способом совершали жертвоприношение предкам императора, то что говорить о злых духах?

Саньбао с радостью согласился.

Оба командующих простились с почтенным буддистом, вернулись на свои корабли, повелели позвать гвардейцев с «круглой бляхой» – тех, что из охраны императорского дворца, – нашептали им что-то на ухо, мол, так-то и так-то. И офицеры начали действовать согласно плану. В сумерках на левом борту был установлен жертвенник; туда же доставили и воинов. Небесный наставник привел монахов и послушников, те прочитали каноны, совершили моления. Оба командующих самолично возожгли курения. По завершении обряда в воду бросили алтарь и вместе с ним тех, кто был предназначен для жертвы. Тут взвыл ветер и закрутил паруса с такой силой, что ухватить их было никак невозможно, отчего двое мореходов, пытавшихся удержать парусные канаты на корме, свалились в воду. С носа идущего

сзади корабля на выручку упавшим за борт бросили цепь с железными гирями на концах, с древности служившую оружием, но поднять удалось лишь одного. Ординарец доложил о происшествии командующему, и тот воскликнул:

– Готовились отдать полсотни воинов – что теперь значит один?

Придуманный Небесным наставником хитроумный план командующие умело провели в жизнь, да и гвардейцы действовали весьма искусно. Как так? А вот как! Повинуясь приказу военачальников, гвардейцы отобрали несколько ловких мастеров, те оклеили бумагой бамбуковые каркасы таким образом, чтобы получились фигуры воинов, на головы им надели взятые у больных солдат сетки для волос и шапки. Затем натянули на чучела буддийские одежды с широченными рукавами, на ноги – обувь с больных солдат, начинили свинными, бараньими и гусиными потрохами и сбросили в реку. Белый дракон впился в человеческие фигурки, наелся требухи, высосал кровь и, смиренно склонив голову, исчез. Волны тотчас утихли, валы улеглись, корабли двинулись вперед.

Но вот беда: один из двоих свалившихся за борт воинов так и остался в реке, никто о нем не позаботился. Поискали по спискам – оказалось, что это солдат нанкинского морского гарнизона по фамилии Ли, по имени Хай. Он много раз погружался с головой и порядком нахлебался воды. Волны и течение отнесли его на несколько сот *ли* от флотилии. День клонился к вечеру, как вдруг начался прилив, и матроса прибило к подножию горы. Отвесный берег в устье реки оказался скалистым; из года в год, изо дня в день его омывали приливы, шлифуя песок и образуя вымоины. Ли Хая выбросило прямо к одной из них.

Пролежав там какое-то время, он очнулся и почувствовал, что одежда насквозь промокла; кругом темнело. Хорошо еще, что камни оставались горячими, и он не замерз. Ли скинул сырую одежду, насухо выжал, к утру следующего дня она высохла, и он снова натянул ее на себя. Моряк оказался на берегу один-одинешенек и не представлял, где какая сторона света и где он сам находится. На реке не появилось ни единой лодки, да и вокруг ни одного живого существа, кто мог бы прийти на выручку. Огляделся – только вода сливается с небом, небо сходится с водой. Поистине, зови Небо – не откликнется, оборотись к земле – не распахнет врата. Только вчера вечером его прибило сюда, а глядишь – солнце снова клонится к закату, в желудке пустота, на сердце – тревога. Вспомнилась флотилия – наверняка ветер уже утих, волны улеглись, и корабли спокойно продолжили плавание. А он не знал, не ведал, куда его забросила судьбина: «Смогу ли я когда-нибудь вернуться на корабль?» Вспомнился ему цветущий Нанкин, прогулки в парке Юйхуатай, катанье на лодках у моста Вэньдинцяо. Будет ли у него возможность так весело проводить время? А то вдруг представился родной дом – отец и мать еще живы, собрались всей

семьей, там и жена с детьми: «Доведется ли нам снова встретиться?» Чем больше размышлял, тем печальней и горше становились его мысли. Ли сначала всхлипнул, а потом незаметно для себя разразился рыданиями.

Его плач потревожил жившую в горах почтенную Праматерь, дочь Будды Майтрейи^[290]. Приняв облик обезьяны, она поселилась на вершине сей горы, что зовется горой Феи ветров. Прошло неведь сколько лет, а она всё время о чем-то хлопотала, что-то раздобывала, вырастила четверых детишек. Но поскольку рождены они были от Праматери-обезьяны, то и обликом напоминали мартышек. В тот день Праматерь-обезьяна как раз предавалась созерцанию в пещере, когда услышала под горой человеческий плач, тронувший ее до глубины души. Она приказала детям:

– Пойдите посмотрите. Верно, какой-то корабль потерпел кораблекрушение, и мореплаватель попал в шторм.

Обезьянки послушно подбежали к отвесной скале, спускающейся каменными уступами, расположились на них как на ступенях и, зацепившись за ползучие растения, повисли вниз головой, пытаясь рассмотреть, кто там внизу. Они и в самом деле услышали плач, хотя не могли разглядеть прятавшегося человека.

Тогда они возопили:

– Эй, кто там плачет-рыдает?

Ли Хай, неожиданно услышав, что его окликают, опешил: «На этом пустынном морском берегу даже старик-рыбак вряд ли остановится на ночлег. Откуда тут человеческий голос?» Всё это казалось зело подозрительным, но уж очень не терпелось дожидаться спасения. Ли Хай утер слезы, выскочил из пещерки и задрал голову. Тут и мартышки разглядели, что внизу и вправду виднеется человек, и поспешно закричали:

– Эй, ты, откуда такой явился, как звать-величать? Отчего прячешься в пещере? Объясни толком, и мы постараемся тебя спасти.

Ли Хай, не увидавший на скале никого, кроме обезьянок, опечаленно забормотал:

– Как говорят, в смутное время раб обманывает хозяина, в период упадка нечисть дурачит людей. Нынче, когда меня выбросило на отмель, обезьяны – и те меня морочат.

Обезьянки услышали его причитания и громко крикнули:

– Не печалься, добрый молодец! Скажи, не таясь, откуда ты и куда направляешься, и мы поможем взобраться на гору.

Ли Хай задумался: «Эти обезьянки так ясно всё излагают, их голоса звучат столь отчетливо, может, и вправду есть какая-то надежда?! А не стану отвечать, так наверняка здесь и помру. Лучше поведать им о моих страданиях; кто знает, может, и выживу. Давно сказано: знаю, что в друзья он не годится, а припрет – придется и с таким мириться. Чую, не следует мне стыдливо молчать».

Ли Хай подробно поведал о своих приключениях. Обезьянки по наказу матери с помощью сплетенных лиан втащили моряка на гору, и Праматерь-обезьяна приветствовала его:

– Ноне вам немного страшновато, но в будущем посчастливится заполучить пояс с золотыми украшениями. Мы с вами еще в давние времена были соединены брачными узами, потому-то я и осмелилась послать за вами моих обезьянок. Поживете здесь, пока груженная драгоценностями флотилия не повернет на родину. Тогда я переправлю вас на корабль, и вы благополучно вернетесь в столицу. Ну, как?

Хотя обезьяна всё так складно излагала, в ее мордочке было что-то странное, и сердце Ли Хая сжалось от страха. Обезьяна учуяла это и принялась его успокаивать:

– Генерал Ли, не надо меня бояться. Я здесь отшельничаю и нравственно совершенствуюсь более тысячи лет, и тело у меня вполне человеческое. Не верите – погодите, я оденусь, тогда и убедитесь.

Она велела обезьянкам принести одежду, и те, расталкивая друг друга, бросились исполнять приказание. Принесли кофту – и обезьяна надела кофту, принесли шелковую юбку – надела юбку, принесли шиньон для волос – пристроила шиньон, принесли украшения – нацепила украшения, проделали какие-то манипуляции – и вот уже перед Ли Хаем стояла настоящая женщина. Взгляните:

В украшениях пава неземная,

Холмики бровей в зеркале.

Молодца за полог повела,

Опьянели – рухнула гора.

Сказывают, что почтенная обезьяна обернулась прекрасной женщиной и приказала обезьянкам тоже приодеться. Те забежали-замелькали, заверещали-залопотали и тотчас превратились в четырех благообразных служек. Тут наконец Ли Хай успокоился. Почтенная матрона заботливо приказала подать напитки и плоды – чай, вино и персики, дабы гость позабыл пережитый страх. Хозяйка и гость на пару пили-выпивали, чарки осушали и не заметили, как стемнело. Праматерь-обезьяна совсем опутала Ли Хая своими чарами. Подушка феникса, одеяло жар-птицы – и вот он уже прижимается к наруганной щеке и касается подведенных бровок.

Не узнав друг друга, сразу и сошлись,

В пылу весеннем бросились в объятья.

В отраде плотской их тела сплелись,

У обезьяны – человечьи страсти!

Долго ли, коротко ли, Ли Хай с супругой зажили душа в душу.

На той же горе обитал огромный питон длиною в тысячу чи, на загривке которого скрывалась волшебная драгоценность – «светящаяся в ночи жемчужина». На пути следования змия со скалы на водопой Ли

Хай расставил острые колья, оструганные им из горького бамбука^[291]. Змий погиб, а Ли Хаю удалось ухватить драгоценную жемчужину.

Предусмотрительно стремясь оберечь сокровище, почтенная Праматерь улучила момент, когда Ли Хай отвернулся, вырвала кусок мяса из его голени, засунула в рану жемчужину, поплевала-зализала, кулаком прихлопнула – ничего и не заметно. И когда воин обернулся, жемчужина уже была надежно припрятана. Ли Хай удивился:

– Это еще что за фокусы?

Супруга объяснила, что жемчужина живая, и ее надо вскармливать кровью:

– Теперь, когда она покоится у тебя в ноге, ты сможешь ее вскармливать; кроме того, она запрятана так надежно, что никто не сумеет ее отнять.

Ли Хай заволновался, как же он вытащит жемчужину по возвращении домой. Праматерь-обезьяна успокоила:

– Да это просто – придется лишь надрезать кожу на ноге. Достанешь жемчужину и поднесешь светлейшему государю. Неужто тебе за это не пожалуют высокий титул?

Тем временем после жертвоприношения шторм утих, воды успокоились, и флотилия прямехонько двинулась вперед, подгоняемая попутным ветерком. Никто и не заметил, как корабли покинули реку и вышли на морские просторы. И тут был получен приказ главнокомандующего: всем судам – большим и малым, военным и грузовым – спустить паруса, рядами входить в гавань, где и бросить якоря^[292]. Достопочтенный Саньбао посоветовался с помощником Ваном, Государевым советником и Небесным наставником. Вместе они выстроились на носу корабля – и видят:

Мы нынче вышли в Южные моря,
Простор такой, что не окинешь взором.
Нет ни конца, ни края, лишь туман,
Всё загустело стылой темной мутью.
Из мглы то туча выйдет, то гора,
И небо, и земля плывут и тонут.
Им нет границ на десять тысяч ли,
Ты не исчислишь эту ширь и глубь.
Накатят и отхлынут волны моря,
Возможно ли не пасть пред этой мощью?^[293]

Немедля снова приготовили всё необходимое для жертвоприношения, и как только расставили по местам, оба командующих совершили церемонии согласно установленному порядку, а высокие чиновники из военной ставки приступили к чтению положенной молитвы. После церемонии небо расколола троекратная пушечная канонада, оглушительная, словно топот многотысячного табуна. И вот уже корабли беспрепятственно заскользили по морской

глади. Днем их подгонял попутный ветер, ночью указывали дорогу звезды Большой Медведицы. Так шли несколько дней. Да только вот младшие офицеры в главной ставке целыми днями клевали носами. В сон клонило и евнухов-вестовых на корабле главнокомандующего, и гвардейцев-охранников на флагманском корабле господина Вана. Даже офицеры-ординарцы авангардных и арьергардных дивизий, левофланговых и правофланговых кораблей – и те дремали. Что говорить, ежели на корабле Небесного наставника чиновные даосы, послушники, мальчишки-танцоры – все были словно в дурмане. А что происходило на корабле Государева советника? Там все оставались бодры и в приподнятом расположении духа. Лазутчики доложили Саньбао, и адмирал понял, что всё это неспроста, есть на то своя причина. И со своего корабля отправился в кумирню Лазоревый пик.

Буддист медитировал на Лотосовом троне. Как только доложили о приходе командующего, он сошел с возвышения и поспешил навстречу. Покончив с церемониями, они уселись, как положено гостю и хозяину, и Бифэн поинтересовался продвижением флотилии после жертвоприношения. Саньбао отвечал:

– Благодаря милости императорского двора и магической силе Государева советника корабли плывут спокойно и беспрепятственно. И всё же, как говорится, во всё хорошем всенепременно найдется изъян. С кораблями-то всё в порядке, иначе офицеры испытывают сильную сонливость, вялость и слабость. В чем дело?

Почтеннейший заметил:

– Да, беда!

– Отчего вы называете сонливость бедой? – встревожился Саньбао.

– Нешто демон сна напал незаметно? Говорят, есть отгоняющее его заклинание – не прочесть ли?

– Да что сонливость! Их состояние может ухудшиться, – предупредил Государев советник.

– Что еще за напасть?

– Люди не приспособлены к здешнему климату. Сначала на них напала сонливость, за ней может последовать куда более серьезная болезнь.

– Корабль давно в пути – отчего мореходы лишь ныне почувствовали недомогание?

– Прежде мы плыли по реке, а теперь вышли в море. Издавна замечено, что в реке вода пресная, а в море – соленая. Люди начали пить соленую воду, и организм ее не принимает.

– Ежели это так, отчего на корабле уважаемого Государева советника подобного не происходит?

– Да потому что я знаю секрет опреснения соленой воды.

– Прошу научить и меня!

Бифэн признался, что у него хранятся жемчужные четки^[294] – стоит бросить их в море, верхний соленый слой расступается, и пресная вода

поднимается из глубин на поверхность – ее-то и следует потреблять: «Каждой вещи свое место!» Командующий озаботился, как помочь мореплавателям на остальных кораблях, и почтеннейший успокоил:

– На четках 365 жемчужин – соответственно дням в году. Днесь во флотилии числится полторы тысячи кораблей. Я разорву четки, раздам по одной жемчужине на каждую четверку кораблей и научу всех, как с ними обращаться. А после возвращения ко двору прошу вернуть жемчужины – все до единой.

– Тайные познания Государева советника безграничны, всего не перечислить, – изрек Саньбао. – Спасти одного человека важнее, чем построить семиярусную ступу!

Почтеннейший смиренно произнес, что такова их, монахов, основная обязанность, а кроме того, он не смеет перечить приказу высочайше уполномоченного главнокомандующего.

Адмирал вернулся на свой корабль. Офицеры получили от Государева советника драгоценные жемчужины и разъяснения, как превращать соленую воду в пресную. Пища обрела вкус, моральный дух мореплавателей поднялся вдесятеро, и корабли спокойно продолжали плавание. Как тут не вознести молитвы Будде, как не признать неисчислимым благодеяния Государева советника!

Сказывают, что в один из дней, когда почтенный буддист медитировал на Лotosовом троне, ученик Юньгу доложил о визите командующего Вана. Бифэн поднялся навстречу и спросил, что привело к нему высокого гостя.

– В последние дни корабли возобновили движение, одначе шквалистый морской ветер что есть мочи раскачивает суда. Как быть? Прошу наставлений.

– Поистине, кораблям приходится туго, но позвольте узнать мнение адмирала?

– Главнокомандующий не покидает ставку и настаивает на продолжении пути.

– Что же, ежели нет возможности воспрепятствовать шторму, пусть будет так, как приказывает адмирал.

– Так ведь я, смиренный, уже три дня неустанно наблюдаю за движением судов и собственными глазами слежу за ежедневной картиной. Так было третьего дни:

В бездонном мраке – кара Неба,
В безбрежной глади путь – обман.
И проплывали островки без счета,
И ветер рвал ночной туман.

И вечер:

Ты мрак такой вообразить не волен.
О, безысходность! Как вести ладьи?
И грохоча, о скалы разбивались волны,

И нес поток туда, где нет пути.
Сокрылись солнце и луна,
Кругом туман, сырая мгла.

Да и нынче:
Ветрило шквальный с севера летит,
Уж полдень, а прилив всё наступает смело.
Сгустились тучи, свет дневной сокрыт,
И солнце словно потускнело.

– Вот что я, смиренный, вижу изо дня в день, – продолжал командующий Ван. – По моему непросвещенному мнению, не избежать вновь просить Государева советника прибегнуть к магической силе буддийского учения.

– Ежели уважаемый военачальник приказывает мне, смиренному, постараюсь найти выход, – отвечал почтеннейший. – Со своей стороны и я обеспокою просьбой вызвать ко мне тех мастеровых, что есть на кораблях, дабы отобрать лучших рисовальщиков.

Командующий Ван вернулся к себе на корабль и передал приказ. И вот уже рисовальщики предстали пред Государевым советником и отбили поклоны. Бифэн достал тот самый волшебный башмак Бодхидхармы Дамо, кой когда-то вручил ему дракон Северного моря, и велел службе повесить его на носу корабля в качестве образца, а художников попросил нарисовать точно такой же. Мастера-рисовальщики в точности скопировали башмак, списали и стихи, пусть даже смысл начертанных на нем строк до них не дошел. Тогда почтеннейший приказал сделать такие же рисунки для всех остальных судов, будь то корабли-сокровищницы или любые другие, и вывесить их на корме. Стоило повесить рисунок – ветер стихал, волнение успокаивалось, а когда закончили – небо вовсе очистилось, вокруг посветлело, и корабли четким строем продолжили путь.

Вскоре ординарец передал на все суда приказ Государева советника спустить паруса, бросить якоря и остановить движение. Ни командующий, ни Небесный наставник не поняли, в чем дело, но не успели и рта раскрыть, как команда была выполнена. Им доложили об этом в тот момент, когда они обсуждали магический башмак, – посему не сразу уразумели, что происходит. Наконец, даос раздумчиво произнес:

– Не иначе как вышли на Простор мягкой воды.

Услыхав слова, коих он давно опасался, Саньбао потерял всякое самообладание – от страха душа вон – и лишь пробормотал:

– Прибыть-то прибыли, и что теперь делать?

Господин Ван воскликнул:

– Остается полностью положиться на опыт Небесного наставника.

А наставник Чжан вспомнил, что как-то на аудиенции государь расспрашивал Бифэна об этом участке пути, и тот ответил, что ему приходилось там бывать:

– Не станет же он отказываться от своих слов, – заключил даос.

Господин Ван попросил Небесного наставника сопровождать их с главнокомандующим на корабль буддиста. Бифэн давно догадался о цели визита почетных гостей и встретил их словами:

– Верно, господа пожаловали разузнать о Просторе мягкой воды?

– Именно. При встрече с императором вы взялись обеспечить переход через сие водное пространство. Нынче мы приблизились к нему вплотную и ждем наставлений, – ответил адмирал.

– Нет причин для беспокойства, мне ведомо, как поступить, – заверил буддист. – Возвращайтесь на свои корабли и дождитесь завтрашнего дня, тогда всё и прояснится.

Гости покинули корабль. Небесный наставник решил: «Ну, что же, пусть умник поработает, посмотрим, что у него получится!»

Сказывают, что почтенный буддист спокойно уселся на Лotosовый трон и велел всем ученикам и ученикам учеников приступить к совместной медитации. За полночь, едва дождавшись третьей стражи, Бифэн сбросил плотскую оболочку и на золотом луче проник в морскую пучину – во дворец дракона Восточного моря. Завидев Светозарного Будду, дракон поспешил навстречу и по всем правилам древних буддийских церемоний сначала трижды обвился вокруг святейшего, а затем отвесил восемь низких поклонов:

– Не ведал, что столь уважаемый гость пожалует, а то бы загодя вышел навстречу; простите, коли что не так.

– Что ты за дух? – обратился к нему Бифэн.

– Я, ничтожный, – дракон Восточного моря.

– А я нынче веду за собой полторы тысячи кораблей, да еще войско более двадцати тысяч голов, отправленное императором Южной династии Чжу Ди в Западный океан. Прибыл просить совета, как нашим драгоценным судам миновать Простор мягкой воды.

– Флотилию и вправду ждут трудности. Однако ежели вы, Государь-Будда, по-прежнему являетесь главой трех тысяч будд и десяти тысячи бодхисаттв, есть ли для вас недостижимое? В прошлом вы преодолевали все преграды! Беда лишь в том, что ваши мореходы – обычные непросветленные миряне, да к тому же сами корабли тяжелехоньки. Где уж мягкой воде их удержать!

– Значит, не пройдем? Не доберемся до Западного океана?

– Не скрою, туго придется.

– Меня занимает, проплывал ли кто-либо по этому пути со времен Паньгу^[295]?

– Да уж, вестимо, были такие!

И дракон повел свой долгий рассказ, упомянув и о буддийском монахе Сюаньцзане, отправившемся на Западное небо за священными

книгами, и его спутнике – Великом Мудреце Сунь Укуне, с чьей помощью удалось пересечь Реку сыпучих песков^[296]:

– Он-то и подал донесение обо мне, ничтожном драконе, самому Будде Сакьямуни. В ответном послании Будда растолковал, как на время убрать мягкую воду и вызвать из глубин жесткую. С того дня и поныне ежедневно на время утреннего и вечернего приливов на поверхность поднимается жесткая вода.

Внимательно выслушав рассказ дракона, Бифэн спросил:

– А как ты посмотришь, ежели я обойдусь без ваших способов избавления от мягкой воды?

– Ну, что же, – ответствовал дракон, – не стану попусту тратить силы, да еще и лебезить пред вами.

Почтеннейший простился с драконом и вознесся на золотом луче обратно на свой корабль. Видит – время близится к рассвету, у Лotosового трона уже собрались командующие и Небесный наставник, не зная и не ведая, что Бифэн всю ночь вел переговоры с владыкой морских просторов. Государев советник попросил подать чаю. Главнокомандующий заметил:

– Не время нынче чаи гонять, надобно поскорей вперед двигаться, тогда и вода сладкой покажется.

– Не след и меня подгонять, – отрезал Бифэн. – Ваше дело – приказы отдавать, вот и прикажите всем судам, большим и малым, поднять якоря и следить за температурой воды, определяя ее по издаваемому водой звуку^[297]. Как услышите, что она пошумливает под кормой, немедленно поднимайте паруса и плывите дальше, впереди преград не будет.

Командующие не то чтобы вполне поверили, но приказ поднять якоря разослали. Буддист неторопливо проследовал на нос корабля, за ним вышли и остальные. Бифэн уточнил, подняты ли якоря, и гвардеец по особым поручениям доложил:

– Якоря подняты, но шума воды пока не слышно.

Тут Бифэн попросил всех встать рядом с ним. Чуть помедлив, он вытянул вперед руки, и из его рукава выскользнула патра. Буддист еще немного подождал и стал бормотать что-то неразборчивое. Не успел замолкнуть, как на небе сгустились тучи, над водой поднялся туман. Государев советник, словно боксируя, стал бить руками и пинать ногами, затем, медленно приблизившись к борту, изогнулся, словно дуга лука, и патрой зачерпнул воду. Тут же вода за бортом стала вроде как пошумливать, на всех кораблях немедленно подняли паруса, и суда заскользили плавно, словно по глади. Большинство матросов, так ничего и не поняв, судачили:

– Всё болтали про какой-то Простор мягкой воды, на поверхности будто и гусиное перо не удержится, а корабли – уж на что тяжелые – преспокойненько плывут вперед.

Но нашлись и более сообразительные – те восклицали:

– Корабли-то двинулись наверняка благодаря счастливой судьбе нашего императора Чжу. Вот до чего благоволят ему морские духи!

Говорят, не верь своим ушам, зато и командующие, и Небесный наставник собственными глазами видели и то, как Государев советник зачерпнул воды в патру, и как корабли без помех двинулись вперед. А Бифэн после всего происшедшего преспокойно пристроил патру с водой на одном из делений компаса геоманта. На сем все простились с Государевым советником и покинули его корабль. Провожая их, Бифэн наказал гвардейцу по особым поручениям внимательно следить за продвижением кораблей и вместе с Фэй Хуанем и Юньгу вернулся к Лотосовому трону.

Военачальники, да и даос с ними, собрались на флагманском корабле. Их не покидали сомнения. Саньбао так прямо и заявил:

– Знаем мы эти штучки для отвода глаз. – И тут же добавил: – Пусть и так, но всё же что-то в этом есть.

– Да я эти ходы без труда разгадываю, – небрежно бросил Небесный наставник. – Сие всё одно что небесным полководцам ухватить знаменитую буддийскую пустоту.

– Но тогда при чем здесь патра с водой? – удивился командующий Ван.

– А это так называемый типичный отдельный случай, – объяснил Небесный наставник. – Недаром говорят: девять из десяти положений закона основаны на единичных делах; без них невозможно сформировать закон.

Тут главнокомандующий объявил, что у него созрел план, и отправил ординарца сообщить Государеву советнику, что завтра они все втроем придут посмотреть, как он сможет опростать патру. Бифэн предугадывал такой поворот и велел передать, что пригласит их в положенный час.

В глубоком сосредоточении духа почтеннейший восседал на Лотосовом троне и ждал, пока флотилия минует Простор мягкой воды. Оно ведь как: участок сей раскинулся на восемьсот *ли*, запросто его не проплыть – требуется благоприятный ветер и спокойная вода. Сказывают, что по прошествии нескольких дней Бифэн почувствовал, что пространство сие осталось позади, и передал через гвардейского офицера приглашение военачальникам и Небесному наставнику посетить его корабль. Даос понял, в чем дело, а вот Саньбао недоумевал по поводу приглашения. Вице-адмирал Ван предположил, что настало время опорожнить патру. После того как хозяин и гости почтительно обменялись приветствиями, Бифэн торжественно начал:

– Пересечь сие пространство – всё равно что преодолеть первую стратегически важную преграду на пути в Западный океан.

Флотоводец выразил Государеву советнику глубочайшую признательность, а тот в ответ вежливо произнес:

– Происшествие сие благополучно завершено благодаря великой удаче, сопутствующей императорскому дому, в том нет никакой моей, ничтожного монаха, заслуги.

Не успел договорить – гвардеец по особым поручениям доложил, что перед носом корабля, куда ни кинь взгляд, раскинулось пространство чистой воды. Государев советник в сей же миг поднялся, снял патру с компаса и вновь забормотал что-то невнятное. Саньбао не мог сдержать беспокойства:

– Господин советник, так что, вода в патре и есть тот самый типичный случай?

Бифэн только тихонько прошептал:

– Амиитофо! Командующий, конечно, глава всему, но не стоит недооценивать сию патру! Она вобрала в себя все восемьсот *ли* мягкой воды.

Эти слова, сказанные ровным голосом, не только поразили командующих, но и встревожили даоса. А Государев советник снова пробормотал что-то нечленораздельное и опрокинул патру прямо в океан. Что тут началось!словно Небесная река^[298] хлынула потоком с небосвода, взбаламучивая песок и вздымая камни! Вода изливалась не меньше чем полдня, пока патра не осушилась. От подобного зрелища оба военачальника аж оторопели. Зато Небесный наставник, не колеблясь, решительно направился к Государеву советнику и отвесил земной поклон, чему тот несказанно удивился:

– Уважаемый, к чему такие церемонии?

– Почтеннейший, сила вашего учения беспредельна. Нижайше прошу о наставлении, – отвечал даос.

Бифэн предложил всем сесть:

– Дозвольте скромному монаху поведать всё как на духу.

И буддист повторил рассказ дракона водного царства о путешествии Сунь Укуна и его спутников и о происшедших после того переменах:

– С тех пор только дважды в день, во время приливов, вода становится достаточно жесткой, чтобы удержать легкое суденышко. Однако нашим мощным кораблям сего недостаточно, необходимо извлечь из глубин всю жесткую воду, а на это дракону пришлось бы получать новое милостивое соизволение Сакьямуни. Я решил не ждать подобной милости и самому вычерпать патрой всю мягкую воду, а затем с помощью заклинаний вызвать на поверхность жесткую.

При сих словах Небесный наставник снова поклонился в пояс, а господин Ван любопытствовал, как связана с буддийскими законами надобность укрепить патру на компасе геоманта. Государев советник пояснил:

– Ежели паче чаяния вода не смогла бы удержать столь великое множество тяжелых судов, то благодаря компасу корабли закрепились бы на небесном столпе – опоре небосвода.

Адмирал недоумевал: каким образом крошечная патра вместила столь огромную массу воды? Тогда почтеннейший напомнил историю о потопе в Небесном царстве Будд, когда вода заполнила все залы Небесного дворца. Небесный наставник воскликнул:

– Это давняя история, мне тогда пришлось сжечь сорок восемь даосских заклинаний!

Все засмеялись, и на сей раз их смех уж точно имел под собой основание.

Тут явился ординарец с сообщением о том, что боевые корабли авангардной дивизии стали опасно оседать; к счастью, удалось повернуть рули и развернуть паруса по ветру:

– Только так удалось избежать беды.

Мало того, что на пути флотилии таилось множество опасностей, так еще и гвардеец принес недобрую весть. Сие известие привело Саньбао в ужас, веки его набухли от невыплаканных слез. На вопрос господина Вана, что его так тревожит, главнокомандующий признался:

– После вручения мне печати адмирала я возмечтал все силы отдать на благо трона, свершить подвиги во имя Китая и оставить в веках свое незапятнанное имя. Вот уж не думал, что на пути встретятся столь сокрушительные бури и штормы, столько опасностей и преград, и на нашу долю выпадет несчетно страхов и страданий! Неужто мои старые кости будут погребены в сем бескрайнем океане?

Командующий Ван успокоил:

– Путь наш опасен и труден, но с нами Небесный наставник и Государев советник. К чему все тревожиться, поберегите себя!

А даос добавил:

– Государев советник всегда на шаг впереди, сохраняйте спокойствие. Нынче нам предстоит миновать Магнитный хребет, а дальше путь открыт.

Главнокомандующий выслушал увещевания и глубоко вздохнул:

– Так это и есть Магнитный хребет? – И, услышав подтверждение, снова заволновался: – Корабли-то все железными гвоздями скреплены, якоря железные, да еще на судах масса оружия – копья, ружья, мечи и трезубцы, тоже металлические. Как быть?

Бифэн предложил всем вернуться на свои корабли:

– Положитесь на меня.

Отправив военачальников, Государь-Будда вновь уселся на Лотосовый трон, начертал срочное сообщение, после чего зажег бумагу. Ароматным дымком поднялась она ввысь, и один из четырех дежурных божеств Небесного дворца^[299] передал прошение напрямую обителю Нефритового императора. Один из его прислужников – Золотой отрок, а это был тот самый святой Ху Динцзяо, – получив послание, поначалу удивился, откуда оно да зачем. Тогда дежурный по дворцу святой объяснил, что император Чжу с материка Джамбудвипа направил Светозарного с флотилией в Западный океан:

– Как раз сейчас они пытаются преодолеть Магнитный хребет, и посему просят направить им в помощь небесное войско, дабы провести мимо сего опасного места корабли с металлическими якорями.

Столь знакомое слово – «якоря» – вызвало у праведника Ху воспоминания о прошлом. Истинно сказано: лью слезы над мешочком благовоний – что было дорого, то ныне навевает грусть. Почему так? Да потому, что он-то и сотворил сии якоря собственными руками. Ху передал послание лично Нефритовому императору, и тот внимательно его прочел.

В нем Бифэн живописал ситуацию и, используя формулы высочайшей почтительности, просил выслать небесное войско. Властитель повелел безотлагательно отправить тридцать шесть астральных божеств – духов звезд Большой Медведицы – во главе четырех отрядов небесных воинов, дабы перенести все находившиеся на кораблях якоря и металлическое вооружение через Магнитный хребет: «Да не осмелятся нарушить приказ!» Небесные воины на благовещих облаках прибыли в Западный океан, встретились со Светозарным Буддой, получили его наставление и разом перенесли в спокойную морскую гавань все якоря и вооружение – неважно, какой величины и в каком количестве. После того как они умчались обратно, Государев советник призадумался: «Якоря и вооружение перенесены, но корабли-то металлическими гвоздями сбиты. Хорошо, что есть еще яйцо золотой птицы Гаруда из цветной глазури – нужен только ловкий силач, способный быстро всё исполнить». Цзинь Бифэн прочел молитву, призвав магические силы буддизма. Затем он составил еще одно срочное сообщение и отправил его с посыльным во дворец царя драконов Западного моря. Тот принял бумагу почтенного буддиста, в коей содержалась просьба тотчас подоспеть к кораблям и дожидаться указаний. Дракон кликнул клич и во главе всех тварей морских прибыл к Светозарному.

– Осмелюсь беспокоить вас, – начал Бифэн. – Надобно нынче ночью перенести все корабли флотилии через участок Магнитного хребта – туда, где море становится частью Западного океана, да не позже, чем прокричат петухи на рассвете.

Дракон ответил, что перенести корабли нетрудно, да срок слишком мал. Тогда Бифэн признался, что у него имеется в запасе сокровищеталисман.

– Ах, вот оно что! Коли речь о лазурите птицы Гаруда, то легче легкого перенести корабли куда угодно! – обрадовался дракон. – В мгновение ока минует путь в пятьсот *ли*.

Дракон бережно принял драгоценность и взялся за исполнение поручения. Морские гады подхватили корабли и одним махом перенесли их в одну из гаваней Западного океана, после чего дракон почтительно вернул буддисту лазурит со словами:

– Учитель, нынче удалось перебраться через участок магнетитового песка. Храните это сокровище – и корабли еще десять лет смогут спокойно двигаться по водной глади.

Почтеннейший поблагодарил, но уточнил:

– Десять тысяч лет! – после чего дракон удалился вместе с морскими тварями, а буддист вернулся на Лотосовый трон.

Сказывают, что Саньбао, потный от волнения, с нетерпением ждал утра, дабы убедиться, что Государеву советнику удалось свершить задуманное. Рассвело, и тут команды на всех кораблях загудели-заволновались: «Якорей не видать! Куда якоря подевались?» Одни предположили, что они потерялись в пути, другие бубнили о некоем таинственном исчезновении, а третьи и вовсе твердили, что те улетели на небеса. А тут еще зашумели-загомонили солдаты на военных кораблях: «Ружей-то не видать! Да и мечей нет на месте! Где пики и алебарды?» Все эти разговоры донеслись до ушей главнокомандующего, тот весьма обеспокоился и решил, что и якоря, и оружие затянул Магнитный хребет. Не медля ни секунды, он отправил вестового на корабль командующего Вана, а тот в свою очередь поспешил послать гонца к Небесному наставнику, кой переслал его к Государеву советнику. Оказалось, что на корабле буддиста все якоря на месте. Гвардеец не переводя духа вернулся с донесением к адмиралу: так мол и так, на некоторых кораблях всё в порядке! Главнокомандующий вместе с господином Ваном и Небесным наставником отправились к буддисту за разъяснением. Тот встретил их с улыбкой:

– Пришли узнать, куда подевались якоря и оружие? Не беспокойтесь, это не Магнитный хребет их утянул, как можно! Это я, ничтожный, получив приказ главнокомандующего, всю ночь провел в тяжких трудах, и корабли благополучно миновали опасный участок и находятся в спокойной океанской гавани.

Саньбао поначалу не поверил, как можно за одну ночь проделать путь длиной в пятьсот *ли*, но почтеннейший поведал всю историю с депешами дракону и посланием Нефритовому императору. Трое господ были потрясены и поспешно принялись отвешивать малые поклоны^[300], всячески выражая благоговейное почтение. Главнокомандующий всё беспокоился, в какое-такое место небесные воины переправили якоря. Узнав, что они запрятаны всего в ста шагах от береговой скалы, приказал всем членам корабельных команд незамедлительно их вернуть. Приказ был тотчас исполнен, воины и матросы обнаружили несчетно якорей, да только поднять даже один оказалось им не под силу.

Доложили адмиралу, и тот снова обратился к Государеву советнику. Бифэн воскликнул:

– К счастью, не придется наваливать сей груз на спины ослов!

Он приказал Юньгу взять сотню буддийских бумажных иконок и раздать всем, кто будет тягать якоря. На каждый из них следовало наклеить по иконке: перенесут сотню, а потом проделают то же самое со следующей, и так круг за кругом, а как покончат с работой – вернуть иконки все до единой. Всё было исполнено в точности. Ну как тут мореходам не восславить безграничное могущество Бифэна и его неизмеримые доблести! Вице-адмирал Ван оценил сие событие как великий подвиг.

Засим подняли паруса, и корабли двинулись в путь.

Ежели не знаете, что ожидало флотилию впереди, слушайте следующую часть.

Часть третья^[301], кня глаголет о том, как государство Золотого лотоса и слоновой кости^[302] оказало сопротивление флотилии

Сколь далеко остался Феникс-град^[303],
Но днем и ночью виден свет престола.
Волшебный плот^[304] занес их на чужбину,
В упряжках вороных к столице поспешат.
Драконами они взметнулись в небо,
В тяжелых латах все моря пересекли.
Они хребет Магнитный миновали,
С мудрейшими алкая вровень встать.

Сказывают, что как только флотилия продолжила путь, почтенный буддист объявил:

– Нынче мы вышли на просторы Западного океана; авангардной дивизии должно проявлять осторожность, недопустимы малейшие промахи.

Эту команду передали на все корабли. Прошло несколько дней, вокруг расстилался бескрайний морской простор, и неясно было, куда держать путь. А меж тем тучи заволокли небо, солнце скрылось. Впередсмотрящим всё виделось как в тумане – не разобрать, где небо, где вода, где запад, где восток, где север и где юг. Командир авангардной дивизии сообщил об обстановке в главную ставку, а там доложили главнокомандующему. Саньбао пришел в смятение, и господин Ван стал его успокаивать:

– Незачем беспокоиться, случись что небывалое, Государев советник разберется.

Только сказал – небо совсем почернело, валы ходуном ходят, ураганный ветер несет суда напрямик на запад:

Он корабли трепал без сожаленья,
Смешались север, юг и острова спасенья^[305].

Ветер набрал такую силу, что нарушил боевое построение флотилии. Даже корабли Небесного наставника и Государева советника – и те выбились из строя. Сохранился лишь порядок построения кораблей командующих. Адмирал упрекнул военачальника Вана:

– Вы предлагали ввериться Государеву советнику, а теперь попробуйте отыскать его корабль.

Тот спокойно заметил:

– Как говаривали встарь, и радость, и беда приходят к людям столь же неожиданно, как гром среди ясного неба. Стоит ли паниковать!

Пока командующие переговаривались, шторм усилился, флотилия поистине оказалась в сложной ситуации. Саньбао вовсе растерялся: «Что делать?» Господин Ван предложил безропотно уповать на волю Неба, но адмирал возразил, что лучше начать молить Небеса о помощи. На том и порешили. Оба командующих встали на колени и принялись отбивать земные поклоны. В тот же миг небо словно раскололось от грохота, и в воздухе, паря почти над самыми кораблями, явилась богиня с огромным красным фонарем в руках. До всех ясно донесся ее трубный глас, громкий, как у стражника, с криком «Пади!» расчищающего путь экипажу вельможи:

– Кто посмел нагнать ветер? Кто дерзнул поднять волны?

Ветер мгновенно стих, море успокоилось, корабли заняли прежние позиции. А оба командующих снова бухнулись на колени, рассыпаясь в благодарностях небожительнице-избавительнице:

– Милость ваша бесконечна, век не отблагодарить! Надеемся узнать драгоценное имя, дабы по возвращении ходатайствовать перед императором о возведении в вашу честь храма и тем выразить беззаветную преданность ваших недостойных почитателей.

Сверху донеслось:

– Я – богиня Тяньфэй (**Ил. 12**)^[306], вершительница служб в даосских храмах. По высочайшему повелению Нефритового императора охраняю флотилию государства Великой Мин. Отныне днем определяйте путь по солнцу, а ночью ориентируйтесь по красному фонарю. Впредь не допускайте неосторожности. В счастливом государстве народ под защитой.

При этих словах фонарь погас, на небе, как прежде, воссияло дневное светило, и флотилия восстановила походную расстановку. Оба командующих земными поклонами возблагодарили высшие силы – не

иначе как император Чжу появился на земле по воле Неба, и все боги и духи оберегают флотилию!

Сказывают, что плыли они так несколько дней. Как вдруг в главную ставку явился ординарец и отрапортовал:

– Потребно спустить паруса и бросить якоря.

Господин Саньбао не сдержался:

– Что еще за страсти-напасти?

Испуганный ординарец молчал. Стоявший рядом командующий Ван потребовал:

– Объясни толком, что случилось?

Ординарец торопливо доложил:

– Прибыли к морской гавани; там полно лодок, на крутом берегу – каменная башня, у ее подножья видны крытые соломой хижины. Верно, какое-то заморское царство-государство. Прошу указаний.

Новость успокоила адмирала. Он отдал приказ четырем дивизиям и кораблям центральной ставки оставаться на своих позициях, а вице-адмиралу Вану, Небесному наставнику и Государеву советнику явиться на совещание. Господин Ван высказался первым:

– Допрещь всего отправим к ним посланцев всё выведать, а там решим, стоит ли начинать боевые действия.

Небесный наставник согласился, но адмирал возразил:

– Да вся страна размером с ладонь, чего там разведывать?

Вмешался Государев советник:

– Я, ничтожный, успел расспросить местных жителей. Сия местность всего лишь гавань, стоянка для иноземных кораблей, проходящих мимо западной заставы Хами. Само государство располагается в ста *ли* к юго-западу. Отчего не послать людей на разведку?

Саньбао не стал возражать:

– В таком разе отправим полсотни лазутчиков.

Лазутчики были молодцы шустрые да смекалистые – не успев уйти, уже возвратились и доложили:

– В расселине меж скал виднеется горная протока, по высоким берегам разбросана сотня домишек, крытых тростником, низкие – не более трех *чи* высотой, пролезть в них можно, лишь наклонив голову. У дороги – выложенная из камня внешняя стена, на воротах крупная надпись: «Западная застава Хами»^[307].

Миновав заставу и пройдя сто с лишним *ли* на юго-запад, мы оказались у выложенной из камня городской стены. Врата распахнуты настежь, вверху над ними – башенка, на ней черная доска с яркими крупными иероглифами: «Страна Золотого лотоса и слоновой кости». Собрались войти, но страж скользнул по нам недобрым взглядом и смекнул, что мы издалече. Стал дотошно выпрашивать, кто такие да откуда. Мы опасались невольно выболтать какие-нибудь важные сведения и потому поторопились в обратный путь.

Главнокомандующий воскликнул:

– Смотри-ка, так вот оно, государство Золотого лотоса и слоновой кости!

Он приказал войскам разделиться на два лагеря – морской и сухопутный, развернуть знамена, днем громко бить в барабаны, а ночью издавать победные кличи и четко отмерять ритмы страж^[308]:

– Исполнять свои обязанности неукоснительно и вдвое строже, чем на родине. Нарушивший приказ понесет наказание по законам военного времени.

Командиры пяти эскадр высадили войска на берег и разбили внушительных размеров лагерь. Оба главнокомандующих заняли места в центральной ставке, а с двух сторон изогнутыми рогами расположились лагеря левофлангового и правофлангового авангардов. Тем временем корабли четырех дивизий организовали береговую оборону и, разделившись на отряды, со всех сторон оградили корабли Государева советника и Небесного наставника.

Сказывают, что оба командующих восседали в шатре Главной ставки, любуясь своими войсками. Только взгляните:

Рис. 4. Маршруты всех плаваний флотилии Чжэн Хэ

Синее против белого, черное против красного, нежно-желтое против фиолетового, бледно-зеленое против темно-зеленого^[309]. Трубные звуки рога печалют луну, разноцветные стяги полощутся на осеннем ветру. Драгоценные мечи будто вонзаются в небо, пики словно взметнулись из глубин моря. Стрелы и копья рассекают лазурный небосвод, секиры и щиты мерцают, словно зрочки. Стрелы арбалетов опоясали звездное небо. На изумрудных лotosовых листьях дрожат осенние росы, раскрылись нежные пунцовые цветы персика. Пара за парой – фиолетовые халаты, золотые пояса тигров Южных гор. Один за одним – железные латы, серебряные шлемы драконов Северного моря. Под флагманским штандартом рядами – бойцы-храбрецы, а в центральной ставке восседает бесстрашный главнокомандующий.

Адмирал бросил клич:

– Кто из командиров первым поведет имперское войско Высокого государства^[310] и допрежь прочих вступит в страну Золотого лотоса и слоновой кости? Кто отважится свершить сей подвиг?

Не успел договорить, как вперед выступил генерал: высоченный – ростом девять чи, в плечах косая сажень, ликом темен, с курчавой бородой, голова как у тигра, глаза круглые, сам осанистый да грозный, воинственного пыла преисполнен. И молвил:

– Я, ничем не приметный простой военачальник, желаю повести солдат в бой и послужить трону.

Командующий глянул – пред ним военачальник в чине генерала, командир левофлангового авангарда по фамилии Чжан, по имени Цзи, по прозвищу Западная Лагуна^[311], ранее в Нанкине командовавший отрядами императорской гвардии по охране восточной части Запретного города и всех ворот столицы. Потомственный военный, он был отменно сведущ и в воинском, и в гражданском искусствах. Одного взгляда достало, чтобы Саньбао удовлетворенно произнес:

– Ценность воинства в моральном духе, а не в численности, главное для командира – смекалка, а не отвага. Варвары коварны, хитроумного противника голыми руками не возьмешь. Посему вы, командир Чжан, будьте настороже, не оступитесь, дабы не нанести урон нашему государству.

Чжан Цзи отчеканил:

– Командующий может положиться на меня, не подведу.

Саньбао поднес ему три чарки вина, а офицер из военной администрации отобрал под его начало пять сотен гвардейцев. И вот прогремел пушечный залп, трижды ударили барабаны и взметнулся флаг, подавая знак боевой готовности. Командиры дивизий выстроили

корабли в боевом порядке, знамена застыли небо, взревели трубы, воины ответили троекратным боевым кличем. Поистине, грохот барабанов и вой сигнальных рожков сотрясают небо, от воинской мощи содрогнулась земля.

Отряды всадников споро домчались до западной заставы Хами. Там на посту стоял один лишь туземец по имени Тяньтянь. Со страху он кубарем выкатился с заставы и помчался докладывать командиру местного патрульного отряда Чжань Дэли. Тот восседал в шатре из буйволиных шкур и составлял депешу японскому генералу Найто^[312], когда туда с криком ворвался страж:

– Небо насыщает несчастья, беды толпятся у ворот! – И, не переводя духа, продолжал: – Я нес дозор у заставы, вдруг вижу – вдоль побережья откуда ни возьмись появилось не меньше тысячи огромных кораблей с тысячами командиров и тьмой воинов. Они называют себя посланцами императора Чжу империи Великая Мин Южного материка и прибыли сюда будто бы с целью умиротворить варваров и вернуть драгоценность. Их конный отряд прорвался через внешнюю стену заставы и приблизился к внутренней.

Чжань Дэли разбирался в современных событиях и посему, услышав сии зловещие новости, призадумался, а затем изрек:

– Невероятно! Южный материк отделяют от нас восемьсот *ли* Простора мягкой воды и пятьсот *ли* Магнитных хребтов. Ежели бы этим людям приделать крылья, и тогда им не перелететь.

Не успел договорить, как явился местный лазутчик и, преклонив колена, выложил всё, что ему удалось выведать о двух главнокомандующих, да еще описал огромные флагманские корабли. Вслед за ним примчались один за другим еще двое лазутчиков и, бухнувшись на колени, подробно доложили обо всём, что сумели прознать о сопровождающих флотилию даосском и буддийском монахах. При этом они заметили, что буддист многожды могущественнее даоса.

– Он что, людей глотает? – встрепнулся Чжань Дэли.

– Да это бы еще ничего, – затараторили лазутчики, – он способен разрушить небо и залатать землю, передвигать горы и осушать моря, насыщать дождь и ветер, притягивать и отгонять всяких духов. У него в рукаве умеются силы *инь* и *ян*, а за пазухой прячутся солнце и луна. Когда монах согласился отправиться в плавание, сам правитель спустился с императорского ложа, отвесил ему восемь земных поклонов и провозгласил охраняющим флотилию Государевым советником.

От столь дурных вестей у Чжань Дэли душа ушла в пятки, и он вовсе пал духом. Однако сей местный командир твердо усвоил: без дела не докладывай, а что случилось – сообщай. Посему поспешно надел шлем, сплетенный из листьев цидании, набросил узорчатую накидку и поскакал в город к князю. Владыка, узнав о его приходе,

немедля водрузил на голову золотисто-желтую шапку искусной работы с изображением трех гор – обителей святых, накинул белоснежное одеяние из хлопчатой ткани с серебристыми блестками, надел украшенные панцирем черепахи княжеские сапоги, подвязал пояс с восемью драгоценностями. По обе стороны от него выстроились десятки красоток, а сам князь, усевшись в тронном зале, пригласил командира войти да спросил, как зовут и с чем пришел. Чжань Дэли назвалсЯ и сообщил все полученные от лазутчиков сведения, не утаив и того, что вражеский военачальник выступил с отрядом воинов, сотрясая воздух воинственными кличами и барабанной дробью:

– Они развернули сверкающие знамена со звериными мордами. Воинственные кличи достигают неба! На основании вышеизложенного смиренно прошу государя принять решение.

Князь заметил, что командир Чжань, вероятно, ошибся, ибо не могла добраться до них флотилия с далекого Южного материка. Чжань Дэли твердил, что, по сообщениям лазутчиков, флотилию ведут два флотоводца, обладающие несказанными талантами и потому весьма опасные, а также сопровождают даосский и буддийский монахи – еще более искусные и коварные. Князь только рассмеялся:

– Всем известно, что гражданские умирЯют Поднебесную кистью, военные устанавлЯвают мир мечом. А что до монахов, то в процессе самосовершенствования они преодолевают три стадии и не подвержены более воздействию пяти стихий сего мира^[313]. Посему непонятно, о каких-таких необычных способностях ты толкуешь – что в них такого устрашающего?

Чжань Дэли перечислил все надписи на щитах корабля могущественного даоса и подробно описал сверхъестественный дар Государева советника. Князя напугала не столько способность буддиста обрушить горы, сколько его магическая сила, позволяющая взбаламутить океаны.

Не успел князь ответить, как примчался командир, охранявший заставу, с сообщением о том, что военачальник Южной династии^[314] приказал своим воинам установить сяньянские камнеметы **(Ил. 49)**^[315] и приготовиться к тарану стен.

Заморский правитель так струхнул, что не мог сообразить, что предпринять. И тогда стоявший ошую главнЫй министр Бо предложил:

– Подадим грамоту о капитуляции, и дело с концом.

Стоявший одесную второй министр Тянь поддержал сие предложение. И только наследник, приблизившись к изножью трона, молвил:

– Наша страна возглавляет союз осьмнадцати государств, мы стоим во главе правителей всех западных земель. Негоже нам опустить руки и сдаться без боя. Да и перед народом срамно.

– Но ежели не сдадимся, где взять столько храбрых воинов и командиров, как у войска с Южного материка? – возразил местный владыка.

– Наша конница не столь уж слаба. И нашего героического полководца Цзян Лаосина, коему вы даровали титул Необоримого, не так-то легко одолеть.

– Да ведь его с сыновьями отправили на Куньлунь!

– Страна не погибнет. Воины рано или поздно вернутся.

В тот же миг вестовой доложил:

– Генерал Цзян с сыновьями вернулись с Куньлуня со своими отрядами и жаждут предстать пред государем.

И тут – слышите? —

удар грома среди ясного неба, топот полчищ разъяренных тигров и шакалов, ураган, поднявший в воздух бесчисленных ядовитые змей, удавов и драконов.

Заморский правитель несказанно обрадовался возвращению Цзяна Необоримого, приказал пригласить его с сыновьями и выложил им всё о тысячах боевых кораблей, посланных императором династии Мин:

– Коли подпишу капитуляционную грамоту – покрою позором страну. Буде решимся забить в барабаны, поднять знамена да вступить в бой – так ведь сила нашего войска невелика. Что думаете об этом вы, мои приближенные?

Тут сказал свое слово Необоримый полководец Цзян:

– Положимся на счастливую судьбу государя и боевые навыки ваших верноподданных! Повелите нам, ничтожным, двинуться к заставе Хами и вступить в бой с врагом. Следует преподать им урок – покажем им, кто достоин вернуться домой, звеня нагайкой по золотым стременам под звуки победных маршей^[316].

– С ними даосский и буддийский монахи, – предостерег правитель. – Велико их могущество и коварство!

Тут опять вмешался наследник:

– Государь напрасно возвеличивает решимость и волю противника к победе и умаляет нашу мощь.

Цзян Лаосин добавил:

– Положитесь на мою рунку с расписной рукоятью^[317]. Клянусь – не вернусь во дворец, пока не захватим живьем буддийского монаха и даоса, не потопим корабли и не уничтожим их полководцев.

Правитель возрадовался. Зажгли ароматные свечи, вознесли молитвы Небу и Земле, закололи телка в жертву богу войны, отобрали пять тысяч воинов в помощь командиру отряда. Перед боем каждому воину поднесли по три корзины бетеля и по три кувшина прекрасного вина. Князь самолично проводил их до парадных ворот дворца.

О, доблестный Необоримый Цзян! Во главе пятитысячной армии воинов и под воинственные звуки рожков он приблизился к заставе Хами, где уже выстроилась в боевом порядке конница Южной

династии. Завидев надвигающуюся хаотично и беспорядочно, словно пчелиный рой, армию противника, тысяцкий Хуан Цюаньянь обратился к вышестоящему военачальнику:

– Вражеское войско движется вкривь и вкось, воины толпятся, перегородив дорогу, галдят о чем-то на своем непонятном наречии. Предлагаю воспользоваться сумятицей в стане врага и нанести удар!

Чжан Западная Лагуна возразил:

– Недопустимо! Варвары коварны, им неведомы верность долгу и справедливость. Но мы-то в Великом Китае полагаемся на подобные понятия. Ежели нападём обманом и захватим их, воспользовавшись тем, что они не увидели закинутой сети, сумеем ли показать им истинную силу нашего войска и отбить желание впредь бунтовать?

Не успел закончить речь, как местные воины приблизились к их позициям, громкими кличами вызывая на бой. Чжан Цзи отдал приказ ответить:

– Нынче уже темнеет, предлагаю войскам расположиться лагерем, а завтра вступим в бой.

Полуночью противники перво-наперво обменялись письменными уведомлениями о начале боевых действий. Войска выстроились друг против друга посреди голой степи, у каждого – собственное боевое построение. У войска Южной династии строго расставлены отряды, реют боевые стяги. Трижды ударили барабаны, и командир авангарда Чжан выехал вперед на коне. Вы только поглядите на него:

Отрожки шлема – Феникса крыла,
Что рыба чешуя – доспехи^[318],
На поясах золотых фигурки львов,
Оскал звериный на плечах могучих^[319].
Стальных мечей на древках колыханье,
Драконы-кони бьют копытом в нетерпенье.
А впереди нас ждут беда и голод,
И как кусок железа – в сердце холод.

Чжан Цзи – в центре, ошую от него – командир левой дивизии тысяцкий Хуан Цюаньянь, одесную – командир правой дивизии тысяцкий Сюй Честнейший. В полном боевом облачении они гарцевали перед строем, побуждая вражеских воинов к ответным действиям. И вот знамена чужеземцев раздвинулись, справа и слева показались два военачальника – вооруженные и в сопровождении отряда воинов. Те выстроились в два ряда под знаменами, и лишь тогда из центра появился их командующий. Взгляните:

С полями шапка заслонит от солнца,
Тулуп соболий сбережет от хлада,
У вил колющих расписное древко.
Кто скажет «проиграет» – не поверят!
Башка распухнет, как представишь драку.

О, берегись! Он воин brave.

Иноземный военачальник обратился к командирам войска Южной династии:

– Кто такие?

Чжан Цзи выехал вперед и натянул поводья своего коня:

– Повелением императора Чжу Великой Мин с Южного материка я – полный генерал флотилии, отправленной в Западный океан, командир левого авангарда Чжан по прозвищу Западная Лагуна. А ты кто таков?

Чужеземный военачальник представился:

– Я – придворный сановник Индравармана VI^[320], владыки государства Золотого лотоса и слоновой кости материка Апарагоданья. По имени Цзян Лаосин. Удостоен почетного титула Необоримый воитель.

– Вот наш сказ, – отвечал Чжан. – Основатель нашей великой династии волею Неба и велением судьбы вырвал с корнем иноплеменную Юань^[321], утвердил Нанкин стольным градом, объединил цветущий край – Китай. И тогда юаньский император Шуньди на белом слоне сбежал к западным чужеземцам, прихватив государеву яшмовую печать. Ныне мы именем теперешнего императора и по его приказанию на армаде драгоценных кораблей с тысячами прославленных полководцев, тьмой славных воинов, с двумя великими военачальниками во главе и в сопровождении двух верховных жрецов отправились в Западный океан, дабы умиротворить варварские уделы и дознаться о нахождении императорской печати. Буде вручите документ о пропуске через заставу и вернете нашу драгоценность – решим дело миром. С чего двинули войска и осмелились встать на пути?

– Небо даровало каждому из двух наших государств – китайскому и некитайскому – собственные владения, кои не соприкасаются, – напомнил Цзян. – С какой стати вы вторгаетесь на нашу территорию и сеете раздор? Не похоже это на прославленное искусство ваших императоров управлять далекими вассальными княжествами! Неужто вам не ведомо, что со времени ханьского императора У-ди у застав Китая царят мир и спокойствие благодаря заслону наших западных земель?

– Хватит болтать о том, что есть и что было! Пропустите через заставу и отдайте печать, а ежели хоть в чем супротив пойдете, отведаете наших мечей «гусиное перо» **(Ил. 36)**! – оборвал его Чжан.

– Зря бахвалишься, глотку дерешь. Признайся лучше, что, проходя мимо наших берегов, вы решили пополнить запасы провианта и топлива. Мы готовы поднести их вам. Что до пропуска через заставу, вассальной грамоты для вашего государя и акта о капитуляции^[322], то сии документы подписывает самолично правитель. Наше государство – голова всем странам Западного океана, пристало ли нам сдаваться

безо всякого на то основания! Вы тут расхваливаете свои мечи «гусиное перо», но еще не познакомились с нашими боевыми рунками с расписным древками!

Чжан не выдержал:

– Как вы с вашими хваленными рогатинами дерзаете состязаться с нами в искусстве боя!

– Кто глуп – не пришел, кто пришел – не дурак. Нешто сробеем вступить с вами в схватку! – отрезал Цзян Лаосин.

Вот каков супостат! Он выставил перед собой расписную рунку и бросился вперед. Генерал Чжан взметнул свой изогнутый меч и тоже ринулся на противника. Столкнулись кони, скрестились мечи – то рунки теснят мечи, то мечи наступают на рунки. Схватывались не раз, а десятки раз – и не разберешь, на чьей стороне победа. Тут в китайском лагере трижды прогремела барабанная дробь, и вот уже с юго-востока скачет тысяцкий Хуан – латы сверкают, весь в броне. Придержав коня, гаркнул:

– Ах вы, собаки чужеземные! Как смее не выказывать нам почтение?

Раскрутил свою медную секиру да одним махом снес головы шестерым чужеземным воинам.

Тотчас из вражеского стана примчался иноземный командир – молодой, горячий, в руках так и пляшет пара мечей. Он крикнул:

– Кто ты таков, дерзнувший напасть на нас!? Иль не ведаешь, что здесь я, второй сын Необоримого полководца Цзяна?

Хуан отвечал:

– У меня глаза зоркие, но что-то я не признал второго сына какого-то Цзяна!

Сошлись два командира, два коня, два вида боевого искусства – обхватили друг друга и слились в клубок.

И снова с китайских позиций донеслась барабанная дробь, а с юго-западной стороны выехал на коне командир, весь в броне – он нацелил длиннущую огнестрельную трубу прямо в голову^[323] чужеземного полководца. И был это тысяцкий Сюй Честнейший.

Но выпустить огонь не успел – с металлической плетью^[324] в руках на него вихрем налетел третий сын Необоримого воителя, и схватились они в жарком бою.

Ристалище сие описано так:

Сверкают пики ураганным ливнем, осенним инеем блестят мечи, грохочет битва, словно рык тигриный. Тут алебарды радугу срубили, проткнули копья там закатное светило, шумят, будто дракон в тумане мчится. Кто под углом воткнет – проколет глотку, кто сверху рубанет – разрубит шею. Один от ярости вскипает, другой от гнева грудь вздымает. Сошлись, бросок-наскок, что два дракона за жемчужину сцепились. Южан шеренги, силой похваляясь, шагают строем, то по одному, а то

попарно, согласно Сунь-цзы воинским канонам. А дикари, ощерившись, толпою очумелой прут, друг друга оттесняя - им дела нет до стратагем Жанцзюя^[325]. Земля тряслась от грома барабанов, а пушек залпы достигали неба, и всё окрест в дыму исчезло. Свет дня померк, сгустились тучи, и шум, и гам, а павших столько, что «реки высохли, лишь в селах опустевших горят печальные огни».

Сказывают, что трое командиров Южной династии и трое чужеземных военачальников сходились в схватке не одну сотню раз, а всё нельзя было понять, за кем победа. Садилось закатное солнце. Обе стороны дали отбой и свернули боевые порядки. Командир Чжан раздумчиво произнес:

- Не сказать, что сии людишки ни на что не годны в бою, и всё же есть и толика магии. Завтра разработаем план, как захватить их в плен.

Поутру войска снова выстроились друг против друга. Необоримый полководец Цзян гарцевал на коне, Чжан Западная Лагуна обратился к нему:

- Мораль командира - мудрость и сила. Мудрые побеждают мудростью, сильные - уповают на силу. Намедни сотни раз сходились. Да силенки-то ваши слабоваты, то-то хитрить принялись. Я расположил войска в определенном порядке. Тебе он известен?

- Мы - не китайцы, - ответил Цзян Лаосин, - и не признаем никаких боевых порядков, сполна полагаемся на наши боевые рунки. Будем биться, пока реки крови не остановят движение вашей конницы.

С этими словами он выхватил рунку и ринулся на боевые порядки южан. Третий сын крикнул отцу вслед:

- Не забудь про талисман, кой расстроит их боевой порядок!

Цзян Лаосин, продолжая колоть и убивать, успокоил его:

- Всё путем!

В этот самый момент над войсками Южной династии взметнулся черный флаг, дважды ударили гонги. И вот снова громадные тучи заволокли небо, поднялся ураганный ветер, в двух шагах ничего не видать: вытянешь руку - не различишь ладонь. Чжан Цзи отдал приказ взять в плен Цзян Лаосина. Тот кидался вправо-влево, но ему не удалось улизнуть, и как только его схватили, небо тотчас прояснилось. Тогда он качнул своей огромной головой - за его плечом послышался звон, и вот уже в воздухе замелькали летающие кинжалы **(Ил. 39)** с девятью отверстиями^[326] и устремились на китайцев. Те, увидав, что дело плохо, бросились бежать, спасая свои жизни, - тут уж им было не до Необоримого воителя.

Но, как говорится, кошка хоть наступит на колпачок бутылки, что ей проку от разлившегося масла; иными словами, ликование врагов оказалось преждевременным. Генерал Чжан, услышав, что врага упустили, гневно обрушился на своих бойцов:

- Откуда взялись его летающие кинжалы?

Воины выложили всё без утайки. Чжан недоумевал:

– Летающие кинжалы? Как же случилось, что никто не ранен?

– Мы спаслись бегством, и они нас не настигли.

– Ну, теперь ясно, о каком талисмани беспокоился сын военачальника, – сказал Чжан. – Что ж, теперь я сам вступлю в бой! Как увидите, что супостат качнул головой и зашевелил плечами, сразу обрушивайте на него огненные стрелы и огонь из аркебуз «птичий клюв». Наша задача – привести в негодность его тайное оружие.

Не успел договорить, слышит – Цзян Лаосин снова вызывает на бой. Чжан Цзи пришпорил коня и поскакал навстречу. Две армии выстроились друг против друга, выставив оружие и сомкнув ряды. Чжан рассмеялся:

– Тоже мне, главнокомандующий. Улепетываешь, как испуганная крыса.

– А давай-ка сразимся на иной манер, – предложил Цзян Лаосин, – командир с командиром, солдат с солдатом, копье с копьем, меч с мечом, и никаких там боевых построений. Посмотрим тогда, убегу ли я!

Чжан принял вызов:

– Слова – пустое, посмотрим, каков ты в деле!

Чужеземец вспыхнул и, обратив гнев в отвагу, ринулся в бой. Чжан с мечом «гусиное перо» помчался навстречу. Противники сходились в схватке более сорока раз, а всё не понять, на чьей стороне победа.

И тут у Цзян Лаосина возник план. Он развернул коня и пустился наутек с криком:

– Командир Чжан, уступаю тебе эту схватку!

С ослабленными поводьями его конь свободно полетел по тропе. Чжан Западная Лагуна на минуту задумался: «Положено преследовать, да опасаясь его летающих кинжалов. А не сдвинусь с места – не добьюсь победы!» По натуре он был человеком тщеславным и честолюбивым, что ему какие-то кинжалы! И Чжан бросился в погоню. Туземец, слышав приближающийся перезвон конских колокольцев, понял, что преследователь близко, и снова качнул головой. Да только Чжан зорким глазом приметил сей трюк, стремительно повернул и, когда в воздухе снова замелькали кинжалы, был уже далече. В это время с китайских позиций в туземного полководца начали палить из аркебуз и пускать огненные стрелы. Неприятель вскрикнул и тоже развернул коня. После этого Неборимый воитель Цзян еще несколько раз бросался в бой, снова и снова симулировал поражение с целью заманить неприятеля, пускал в ход летающие ножи, но так и не смог одолеть противника. Однако и Чжану не удалось сладить с неприятелем.

Прошло несколько дней, они не принесли победы. Чжан задумался: «Похоже, трудненько усмирить этих чужеземцев, да еще и добыть драгоценность. Пожалуй, не избежать доклада главнокомандующему, что ныне не резон посылать в бой новых командиров и дополнительные

летучие отряды». Вернувшись на корабль, он предложил адмиралу издать приказ, под угрозой смертной казни запрещающий командирам любых подразделений самовольно покидать лагерь и вступать в бой.

Стоило Чжану отступить, как туземец снова бросил вызов. Однако в китайском лагере не взметнулись флаги и молчали барабаны. Цзян Лаосин заметался:

– Коли убоялись смертельной схватки, сидели бы спокойненько в своей Южной династии, так нет, явились на свою погибель в наше государство.

Он разъезжал взад-вперед, выкрикивая всяческие оскорбления. В конце концов всем это надоело. В китайском лагере была группа молодых ребят из рекрутов, могутные да смекалистые. Невмоготу им стало слушать подобное поругание:

– Ничтожный сукин сын, смеет еще бахвалиться! Исстари говорят: три кулака не одолеют четыре руки, четырьмя руками не справиться с тьмой воинов. Будем биться, не щадя живота, уничтожим вражину!

И вот, нарушая приказ командира, отряд понесся навстречу неприятелю. Несть числа людям и коням – мчатся, сильны и отважны. Вот конники уже перед Полынным склоном, размахивают флагами, подзадоривают друг друга, с боевыми кличами берут Цзян Лаосина в кольцо. Наскакивают, словно тигры на барана, яростно ощерившись и выпустив когти, а тот летит, будто мошка на пожирающий его огонь. Не сладко приходилось Необоримому Цзяну в окружении, его конь метался из стороны в сторону, а он всё пытался отбиться, размахивая рункой. В сей миг послышался топот копыт, и со стороны туземного лагеря показалась группа всадников. Скакавший впереди командир кричал:

– Не смейте убивать отца, здесь я, его второй сын!

Не успел договорить, как с юго-востока мчится еще один отряд, во главе – другой туземный командир:

– Не губите отца, здесь я, его третий сын!

Все трое туземных командиров принялись отчаянно насккивать на противников, и в конце концов Цзян Лаосину удалось ускользнуть и умчаться по склону холма. Молодые рекруты не собирались его упускать, надеясь взять в плен и получить награду. Однако ж они и помыслить не могли, что их хитроумные планы – не более чем желание схватить яшмового зайца на луне или золотого ворона на солнце^[327]. Хитроумный Цзян всё рассчитал и, стоило китайским воинам приблизиться, стал бормотать магические заклинания и заговоры, качнул головой – и тотчас в воздух взметнулись сверкающие кинжалы. При виде их сердца храбрецов затрепетали, как флаги на ветру, а мысли смешались, словно смытые весенним ливнем. Они повернули коней и помчались вспять. Куда? Да, конечно, в свой лагерь. Из шестнадцати вояк не пострадали только семеро, у остальных – у кого шлемы разрублены, а у кого – латы, у того пальцы отрублены, у этого плечо поранено, у одного уши отсечены, у другого нос перебит, у кого-

то сломано древко пики, у кого-то – ножны. В таких случаях и говорят: воодушевлен – наступай, не везет – отступай.

Новый вызов Необоримого воителя принял храбрый тысяцкий Ван Мин. Прикрываясь раскрученной пикой, словно щитом, он отразил нападение летающих кинжалов, хотя и получил ранение.

Схватка еще не завершилась, а вестовой уже доложил обо всём происшедшем в главную ставку, что вызвало гнев полководца:

– Посмели нарушить приказ! Закон един для всех!

Ван Мина и молодых рекрутов надлежало казнить и выставить головы на шесте. Однако не успел опуститься на них карающий меч, как в шатер ворвался молодой военачальник. Он едва преклонил колена, а из глаз уже брызнули слезы: его рыдания можно было сравнить с курлыканьем журавлей или протяжным криком обезьян. Он возопил:

– О полководец, молю о помиловании! Подаю жалобу на несправедливо обвиненных!

Это был юный Ван Лян – сын Ван Мина. Адмирал было возразил:

– Награды и наказания – дело государственное, а просьба спасти отца – дело личное. Хоть ты и хорошо излагаешь, но допустимо ли, чтобы личное ущемляло общественное?

Ван Лян поклялся схватить наглого туземца и своим подвигом искупить вину отца. И с дозволения командующего помчался на поле боя.

Не один день храбро, но безуспешно сражался Ван Лян, пока ему на подмогу не примчался еще один всадник.

Завидев его, Цзян Лаосин смекнул, что двоих ему не одолеть и повернул коня. Вновь подоспевший воин крикнул ему вслед:

– Ты, чужеземец, отбеги хоть на сто, хоть на пятьдесят шагов – всё одно моя стрела тебя достанет!^[328]

Услыхав столь решительные угрозы, Необоримый воитель попридержал коня, дабы взглянуть, кто таков сей смельчак. Видит – штандарты полощутся, вооруженный караул стройными рядами, а в центре – огромное знамя военачальника, на коем начертано: «Командующий арьергардной эскадры, первый на дворцовых экзаменах по военным дисциплинам, дерзновенный генерал Тан Ин». Воистину, прибыл несравненный знаток воинского искусства, чьи ратные и гражданские доблести и таланты на недостижимой высоте, такого абы как не одолеть. Чужеземный воин чуток оробел, спросил, кто таков, и, услышав ответ, задумался: «Хорош собой, лицо белое, губы алые. Сразу видать: человек недюжинный, знаки на одежде^[329] – вроде как у высокого сановника. Не иначе как послан для переговоров!» Он и сам представился. Услыхав его титулы, Тан Ин воскликнул:

– Ты носишь звание Необоримого воителя – а известно ль тебе, что это не менее высокий титул, чем Небесный владыка в буддизме? Что ж

при столь высоком звании ты не способен заранее предусмотреть опасность?

Цзян возразил:

– «Познав врага и познав себя, пройдешь невредимым через сотню битв»^[330] – в этом я прекрасно разбираюсь.

Тан Ин принялся втолковывать:

– Проходя мимо ваших берегов, мы и в мыслях не держали занять сей форт и погубить ваши земли. Ежели ты и вправду прозорлив, тебе должно быть ведомо, что «...тот, кто, владея малым государством, служит большому, делает это из боязни пред Небом,...боящийся Неба охраняет (только) свое государство»^[331]. На наших кораблях множество мудрецов и несть числа храбрым командирам. Изничтожить тебя, жалкого командиришку, легче, чем сломать ветку ивы, а стереть с лица земли вашу малую страну проще, чем горе Тайшань раздавить яйцо. Смотри, как бы потом не пришлось кусать свой пупок и запоздало раскаиваться. Лучше проявите прозорливость и поторопитесь подать грамоту о пропуске через заставу.

«Экой странствующий проповедник, – задумался Цзян Лаосин. – Чуток хвастлив, но по сути прав. Вот только есть одна заковыка: намерен-то я обещал государю схватить живьем даосского и буддийского монахов – как же я нынче, наслушавшись звучных речей, с легкостью отведу войска? Пожалуй, стоит еще разок с ним сразиться, тогда-то всё и прояснится». Приняв решение, он крикнул:

– Ты вроде дока в баталиях, а морочишь меня байками. Может, я и не шибко прозорлив, однако в ратном деле тоже кое-что смыслю! – и, не мешкая, попытался воткнуть в Тан Ина свою расписную рунку.

Рассвирепевший Тан Ин прикрылся пикой:

– Ах ты, собака иноземная, я-то подумал, ты и вправду способен оценить себя и противника, а ты просто темный, невежественный мужлан! Мне ли, знатоку воинских искусств, тебя опасаться? Клянусь, не отступлю, пока живьем не схвачу!

Доблестный Тан взметнул свою вращающуюся серебряную пикку^[332], и завязался ожесточенный бой.

Противник оценил высокое мастерство китайского воина в обращении с пикой, коя была, пожалуй, не менее опасна, чем гора Тайшань. Он понял, что сей знаменитый генерал Южной династии уж никак не уступает ему во владении оружием, и стал еще усерднее размахивать рункой. Вперед-назад, выпад – защита. Сходились сотню раз, а всё неясно, на чьей стороне победа. «Да, – признал Тан Ин, – о людях не суди по внешности, морские глубины ковшом не измерить. У этого чужеземного пса в запасе множество коварных ухищрений, придется и мне прибегнуть к хитрости». Нахмурил брови – и в голове родился план. Дабы сбить с толку противника, Тан Ин сделал пикой ложный выпад, а сам, пришпорив коня, покинул поле боя. Чужеземец разгадал его хитрость: «Стану догонять – попадусь в ловушку, а не

стану – решит, что я струсил, слабоват в искусстве боя. В любом случае надо бы поостеречься – вдруг он развернет коня и нанесет удар пикой». С этими мыслями Необоримый Цзян решительно пустился в погоню. Тан Ин, довольный, спрятал пику, выхватил украшенный драгоценностями лук и приладил смоченную в ртути бамбуковую стрелу. Тетива выгнулась лунным серпом, и стрела, словно падающая звезда, стремглав полетела-загудела, целясь прямо в солнечное сплетение врага. Да не тут-то было – щеголяя разными приемами, Цзян Лаосин крутанул коня влево и левой рукой ухватил летящую стрелу. Стрелы у Тан Ина отменные, на сто метаний – сто попаданий: они могли запросто угодить в отверстие в центре медной монетки, а то и сделать из даоса дырогрудого^[333], могли со ста шагов пронзить тополиный лист, попадали в яблочко разделительной линии между *инь* и *ян* на любой мишени.

Что за печаль, коли разок промахнулся! Уж очень не терпелось Тан Ину выставить на шесте голову супостата. И всё же, узрев свою стрелу в руках соперника, он оторопел: «Как она могла у него оказаться?» Выпустил вторую стрелу – чужеземец направил коня чуть вправо и поймал стрелу правой рукой. Тан Ин рассвирепел и с воплем «Ну, погоди!» выпустил стрелу «горлотык». Противник, выказав недюжинную смекалку, не стал ловить стрелу руками, а, качнув огромной башкой, распахнул рот величиной с львиную пасть и поймал стрелу зубами. Тан Ин и рассердился, и, не удержавшись, расхохотался.

Цзян Лаосин начал метать летающие кинжалы, однако командир Тан наловчился сбивать их стрелами.

Необоримый воитель оторопел: «На протяжении многих поколений никому не удавалось увернуться от подобных кинжалов, а на сей раз не сработало. Какой от них прок, коли за все дни ни одного генерала Южной династии насмерть не проткнули!» Рассерженный, он нахмурился. Только собрался пустить в ход свою рунку, как Тан неожиданно выпустил еще одну стрелу. Цзян Лаосин ловко увернулся и возопил:

– Наносить удар из-за угла не считается высоким мастерством.

– Скажи, что у вас называется воинским искусством, – предложил Тан Ин.

– Ваше воинское искусство – в четком построение войска, а у нас правило такое: противники становятся друг против друга, но не ближе, чем на сотню шагов, и поочередно выпускают по три стрелы.

– И ты согласен на такие условия? – изумился Тан Ин.

– Это еще не всё, – добавил чужеземец. – Запрещается вращать пикой, преграждать путь ножам, заслоняться мечом и ломать луки. Вот это и будет высшее мастерство! Заделаем котел ломким чугуном^[334], тогда и посмотрим, кто чего стоит.

Тан Ин предостерег:

– Буде ты и на сей раз потерпишь поражение – поздно раскаиваться.

- У доблестного мужа слово сказано - на четверке коней не воротишь. С чего мне раскаиваться!

- Ну, что же - я устанавливаю мишень - ты стреляешь.

- Нет, я установлю мишень, первым стреляй ты, - предложил чужеземец.

Муж благородный - и учтив, и церемонен,

Но в битве нрав свой раскрывает воин.

Им восхищаются - стрелой пронзает вошь,

Лист тополя собьет - вот до чего хорош!

- Повиновение паче вежливости. Извини, коль займу место не по чину, - согласился Тан Ин и выпустил первую стрелу.

Она со свистом летела прямо на Необоримого воителя, но стоило тому скосить глаза влево - и стрела отклонилась влево. Тан Ин удивился и выпустил вторую. Противник скосил глаза вправо - стрела отклонилась вправо. Тан Ин выпустил третью стрелу, она летела так точно, что казалось, вот-вот попадет в цель, но чужеземец, вытаращив глаза, вперил взор прямо перед собой - и стрела рухнула к копытам его коня. Тан Ин был потрясен: «Плохо дело!» И вдруг его осенило. Настал черед противника метать стрелы.

- погоди, - остановил его Тан Ин.

- Чего годить? Ты уже выпустил свои стрелы, - удивился Цзян Лаосин.

- В нашем государстве каждый большой военачальник с малолетства обучается искусству останавливать стрелы наподобие того, что ты сейчас проделал. Но это еще что! Вот есть у нас кое-что поистине удивительное - такие три стрелы, коих свет не видывал.

- Что за ерунда!

- Без похвальбы скажу: пошлешь в небо - оно отзовется; пошлешь в гору - она обвалится; направишь в камень - в порошок рассыплется.

- Чудеса! Сроду не слыхал, чтобы небо на стрелу откликалось, - расхохотался Цзян Лаосин.

- Словам не веришь - на деле проверишь.

- Идет, только ты не пускай стрелу по горам да по камням, а выпусти в небо, и ежели я услышу отзвук небесный, - тотчас слезу с коня и сдамся, доставим на корабли все бумаги, что требуете, и вам более не придется нас увещевать. Но коли небо смолчит - тогда ты сдавайся. На войне не до шуток!

- Только не удирай, дождись, пока я выпущу стрелу.

- С чего мне удирать! Небо наверняка не ответит, и ты поймешь, что для вас нет выхода ни в небе, ни на земле.

Хитрость Тана заключалась в том, что издревле воины Поднебесной носили при себе три потайные стрелы, вылетающие неожиданно для врага. Одна - с наконечником, заостренным как волчий клык (**Ил. 53**), другая - ковшеобразная для конных лучников с широким, в 1,2 цуня,

наконечником в виде заточенного полумесяца (**Ил. 51**) на другой стороне рукояти; а вот третья – тренировочная «поющая стрела» (**Ил. 52**) с тупым концом^[335].

В этот момент дул западный ветер, и Тан Ин всё отлично рассчитал – он отъехал немного на северо-восток и выпустил «поющую стрелу». Полетев навстречу ветру, стрела отчетливо зазвенела. А Цзян Лаосин – он всего лишь варвар, наивный, как ребенок. Заслышав пение стрелы, он и вправду решил, что сие не иначе как небесный глас – и уставился ввысь. Тан Ин воспользовался его замешательством и украдкой послал вторую стрелу, «лунный зуб», – она попала точнехонько в голову врага и расколола ее пополам, словно тыкву. Тан Ин схватил эту поживу – и вот уже слышен звук удара плетью по золотому стремени, звучат победные гимны. Вестовой доложил в главную ставку: ведь это, почитай, первый подвиг с тех пор, как отправились в Западный океан. Устроили пир горой, повсюду полощутся победные стяги, посверкивают атласные одежды, со всех кораблей несутся ликующие кличи.

Тем временем местный воин донес своему государю:

– Ой, лихо! Беда у ворот! Командующий Цзян обезглавлен генералом Южной династии, всё пятитысячное войско порублено-искрошено.

Один из советников ухмыльнулся:

– Снесли голову Цзян Лаосину – вот и появится еще один злой большеголовый дух Башкарь, кой будет лезть во все наши замыслы.

Чужеземный правитель твердо возразил:

– Мой добрый министр недооценивает обстановку и вовсе не по делу несет вздор о каких-то духах. Ныне ситуация неустойчивая, трон шатается. Буде я ранее ведал об обрушившихся на нас несчастьях, не раздумывая подписал бы и вассальную грамоту, и акт о капитуляции.

И тут вперед вышли трое старших советников:

– На войне победа и поражение – дело обычное. Воинственный Баван в ста сражениях одержал сто побед, но в одном поражении потерял Поднебесную; ханьский правитель терпел поражение за поражением, а одной победой приобрел Поднебесную^[336]. Как можно из-за какой-то мелочи бросать большое дело? Успокойтесь, государь!

В бой с воинами Южной династии поочередно вступили двое сыновей погибшего воителя Цзяна. Но волшебство их не спасло, оба пали от рук отважных военачальников – командира арьергардной эскадры генерала Тан Ина и командира авангардной дивизии гиганта Чжан Бо, шутя вращающего тяжелой булавой «волчий клык». Тогда выступить против чужеземцев отважилась младшая дочь Неборимого воителя по имени Цзиньдин:

– Желаю отблагодарить страну за милости и отмстить за отца и братьев. Клянусь, не жить мне с врагами под одним небом! Молю государя понять мои чувства и сжалиться!

– Ты же девица, – засомневался князь, – у тебя прическа, что башня многоярусная^[337], одежда в два слоя^[338]! Тебе ли вращать пикой, рубить мечом?

– Девица Мулань^[339] повела войска на запад вместо престарелого батюшки. Я же с детства ко всему приучена – вместе с отцом и братьями скакала на боевом коне, обучена воинскому искусству, сведуща в стратегии и тактике боя; уроки мне преподали небесные наставники. Дух мой силен, я изучила все ходы-выходы из загробного мира. Пока не схвачу живьем буддийского бонзу и даосского монаха, не поквитаюсь с Тан Ином и Чжан Бо, не сожгу все корабли – не вернусь!

И, прихватив отряд воинов, помчалась на поле брани.

Когда Саньбао доложили, что чужеземная девица вызывает врага на бой, да не абы кого, а двух крупных военачальников, тот только усмехнулся:

– Раз туземный князек выставляет против нас девицу, он и впрямь гнилое дерево – того гляди, рухнет.

Но вице-адмирал Ван возразил:

– Напрасно смеетесь! Коли девица сразу двоих наших военачальников затребовала – вряд ли стоит ее недооценивать.

Сразиться с девой, помимо воина с ученым званием Тан Ина и тысяцкого Чжан Бо, вызвались командир правого авангарда генерал Лю Инь и юный храбрец Ван Лян.

Одначе Саньбао остановил добровольцев:

– С какой стати резать кур топором для забивания коров – не многовато ли четверых на одну воительницу?

Командующий Ван поддержал:

– Достаточно тех двоих, коих назвала девица.

Первым на поле брани поскакал Тан Ин. Он еще издалека разглядел воительницу, окруженную боевыми знаменами:

Лицо, что полная луна, чиста-ясна, как лотос нежный, бела, стройна, звонкоголоса. В движениях плавных величава, команды четки и разумны. Сплетенные столь тонко латы неуж сравнятся с шелковой курткой; меч с колокольцем не уступит собольей оторочке и подвескам яшмовым мужей ученых. Вступила в бой – и брови вмиг гневливо поднялись, скрестила меч – и звездны очи от ярости округлы стали. К седлу привычна и ловка, умна, и, фениксом расшиты, зажаты туфли в стремяна. Мечом стальным легко вращает, прическу-тучу держит шпилька золотая. В ней скрыты воля, воинская доблесть и ничего от феи нежной.

Схватка была ожесточенной, однако с помощью чародейства дево-воительнице удалось поймать Тан Ина в ловушку. Та же судьба постигла и Чжан Бо, хотя тот со своими могучими плечами и ручищами-

молотами да с грозной булавой с шипами(Ил. 50) ^[340] ничуть не уступил бы сильному войску.

Тогда на выручку им подоспели еще двое – генерал Лю Инь с острым мечом «гусиное перо» в руках и юный Ван Лян с вращающейся пикой. Но и они попали в плен к коварной воительнице.

Получив известие об исчезновении командиров, Саньбао раскис:

– Довольно! Государство сие непобедимо, как ни бьемся, колем-рубим, а всё терпим поражение. Не лучше ли отдать приказ – свернуть пожитки и отправиться восвояси? Мудрые советуют: узрев преграду – отступи.

Тут вставил свое слово вице-адмирал:

– Успокойтесь, господин! В давней притче сказано: кто привязал колокольчик к шее тигра, тому его и развязывать. У нас и мысли не возникало о походе в Западный океан и возвращении государевой печати. Сие внушили императору Государев советник и Небесный наставник. Они и в ответе за посрамление нашего воинства колдовскими чарами девы-воительницы. Нынче уже стемнело, предлагаю поднять флаг как сигнал готовности к перемирию.

На том и порешили. Дева, увидев флаг, вернулась восвояси и доложила князю о своих подвигах.

Сказывают, что воительница, коей не терпелось одержать полную победу, на другой день, не дожидаясь рассвета, примчалась к лагерю Южной династии и стала вызывать на бой. Вестовой доложил в ставку, адмирал вместе с командующим Ваном и военачальником евнухом Ма отправились на корабль Небесного наставника обсудить план действий. Наставник Чжан вышел навстречу из павильона Нефритового владыки, пригласил сесть. Евнух Ма осмотрелся и увидел вокруг изображения святых трех небесных сфер – страшное небесное воинство: все о трех головах и шести руках, лица зеленые, клыки выпирают, усы и власа алые, как киноварь. Господин Ма поразился:

– В чем же состоит прямое воздаяние ^[341] сих небесных воителей, кои в давней своей прошлой жизни были столь уродливы, а ныне почитаются как святые? Днесь же, наизворот, – сколько мужей красивых да изящных, умных да талантливых, в нарядных головных уборах и с расшитыми поясами, иначе они не почитаются за бессмертных и в течение бесчисленных кальп погрязают во зле и пороке.

Командующий Ван объяснил:

– Похоже, господину неведомо, что в древности у людей был звериный лик, но человеческое сердце, посему они и достигали бессмертия и благого воздаяния. Ныне же при человеческом лице у людей звериное сердце – куда им в бессмертные? По заслугам и воздается.

Господин Ма согласно кивнул, снова огляделся и увидел косо нависающие под домашним алтарем здоровенные шейные колодки – канги. «Странно, – подумал он, – такие орудия пыток можно увидеть в трех высших судебных учреждениях Нанкина, в двух управляемых столицей уездах, в Департаменте учета людского и конского состава войск пяти округов Пекина^[342], в судебных палатах. Неужли ими пользуется хранитель сокровенного учения *Дао*? Да кабы мне во времена, когда я был столичным воеводой, пришлось использовать кангу, сие приравнялось бы к самовольному применению наказания без высокого дозволения». Глянул повнимательней и увидел на колодках множество даже еще не отодранных бумажных лент^[343], а на них – вполне различные надписи: «ведьма куриные лапы» из Гуанси^[344] и Большеголовый черт из пещеры Чаоян.

Тогда военачальник Ма почтительнейше осведомился, для чего тут сии орудия пыток. Небесный наставник втолковал:

– Видите ли, господин, Поднебесная полна дьявольских духов, вредящих добрым людям. Есть оборотни, вызывающие стихийные бедствия и насылающие злосчастье. Все они в моем ведении. Те колодки, что висят слева, надеваются на духов бездельников, дармоедов, на рождающую сифилис восковницу^[345], да мало ли куда еще. Канги с правой стороны надеваются для обуздания духов домашних животных – кур, собак, свиней, ослов, лошадей, мулов, а также духов хозяйственной утвари – щеколд, метел, коромысел, ночных горшков и прочего.

– О, сколь вы могущественны! Нам выпало счастье находиться рядом с вами! – воскликнул господин Ма.

– Вы мне льстите.

– Неужто дьявольские заморские силы также подвластны вам?

– Мы сильны: головой подпираем небо, ногами опираемся о землю, пройдем сквозь рай и ад! Неужто за морями найдется сила, кою не обуздаем?!

Тут-то господин Ма и поведал Небесному наставнику, что местная дева-воительница с помощью всяческих магических трюков упрятала куда-то четырех славных командиров, и неизвестно, живы ли они:

– Сможет ли господин Небесный наставник посодействовать поискам?

– Нешто вам неведомо, – успокоил его наставник Чжан, – что ложь не способна победить истину, а зло не одолеет справедливость? Я, ничтожный, как верный пес, сделаю всё от меня зависящее, дабы справиться с волшбой сей девы, схватить ее живьем и спасти наших славных командиров. Лишь так смогу отплатить за оказанные императорским двором милости и прославить флотоводцев.

Командующие от всей души возблагодарили наставника.

Даос не мешкая сел на коня: с обеих сторон реют флаги с драконами, ошую под флагами двадцать четыре храмовых мальчика-

танцора дуют в трубы и бьют в барабаны, одесную два десятка послушников из монастыря Чаотянь – в руках таблички с заклинаниями и тазики, наполненные наговорной водой с пеплом сожженного талисмана. В центре процессии реет воинское знамя, на коем начертано: «Доблестный Небесный наставник праведник Чжан с горы Дракона и тигра». Дева при виде сего зрелища изготовилась к бою и крикнула:

– Эй, ты и есть знаменитый даос – коровий нос^[346]?

Небесный наставник поднял свой семизвездный меч, выехал вперед на черногривом скакуне и выкликнул:

– Слезай, бесовка, с коня, примешь погибель свою от меня. Не стану о тебя и меч марать!

– Премного наслышана о тебе, храбрец! – отвечала Цзиньдин. – Твое великое имя гремит по свету, твои добродетели сияют, что ясная луна в небе. Сказывали, будто ты о трех головах, шести плечах, семи руках, восемью ногами, рожден человеком во всех трех кругах буддийского перерождения души и способен закружить-завертеть небо и землю. А ты вон каков – ножки как у кузнечика, башка большая, как головка у прялки^[347]. Воистину сказано: мало услышать, лучше один раз увидеть. Ты пошто сюда явился? Не иначе как смерти своей искать! Да что зря языком молотить! Смекнешь, куда спрятала ваших военачальников, – признаю тебя праведником, а нет – слезай с коня, повяжу тебя!

Небесный наставник разозлился и проткнул воздух прямым мечом для колющего удара, но дева заслонила парными кривыми мечами^[348].

Даос придумал хитрый план – взмахнул мечом так, что тот сверкнул на солнце, и из него вылетели искры. Не мешкая, он выхватил амулет, сжег его в этом огне и попросил послушников подать ему столик для благовоний. Зачем? А затем, чтобы постучать по нему дощечкой с текстами заклинаний, на коих были записаны имена небесных воинов и полководцев. Не стучать же сей дщицей по луке седла – кощунство! Наставник Чжан трижды похлопал по столику и возгласил:

– С первым ударом развернитесь Небесные врата, со вторым – расступись земная твердь, с третьим – спустись небесное воинство!

В тот же миг северо-запад заволокло облаками, словно поднялись благовещие испарения, юго-восток подернулся дымкой, и там разлился божественный свет. И вот прямо из облаков спустился на землю военачальник – огромный, как ваджра, лицо темно-красное, будто финик, глаза раскосые, брови изогнуты, в руках – легендарный древний клинок «зеленый дракон». Восседает на знаменитом красно-рыжем скакуне, прозванном «яшмовый заяц». Это был маршал Гуань. Он назвался и изрек:

– Ныне занимаю должность хранителя Южных небесных врат, тех самых, через кои попадают на небеса с горы Тайшань. Зачем изволили вызвать?

В ответ на просьбу Небесного наставника найти запряженных девой-воительницей китайских командиров мудрый Гуань взвился в небеса на благовещем облаке, глянул вниз и узрел с высот всех четырех пленников – всяк в великой опасности! Спустившись на землю, доложил, что командиры находятся в разных сторонах света в ловушках – каменной, водяной, деревянной и огненной:

– Ежели Небесный наставник нынче их не вызволит, назавтра в полдень от каждого останется лишь лужа крови.

Даос попросил совершенномудрого поспособствовать. Святой снова взлетел на облаке ввысь: двинул кулаком в одну сторону – разбился огненный капкан, пнул ногой в другую – разлетелась в щепки деревянная ловушка, махнул мечом на север – попал точнехонько в водную ловушку, стеганул плетью в сторону запада, а там высилась скалистая гора, сколько ни лупи – не шелохнется. Небесный воин рассвирепел, ударил кулаком – не сдвинулась, ткнул ногой – не дрогнула, рубанул мечом – не поддавалась. Глянул повнимательней – да это же каменное кольцо праведника горы Бараний рог^[349], его талисман!

Беда не в том, из какой породы был камень, а в том, что он существовал еще в те незапамятные времена, когда не отделились Небо и Земля. Как только Паньгу их разделил, послышался треск, камень ожил, и из него явился сей получеловек-полуживотное с рогами на голове. Сказывают, что Цзиньдин почитала праведника как наставника и, будучи его ученицей, попросила запрячь Тан Ина в каменное кольцо. Святой Гуань схватил свою знаменитую алебарду, сосредоточил всю энергетику и приподнял камень – Тан Ин мигом выбрался наружу. А мудрый Гуань умчался на облаке. Дева, видя, что даос разгадал ее уловки, в знак удивления и восхищения поцокала языком, тряхнула головой и вполне уверилась: «Не зря Небесный наставник имеет славу великого праведника!» Пришпорив коня, она покинула поле боя. Даос помчался вослед, выхватывая на ходу семизвездный меч:

– Скажи хоть во владения бога смерти и судьи ада Яньло, я догоню тебя на облаке!

И вот уже грива его коня полощется на ветру, даос мчится, сжимая меч, вот-вот нагонит деву. Тут Цзиньдин вильнула в сторону, выхватила из рукава чудотворный белый флажок и, натянув поводья, трижды очертила перед своим конем магический круг, рассчитывая оплести даоса. Откуда ей было знать, что Небесному наставнику подчинялась вся нечистая сила? Он тотчас разгадал коварный замысел, нацелил на флажок свой длинный ноготь – и стяг растаял белым дымком.

Видя, что ловушка не удалась, дева решительно выхватила кривые парные мечи и резко взмахнула ими, а Небесный наставник стал часто-часто – ну точно капель – делать выпады драгоценным семизвездным мечом туда-сюда, вперед-назад. Ну что же, один поддерживает лелеемое императором спокойствие во всем мире, другая отстаивает

жажду местного князька оставаться государством-сюзереном. И грянул бой не на жизнь, а на смерть. По этому поводу уместна прибаутка:
Цзяннаньской меди кусок откован,
Гривы две у коня боевого^[350].
Воинов гонг сзывает на бой,
Колокол бдит монастырский покой.
У меди холодной пустое нутро,
Не различает зло и добро.

Цзиньдин быстро сообразила, что она не соперница даосу в бою, и, пришпорив коня, помчалась на запад.

Но тут со всех сторон на нее налетели командиры, освобожденные небесным воином, и перерезали ей путь.

А деве ли не знать, что молодец-удалец супротив двоих не боец, ничто подряд не делай трикрат? У Цзиньдин от страха волосы встали дыбом и мурашки по спине забегали – она осознала, что Небесный наставник разрушил все ее ловушки, не оставил ей выхода, и погибели не избежать. Дева бросила себе под ноги кусок алого шелка, обернувшегося алым облаком, наступила на него и вместе с конем взмыла в небеса.

Сказывают, что стоило четверым военачальникам увидеть, как Небесный наставник на Соломенном драконе преследует чужеземную воительницу в облаках, они обеспокоились: не вернуться ли им на корабли, не доложить ли обо всём главнокомандующему на случай, ежели понадобится подкрепление? Но Тан Ин возразил:

– Негоже так поступать! Ведь кабы не сверхъестественные способности Небесного наставника, нешто мы бы выбрались из ловушек? Как можно сейчас, когда он сражается с риском для жизни, покидать позиции?

– Полностью полагаемся на мнение мудрого Тан Ина, – согласились военачальники.

– По моему убеждению, следует разбить на этом месте лагерь и выжидать, – предложил Тан Ин. – Неужли забыли, что издавна говорится: победа и поражение – спутники любого сражения? Ежели даос одержит победу, дева всенепременно спустится на землю, и мы тотчас схватим ее, а коли удача отвернется от наставника, будем ждать его приземления и придем на выручку. Сие ли не двоякая польза?

Военачальники от всей души выразили восхищение мудростью командира Тана.

Точнехонько в этот самый момент послышался треск сломанных веток, и Цзиньдин скатилась со своего алого облака на горный склон. Военачальники набросились на нее, аки тигры на ягненка, всяк колот каким имел оружием, пока живая плоть не превратилась в кровавое месиво.

– Это я убил ее своим вращающимся серебряным копьем! – воскликнул Тан Ин.

Тысяцкий Чжан Бо возразил:

– Нет, это я прикончил ее своей тяжелой булавой «волчий клык».

Генерал Лю Инь перебил:

– Это мой украшенный фениксом меч «гусиное перо» нанес решающий удар.

Ван Лян похвалялся:

– Ну уж нет, это я своей длиннющей пикой пронзил деву.

Пока воины соперничали, кому достанется голова врага, смотрят – на земле валяются сверкающие латы, шлем и всё обмундирование, а под ними течет крохотный чистый ручеек. А где же сама Цзиньдин? Все четверо дружно вскричали: «Не иначе как нечистая сила примерещилась!» И вздохнули: «Всё прахом, мы ее не побивахом!»

В это время Небесный наставник спустился на заросший травами склон, где и узрел пребывавших в тревоге четверых военачальников. Те поведали о случившемся и покаялись.

– Да что об этом говорить! – отозвался Небесный наставник. – Придется пока оставить в покое девицу, она наверняка спряталась в водном схроне. Как говорится, коли правитель ада назначил умереть в час третьей стражи, кто посмеет задержаться до пятой!^[351] Видно, этой чертовке нынче не суждена гибель, да и завтра не поздно ее поймать. А пока прикажите войску в честь одержанной мною победы с маршами и под барабанный бой^[352] воротиться на корабли.

Цзиньдин живехонькая явилась во дворец и подробно доложила правителю о великой мощи Небесного наставника. Все приближенные – и даже военачальник – стали убеждать князя передать командующему флотилией затребованные грамоты и решить дело миром.

Одна лишь дева-воительница стояла на своем:

– Ваши министры готовы продать страну, препятствуют выполнению важной государственной задачи. Мой князь унаследовал нашу землю от предков и передаст ее потомкам. Мы – ведущая держава в западных землях, и наш государь их глава. Стоит нынче подписать документы о капитуляции – не избежать кланяться императору Южной династии как владыке. Мой князь станет его подданным и будет принужден исполнять приказы господина: повелит тот идти на восток – и он не сможет пойти на запад, направит на север – не посмеет двинуться на юг. А ежели их император и вовсе надумает переселить вас в Южную династию, и тогда придется повиноваться. Позор и гибель ждут вас впереди! Коли станем полагаться на советы министров, то вас, нашего государя, владыку тьмы колесниц, продадут Южной династии, и вы опуститесь до простолюдина. Сие ли не предательство?

Цзиньдин изложила собственный план. Она поведала о своем наставнике, истинном праведнике с горы Бараний рог – его так и

называют Рогатым. Он обладает множеством талисманов, запрятанных в «цветочной корзине воды и огня», он маг, коему подвластно всё сущее меж небом и землей.

Цзиньдин предложила и способ уговорить праведника спуститься с гор:

– Коли государь наш напишет обращение, я не почту за труд доставить его наставнику в любое время, дабы спасти нашу чудесную страну и вызволить народ из юдоли страданий.

Сказывают, что, вняв мольбам девы-воительницы, Рогатый – на голове повязка «исполнение желаний», широкие синие рукава одежды окантованы черным, на поясе кушак с двумя пряжками, символами стихии воды и огня, на ногах расписные чуни, в руках редкостный меч-кладенец «великий изгиб» – вместе с послушником по имени Бездонная Пропасть оседлал благородного оленя и покинул гору. На благовещем облаке взмыли они ввысь; миг – и оказались над государством Золотого лотоса, а затем опустились на заросший бурьяном склон горы. Там, распростершись ниц, наставника почтительно дожидалась и приветствовала Цзиньдин.

Рогатый выпустил на ристалище юного послушника по имени Бездонная Пропасть – хотя и небольшого росточка, но обладавшего даром превращаться в огромное чудище. Первым на бой с ним выехал тысяцкий Ша.

Завидев перед собой тщедушного монашка, дерзко повелевавшего ему сдаться, тысяцкий взмахнул плетью. Монашек не был сызмальства приучен обращаться с оружием, не спохватился вовремя, и плеть больно стегнула его по шее. Он вскрикнул от боли и завопил:

– Наставник, спаси!

Кто знал, что от этих слов всё вмиг переменится – монашек преобразился в огромное трехголовое четырехрукое чудище, синерылое, с огненно-рыжими волосами. Тут пришел черед китайского воина перепугаться. От ужаса он свалился с коня, а чудище смеялось и глумилось над ним. Недаром говорится: дракона на мелководье и креветка обидит, тигра на равнине и пес одурачит^[353]. Тысяцкому ничего не оставалось, как терпеть и придумывать пути спасения, а праведник Рогатый напоминал монашку:

– Держи его крепче, но не убивай.

Как только флотоводцу доложили, что тысяцкий Ша попался и схвачен, он пришел в ярость:

– Дать возможность какому-то мальцу одержать верх?! Как тут переплыть море, захватить противника? – Он разломил пополам верительную стрелу^[354] и пригрозил: – Коли не поймаете юнца и не одолеете государство Золотого лотоса, вас постигнет та же участь, что и эту стрелу.

На поле боя отправились еще двое командиров Южной династии – один коротышка, другой великан: у одного в руках тяжеленный

священный трезубец весом полторы сотни цзиней, другой сжимал «отпугивающий духов громоподобный молот».

Не испугались они черта синерылого: «Да что нам этот клыкастый, добьем и всё тут, мать его». Командиры стали колошматить противника всяк своим оружием – то слева, то справа. Монашку некуда деваться, мечется он из стороны в сторону, но везде его настигают мощные удары.

Тогда Рогатый достал из волшебной корзинки талисман, прочел заклинания и подбросил его ввысь. В тот же миг в воздухе замелькала тьма летающих кинжалов – и не счесть, сколько их устремилось к земле! Да только оба командира Южной династии стали сбивать их трезубцем и молотом – и вот уже кинжалы закрутились в воздухе, словно «танцует с ветром ивовый пушок, и персика цветы унес поток»^[355]. Рогатый лишь горестно прищелкнул языком, собрал оставшиеся кинжалы и удалился вместе с синерылым.

А храбрые командиры вернулись с победой. Немного пострадали лишь их кони – у одного была ранена задняя нога, у другого задет хвост. Саньбао, услышав благие вести, воскликнул: «Наших военачальников не сломить ни угрозой, ни силой!» Но не успел возрадоваться, как послушник Бездонная Пропасть снова тут как тут и вызывает на бой, угрожая схватить живьем даосского и буддийского монахов.

Тогда на поле боя отправился сам Небесный наставник. Первую схватку он проиграл, ибо Рогатый пустил в ход наимогущественнейший талисман – свод черепа высокого предка, императора Хуанди. По форме он напоминал круглое зеркало, способное выявить сущность хоть духа, хоть черта.

Вскоре даос снова выехал на бой на своем черногривом скакуне – без знамен и сопровождения, а лишь с семизвездным мечом – и стал громогласно срамить противников:

– Ты, ничтожество на белом олене, и ты, оборотень синерылый, до чего вы оба бесстыжие! Человек рожден меж небом и землей, он подпитывается мужской энергией *ян*. Еще в нашей древней «Книге перемен» сказано: истинное место женщины – внутри семьи, внешние дела решает мужчина. Как могло случиться, что баба вертит мужиками и дает им указания! Надеть воину женскую головную повязку и то считается оскорблением, за такое могут и в городской управе выпороть. А у вас тут мужика от бабы не отличишь, как и день от ночи! Да хоть какой великий подвиг соверши, неужто такой позор переживешь?

На сей раз против Небесного наставника выступили и сам Рогатый, и синерылый послушник, и дева-воительница.

Наставник Чжан помчался им навстречу. Рогатый выставил свой волшебный меч, а у даоса наизготове свой, семизвездный. Сказывают, Рогатый сообразил – с даосом держи ухо востро – и снова полез в

корзинку за магическим оружием. Но у Небесного наставника взгляд пронизывающий, он разгадал его маневр, сжег заклинание на острие меча^[356], что-то прошептал – и вот уже перед ним выстроилась четверка небесных полководцев, готовых выполнить любое приказание.

После нескольких схваток небесным воинам удалось вырвать у праведника с горы Бараний рог заветную корзину с талисманами и исчезнуть. Рогатый на облаке помчался за ними вслед, а Небесный наставник захватил послушника-оборотня и деву-воительницу и доставил в ставку.

Главнокомандующий тотчас заявил:

– Вам обоим не избежать смерти, но есть одна проблема: вы проявили себя как верноподданные, готовые отдать жизнь за своего князя.

Дева взмолилась:

– Так отпустите меня, коли столь высоко цените верность государю.

– С какой стати? – возразил Саньбао. – Ведь сказано же: с позиций царства Чжоу непокорные – невежды, а с позиций царства Шан они – благородные рыцари^[357].

Адмирал приказал пожаловать пленным по бутылки вина, окороку мяса, а когда они напьются допьяна и наедятся досыта – казнить их и выставить головы на шесте, дабы другим неповадно было. Дева даже головы не повернула в сторону еды, а синерылый умял всё за минуту. Приближенные удивились, отчего он так споро всё уплетает, и монашек объяснил, что его недаром кличут Бездонная Пропась.

– Повремените исполнить приговор, – остановил вице-адмирал Ван, когда пленных приготовились вести на казнь. – Важно не просто казнить, а добиться раскаяния. Пусть каждый из них подпишет признательные показания.

Саньбао понравилась эта мысль, и он обратился к пленным:

– Нынче вас казнят. Вы готовы раскаяться?

Те в один голос подтвердили:

– Покоряемся!

Тогда главнокомандующий приказал написать признательные показания. Дева заявила, что знать не знает, как писать подобный документ. Саньбао повелел принести образцы. В одном значилось: «Сии письменные показания составлены Цзян Цзиньдин, дочерью Цзян Лаосина, военачальника государства Золотого лотоса и слоновой кости. Признаюсь в неповиновении императорскому воинству. В Срединной империи немало мудрейших, все удельные князья являются к их двору с дарами. Императорская флотилия движется на запад, и нам не следовало выставлять войско и выступать супротив. Сие привело к нашему поражению и пленению, наши головы следует выставить на шестах, дабы все узрели, что восставший против воли Неба обречен на гибель. О чем молить? Быть по сему!» Подобную грамоту подписал и послушник Бездонная Пропась. Оба военачальника с удовлетворением

прочитали покаянные грамоты и порешили: «Их признание означает, что мы поистине войско, действующее во исполнение воли Неба и людских пожеланий». Ординарцы вывели пленников за ворота военного лагеря. Удар мечом – голова долой. Но что это? Тело Цзиньдин растаяло в небе черным дымом, а синерылый черт полетел ввысь белым эфиром.

Прошло немного времени, и на божественном олене с мечом в руке перед китайским войском опять возник Рогатый праведник, а с ним как ни в чем не бывало – дева-воительница, синерылый черт да еще отряд местных воинов. Все они орали, угрожая сжечь корабли Южной династии и захватить Государева советника. Оказалось, что, поелику праведник Бараний рог широко известен в мире бессмертных, небесные полководцы, сколь ни бранились, вынуждены были вернуть все его талисманы. И тогда тот решил снова вступить в схватку. Меж тем уже стемнело, и Небесный наставник предложил отложить бой до завтра, а пока выставить знак перемирия **(Ил. 23)**.

Тем временем командующий призвал Государева советника принять бой, но тот отказался:

– Я, буддийский монах, преисполнен сострадания ко всему живому. Не пристало даже упоминать при мне такие слова! Да я, когда подметаю, боюсь муравья потревожить, мне жаль бабочку, летящую на свет фонаря.

Саньбао истолковал эти слова как предлог, и вице-адмирал Ван его поддержал:

– Ежели Государев советник уклонится от битвы, то весь наш поход в Западный океан пустышкой обернется.

Евнух Ма пробурчал:

– Тогда лучше уж сразу повернуть корабли, возвратиться в столицу и покаяться пред государем. В любой битве только два пути – вперед или назад. Буде мы не можем двинуться вперед, предпочтительней повернуть, чем стоять, как бараны, упершись в ворота. Добиться – ничего не добьемся, да поздно будет раскаиваться.

– Амитофо! – вздохнул Государев советник. – С чего это вы эдак разволновались! Пожалуй, пойду гляну на этого праведника.

Военачальнику евнуху Ма сие не понравилось:

– Да что толку на него смотреть!

– Вам что, не известно, что три религии одна семья? – попытался усовестить его Бифэн. – Попробую мягко уговорить его отступить подобру-поздорову.

Тут уж Ма не сдержался:

– Даосским монахам, пусть и прошедшим путь совершенствования, далеко до буддийского сострадания. Ежели Рогатый праведник вспылит, втолковывайте ему ваши причинно-следственные связи аж до осыпания райских цветов с небес, всё одно не убедите – он

притворится, будто не понимает. По моему скромному мнению, лучше достойно возвернуться в столицу.

– Нам дарован государев эдикт, мы двинулись в поход – как можно с полпути возвращаться? Погодите, я всё же сделаю попытку, – стоял на своем Бифэн.

С этими словами он надел буддийский колпак, накинул полотняную одежду, прихватил чашу для подаяния, сделанную из червонного золота, и посох с девятью кольцами и, огладив бороду, с возгласом «Амитофо!» начал спускаться с корабля. Военачальник Ван придержал его:

– Вы совсем не заботитесь о собственной жизни. Хотя и говорят, что буддисты привыкли в монастырях жертвовать собой, например, накормить голодного тигренка или, как Будда Сакьямуни, откромсать кусок своей плоти, дабы дать еду коршуну, но они совершают сие во имя прямого воздаяния. А вы отправляетесь на схватку с сильным противником без шлема и лат, безоружный, без сопровождения. Боюсь, вы недооцениваете ситуацию. По моему скромному мнению, стоит взять с собой отряд воинов для пущей внушительности и двоих военачальников для защиты.

Бифэн решительно отказался, полагаясь на силу буддийского учения.

– Да что разглагольствовать о пустяках, – прервал их Саньбао. – Советник, отправляйтесь поскорей! Мы все зависим от ваших недюжинных способностей и жаждем услышать победные гимны.

Стоило Государеву советнику покинуть корабль, евнух Ма предложил главнокомандующему послать вослед полсотни лазутчиков, дабы те следили за исходом дела:

– Ежели буддист станет побеждать, они сообщат в ставку, и мы подготовим торжественную встречу со стягами и барабанами. Коли противник станет одолевать, направим на подмогу отряд воинов. А ну как дева-оборотень захватит почтеннейшего в плен? Тогда лазутчики обязаны без промедления нас уведомить. Мы тотчас поднимем якоря, развернем паруса и с попутным ветром поплывем обратно в Нанкин.

Командующий Ван поддержал его.

– Быть по сему! – приказал адмирал.

Как же лазутчики Южной династии собирали сведения в этой чужой стране? Секрет в том, что евнух Саньбао был мусульманином и знал язык западных варваров, кроме того, он вез с собой воинов, обученных читать и говорить на варварских языках.

Лазутчики сошли на берег и помчались к горе, но Государев советник был ох как зорек! Земли там пустынные, склоны безлесные, да и сами горы не растягивались длинной цепью. Бифэн мгновенно заметил облако пыли от копыт, понял, что обеспокоенный главнокомандующий всё же послал лазутчиков, и решил принять меры предосторожности. Почему? А вот почему! «Мое нынешнее

человеческое обличье, – рассудил он, – укладывается в рамки четырех ложных представлений человека^[358]. Будь Рогатый просто неким оборотнем или прячущимся в зарослях разбойником, это бы еще ничего. Но ежели он и вправду святой праведник, мне придется призвать на помощь небесных воинов и принять облик огромного и величественного Будды. Тут-то лазутчики и разгадают, что я не простой монах, пойдут разговоры да пересуды. А ведь с древности известно, что праведник не являет миру свое подлинное лицо, являющий же его не есть праведник. Сие нанесет урон моему перевоплощению, столь успешно свершенному в Ханчжоу. Да и помимо того впереди множество стран, в каждой – тьма магов-чародеев и буддистов, и даосов, а еще всякие духи гор и лесов. Ну, уберу я и тех, и этих, в чем же будет тогда заслуга военачальников? Лучше проявить осторожность!»

Бифэн указал рукой на восток – и оттуда тотчас спустился на землю небесный полководец. Почтеннейший обратился к нему с просьбой прикрыть его плотское тело, состоящее из материальных частиц земли, воды, огня и ветра, дабы не допустить утечки сокровенных тайн Неба.

– Слушаюсь предписаний Государя-Будды, – с поклоном отвечал небожитель.

Затем Бифэн указал рукой на запад – и на склон холма приземлился еще один высокочтимый небожитель. Он распростерся ниц и назвался монахом Белое облако. Почтеннейший попросил его обрывками белых облаков залепить глаза и уши воинов Южной династии, дабы сокрыть небесные тайны. И в то же мгновение небо затянули темные тучи. Что уж говорить о береговой охране и воинах на кораблях! Да и лазутчики загомонили-зашумели, завопили: «Вот чудеса! Как непредсказуема стихия, так и человек не знает, ждать беды или удачи. Только-только было солнечно, и вдруг тучи закрыли небо. А коли начнется ливень, и вовсе нечем будет прикрыться, придется прятаться в горной расщелине».

Сказывают, что пока буддист шагал вниз по склону, поджидавший его там Рогатый праведник внимательно разглядывал неторопливо бредущего старца с патрой и посохом – голова вытянута, уши оттопырены, лицо широкое с крупным ртом, поступь важная, в себе уверенная. Рогатый засомневался: ежели старец – тот самый Государев советник, приближенный к царствующей особе, как это он вышел без охраны, без барабанного боя и стягов? «Скорей, не он! С другой стороны, в наших краях нет буддийских монахов. Кому и быть, как не ему? Спрошу старца, тогда и посмотрим». И он, будто рассуждая сам с собой, громко выкрикнул:

– Не почтенный ли Цзинь Бифэн там вышагивает?

Известно, что из трех религий буддизм самая милосердная, посему Бифэн смиренно подтвердил:

– Верно, он самый.

Рогатый, увидав, сколь прост и безвреден монах, решил: «Не верь всему, что говорят! Неужли сей смиренный старец и есть могущественный, обладающий невиданным чудодейственным даром Государев советник, о коем поведала Цзиньдин? Да такой слабак сам отдаст себя на растерзание, поймать его легче, чем посадить курицу в клетку». Рогатый подозвал послушника Бездонная Пропась, дабы вместе схватить буддиста.

Ученик, еще не избывший горькую обиду от написания покаянной грамоты, услышав призыв наставника, так раздухарился, что, казалось, впору свершить невозможное. Он схватил огненную пику и нацелил ее прямо на буддиста. Бифэн мгновенно решился: «Так, так, хоть я и монах, но как стерпеть такое?» Он использовал одну из магических мудр^[359], и ноги послушника тут же словно гвоздями прибило к земле, а его пика стала тяжелой, будто глиняная. Хотел бежать – ноги не слушаются, хотел метнуть пику – ее не поднять! Испуганный послушник только и смог, что пробормотать:

– Наставник, спаси!

Рогатый подскакал на божественном олене прямо к Бифэну и с криком «В цель!» подбросил в воздух свой драгоценный меч. Взлетев, тот стал стремительно опускаться на голову буддиста. Бифэн снова загнул в мудре большой палец – и меч рухнул в траву. Рогатый побледнел от страха:

– Да, этот монах с виду хорош, да в рот не возьмешь, совсем не то, что вчерашний даос. Волей-неволей придется доставать талисман.

С этими словами он вытащил из корзинки волшебное зеркало, но Бифэн подбросил патру ввысь, и она преградила зеркалу дорогу. Как говорится, на буддийском небосклоне не существует двух солнц, да и в даосизме не может быть двух владык. Поистине, противники стояли друг друга.

– Тогда вот что: осмелишься ли ты отозваться, ежели я напрямую окликну тебя по имени?^[360] – бросил вызов Рогатый.

Бифэн всё же уточнил:

– А что будет, ежели не отзовусь?

– На войне шуткам не место, – отрезал тот и выкликнул: – Бифэн!

Буддист не задумываясь ответил:

– Я здесь!

Стоило произнести эти слова, как Рогатый уловил его в свой крошечный волшебный сосуд.

Если бы только пленение Бифэна! Беда в том, что лазутчики успели доложить об этом в ставку, и евнух Ма потребовал немедля грузиться на корабли, с помощью лебедек поднять якоря, развернуть паруса и плыть обратно в Нанкин:

– Ни секунды промедления, не время колебаться! Недаром сказано, что лучшая из стратегий – бегство.

Но теперь уж подобные речи смутили командующего Вана, и он засомневался:

– Подобаает ли нашим выдающимся военачальникам так поступать!?

Саньбао и на этот раз его поддержал:

– Тело благородного мужа должно быть погребено в шкуре его коня; как ранее сказал поэт, «да кто не смертен в этом мире? Но преданный оставит память на века». Как можно толковать о бегстве?

Не успел договорить, как свое слово вставил уважаемый Фэй Хуань. Новость-то он услышал, но не был уверен в ее достоверности:

– Ежели это правда, Бифэн найдет средство к освобождению. Не следует множить ложные слухи – скорей всего, это хитрая уловка учителя, толком-то ничего не известно.

Флотоводец согласился с подобными доводами. Вот уж верно – никто не знает наставника лучше его ученика. Саньбао немедленно послал во все эскадры верительную стрелу с приказом: за распространение непроверенных слухов о боевой обстановке казнить и вывешивать головы болтунов для устрашения прочих.

Сказывают, что Рогатый тем временем заткнул сосуд пробкой, призвал к себе Цзиньдин, и они вместе отправились к князю похвастаться подвигом:

– Сие есть тигель, коим пользовался даосский святой – Изначальный Небесный Владыка – для изготовления эликсира бессмертия. Внутри сосуда хранится тысячелетний истинный огонь, излучаемый врожденной энергией человека^[361], и чистейший экстракт небесной духовной субстанции. Стоило буддисту отозваться, как вместе с голосом его жизненные силы покинули точку их средоточия, расположенную на три *цуня* ниже пупка, проникли в атмосферу, соединились с небесной субстанцией, и сосуд всосал их в себя. Не зря он называется «сосуд, уловляющий души»^[362]. К полудню буддист растворится, и от него останется лужа крови.

Князь повелел приближенным расставить угощение, дабы попотчевать праведника и отметить ожидаемое в полдень событие. Рогатый попросил до времени подвесить сосуд на центральной балке дворца. На радостях князь устроил настоящий пир:

Мы пьем с тобой в горах среди цветов.

Фиал вина, еще, еще один...

Иди к себе, а я уж спать готов,

Вернешься завтра, взяв певучий цинь^[363].

Однако в полдень, когда Рогатый взял в руки сосуд, тот оказался пуст. Тщательно его осмотрев, праведник углядел на дне крохотную дырочку величиной с игольное ушко. Он обомлел и воскликнул: «Ай! Всё пропало!» Бифэн тем временем вернулся на корабль и поведал командующему, как ему удалось своим посохом с девятью кольцами просверлить дырочку в дне сосуда и выбраться наружу.

Рогатый возвратился к себе в горную обитель и, оставив на хранение ученику драгоценный кувшин, отправился собирать волшебные горные травы, дабы с их помощью воссоздать его в целостности. Бифэн на золотом луче последовал за ним, а не застав его дома, стал выведывать у местного горного духа, какой облик на сей раз принял праведник.

Дух поведал, что Рогатый по-девичьи завязал волосы в два пучка, накинул домашнее даосское одеяние, подвязав его золотистой шелковой лентой, влез в джутовые чуни^[364] и ушел из дому с простой корзиночкой в руках.

Поблагодарив духа, Бифэн принял облик Рогатого – точь-в-точь, не отличишь, – и отправился в пещеру к его ученику Ю Дитуну, кой в сей полуденный час сладко дремал. Бифэн нарочито громко окликнул его, а когда тот очнулся и, еще плохо соображая, засуетился, монах набросился на него с руганью:

– Я оставил тебя стеречь корзину, а ты дрыхнешь!

– Да кто же знал, что учитель нежданно-негаданно возвратится, – залопотал монашек.

Бифэн объяснил, что только собрался спуститься с горы, как вспомнил, сколь могущественен и лукав Бифэн, и ежели он заявится в пещеру, то способен устроить такое, что лай собак и крик петухов услышат дальние заставы:

– Нешто сие не то же, что закопать меня живьем в землю? Пожалуй, надежней взять кувшин с собой.

Послушнику страсть как хотелось спать; он не мог дожидаться, пока мучитель уйдет с глаз долой, посему охотно поддакнул:

– Да забирайте свой кувшин, а то я трясусь тут от страха.

Он бережно принес Бифэну волшебную корзинку. Тот вынул уловляющий души кувшин и притворно строго наказал юноше быть начеку, ибо в корзине остались и другие талисманы:

– Посмеешь заснуть, вернусь и разберусь с тобой.

Послушник пригорюнился: «Всегда так: верхом на коне – тестя не встретишь, плетешься на буйволе – тесть навстречу. Стоило чутко задремать – и вот уже учитель ворчит и брюзжит».

Сказывают, что Бифэн, забрав кувшин, в мгновение ока на золотом луче вернулся на корабль и поведал Саньбао, как ему удалось хитростью раздобыть сосуд. Бифэн показал его главнокомандующему, и тот подивился:

– Кувшин-то всего три цуня длиной да столько же в обхват, будто из белого нефрита выточен.

А господин Ма добавил:

– Такой крошечный – как в нем может уместиться взрослый человек?

Почтеннейший объяснил:

– В том и состоит магия небожителей: они способны заставить сосуд расшириться до таких размеров, что он поглотит моря и горы, а то стать крошечным с игольное ушко, могут сделать его легким, как волосок, или тяжеленным, как корабли нашей флотилии, тогда в него можно многое загрузить.

Господин Ма пожелал удостовериться, да и остальным военачальникам не терпелось взглянуть на чудесный сосуд и показать его всем командирам, дабы те, ежели увидят что подобное в будущем, не откликались на зов.

Всё бы ничего, токмо пока все осматривали сосуд, случилось нечто странное и удивительное. Что? А вот что. Когда кувшин вернули Бифэну, тот внимательно его рассмотрел и усмехнулся:

– А сосуд-то подменили! Рогатый явно принял облик кого-то из наших воинов и, пробравшись на флагманский корабль, вволю поглумился над нами и исчез.

Господин Ма не унимался:

– Да как он смог принять облик простого матроса?

Бифэн резонно возразил:

– А как я сумел принять облик Рогатого?

Вице-адмирал предложил расспросить адъютанта, и тот рассказал, что заметил на носу корабля звонящего в колокол юного вахтенного:

– Юноша попросил разрешения взглянуть на кувшин, сказал, что боится, вдруг завтра на позициях откликнется на зов и попадется. Верно, это и был Рогатый.

Оказалось, что Бараний рог, вернувшись с травами в пещеру, попросил ученика подать ему кувшин, а тот в ответ:

– Вы ж его с собой унесли, а теперь спрашиваете! – И он живописал, как учитель вернулся с полпути и забрал кувшин: – Пошто опять напраслину на меня возводите?!

Так они какое-то время препирались, потом старец достал из рукава гадательную пластинку, всё понял, вскочил на благовещее облако, отправился на корабль и принял облик вахтенного матроса в желтой одежде с такой же зеленой повязкой на голове. Тут-то он и подменил кувшин на поддельный.

Сказывают, что, вернувшись в пещеру с талисманом, Рогатый первым делом кликнул послушника. Однако тот засомневался: истинно ли перед ним праведник? Старец заулыбался и успокоил Ю Дитуна:

– Я подлинный! А ты словно пораженная стрелой птица, что и кривого дерева боится. Подлинное всегда остается подлинным, а ложное – ложным^[365], стоит только взглянуть получше.

И Рогатый рассказал ученику о невероятной удаче, благодаря которой удалось заполучить обратно драгоценный талисман, после чего протянул ему волшебный сосуд и добавил:

– Травяной сбор включает семь видов трав. Я собрал только четыре, придется снова спуститься с горы. Кувшин оставлю здесь, на сей раз ты уж не оплошай!

Послушник заверил, что теперь-то он твердо усвоил: ежели наставник вернется поздно, значит он настоящий, а коли рано – значит невсамделишный:

– Тогда я сцапаю обманщика и не отпущу, пока вы не придете и с ним не поквитаетесь.

Рогатый приказал крепко-накрепко запереть ворота и ушел. Только начал спускаться с горы, как вспомнил об одной важной вещи, вернулся и постучал в ворота. Послушник, смекнул, что это наверняка Бифэн, с готовностью открыл ворота и, не разбирая, кто там, с криком «Ага, Цзинь Бифэн, на сей раз попался!» цепко схватил Рогатого. Сколько тот ни просил отпустить его, послушник не соглашался:

– Ты в прошлый раз меня надул, мне из-за тебя от наставника досталось, с какой стати мне тебя отпускать? Ежели ты мой наставник, чего ты так рано вернулся?

Тогда Рогатый предложил систему условных знаков, дабы Ю Дитун мог отличить ложного наставника от подлинного:

– Вернувшись к пещере, я перво-наперво несколько раз коснусь своего головного убора^[366], затем подергаю плетеный шелковый шнурок на поясе, да еще трижды кашляну.

Только тут послушник наконец уверился, отпустил наставника и повинулся:

– Имея глаза, не разглядел гору Тайшань, да еще и надерзил!

– Я тебя не виню, ты проявил осторожность, – успокоил его старец. После чего со спокойным сердцем снова отправился искать травы.

Сказывают, что Бифэн на золотом луче опустился на вершину, где его почтительно приветствовал горный дух. Дух сообщил, что Рогатый отправился собрать недостающие травы, а талисман оставил в пещере:

– Оделся он необычно – темно-фиолетовая длинная ряса, подпоясанная шелковым шнуром, на голове повязка странствий со свободными завязками сзади, на ногах туфли с узором из облаков^[367]. Нынче он отказался от корзиночки и держит в руках веер из белоснежных гусиных перьев.

Почтеннейший отпустил духа и тут же преобразился, принял облик праведника, неторопливо вразвалку подошел к вратам пещеры и постучал:

– Ученик, открывай!

Послушник открыл, пригляделся – одежда и облик наставника, но тот не подает условных сигналов. Послушник рассмеялся:

– Стыда у вас нет, монах Цзинь Бифэн! В прошлый раз меня обманули и снова с тем же пришли.

Буддист от сих укоров лишился дара речи и на золотом луче взмыл ввысь. Однако при этом он успел услышать, как послушник сквозь смех

воскликает: «До чего же замечательный план придумал мой наставник!» Бифэн сразу сообразил, в чем дело, вновь спустился к пещере, где его уже поджидал горный дух, и принялся расспрашивать, не живет ли кто вблизи пещеры праведника и нет ли у них в семье девочки-прислуги или мальчика-служки. Небожитель поведал, что есть семья, с которой Рогатый в дружеских отношениях, их младшая шестилетняя дочка ежедневно приходит в пещеру поиграть. Бифэн заинтересовался, как выглядит девочка. Горный дух описал: на макушке волосы узелком завязаны, одета в черную холщевую кофточку и синюю юбочку, на ногах пестрые башмачки.

Бифэн мгновенно принял облик соседской девочки и тихонько постучал в ворота пещеры. Открыл Ю Дитун, и мнимая девчушка сообщила, что ее послала мама, услышав, как тот с кем-то бранится. Послушник наказал:

– Передай маме, что монах, прибывший из Южной династии, обманом выманил наш талисман, но больше ему это не удастся, потому как наставник придумал условные сигналы.

– Ой, какие? – встрепелась та. Послушник подробно их перечислил, и девочка стала прощаться.

– Я тебя и не принял как следует. Приходи завтра, я тебе фруктов наберу, – пообещал монах и запер ворота.

Ай да Бифэн! Он снова принял облик Рогатого, не торопясь подошел к воротам и громко крикнул:

– Послушник, открывай!

Услышав знакомый голос, Дитун распахнул ворота. Почтеннейший подал все условные сигналы – и шапки коснулся, и кушак подергал, и кашлянул трижды. Послушник с улыбкой впустил его. Бифэн, боясь выдать себя, не решился улыбнуться и нарочито строго спросил, чему тот радуется. Послушник признался, что буддийских монах снова пытался его одурачить:

– Я сразу его раскусил! Бифэн понял, что попал впросак и убрался.

– На сей раз следует тебя благодарить! – одобрил Бифэн.

– Не стоит благодарности! Удалось ли учителю собрать травы? – лебезил послушник.

Бифэн ответил, что набрал все нужные травы и теперь осталось взять чудесный сосуд и отправиться в горы починять его. Послушник осторожно, двумя руками передал ему кувшин. Безмерно обрадованный Бифэн вернулся на золотом луче в ставку и со всеми подробностями оповестил командующего о происшедшем, дабы подготовиться к новому появлению Рогатого.

Меж тем сей праведник, собрав травы, вернулся в пещеру и проделал всё, как договаривались. Послушник удивился:

– Учитель, вы уже забрали талисман, к чему это теперь? – и он пересказал наставнику всё происшедшее.

Рогатый пришел в ярость:

– Цзинь Бифэн, ты хоть и монах, но сердце у тебя безжалостное. Клянусь, не вернусь в горы, пока не поймаю тебя!

С этими словами он вскочил на оленя и на благовещем облаке прибыл в палаты князя страны Золотого лотоса. И князь, и дева, и послушник Бездонная Пропась принялись выпрашивать, удалось ли восстановить сосуд. Рогатый не осмелился признаться, что Бифэн снова выкрал драгоценность, а вместо этого уверил их, что всё в порядке.

– Простите, что заставил вас проделать столь далекий путь! – поблагодарил князь. Он совсем было распорядился выставить постное угощение, но Рогатый остановил:

– Не трудитесь! Пусть лучше дева соберет отряд воинов.

Государев советник вернулся на свой корабль, воссел на Лotosовый трон и с наступлением ночи сбросил брентную оболочку. И вот он в облике излучающего сияние огромного Будды из червонного золота взвился в небеса, предстал пред Изначальным Небесным владыкой, поведал ему о проделках Рогатого мага и в доказательство предъявил магический сосуд.

При виде его Небесный владыка аж побледнел:

– Да это тот самый улавливающий души сосуд из сокровищницы нашего Дворца багряных облаков! Неужто нашелся небожитель, посмевающий его выкрасть?

И послал учеников проверить дворцовую сокровищницу. Сосуда там не оказалось, как и нескольких других талисманов.

Когда Бифэн упомянул, что Рогатый ездит на божественном олене, проверили задний двор и оленя там не обнаружили. И тут стороживший сад служка вспомнил, что оленя увел повар. Смотритель сокровищницы подтвердил, что именно повар унес талисманы. Небесный Владыка рассердился:

– Это был мой лучший ученик – праведник по имени Небесное сияние.

Он вручил Бифэну магический фетиш – маленький стаканчик, похожий на тот, куда кладут кисти, но крайне вместительный: какой бы талисман ни понадобился, стоит потрясти стаканчик – и сей предмет тотчас покинет своего прежнего хозяина.

– Завтра, как начнется сражение, вы сможете отобрать у Рогатого все его талисманы, и тогда, надеюсь, он вновь встанет на путь истины, – наставлял буддиста Небесный владыка. – Подобным образом вы избегнете нового побоища, и войска вернутся на свои позиции.

Бифэну всё же не удалось уклониться от боя с Рогатым, который упорно не желал сдаваться, но с помощью сокровенного стаканчика буддист отобрал у Рогатого все его магические сокровища, и тот вынужден был вернуться в небесные чертоги. Однако перед тем как взлететь в поднебесье, Рогатый не забыл отправить к Цзиньдин гонца с неким парчовым мешочком, в котором оставил ей несколько планов действий.

Согласно первому плану, дева напустила на китайских воинов гигантское стадо буйволов, на спинах коих восседали девы-воительницы. Командир Чжан Бо, Небесный наставник и даже призванный им небесный полководец Чжао – все вынуждены были бежать под напором яростной атаки разъяренных животных.

Чжао оседлал своего свирепого пестрого тигра и собрался взмыть ввысь, крикнув Небесному наставнику:

– Прошу дозволения покинуть вас!

Даос был потрясен: буйволы не испугались самого небесного полководца.

– Это животные – откуда им знать, кого презирать, кого уважать? Бывает, что люди ведут себя так же, – откликнулся Чжао и унесся восвояси.

А Небесный наставник погрузился в раздумье: «Как говорится, коль сила быка – его мощная стать, найдется и способ его обуздать. Неужли станем безучастно смотреть на их буйства?» Каков даос! Он мгновенно составил план, направился в ставку и оповестил обо всём командующего. Взволнованный флотоводец предложил обратиться к Государеву советнику, но даос его остановил:

– Не стоит поддаваться панике. Закон военной стратегии гласит: познай противника и познай себя – станешь непобедим. Мы не можем одолеть буйволов, ибо ничего не знаем об их происхождении. Прошу командующего отправить полсотни лазутчиков, пусть незаметно проберутся в стан неприятеля и разузнают, откуда взялись эти твари. Тогда мы их наверняка усмирим!

Командующий тут же строго-настрого наказал лазутчикам всё выведать и доложить не позднее рассвета.

На другой день, едва рассвело, лазутчики вернулись в ставку и подтвердили, что буйволы настоящие, а девушки на их спинах – видения, магические трюки воительницы:

– Буйволы сии когда-то были обычной домашней скотиной, на них пахали. Потом они сбежали в горы, одичали и с невероятной скоростью размножились. Это животные огромных размеров, рога едва двумя руками охватишь, сильны необычайно, их называют дикими водяными буйволами. Они свирепо налетают на определенного человека вовсе не в силу особой магии. Секрет в том, что эти животные не выносят черный цвет: стоит им увидеть что-то черное – с ходу начинают преследовать, бодают не на жизнь, а на смерть.

От этих слов Саньбао развеселился:

– Так вот, оказывается, в чем дело! Вечор наш военачальник взял черную булаву с шипами и пострадал, а нынче Небесный наставник потерпел поражение, ибо при нем был черный бунчук^[368], да и небесный воин не уберется из-за своего черного одеяния!

На сей раз наставник Чжан отправился на поле боя босой с распущенными волосами, без черного знамени и черногривого коня.

Даос вызвал Цзян Цзиньдин на бой, а та, увидев, что он один, забормотала какие-то заклинания, дала команды буйволам – и те стремительно понеслись прямо на даоса. Небесный наставник собрался с духом и помчался к берегу моря. Там он вскочил на Соломенного дракона и стукнул несколько раз дощечкой с текстами заклинаний – тут же всё залил ослепительный свет, сверкнула гигантская молния – пришел черед действовать богине молний, а земля и небо содрогнулись велением бога грома. Буйволы устремились и бросились в море – ведь это были водяные животные. Небесный наставник снова дважды ударил дощечкой для заклинаний, гром зарокотал над самой поверхностью воды, и незадачливые буйволы оказались живьем погребены в морской пучине.

Сказывают, что Рогатый оставил деве запасной план, по которому та напустила на своего противника – Небесного наставника – огромное стадо неведомых ему животных.

Даос вернулся в ставку и сообщил командующему, что не сумел одержать победу над какими-то необычными зверюгами, кои карабкались на горы, как тигры, погружались в воду, как драконы:

– Хорошо бы не мешкая разузнать, кто такие.

Немедля были отправлены полсотни лазутчиков. Вернувшись, они доложили, что прежние буйволы и в самом деле утонули, а теперешние хоть внешне и похожи, но крупнее, весом почти в тысячу *цзиней*, кожа словно чешуя, у них три копыта, движутся быстро, словно летают, а посредине лба – рог. Небесный наставник тотчас догадался, что это носороги. Лазутчики подтвердили:

– Вот и второй коварный план Рогатого!

Небесный наставник признался, что никогда не видывал сих животных, но читал о них в книгах^[369]:

– Там сказано, что самое ценное у них – рога. Эти удивительные создания схожи с буйволами, но голова у них огромная, как у дикого кабана, сами толстобрюхие, как некоторые люди, из кожных пор торчат волоски. Их рога ценятся благодаря точечному, словно просяные зернышки, узору^[370], напоминающему небесные письмена. В старинных стихах говорилось:

Глядит на луну носорог, топорща узорный рог,
Гроном напуган слон, бивни вздымает он.

– А почему у них всего один рог^[371]? – спросил командующий.

– Говорят, что один рог имеет самец, его так и называют – однорогий буйвол, или единорог.

– Ежели Небесный наставник столь сведущ, пошто было посылать лазутчиков?

– Надежней увидеть, чем услышать. Сии сведения чрезмерно важны для всех родов войск – так смею ли я выдавать себя за знатока, прочтя

кое-что в книгах? Ошибись я хоть чуток, мог посеять смуту и нанести непоправимый урон нашему войску.

– О, сколь вы осмотрительны! Ваша жизненная энергия поистине неисчерпаема. Но как же победить диких животных?

– Теперь мне это понятно.

Небесный наставник, по-прежнему босой и простоволосый, но с мечом в руке, пешим отправился на поле брани. Там его уже поджидала дева-воительница с огромным стадом носорогов.

Даос вскочил на Соломенного дракона и оказался в тылу стада животных. Снова раздался оглушительный удар грома, но теперь еще откуда ни возмись налетел сильный порыв ветра, и всё небо заполнили красноголовые и желтохвостые злобные сколопендры. Они накнулись на носорогов и стали заползать им в носы.

Животные заматались – бросились в воду, из нее на берег, с берега – опять в море; они отчаянно прыгали прямо на гребень прибоя, но им не помогли даже небесные письма на роге. А Небесный наставник на Соломенном драконе удовлетворенно наблюдал сию забавную сценку. Дева-воительница долго не могла разгадать, в чем дело. К полудню она и вовсе пришла в смятение и поспешно покинула поле боя.

– Куда бежишь, ничтожная рабыня! – стал ее нагонять Небесный наставник. Он сжег заклинания на кончике меча, схватил деву и доставил в ставку.

Командующий поблагодарил даоса за свершенный им великий подвиг, а господин Ма полюбопытствовал, настоящие ли это сколопендры.

– Самые что ни на есть настоящие^[372], – подтвердил Небесный наставник. – Они появились из Аннама – длиной полтора *чи*, толщиной более трех *цуней*, туловище покрыто панцирем, мясо белое, похоже на тыкву, особенно вкусное в вяленом виде.

Господин Ма удивился:

– Как же они сюда попали?

Даос признался, что заклинаниями вызвал небесных генералов, а те приказали тамошним богам земли немедленно пригнать сколопендр. Командующий их прервал:

– Да будет вам о сколопендрах!

Он вызвал ординарца и приказал вывести презренную деву за ворота и обезглавить. Небесный наставник спросил воительницу, готова ли та к смерти, но услышав, что не готова, предложил отпустить. Однако адмирал не согласился и приказал отрубить деве голову, а туловище сжечь. Приступили к исполнению приказа – и вдруг видят: пламя стало вытягиваться вверх, а в нем убиенная восседает живехонькая, только без головы.

Той же ночью на всех кораблях и в сухопутном лагере стали слышны громкие рыдания. Собранные в ставке командиры морского и

сухопутного лагерей утверждали, что звуки исходят от летающих женских голов, называющих себя духами безвинно убиенных.

Господин Ма заявил, что подобные домыслы опасны, ибо расшатывают волю воинов к победе:

– По закону за подобные слухи следует казнить.

Однаке вызванный Небесным наставником божественный полководец Чжао подтвердил, что это и в самом деле головы женщин, некогда обитавших в сей стране:

– Своим обликом они ничем не отличаются от обычных людей, только глаза лишены зрачков. С наступлением ночи их головы отделяются от туловищ, летают, губят людей и подпитываются экскрементами младенцев, после чего несчастные крохи погибают. С рассветом головы возвращаются, соединяются с телами и вновь выглядят обычными женщинами. А ежели головы не найдут своих туловищ и не смогут с ними соединиться, они гибнут. Их называют трупные рыбы^[373].

На следующую ночь головы прилетели снова; они что-то бубнили и бормотали, но не осмеливались орать. Небесный наставник, заранее предугадав их намерения, сжег на кончике меча пять заклинаний, и вот уже пред ним на коленях пятеро молодцев в желтых повязках – стражи Небесных чертогов, укрощающие злых духов. Даос сообщил им о ненавистных летающих головах и повелел разойтись в разных направлениях, схватить туловища, оставленные головами, и забросить их далеко-далеко – за высокие горы и глубокие моря, в темные ущелья и на дикие скалы, дабы головы не могли их найти. Вскоре молодцы доложили о выполнении приказа. Небесный наставник к ночи вызвал из ладони страшный гром^[374]: казалось, небо раскалывается, земля трескается. Головы полетали-полетали и, не обнаружив туловищ, все погибли.

Появление голов свидетельствовало об исполнении девой третьего плана Рогатого. Небесный наставник повелел молодцам в желтых повязках снова разыскать воительницу и доставить в ставку. Приказ был выполнен.

Завидев деву, главнокомандующий вскричал:

– Она походит на золотую цикаду, сбрасывающую с себя оболочку: пустит в ход отвлекающий маневр – и нет ее.

Небесный наставник усмехнулся:

– Нынче не шевельнется: «прочно сплелись корни старых деревьев»^[375].

Господин Ван не сдержался:

– Да уж, «втокнула тачку на горный пик»^[376] – не двинется с места!

Тут и евнух Ма не смолчал:

– Всё равно что «добывать огонь за горными хребтами»^[377] – не вывернется.

На что дева отвечала:

– Похоже, на сей раз я – «оплывающая опрокинутая свеча»^[378], от меня ничего не зависит.

– Хватит попусту языками молоть! – вскипел Саньбао. Он приказал ординарцам связать деву и четвертовать тут же на месте: – Изрубить на мелкие кусочки, посмотрим, куда она тогда сбежит!

Но дева вскричала:

– Да хоть на десять тысяч кусков рубите – не смирюсь! Коли сейчас отпустите, а потом снова поймаете, лишь тогда мое сердце успокоится.

Небесный наставник предложил:

– А что ежели мы не станем тебя убивать, а совершим совместный подвиг? Согласна?

– Приказывайте!

– Возвращайся и доложи обо всём случившемся своему князю. Сможешь?

– Смею ли отказаться после того, как мне оказана такая милость? Почитаю долгом тотчас отправиться! Не пойму только, каковы ваши намерения?

Небесный наставник напомнил о вассальной грамоте, акте о капитуляции и яшмовой печати. Дева умчалась поспешно, словно крыса, убегающая в нору. Представ перед правителем, она повинилась в поражении и передала требование воинов Южной династии.

Князь объявил свою волю: возвратить изгнанных советников во дворец, а заключенных в тюрьму военачальников освободить и вернуть на прежние посты. Как только приближенные вновь предстали перед князем, тот обратился к ним:

– Нынче мне поздно каяться в том, что не прислушался к вашим советам. Придется писать акт о капитуляции и вассальную грамоту, да еще бумагу о пропуске через заставу. Отдаю сие под вашу ответственность.

Советники закивали:

– Так-то оно верно, да есть одна заковыка. Вручение акта о капитуляции следует сопровождать передачей провианта и фуража, а при передаче вассальной грамоты сделать драгоценные подношения.

Князь согласился:

– Это не сложно, отдадим, что есть, и все дела!

Вскоре советники государства Золотого лотоса и слоновой кости явились на флагманский корабль адмирала. В руках у главного советника посверкивала писаная золотыми иероглифами вассальная грамота, и он возгласил: «Наш князь многократно кланяется главнокомандующему, вручает сию грамоту и нижайше просит передать ее императору Чжу ныне царствующей династии. Согласно ритуалу, посылаем скромные дары нашей земли, а в дополнение к сему примите список даннических подношений». Командующий приказал офицерам-порученцам взять грамоту, интендантам корабельных складов – принять дары заморской земли, а ординарцу – список

товаров. Видит – в списке значатся истинные драгоценности: связка раковин «мать сокровищ»^[379] и пара сверкающих двустворчатых раковин «морское зеркало»; четыре связки «огненных жемчужин» и десять – «жемчужин чистой воды»; два носорожьих рога и пара циновок из слоновой кости; десять отрезов хлопкового полотна; ящики благовоний: орлиное дерево^[380], «белый журавль», «трава тысячи шагов» и жухэ; по ящику «петушиных язычков» и «морского жужуба».

Ознакомившись со списком, Саньбао попросил представить каждый из даров.

– Раковина «мать сокровищ» похожа на прекрасный камень. Каждый месяц пятнадцатого числа вечером море выносит ее на берег – в ней сокрыты все его дары, отсюда и название. «Морское зеркало» отражает солнечный свет и напоминает китайскую жемчужную устрицу. Внутри створок – крохотный красный крабик; проголодавшись, он вылезает наружу, а как насытится, возвращается в раковину.

– А как выглядит жемчуг?

– «Огненная жемчужина» диаметром не более *цуня*, вся горит на солнце так, что на ней можно сжигать ритуальные бумажные деньги. Днем и ночью освещает дорогу тысячам боевых колесниц. «Жемчужина чистой воды» маленькая, диаметром в один *цунь*, блестящая, без малейшего изъяна. Коли бросишь в чистую воду – даже тени не дает, а ежели в мутную – та мигом очищается, становится прозрачной и чистой.

– А каков из себя «изгоняющий холод носорожий рог»?

– Это рога носорогов, кои водятся в нашем царстве. Рога желтые, словно золотые. Обычно их раскладывают во дворце на золотых блюдах, и от них исходит согревающее тепло^[381], отсюда и название.

– А на что похожа циновка из слоновой кости^[382]?

– Слоновую кость распиливают на тончайшие полоски и плетут циновки; поспишь на ней – и излечишься от всех болезней.

– А что за ткань?

– Соткана из плодов хлопкового дерева. Когда они раскрываются, внутри оказываются нежные, как гусиный пух, волоски^[383], их вытягивают и ткют из нити материя, кою затем окрашивают в разные цвета. Выходит очень красиво.

– Нам известен аромат алойной древесины – но откуда взялись все эти благовония со странными названиями?

– «Белый журавль» – название многолетнего дерева^[384]. При расщеплении его древесина распространяет сильный аромат. Стоит сжечь кусочек в курильнице – ароматный дымок поднимается вверх, словно пара белых журавлей. «Трава тысячи шагов»^[385] растет в наших краях; ее аромат столь силен, что ежели носить ее при себе, то запах ощущается за тысячу шагов. «Петушиным язычком» мы называли гвоздичное дерево. Зацветает оно раз в четыре-пять месяцев; бутоны у него настолько горькие, что ни птицы, ни звери не смеют к нему

приблизиться. Цветки смешивают с жидкостью, накрывают крышкой и получают лекарственный настой: он удаляет дурной запах изо рта, и даже волосы пропитываются ароматом.

«Морской жужуб» похож на китайскую финиковую пальму, зацветает и завязывает плоды раз в пять лет. Плоды его величиной с небольшую тыковку, чудесные на вкус. Дерево жухэ, что означает «какое оно»^[386], – сказочное и огромное: пять чи высотой, три в обхвате. Плоды дает раз в девять сотен лет, людям одного поколения так и не приходится их увидеть, отсюда и название.

Командующий продолжал расспросы:

– Не хранится ли в вашей уважаемой стране яшмовая печать императора Великой Мин, кою юаньский Шуньди запрятал где-то в странах Западного океана?

Советник поклонился:

– Никогда о такой не слыхивал. Буде имели, не осмелились бы скрывать и тут же вернули. Прошу простить, коли в чем виновен.

Командующий повелел советнику подождать за дверьми зала:

– Позже вас снова пригласят.

Главный советник вышел, зашел второй советник и вручил главнокомандующему капитуляционную грамоту. Саньбао передал бумагу ординарцу и приказал зачитать. Послание гласило: «Князь государства Золотого лотоса и слоновой кости Индраварман VI с низким поклоном подносит сию грамоту главнокомандующему империи Великая Мин, приведшему к нам войска с целью умиротворения. Мы прослышали, что Сын Неба получил небесное повеление навести порядок внутри Китая и умиротворить народности вне его. „...Что бы ни покрывало Небо, что бы ни несла Земля, что бы ни освещали Солнце и Луна, повсюду, где бы ни выпадали иней и роса, ... все, как один, чтят и любят [его]“^[387]. Мы, некитайские народы, живущие на окраинах земли, не взирали на посланцев с должным почтением, чем вызвали гнев небес. Всё сущее под Небом и на Земле обладает врожденными знаниями, но лишь прошедший сквозь снега и дожди способен сделать верные выводы. Будучи преисполнен признания, присущего преданному псу или коню, смею ли выпускать змеиный яд ненависти?! Почту за честь поднести грамоту и шелка, дабы выказать искренность наших чувств. Остаемся вашими вечными вассалами, обязуемся во все времена платить дань. Клянемся оставаться неизменно преданными!»^[388] Нижайше молим глубокоуважаемого войти в наше положение и явить свою милость. Ничтожный трепещет от страха. Год, месяц, число. Индраварман бьет челом».

По прочтении командующий произнес:

– Принято.

Тогда второй советник продолжил:

– Наш государь желал бы совершить также церемониал подношения даров командирам, кои находятся под началом

флотоводца. Покорнейше просим принять. Извольте взглянуть на список.

Саньбао приказал ординарцу передать документ, а там значилось:

Золото – тысяча *лян*; белое золото^[389] – десять тысяч *лян*. Живности: свиней – три сотни ртов, баранов – пять сотен, кур – тысяча, свежей рыбы – пятьдесят *даней*^[390], засоленной – сотня *даней*. Прочего: очищенного риса – пять сотен *даней*; хвороста и травы – тысяча *даней*; кокосовых орехов, листьев бетелевой пальмы, ананасов и бананов, лука и чеснока – по десять *даней*; арбузов и сахарного тростника, огурцов и кабачков – по пятьдесят *даней*, а еще две сотни сосудов вина под названием «Пей из кувшина».

Ознакомившись со списком, командующий посчитал количество даров избыточным. Советник возразил:

– Наше государство невелико, народ беден, мы ничего не производим, сих скромных подношений недостаточно, дабы выразить наше почтение. Сие не более как дополнение к жалованию в ваших войсках. Соблаговолите принять!

Саньбао поблагодарил и поинтересовался, водятся ли в этом государстве куры, гуси и утки.

– Гуси и утки не водятся, но есть куры, некрупные, около двух *цзиней* весом, лапы высокие – полтора-два *цуня*, у петухов уши белые, гребешки алые, туловище короткое, только возьмешь в руки – голосит. Великолепный петух!

– Плоды и овощи местные?

– А как же! Из фруктов есть еще сливы, но кислые, мы не осмелились их поднести. Из овощей произрастает восковая тыква, горчица-сурепица с листьями вроде капустных, но сейчас не сезон.

– И рис сажаете?

– Да, зернышки тонкие и длинные, по цвету чаще красный, чем белый, а вот ячмень и пшеница вовсе не растут.

– А отчего вино носит столь странное название – «Пей из кувшина»?

– Именно так его принято пить. А для приготовления рис сначала смешивают с травой лекарственного дудника, запечатывают в кувшин с узким горлом, пока не перебродит. Затем туда вставляют трубочку из молодого бамбука длиной в три-четыре *чи*, а как гости рассядутся, добавляют воды в зависимости от их числа и пускают кувшин по кругу. Все потягивают из сосуда по очереди, а как выпьют – снова подливают воды, и так до тех пор, пока не исчезнет вкус вина.

– Какие письма в ходу в вашем государстве?

– Где уж нам, тупым и ничтожным, иметь письменность. Кисти нам без надобности, пишем не на бумаге, а употребляем пергамен – тонко выделанную баранью кожу. Под воздействием копоти от древесной коры она темнеет, затем сгибаем ее, как книжицу, и пишем белилами^[391].

– Каково ваше летоисчисление?

- В нашем календаре нет добавочного месяца, двенадцать месяцев составляют год. День и ночь делятся на пятьдесят отрезков, каждый отмечает удар гонга.

- Строги ли наказания в государстве?

- За легкие преступления виновного бросают ничком оземь и стегают ротанговой плетью. Коли преступник достоин смерти, привязывают к дереву, кидают метательное копье прямо в горло и отсекают голову. За умышленное убийство и похищение с целью убийства виновного отдают на растерзание слонам - те его затапывают или бьют хоботами о землю; за разврат и мужчина, и женщина во искупление вины отдают по быку; за кражу княжеского имущества вора связывают и бросают в заброшенный водоем, однако ежели он возвратит похищенное, то отпускают. Буде в ходе судебной распри возникают трудности и судья не может принять решение, он приказывает каждому из ведущих тяжбу переправиться на буйволе через озеро с крокодилами - виновного крокодил заглатывает, а невинные десятки раз благополучно переправляются туда и обратно.

- Поведайте о брачных законах в вашей стране.

- Когда юноша решает жениться, он входит в дом девушки для сватовства. По прошествии десяти-пятнадцати дней родители жениха, родственники и друзья барабанным боем приветствуют его возвращение домой вместе с женой, пьют вино и веселятся.

- Существуют ли церемонии траура и празднеств?

- Простой народ таковых не соблюдает. Один лишь князь отмечает день благодарения, совершая омовение в человеческой желчи. Посему наказывает подчиненным подносить в дар человечьи желчные пузыри. При этом он никогда не употребляет желчь китайцев. По преданию, давным-давно владыка пожелал использовать желчь местного китайца, и в тот же день желчь в бутылки испортилась, а князь заболел и умер. С тех пор сие запрещено.

- Каков из себя ваш князь?

- Бывало всякое. Владыка наш после тридцати лет царствования отрекся от престола и ушел в монастырь, оставив трон братьям да племянникам. Он отправился в восточные горы, постился, не ел скоромного, жил уединенно, питался растительной пищей и ежедневно обращался к Небу с мольбой и клятвами: «Во время царствования я бывал несправедлив; отдай меня на съедение волкам и тиграм либо пошли смерть от болезней». Но по прошествии года князь не умер и снова взшел на престол, правит и поныне. Народ называет его Шри Махараджа, и это имя выражает наше глубочайшее уважение.

Выслушав рассказ, флотоводец изрек: «Благодарю за сообщение, это для нас редкая удача» - и приказал: протокольному отделу зарегистрировать в книге записей все дары, военной администрации - принять их, а церемониймейстерам - устроить превеликое пиршество для советников и всех командиров и воинов с кораблей. Веселились

весь день, звуки песен сотрясали землю, грохот барабанов долетал до неба.

По окончании пиршества командующий отдал приказ вручить здешнему князю дары от Южной династии: блюда из светло-зеленого фарфора в форме листьев лотоса – сто штук, и к ним такие же пиалы – тридцать штук, а еще отрезов полотняной ткани рами и набивного шелка – по двадцать штук. Двум княжеским советникам – черного жемчуга двадцать связок и столько же штук подлинных знаменитых цзиньчуаньских^[392] вееров. Весьма довольные, все разошлись.

Вернувшись во дворец, советники доложили обо всём своему государю – тот вельми возрадовался. На другое утро они снова посетили адмирала:

– Наш князь перед вами в неоплатном долгу за то, что вы сохранили ему жизнь, и послал нас, ничтожных, пригласить вас прогуляться по городу, полюбоваться пейзажами.

Командующий отказался:

– Несчетно кланяемся вашему князю, но на нас лежат военные обязанности, недосуг встречаться. Одначе, ежели вы станете ежегодно приносить дань и провозглашать себя подданными, сего достаточно для выражения взаимного благорасположения.

С тем княжеские советники и ушли, а командующий пригласил Государева советника и Небесного наставника, дабы обсудить, как воздать по заслугам и вознаградить по рангу всех командиров. Награждение длилось три дни кряду, пока Государев советник не сказал: «Негоже долее здесь оставаться и понапрасну тратить государево довольствие». Командующий не мешкая отдал приказ сниматься с лагеря, вернуться на корабли, вытянуть лебедками якоря, поднять паруса и продолжить путь на запад.

Только двинулись, видят – вдоль берега с криком мчится гонец:

– Эй, на кораблях, послушайте!

Ординарец в ответ:

– Кто таков, чего надобно?

Тот еще громче:

– Я начальник патрульной службы государства Золотого лотоса и слоновой кости. У меня сообщение от князя для вашего командующего. Недалеко отсюда находится крошечное государство – Пандуранга^[393]. Наш князь уже послал туда военачальника с требованием к приходу ваших кораблей подготовить вассальную грамоту и акт о капитуляции. В таком случае не возникнет необходимости в пропуске через заставу, и вашему главнокомандующему не придется попусту тратить силы, а мы еще раз докажем искренность нашего государя в признании себя вассалом Китая.

Ординарец доложил в главную ставку, Саньбао приказал ответить, что принял сообщение, и местный командир ускорил.

Едва стемнело, из главной ставки поступил приказ спустить паруса, бросить якоря и остановиться на отдых, а на следующий день двигаться в зависимости от направления ветра. Ближе к полуночи откуда-то слева донеслись воинственные кличи и ржание коней. Как только рассвело, Саньбао, еще не успев разузнать, в чем дело, увидел командующего левой дивизии Хуан Цюаньяня: облаченный в латы и парадную одежду, с медным топориком за поясом, он конвоировал отряд разбойников-пиратов, нападавших на китайские корабли. Командующий допросил их, и оказалось, что верховодит в этом небольшом отряде пиратов – десятка три человек, может, чуть побольше – младший сын князя государства Золотого лотоса и слоновой кости. Господин Ма воскликнул:

– Преступление сих разбойников неоспоримо. Выведите их отсюда и пусть им отсекут головы, на том и покончим.

Саньбао обратился к предводителю:

– Что выбираешь – жизнь или смерть?

Тот в ответ:

– Раз уж так случилось, я лучше умру, но не переменюсь.

Флотоводец возразил:

– Ну и напрасно! Издревле говорят: смерть одних весомей горы Тайшань, а иных – легковесней лебяжьего пуха. Во имя чего ты нынче жертвуешь жизнью? Ежели как верноподданный, так ведь мы только и просили у твоего отца-государя капитуляционную грамоту и не посягали на ваши земли! А ежели хочешь умереть из чувства сыновней преданности, так ведь твой отец по-прежнему остается государем, мы не принесли ему ни бесчестья, ни позора. Как я смогу смотреть ему в лицо, ежели казню тебя?

Саньбао приказал службисту из военной канцелярии принести парадную одежду чиновника высокого ранга с круглым воротником и вышитым на груди и на спине носорогом^[394] и наградить ею принца, дабы тот скрыл свой позор – и с тем пусть убирается:

– Впредь, надевая одежду сию, не забывай о ее значении, учись грамоте, а не военному искусству.

Затем приказал доставить три десятка черных монашеских ряс и одарить его сотоварищей, добавив при этом:

– С сего дни дозволяем носить эту одежду, питаться постной пищей, но запрещаем буянить на море.

Пираты поклонились, поблагодарили за подарки и покинули корабль. Господин Ван воскликнул:

– Нынешний поступок флотоводца явил истинное сочетание в нем доброты и строгости. Нет ничего превыше истины о том, что совершенный правитель умеет держать инородцев в узде.

Не успел договорить, как ординарец доложил, что впереди показалась гора с лесистыми склонами:

– Бью челом господину командующему и прошу послать на склоны воинов – собрать и заготовить хворост, он может потом сгодиться.

Командующий дал соизволение, и воины, вернувшись, доложили, что сия гора граничит с государством Золотого лотоса и слоновой кости: «Гряда крутая, гребень срезан, и с него низвергается водопад, словно огромное полотно в тысячу *чжан*; на вершине – камень, похожий на голову Будды, на коем высечены стихотворные строки как свидетельство того, что сие и есть гора Линшань^[395]». В ответ на расспросы командующего ординарец доложил, что жилищ на склонах немного, основное занятие жителей – плетение сетей; повсюду растут пальмы – ротанговые с огромными красивыми стволами да еще бетелевые, и более никакой растительности нет. Выслушав донесение, адмирал приказал завершить заготовку хвороста и продолжить путь.

Ежели хотите знать, куда направилась флотилия дальше, слушайте следующую часть.

Часть четвертая^[396], кня глаголет о битвах в Сиаме и усмирении непокорной Явы

Необозримы шири океана,
Посланцев царских ждут там иноземцы,
Почтительно несут бесценны дани,
И здесь прознали о плотах Чжан Цяня^[397].

Сказывают, что корабли шли дней пять-шесть при попутном ветре. Командующий обеспокоился, не видно ли впереди какой гавани, и ординарец сообщил, что уж который день флотилия плывет вдоль подножья всё той же горы и никак не может ее миновать. «О, какова громадина!!» – поразился командующий. Минул еще день – хребет, наконец, остался позади, и флотилия добралась до какого-то поселения.

Не успели пристать, видят – на берегу их встречает Чжань Дэли с отрядом всадников. Он доложил, что княжество сие носит название Пандуранга, местный властитель оповещен о прибытии флотилии и лично выехал засвидетельствовать почтение, вручить вассальную грамоту и акт о капитуляции. И вот на рыжем коне под красным балдахином с пышной свитой числом более сотни человек скачет сам правитель. Ординарец сопровождал его на корабль, и оба командующих встретили гостя со всеми положенными церемониями. Тот, не скрывая радости, допрежь всего показал вассальную грамоту, и командующий

повелел передать ее ординарцу. Акт о капитуляции адмирал принял лично и, вскрыв конверт, зачитал текст: «Князь Пандуранги кланяется и подносит сию грамоту достойнейшему главнокомандующему государства Великая Мин. Мы наслышаны о том, что в небе не может быть двух солнц, а у народов – двух владык. Сын Неба один опекает тьму вассальных уделов, а те, как бы далеко ни располагались, почитают его как единого владыку. Так осмелится ли своевольничать столь малое государство, как наше?! Имею честь вручить сей документ, дабы засвидетельствовать почтение и преданность. Гляжу в заоблачные дали – туда, где государевы покои, – и воспаряю духом. С поклоном склоняю главу пред воротами военного лагеря. Почтительно уповаю на Вашу милость и снисхождение. Я, ничтожный, не в силах выразить свой страх и трепет».

Завершив чтение, командующий произнес:

– Как сказано в наших древних канонах, «написано меньше, чем могло быть сказано», иначе довольно, дабы полностью отразить добродетели и преданность князя.

Правитель ответствовал:

– Благодарим небесных воинов за проделанный долгий путь. Народ нашего маленького княжества беден, и нечего послать императору Великой Мин, oprичь скромных даров.

Командующий выразил согласие:

– Достаточно грамоты, обойдемся без дани.

Князь вынул красную шкатулку с крохотным золотым замочком и почтительно вручил адмиралу. Тот принял ее и передал распорядителю корабельных хранилищ дани. Затем князь представил список даров: кубок «драконий глаз», опахала из хвоста феникса – две штуки; пара коралловых валиков под голову и пояс с ароматом алойного дерева^[398].

– Щедрость сверх меры! – воспротивился Саньбао.

– Числом не много, – отозвался князь, – зато есть редкостные вещицы. Инкрустированный кубок сделан из глазницы черного дракона^[399]. Стоит наполнить его вином, внутри всё затуманится, и на вас словно глядит черный зрак, едва различимо, иначе зело волнительно. Опахало сотворено из сплетенных в разноцветный узор перьев феникса, взмахнешь – и лицо овеивает приятный ветерок, избавляя от жара и головной боли. Коралловый подголовник – тоже вещь необычная, на нем сны сбываются, проси чего душе угодно. Пояс из алойного дерева редкостный: в нем сидят крохотные дракончики – в непогоду они беспорядочно движутся, возбуждая и согревая.

Командующий от души возблагодарил. Князь приказал прислужникам принести дары земли. Саньбао не сдержался:

– Как! Неужто сего не довольно?!

– Дары небогатые, но вручаем от души лично главнокомандующему, – отвечал князь.

– У верноподданных императора не может быть личных связей за пределами своей страны. Мы уже получили богатые подношения, будет с нас!

– Сие всего лишь изделия из алойного дерева и разноцветные ткани.

– Мы сполна вкусили вашего радушия, ни ниточки сверх положенного по официальному протоколу лично для себя не возьмем.

Сколь ни упорствовал князь, командующий неизменно отказывался и так ничего и не принял. Более того, приказал поднести в качестве возвратного дара парадную одежду военного чиновника с круглым воротником и вышитыми на груди и на спине животными. Князь тоже принялся было отнекиваться, но адмирал настаивал:

– Сие всего лишь ответ на ваши подношения. Буде откажетесь, не примем и вассальные дары.

Князю ничего не оставалось, как выразить благодарность. Засим наградили местных сановников и послов – всякого в соответствии с рангом. После того туземный владыка приказал доставить на корабли провиант для командного состава и воинов Южной династии, но Саньбао и от него отказался:

– Ни к чему! Вечор в государстве Золотого лотоса и слоновой кости мы получили сполна, более не примем.

Князь снова рассыпался в благодарностях. Вице-адмирал Ван озадаченно обратился к адмиралу:

– Почему вы, господин, нынче от всего отказываетесь?

– Нешто вы не слышали о древнем законе общения с иноземцами? «...Жертвуй обильно, а принимай скудно»^[400], – с достоинством отвечал Саньбао.

Командующий Ван умилился:

– Сколь глубоко почтенный постиг суть политики мягкости в отношениях с дальними странами!

Меж тем адмирал приказал устроить пир в честь князя и за кубком вина поинтересовался, далеко ли отстоит от них государство Золотого лотоса и слоновой кости.

– По суше не более трех дней, по морю дней семь-восемь.

– Отчего же столь долог морской путь?

– Государства разделяет остров-гора, называется Куньлунь^[401]. У нас тут есть местная поговорка: отправляясь в путь, опасайся Семи островов, возвращаясь – остерегайся Куньлуны. Стрелки компаса колеблются, руль теряет управление, корабли опрокидываются, люди гибнут.

– Велика опасность! – вскричал Саньбао.

А князь продолжал:

– В нашем государстве мы, ничтожные, исповедуем буддизм. Помните город Сравасти^[402] – тот самый, где наследный принц Джета пожертвовал уголок своего сада, почтенный купец Анатапиндика

превратил его в парк и преподнес в дар Будде, а сам Почитаемый в Мирах просил там подаяние? У нас сохранились руины древнего здания, где жил один из десяти ближайших учеников Сакьямуни – Маудгальяна. Мы и поныне проводим буддийские богослужения, читаем сутры, постимся. По натуре мы люди деликатные.

Командующий подумал: «Ох и сладкие у него речи, мягко стелет – похоже, пытается скрутить меня гибким вервием^[403]. Покажу ему кой-какие боевые приемы, посмотрим, что тогда запоет». Князь попивал вино, и командующий предложил:

– Чем бы здесь в военной ставке вас развлечь? – и тут же приказал дать боевое представление с мечами, затем с большими ножами, а еще с пиками и трезубцами.

Воины встали в пары и принялись показывать свое искусство.

А Саньбао всё не унимался: отдал приказания исполнить танец с лютнями – и его изобразили, жонглировать плетью – встали парами и стали жонглировать, драться врукопашную – начали безжалостно мутузить друг друга.

Поистине, в сильном войске не место слабым воинам, в глухих горах водятся лишь свирепые тигры! Убедившись, сколь отважны и искусны воины Южной династии, сколь высоко их военное искусство, князь едва вымолвил «Не достоин, не достоин» и под предлогом того, что опьянел, поблагодарил всех и ушел. А на прощанье предупредил:

– В десяти днях ходу отсюда расположено государство, кое спокон веку славилось искусством морского боя. Командующим не лишне принять меры предосторожности.

Адмирал возблагодарил за напутствие.

Корабли снялись с якорей и двинулись в путь. Дул попутный ветер. Днем ориентировались по солнцу, ночью – по звездам Большой Медведицы, а когда всё кругом застилала непроглядная мгла, указующим путь оставался фонарь богини Тяньфэй. Так плыли безостановочно более десяти суток и наконец достигли неведомой страны. Суда остановились, последовал приказ сушить весла^[404]. Главнокомандующий сошел на берег, осмотрелся. Сколь видно глазу – почти на тысячу *ли* без конца и края, круты и обрывисты, тянутся каменистые утесы. Меж зубчатых кряжей – глубокие ущелья. Вгляделся пристальней – разглядел смутные очертания городских стен и башен. «Ох, нынче снова придется поломать голову, как действовать», – призадумался командующий. И не мешкая отдал приказ разделить на два лагеря – морской и сухопутный, командирам пяти эскадр высадить войска и, как положено, разбить лагерь на берегу: в центре – ставка командующих, а с левой и правой сторон, словно два защитных рога, – авангарды. Командиры четырех морских дивизий выстраивают суда в форме берегового ограждения, там же в центре – корабли Государева советника и Небесного наставника. Оба лагеря днем разворачивают

знамена, бьют в барабаны и звонят в колокола, ночью – обдумывают ходы на будущее, намечают цели нанесения ударов.

Тем временем местный дозорный помчался во дворец. Король вошел в тронный зал, где собрались гражданские и военные чины, и дозорный подробно сообщил о появлении тьмы кораблей с желтыми стягами, на коих начертано: «Войско Высокого государства умиротворяет варваров и ищет сокровище». «Вельми устрашающе», – закончил дозорный. Владыка смекнул, что не иначе как прибыла флотилия с Южного материка, посланная императором Чжу государства Великая Мин.

Прибежали и другие дозорные, кои назвали имена обоих командующих и дали им самую высокую оценку: «Они способны разработать план победы в сражении за тысячи ли от своего штаба». А еще со всеми подробностями поведали о могуществе даосского и буддийского монахов.

О Государевом советнике доложили: «Обрит, как буддист, но с бородой, как даос. Издревле нет ему равных ни на небе, ни на земле». Король прервал:

– Хватить болтать, достаточно сообщить, что прибыли посланцы императора Чжу из Южной династии, мы сами решим, как поступить.

В этот момент от придворных, стоявших ошую, выступил советник и говорил таковы слова:

– Наша морская гвардия лучшая в мире, ей ли убояться командиров Южной династии или каких-то монахов!

Не успел договорить, как от придворных, стоявших одесную, также выступил советник и изрек:

– Исстари ведомо: придут не с добром – получат поделом. Коль скоро Южная династия безо всякой на то причины насылает на нас войско, мы не станем сидеть сложа руки и ждать гибели. Нижайше просим владыку немедля отдать приказ военачальнику собрать войско и строго охранять морские и сухопутные границы.

Король возразил:

– Не о том речь ведете. Вам ли не ведомо, что наше государство исстари сохраняло добрые отношения с Южной династией? Мой батюшка при жизни получил от их государя в дар белого скакуна с золотым седлом, да еще расшитые золотой нитью парадные одежды. Когда же мы всходили на престол, нам хотя и не прислали коня, зато одарили императорским одеянием. Не поминая о прочем, откуда мои золотая и яшмовая печати? Откуда в нашем государстве меры сыпучих тел и меры длины? Вспомним и о крупных торговцах, посланных мною на острова Рюкю^[405]. Когда они попали в шторм и потерпели крушение, китайские моряки не растащили наши товары, не позарились на драгоценности, а починили сломанные суда, пополнили запасы провианта и указали путь. Видите, сколь милосердно отнеслось к нам

сие государство! Как можно неблагодарностью ответить на благодеяния и порвать прежние связи?!

Придворные согласно закивали:

– Ежели король связан с ними старой дружбой, то и вправду за добро следует воздать добром. Но всё же неясно – с какими намерениями прибыла флотилия?

Король оборвал их:

– Кто слухи распускает, сам ложь от правды не отличает. Вы сомневаетесь в их намерениях – вас и пошлем разузнать.

Советник Цышир выразил готовность тут же отправиться, но король его остановил:

– Мы посылаем тебя на разведку, но не тайно и под прикрытием, как обычно. На сей раз отправляйся открыто, встретишься с командующим – обо всём расспроси. Непременно доложи, что твой владыка никогда ни в чем им не отказывал, исстари проявлял покорность. Поскорей отправляйся и быстрее возвращайся.

Советник вышел из дворцовых ворот и вскоре уже поднялся на корабль главнокомандующего, но ординарцы сообщили, что тот находится в военном лагере на берегу. Проследовав туда, посыльный представился, поименовал свою страну – Лаво^[406], назвал и имя короля – Интхарача. Засим сообщил, что прибыл по поручению короля, в точности повторил его послание и закончил так:

– Хотелось бы узнать, с чем пожаловали ваши корабли. Ежели что молвил непочтительно, прошу простить.

– Нами получен высочайший указ повести войска в дальние края, дабы умиротворить чужеземцев и найти сокровище – императорскую печать, – разъяснил адмирал. – Ежели у вас имеется таковая, верните без промедления, ежели нет, пишите дозволение на проход через заставу, и мы двинемся к иным землям.

Цышир обрадовался:

– Коли у командующего нет иных целей, у нас не остается сомнений в милости вашего монарха. Дозвольте ничтожному доложить обо всём государю, после чего вручим вассальную грамоту, акт о капитуляции и пропуск через заставу, а также положенную дань и подношения.

Командующий одобрил:

– Буде у вас добрые намерения, примем решение к взаимному удовольствию.

Вернувшись, Цышир всё дословно передал государю. Король обрадовался, начертал акт и грамоту, приказал подготовить дары и выслал воина в ставку китайской армии с сообщением, что он лично желает посетить корабли, дабы вручить документы и дань. Тем не менее Саньбао не оставляли подозрения: «Навряд ли сие есть доподлинная цель визита государя. Как бы не попасть в ловушку!» И приказал сухопутным и морским войскам вставить стрелы в луки, вынуть ножи из ножен и быть наизготове. Не успел отдать команду – у

восточных ворот Лаво пыль столбом: это скачет большой отряд всадников, впереди – военачальник. Вы только поглядите: Собравшись в поход, запаслись они кучей лопат, На каждом – узорчатый пояс и шелковый черный халат^[407].

– Мое имя Се Вэньбинь, – выкрикнул военачальник, – имею знаки отличия и назначен полководцем государства Лаво. Откуда явилось ваше воинство? С какой стати без всякого повода вторглись в наши владения? Как смеете выказывать пренебрежение – считаете, что у нас нет великих полководцев? Сей же час отведите войско, снимайтесь с лагеря, убирайтесь из нашей страны, на том и порешим. А посмеете пикнуть – сойдемся один на один, и я преподам урок вам, неизвестным командиришкам. Проучу как следует и сотру в порошок вашу ничтожную армию!

Не успел договорить, в китайском лагере трижды ударили в барабаны, и на левом фланге блеснули латы военачальника: огромный, ростом девять чи, крепко сбит и широкоплеч, темнолик и чернобород, голова как у тигра, глазами злобно вращает. Это и был прославленный командир левого авангарда Чжан Цзи. Взгляните на него! Восседает на светло-желтом соловом скакуне и, поигрывая древком огромного меча «голова леопарда»^[408], кричит:

– Ты, туземный пес! Как смеешь проявлять непочтительность! – и уже нацелил на противника свой меч.

В тот же миг в китайском лагере вновь трижды загремели барабаны, и с правого фланга выехал прославленный командир правого авангарда генерал Лю Инь: здоровенный, длиннорукий, нос крупный, как у мусульманина, глаза – словно медные колокольцы. Посмотрели бы вы на него, когда он восседал на белогривом скакуне с белыми копытами, поигрывая мечом «гусиное перо»!

– Отдай его мне! – еще издали крикнул Лю Инь.

Не успел договорить, как снова в китайском стане трижды ударили барабаны, и из авангардной эскадры выехал потомственный воин – юный Ван Лян: в старинном головном уборе, на пряжке пояса изображение льва. Взгляните, как он гарцует на быстроногом золотистом скакуне, поигрывая длинной пикой, и требует:

– Оставьте сей подвиг мне!

Не успел договорить, как с флагманского корабля примчался еще один военачальник – командир авангардной дивизии Чжан Бо. На голове – железный шлем, алая повязка на лбу, облачен в черный шелковый халат, пояс украшен бычьими рогами. Поигрывая покрытой шипами булавой весом восемьдесят четыре цзиня, гордо восседал он на вороном коне.

– Сей подвиг мой! – раздался его зычный голос.

Взмахнул булавой – и Се Вэньбинь, как сказано в стихах, беззвучно, словно тополиный пух, на землю молча пал.

Командиры препроводили пленника в ставку. Саньбао свирепо рявкнул:

– Как смеет туземный князек проявлять вероломство? Поистине, *ян* благоприятствует, *инь* идет наперекор^[409]. – И обратился к военачальникам: – Кто отважится двинуть войска, прорвать укрепления, ворваться во дворец, захватить князя и выставить его голову вместе с головой военачальника?

Не успел договорить, как ординарец доложил:

– Туземный правитель пожаловал лично – вручить вассальную грамоту, акт о капитуляции, пропуск через заставу вкупе со множеством даров и подношений.

Главнокомандующий заподозрил коварный план:

– Попробую использовать замысел противника в своих интересах.

Тут же призвал ординарца, вручил ему жезл стрельчатой формы с воинским приказом и что-то тихонько нашептал – мол, так-то и так-то. А тут как раз в лагерь явился сам король. Сразу же забили в колотушки, схватили и связали его вместе со всеми сопровождавшими – офицерами и сановниками. Правитель пригорюнился:

– Добрые намерения встречены коварными замыслами!

И всё твердил:

– Не смею! Не смею.

Саньбао разгневанно обрушился на него:

– Зря ты стал королем, ты зверь в человеческом облике. Сколь сие отвратительно!

– Да отчего вы так решили? – изумился правитель.

– Поначалу ты направил своего советника передать «тысячу повиновений и десять тысяч послушаний», затем прислал посыльного оповестить о подготовке грамот и даров. И всё лишь с целью одурачить нас и отвлечь от военных приготовлений. А сам в это время замыслил убийство и отправил военачальника с отрядом. Поистине, сочетание покорности и противодействия. Это ли не коварство?

– Помилуйте, наша страна со времен моего отца-основателя неоднократно получала богатые дары от вашего императора. Посмею ли я нынче отплатить черной неблагодарностью и отмежеваться от Небесной династии?! Прослышав о прибытии флотилии, я на самом деле подготовил грамоты и дары и думать не думал посылать к вам военачальников и воинов.

– Ах, утверждаешь, что такого не было?!

И тут же приказал четверем здоровенным конвоирам привести в ставку Се Вэньбиня. Король тотчас опознал его:

– Изменник, предатель! Кто приказал тебе двинуть войска?! Впутал меня в несправедное дело!

– Как не совестно вам, владыке государства, раболепствовать и пресмыкаться перед этими людьми?! А еще утверждаете, что я

вовлекая вас в какие-то козни! – гневно воззрился на короля туземный военачальник.

– Сей мятежник погубит страну! Прошу командующего немедленно его обезглавить, злодеяния налицо. Тогда вы убедитесь в моих верноподданных чувствах.

– Господин печалится – раб опозорен, господин опозорен – раб умирает. Довольствуюсь высочайшим дозволением умереть, – откликнулся Се.

– Подлый мятежник, твоя смерть недостойна сожаления! Нынче я не в силах доказать чистоту своих помыслов.

Король подошел к военачальнику и влепил ему увесистую оплеуху. Стоило Саньбао подумать «Похоже, сей правитель и вправду чистосердечен!», как его поддержал командующий Ван:

– Господин, вам решать, но король, видать по всему, не имел коварных замыслов.

Осознав сие, Саньбао поднялся и пригласил гостя сесть напротив, на почетное место. Тот воскликнул:

– Поистине, высоко подвешено ясное зеркало. Кабы оба главнокомандующих не осветили всё окрест светом истины, не проявились бы столь очевидно мои преданность и честность!

Саньбао успокоил его:

– Не ваша вина, государь, что у нас возникли подозрения.

А господин Ван добавил:

– Хоть Се Вэньбинь и узурпировал военную власть, всё ж его можно помиловать, поелику он проявил преданность своей стране.

Адмирал тут же приказал отпустить военачальника. Король от столь милостивого обращения возрадовался и поднес главнокомандующему писаную золотыми письменами вассальную грамоту. Тот ее принял и передал офицеру-адъютанту. Затем король столь же почтительно вручил Саньбао перечень даров и подношений. Адмирал отказался их принять, сказав, что ограничится грамотой. Туземный правитель настаивал:

– Прошу простить, дары весьма скромные.

Саньбао отнекивался, а король так и эдак улещивал. Наконец, командующий согласился, развернул список, а там: слонов белых – пара; диких кошек белых^[410] – двадесят и столько же благовещих белых мышей^[411] и белых черепах; алойного дерева и схожего с ним местного благовония – по два ящика; целебной агаровой древесины и ароматной смолы – по двадцать ящиков; лечебного хаульмугрового масла от проказы – десять бутылей; цветочной розовой эссенции – две бутылки; сапанового дерева – двадцать брусков^[412].

Командующий свернул список, приказал служителям звериного питомника принять слонов и прочую живность, а чиновникам складских запасников – остальное. Саньбао также отметил, что бивни у белых слонов длиннющие – не менее восьми-девяти *чи*^[413], расстояние меж

ними инкрустировано драгоценными камнями, а черепахи не просто белые, но весьма славные, и у каждой по шесть лапок.

Прочие дары тоже были великолепны. Командующий повеселел и распорядился вручить королю в качестве ответного дара парадные воинские одежды с атласными нашивками знаков отличия на груди и на спине. Тот с благодарностью принял подношение, и Саньбао приказал одарить всех приближенных и военачальников короля в соответствии с рангом. Выразив признательность, те покинули ставку, после чего король почтительно вручил Чжэн Хэ акт о капитуляции. Главнокомандующий сорвал печать и приступил к чтению. В сем послании король Интхарача превозносил милость императора Китая – безграничную, как океан, – и высказывал благодарность за его заботы – высокие, как горы: «Выражая настроения нашего народа, мы обращаемся лицом к Небу с пожеланиями процветания. Припадая к земле, надеемся на вашу милость и, склонив голову, молим о снисхождении».

Окончив чтение, Саньбао произнес:

– Премного благодарен за визит. Сколь избыточная скромность, сколь высокая добродетель!

Король добавил:

– А еще нижайше просим принять скромные дары на довольствие войску.

Но Саньбао и на сей раз решительно заявил:

– Кроме дани в казну, ничего не возьмем.

Король настойчиво протянул список даров, но главнокомандующий не поддавался на уговоры. Зато приказал накрыть столы, приготовить угощение и устроить пир. Король обрадовался, пил и веселился. Но вот уже всё выпито и съедено, пирушка близка к концу, солнце к закату.

Высочайший гость поблагодарил и откланялся, но только вышел за ворота ставки – навстречу во весь опор скачет Се Вэньбинь со срочной вестью: городские ворота охраняют китайские воины и не позволяют войти.

– Я переоделся простым солдатом, собирающим хворост, и только так обманом проник в город, – сообщил военачальник. – Вижу – королевский дворец окружен китайским отрядом, который не впускает туда ваших приближенных. Что оставалось делать? Пришлось перелезть обратно через городскую стену и отправиться на корабль – поскорей доложить обо всём моему владыке.

От подобных дурных вестей сердце короля затрепетало, что флаг на ветру, а мысли и вовсе спутались. Он погрузился в горестное раздумье: «Коли они уже охраняют ворота города и дворец, то я могу в одночасье потерять все мои земли и пастбища!» Король вернулся в ставку и бухнулся на колени перед главнокомандующим:

– Дозвольте спросить, на каком основании ваши воины оцепили городские ворота и дворец?

Саньбао велел ему встать и с любезным выражением лица принялся успокаивать:

– Сие не более чем временное заблуждение. Так случилось, что, узнав о визите, я превратно истолковал ваши намерения – заподозрил тайный умысел. Посему приказал спрятать перед ставкой сорок палачей, обязав их по сигналу колотушек вас схватить. Скажу более, я послал двух военачальников, кои по сигналу пушечного залпа должны были взять штурмом городские ворота и дворец. Однако ноне не могу не признать, что выработка подобной тактики была лишена оснований.

Король всполошился:

– Неужто всё из-за моего подлого военачальника?!

Командующий успокоил:

– Не извольте беспокоиться! Подождите немного.

Тут же отправил два верительных жезла с приказом Тан Ину и Чжан Бо вместе с отрядами немедленно возвратиться в лагерь.

– Сколь умело эти южане ведут войну! – поразился король и, откланявшись, покинул ставку.

На другой день утром корабли снялись с места и отправились дальше, строго придерживаясь боевого построения.

Неожиданно драконьей стаей налетели туземные джонки – это был отряд под предводительством того же Се Вэньбиня, выкрикивавшего угрозы.

Джонки мятежника двинулись в атаку одновременно со всех сторон, но безуспешно. Секрет в том, что китайские корабли – большущие и высокие, с них удобно вести бой, а джонки – низкие и маленькие, и туземцам не с руки атаковать чужеземные громадины. Но были и у местных свои преимущества: юркие джонки оказались куда маневренней громоздких китайских судов, к тому же на джонках были установлены круглые щиты из сырой бычьей кожи, защищавшие и от пищалей, и от отравленных стрел. А еще туземцы были вооружены вельми длинными и острыми пиками из бетелевой пальмы, отравленными стрелами, да и кой-каким огнестрельным оружием. Три дня не утихал бой, но, по большому счету, не оказалось ни победителей, ни побежденных.

Тогда Се Вэньбин придумал план истребления китайских кораблей огнем. В середине следующего дня его джонки налетели на них со всех сторон, как пчелиной рой, забросали зажигательными стрелами и бомбами. Но всякий раз Небесный наставник насылал ураганный ветер, который задувал огонь. Осознав безысходность своего положения, мятежники решили уйти в открытое море, однако громадные китайские суда замкнутой цепью преградили им путь, и джонкам ничего не оставалось, как медленно дрейфовать к берегу.

Тем временем на кораблях флотилии снова трижды прозвучали сигналы к бою, после чего от арьергардной эскадры отделилась небольшая лодчонка и направилась прямехонько к туземным джонкам.

Все находившиеся в ней воины были в полном военном облачении: кто держал в руках пику, кто копье, кто меч, а кто булаву. Джонки дали лодке приблизиться на сто шагов и обрушили на нее огненные стрелы, отчего сидевшие там воины мгновенно превратились в горящие факелы. Как такое могло случиться? А вот как! В лодке находились не живые люди, а чучела в латах, набитые порохом и дробью. Ветер раздувал пламя, которое вскоре перекинулось на джонки разбойников. Огромные искры непрерывно летели в их сторону, ветер и пламя словно состязались в силе. А тут еще ударили сяньянские камнеметы, не оставляя бандитским суденышкам ни малейшей возможности уберечься – как говорится, отвести в сторону печную трубу и отодвинуть охапку хвороста. Короче, непрошеным гостям здорово досталось – что называется, и голову обожгли, и лоб разбили: кто заживо сгорел, кто спрыгнул в воду, да только мало кому удалось выбраться на берег.

На другой день в ставке командующие раздавали награды, и особой благодарности удостоились Небесный наставник и Государев советник. Как раз в этот момент командиры левого и правого авангардов привели в ставку жалкую кучку оставшихся в живых местных воинов, задержанных ночью. Саньбао набросился на пленных с расспросами: где их командир Се? Те уверяли, что он спрыгнул в воду.

– Утонул? – уточнил командующий.

– Наверяд ли, – усомнились пленные и поведали историю Се. – Он родом из тех же мест, что и вы, – из Южной династии, а точнее – из городка на юго-восточном побережье. Как-то раз отправился в плавание с грузом соли и попал в шторм, судно перевернулось. Он по натуре «человек, подобный воде»^[414], и сумел продержаться на поверхности целых семь дней, пока волнами его не прибило к берегам нашей маленькой страны. Оказалось, он равно искушен и в науках, и в военном деле, ловок и умен. Король приблизил его к себе, пожаловал высокую должность и красивый дом. Командир Се – человек самонадеянный и своенравный, дока в морских боях. Сколько раз под его командой мы совершали набеги на соседние страны – и всякий раз одерживали победу. Потому-то он и дерзнул пойти против вас, господин. Так что в воде гибель ему не грозит.

– А кто принял сегодняшнее решение о нападении – командир Се или король? – допытывался командующий.

– Нет, король ни при чем, а военачальника его женщины настроили.

– Муж руководит женой – нешто имеет она право поучать мужа?

– По обычаям нашей страны это именно так. Муж по всем вопросам советуется с женой. Женщины умнее и находчивей мужчин.

– Ну, в данном случае решение оказалось не столь уж мудрым.

– Всё потому, что у наших мужчин много жен, и каждая свое советует – отсюда и хаос в голове, и неудачные решения.

– Вы имеете в виду, что у командира Се много женщин?

– Таковы наши нравы! Замужние женщины нередко пируют и прелюбодействуют с китайцами, те дарят им дорогие украшения. В попойках принимают участие и их мужья, а то и живут все купно. Мужья на диво хладнокровно относятся к подобной ситуации, даже хвастаются: «Красота моей жены пленила китайца, какое благодеяние». Командир Се – китаец, потому у него много женщин.

– Так вы тоже оказались в воде?

– Мы люди маленькие, не то чтобы наша природа была подобна воде. Мы спасались по суше.

– Удалось ли кому сбежать?

– Да вроде никому.

– Неужли?

– Понимаете, у всех наших имеется отметина, с коей не спрячешься, да мне неловко рассказывать об этом почтенному.

– Говори, не бойся.

– Отметина сия в нескромном месте.

– Что еще за дела! Продолжай!

– Есть у нас обычай. Как юноша достигнет двадцатилетия, ему тонким ножичком надрезают кожу вокруг мужского ствола и аккуратненько вставляют туда несколько десятков гранул мягкого олова, затем смазывают мазью для заживления. Через несколько дней язвы затягиваются, и парень может выходит из дома, а его ствол, словно покрытый бородавками, становится похож на «крокодилий огурец»^[415]. Кто побогаче, вместо меди и олова использует золото и серебро. Незадача в том, что при ходьбе человек издает легкий звон – то-то ночью всех, кто пытался сбежать, и похватали.

Командующий уточнил, истинно ли то, что командир Се накануне отдал приказ запастись порохом. Пленные подтвердили, что всё верно, а тем, кто не повиновался, всыпали по сто палочных ударов и отрезали уши.

– У меня тут уже есть несколько человек с отрезанными ушами – может, из ваших? – хмыкнул командующий и приказал привести схваченных еще ночью.

Те, едва вошли, бухнулись на колени. Местные воины взволнованно зашебетали о чем-то на своем языке, признали сотоварищей и удивились:

– Никак не возьмем в толк, как они оказались на ваших кораблях?!

Командующий повелел казнить пленных:

– Нынче вы нарушили волю государя, покушались на наше императорское воинство.

Пленные взмолились:

– Мы люди маленькие, повиновались приказу командира.

Государев советник запротестовал:

– Не смею даже слушать об убийстве людей, прошу дозволения уйти.

Саньбао смилостивился:

– Из одного лишь уважения к почтеннейшему советнику сохраняю ваши собачьи жизни!

Затем приказал чиновникам из военного ведомства выдать каждому местному воину по бутылки вина и отпустил всех, строго наказав передать поклон королю.

Флотилия продолжила путь на запад. Море было спокойным, дул попутный ветер, и так шли они около десяти суток. В один из дней Государев советник, восседая на Лotosовом троне, словно ощутил легкое прикосновение пассатного ветра и почуял запах какого-то существа. Он встревожился, отправился в ставку и сообщил об этом обоим командующим:

– Возможно, ближе к полуночи некое существо свалится с главной мачты флагманского корабля.

И правда, в полночь откуда-то сверху нечто огромное и светлое невообразимо медленно и неторопливо сползло по стене^[416] мачты флагманского корабля. Пригляделись – да это паук^[417], каких много в Южной династии, только огромный. О подобном существе даже сложены стихи:

Паук под балкой трудится неспешно,
Мечтает нитью прострочить мое жилище.
Стрекозку занесет ли ветер вешний,
Иль дождь загонит бабочку под крышу,
В углу своем он трудится тишком,
Его не сгонишь острым посошком.
Сокрыт туманом и росой в ночи,
Не прекращает сеть свою строчить.

Командующий был поражен гигантскими размерами паука.

Давно сказано, объяснил зашедший в ставку даос, что всем созданным Небом существам и предметам дарованы собственные преимущества:

– Крупные пользуются своими непомерными размерами, мелкие – своей незаметностью. Не стоит удивляться громадности паука, ведь здесь совсем иные климатические условия. По моему гаданию его явление означает, что тревога идет рука об руку с радостью.

Командующий приказал ординарцу держать насекомое в большой коробке и присматривать за ним.

Наконец ординарец доложил, что впереди показалось какое-то государство. Командующий тотчас отдал приказ войску разделиться на сухопутный и морской лагеря. Как только всё было исполнено, ординарец сообщил, что у городских ворот их встречает конный отряд. Адмирал отправил полсотни лазутчиков, посулив щедрое вознаграждение. На другой день они вернулись и оповестили флотоводца, что государство носит название Ява^[418].

Командующий Ван растолковал, что государство сие стало известно Китаю около семи веков назад, со времени династии Тан:

– Во времена следующей династии Сун его называли Дупо, а при монголах – Ява, хотя в буддийских книгах оно значится как Страна дьяволов.

Лазутчики доложили, что государство делится на четыре региона, и подробно описали каждый. Первый – Тубан^[419], где расположено более тысячи строений. Верховодят там двое старейшин, среди жителей есть и осевшие в тех краях китайцы из Гуандуна и соседних приморских областей. Другой центр – тот, что в восточной части, – называется Гресик. Когда-то там была песчаная отмель, а затем из жилищ, построенных приехавшими китайцами, постепенно выросло поселение. Есть и свой старейшина. Народ зело зажиточный, многие иностранные суда приезжают торговать. Где-то на расстоянии двадцати *ли* морского пути к югу находится третий по величине город острова – гавань Сурабая^[420], одначе воды там мелкие, годятся лишь для небольших судов. В городке более тысячи строений, есть и свой правитель. Расположен порт на просторной, густо поросшей лесом отмели, где водится тьма длиннохвостых макак. Верховодит ими старый самец, к коему пристрастились наведываться местные женщины. Согласно обычаю, они возносят обезьяне молитву о ниспослании потомства, приносят вино и угощение. Павиан радостно вкушает подношение, остатки раздает маленьким обезьянкам. Затем самец и самки выказывают друг другу взаимное расположение, а наблюдавшие эту сцену женщины по возвращении домой часто оказываются беременны. Угощение и молитвы достаются обезьянам и в случае постигших город несчастий. В восемнадцати *ли* морского пути от Сурабаи есть пристань Чангу^[421]: ежели от нее по берегу двинуться на юго-запад, то за полдня можно добраться до последнего населенного пункта – Маджапахит. Там проживает несколько сот семей под началом семи-восьми старейшин.

Командующий поинтересовался местопребыванием короля. Лазутчики донесли, что у него несколько дворцов, и он передвигается от одного города к другому.

– Как величают нынешнего правителя?

– Изначально в стране было двое владык – один, по имени Викрамавардхана, правил на западе, другой, Вирабуми, – на востоке. Затем западная Ява поглотила восточную^[422] и нынче процветает.

Саньбао поинтересовался нравами, и лазутчики доложили:

– Зело жестокие. Только ребенку исполнится год, ему на поясок вешают кинжал под названием «не прячь голову». Все мужчины поголовно – старые и молодые, бедные и богатые, благородные и нищие – носят такие кинжалы. Они выточены из лучшей стали, а рукоятка – из золота или серебра, рога носорога или слоновой кости, да еще и с гравировкой в виде человеческих масок отменно тонкой

работы. В стране не проходит и дня, чтобы кого-то не убили. Вельми злобный народец.

А командующий всё допытывался, кто же таков тот, кто нынче осмелился дать отпор китайской флотилии. Лазутчики назвали имя предводителя шайки – Яо Рыбий Глаз:

– Прозвали его так за то, что глаза у него зоркие, как у злого духа, в воде всё насквозь видит, да и морское дно разглядит хоть с самого берега – камушки, водных духов, рыб и креветок. У него есть еще прозвище Хайгань, что означает Осушающий Море. История прозвища такова: под его началом – полтыщи бойцов-водолазов, способных оставаться под водой семь дней и ночей. Стоит им под водой клацнуть зубами, и вода вокруг почти высыхает. А что до их командира, то он обладает неслыханным даром ходить по волнам, аки посуху. По земле скачет на кауром жеребце с алой гривой, в руках трезубец и три бумеранга, со ста шагов снесет врагу голову без единого промаха. Он бьется не на жизнь, а на смерть, являя беспримерное мужество; его доблести не в силах противостоять и десять тысяч воинов.

– А откуда он узнал о приближении нашей флотилии, да еще успел выслать отряд и преградить нам путь? – подивился Саньбао.

Лазутчики пояснили, что об этом ему сообщил тот самый Се Вэньбинь из Лаво – спасаясь бегством, он передал военное донесение.

– Да как же этот Се успел опередить нас, ведь мы по морю добрались всего за десять дней? – недоверчиво переспросил Саньбао.

Оказалось, что Рыбий Глаз, возвращаясь из Сукаданы^[423], встретил Се по дороге, и тот наплел ему с три короба о надвигающейся армаде с тысячами военачальников и тьмой воинов, кои будто бы грабят и насилуют, опустошают и разоряют слабые страны, да и сильным не лучше приходится:

– Впоследствии, узнав от Яо о том, что воинам Южной династии неведомы ни гуманность, ни справедливость, правитель приказал не давать им спуска. Ведь такое уже случалось в прошлом, когда Южная династия направила посла в Шривиджаю, и его убили^[424]. А не столь давно наш император снова попытался передать печать в дар князю восточного трона; посланник был убит, а с ним и сто семьдесят человек сопровождения^[425]. Видать, король Явы опасается, что мы идем не с визитом вежливости, потому и приказал командирам всех поселений стоять насмерть, – так завершили лазутчики свое донесение.

– Куда же направился сам командир Се? – не понял командующий.

– Он использует тактику «пока бекас и устрица бьются – выгоды рыбаку достаются». Вот он и хочет стать тем самым рыбаком, – пояснили лазутчики.

– Где именно расположилось местное войско?

– Нынче они в Тубане.

– Приказываю тотчас разойтись по всем четырем городам, но проникнуть туда тайно. Об обстановке докладывайте мне лично. По возвращении на родину обещаю награды.

После чего командующий вызвал вице-адмирала Вана, Небесного наставника и Государева советника и пересказал сообщение лазутчиков. Небесный наставник напомнил изречение:

– Простым воинам не дано предвидеть действия противника, талант военачальника – в прозорливости. Посмотрим, как поведет себя неприятель, и станем отвечать соответственно. Ежели они будут действовать согласно воинским правилам – положимся на отвагу наших командиров, а коли пустят в ход волшбу и магию, тогда вступим мы с Государевым советником.

– Хорошо бы узнать настроение командиров, – потребовал Саньбао.

Прозвучал сигнальный выстрел, пропел рожок, и все командиры выстроились перед ставкой главнокомандующего.

– Я собрал вас, дабы напомнить, что нынешний король Явы посмел убить нашего посланника и всех сопровождающих, – начал Саньбао. – Он захватил восточный трон, установил единоличную власть, да ко всему еще смеет нам противостоять. Стоит допустить малейшую оплошность – как мы отчитаемся перед троном?

Не успел Саньбао закончить речь, вперед выступил один из офицеров и выразил пылкое возмущение тем, что ничтожное крошечное государство смеет помышлять об отпоре могущественной имперской армии. Командующих обрадовали столь героические речи; присмотрелись – пред ними рослый, широкоплечий, громкоголосый богатырь с драконьими глазами, да и имя у него соответствующее – Ма Драконоподобный. Ранее он служил в не столь давно созданном столичном гарнизоне – Батальоне чудесных механизмов^[426], тоже из мусульман, на время плавания назначен командиром в чине юцзи. Сразу видать – смел, находчив, ума не занимать, и слушать его приятно. Саньбао воскликнул:

– Во всех сражениях первый бой самый трудный. Нынче посылаю вперед командира Ма.

Тот в ответ:

– Подлинные герои сражаются до последнего, их тела погребают в шкуре коня. Нам ли убояться!

С этими словами он вскочил на быстрого скакуна, схватил обоюдоострые и быстрые, как ветер, парные мечи и под троекратную барабанную дробь помчался с отрядом всадников в равнинный Тубан, где они и расположились лагерем.

А в это время вражеский воин, бывший там патрульным, свистом дал сигнал в ставку – шатер из бычьей кожи. Тут же загудели рожки, и конный отряд местных воинов, словно пчелиный рой, налетел на позиции Южной династии. Командир Ма окликнул туземного военачальника:

– Эй, кто таков?

Вид у доблестного Ма был зело устрашающий, брови вразлет, голос громоподобный. Супостат в испуге замешкался и не сразу ответил:

– Меня называют Яо Осушающий Море, иду из столицы Явы походом – изловить скрывающихся в море драконов.

Командир Ма внимательно вгляделся в чужака:

Варваров пророчества – их закон дикарский,

Пусть в шелках туземцы – всё нелепый вид.

С песней чужеземной по траве бредут —

Не пора ль рассеять их хмельные грезы?

Свиристит сверчок сей песенку предерзкую,

Мы ж его расколем, как орешек грецкий^[427].

После того как Ма Драконоподобный представился, настала очередь местного военачальника его разглядывать:

Вот злобный тигр с горы спустился,

Бурлит энергией дракон, мутящий воду^[428].

Златой булавы взвизг – металла тихий стон,

Всё заглушает гонгов, барабанов звон^[429].

Предводитель Яо заорал:

– Ты прибыл с Южного материка, я житель западных земель^[430], у каждого свой уголок земли, свое государство. На каком основании беспричинно нарушаете наши границы?

На что командир Ма отвечал:

– Не было бы дела – не отправились бы в земли инородцев Западного океана. Перво-наперво прибыли уведомить вас о том, что на престол империи Мин взошел новый государь. Далее, мы желаем запросить, не попало ли к вам наше сокровище – государева печать. И напослед извольте сообщить, по какому праву вы, малое ничтожное государство, посмели без всякого на то основания замыслить убийство посланника нашей великой династии вкупе со ста семьюдесятью членами его сопровождения. Нынче мы прибыли призвать вас к ответу, покарать злодеев и готовы сокрушить всё на своем пути.

Командир Ма потребовал от чужеземца немедля доложить обо всём своему правителю:

– Верните драгоценную печать, а коли ее не имеется, всё одно требуем возмещения за загубленные человеческие жизни. Вот и весь сказ! А дерзнешь супротивничать, тварь ничтожная, окончишь свою никчемную жизнь под моим мечом!

От подобных угроз предводитель Яо тоже рассвирепел. В этот момент с криками «Ах ты, кичливый хвостун из Южной династии, ты нас еще узнаешь!» в сторону китайских боевых порядков помчались два местных конника. Ма поскакал навстречу, и закипел бой. Тела троих всадников сплелись в клубок, воедино слились топот и ржанье

боевых коней: невозможно разобрать, какое из трех видов оружия наносило смертельные раны. О, доблестный командир Ма! Преисполненный боевого духа, он пустил в ход все виды боевого искусства: бьет налево – колет направо, режет направо – тычет налево, один на один, один против двоих! Многажды сходились противники, и никто не смог одержать победу! Но вот *юцзи* Ма сосредоточенно нахмурил брови, и в голове его родился план. Он сделал вид, что поигрывает мечами, а сам, улучив момент, выхватил медный молот, сделал несколько выпадов, и – бом! – послышался звук удара о голову одного из противников. Тому не удалось уклониться, и вот уже три его добрых души взлетели в дальние выси, а семь злых отправились в преисподнюю. От подобного зрелища второй супостат затрясся от страха, руки-ноги ослабели, он сделал несколько выпадов копьем, но едва усидел в седле, и ему ничего не оставалось, как развернуть коня. Командир Ма прищипорил своего быстрого скакуна, и тот полетел иноходью. Противник мчался во весь опор, но Ма Драконоподобный уже занес меч за его спиной. Заметив это, Яо Осушающий Море кинулся было на помощь своему воину, иначе поздно – меч храброго Ма уже скользнул по спине вражины.

При виде сей жестокой расправы Яо заскрежетал зубами от ярости и направил трезубец на неприятеля, но тот, поигрывая двойными мечами, легко отразил удар. Несколько десятков раз сходились противники, однако ни один не одолел другого.

На подмогу предводителю Яо примчались еще двое всадников – можно сказать, у тигра будто крылья выросли. Доблестный Ма бился один против троих без передышки с утра до сумерек, без еды и питья. Хотя исстари сказано: в одиночку сам молодец против двоих не боец, – ему всё же удалось убить одного из врагов и даже отнять трезубец у их командира. Однако Яо Осушающий Море, в свою очередь, завладел медным молотом генерала Ма. Стемнело, и противники разошлись, не добившись победы.

На рассвете ординарец доложил, что Яо снова вызывает соперника на бой. Ма Драконоподобный схватил меч, вскочил на коня и помчался на поле боя. Иначе прибывший в ставку Небесный наставник приказал немедленно вернуть командира. Воротясь, тот обратился к даосу:

– Жду наставлений.

К немалому его удивлению, Небесный наставник попросил уступить противнику эту битву. Храбрец Ма не сдержался:

– Издавна известно: на княжьем пиру, коль не напьешься допьяна, хоть наешься досыта; воин в бою ежели не погибнет, то получит боевую рану. С чего мне уступать?

– Ошибаетесь, – заметил Небесный наставник. – Искусство полководца в том, чтобы в зависимости от обстановки принять верное решение – наступать или отступить. Недаром говорится: «если кто

ударяет по своему мечу и [смотрит] гневным взглядом [...], это будет храбрость обыкновенного человека»^[431].

Небесный наставник пояснил, что предводитель Яо называет себя «ловцом драконов», посему командиру Ма, имеющему прозвище Драконоподобный, не следует рисковать, и предложил послать другого командира.

Назавтра, восседая на белоснежном красавце-рысаче, на поле брани выехал командир арьергардной эскадры Тан Ин. Взгляните на него: сверкающий шлем, плетенная из золотых пластин кольчуга, украшенный яшмой пояс, в руках – поблескивающее копье «вращающийся дракон»^[432].

Он с ходу крикнул противнику:

– Кто таков?

– Осушающий Море, – назвал себя тот.

Тан Ин глянул на него: глаза навывкате, брови лохматые, переносица высокая^[433], волосы вьются, сидит на какой-то бурой кляче, в руках пронзающий небо трезубец. Тан Ин решил, что вряд ли сей иноземец искусный воин, и, пожалуй, лучше мирно разойтись. Он представился, назвал и свое ученое звание победителя на столичных императорских экзаменах. Услышав такое, предводитель Яо повнимательней присмотрелся к противнику: тонкие, изящные, как у женщины, черты лица, на коем чернеют борода и усы, что вместе выглядело несуразно. И подумал: «Не иначе как гражданский сановник! Ему бы в богатом доме в кости играть – какой из него вояка? Переброшусь с ним парой шуточек, и ладно». И воскликнул:

– Позволь спросить, с чего это ученый муж вдруг заделался военачальником?

На белом коне с золоченым седлом,

Тобою любуются люди кругом,

Откуда ты родом, желают узнать.

Учился, чтоб важным сановником стать^[434].

Подобные речи еще больше раззадорили Тан Ина:

– Ах ты, пес чужеземный! Изволишь смеяться надо мной?

Он нацелил на противника копье, тот заслонился трезубцем – и началось! Мелькают копье и трезубец, сошлись достойные соперники, у каждого своя тактика: свирепый тигр южных гор схватился с гигантской мифической морской черепахой – той, что несет на спине остров бессмертных. Они были подобны мифическим животным^[435]: один – что Летающая сколопендра, другой – Пронзающий горы гигантский ящер панголин, один способен схватиться с тигром в горах и выбить у того зубы, другой – в морской пучине вырвет когти у дракона. Многажды сходились они, но ни один не одержал победу. Пораженный воинским искусством противника, предводитель Яо предпочел удрать.

На другое утро Небесный наставник посоветовал отправить на битву командира правой эскадры Цзиня по прозвищу Небесный Гром. Вице-адмирал Ван одобрил:

– Ну что же, разумно. Командир Цзинь росточком невысок, невзрачный, пойдет не при параде, вот противник и решит, что перед ним легкая добыча.

– И каковым ожидается исход сражения? – спросил адмирал.

– Победа обеспечена, – заверил Небесный наставник, но напомнил, сколь важно продумать всё до мелочей. – Когда командир Цзинь появится на поле брани, невдалеке от него пусть спрячутся два отряда: один во главе с Тан Ином, а другой возглавит Ма Драконоподобный. По сигналу пушечных залпов они ринутся на подмогу. То-то их главарь Яо струхнет, нежданно увидав наших молодцев. Одержим победу без боя.

Флотоводец одобрил сей план.

Сказывают, что командир Цзинь вскочил на быстроного скакуна по прозвищу Догоняющий Ветер, взял свой трезубец, меченый святыми, и примчался на поле брани. Местный воин тотчас доложил предводителю Яо, что нынче на бой его вызывает другой военачальник. Тот зело возрадовался – стал расспрашивать, кто таков. Гонец доложил:

– Кто таков, не ведаю, да только он на человека не очень-то смахивает, скорее дух какой-то. Сказать, что бодхисаттва Судхана – но больно лохматый. Сказать, что дух земли – так без бороды и без усов.

От этих слов Осушающий Море и вовсе успокоился, приказал дать сигнал трубы и во главе отряда помчался на битву. Видит – перед ним военачальник: росточком невелик, не более трех *чи*, узкоплечий, без шлема и лат, одет в штатское, в руках оружие, да не похоже, что он способен им хорошо владеть, в общем, вид уж никак не устрашающий. Яо рассудил, что такой противник не опасен, не то, что те двое.

– Кто таков? – громко выкрикнул он.

Цзинь Небесный гром представился:

– Командир эскадры флотилии, отправленной в Западный океан императором Чжу из государства Великая Мин.

На что Яо с издевкой бросил:

– Командир эскадры, говоришь? А взаправду кем будешь?!

Генерал Цзинь рассвирепел и с неожиданной силой врезал супостату трезубцем – да так, что тот зашатался. В рядах местных воинов возникло волнение, и сначала с одной, а потом и с другой стороны примчались сподвижники потерпевшего и с бранью набросились на китайского воина:

– В Южной династии добрые земли – для чего пожаловали в наши края?!

Генерал Цзинь, размахивая трезубцем, молча ринулся на врагов. Те пытались противостоять натиску, но один получил удар по черепу и замертво свалился с коня, а другой, видя такой расклад, попытался удрать, но от мощного удара в позвоночник тоже испустил дух. Сам Яо

пустился наутек, Цзинь за ним. Его противник повернулся и метнул «летающие когти» **(Ил. 55, 56)**.

Однако, когда оружие натолкнулось на трезубец, удар оказался такой силы, что кончики железных когтей, как снежинки, замелькали в воздухе. Яо метнул дротик – трезубец разрезал его напополам, метнул другой – и тот был разрублен. После третьей попытки незадачливый вояка бежал с поля боя. Генерал Цзинь возвратился героем: как говорится, глаза уже видят победы знамена, до ушей доносятся победные кличи. Вместе со своими отрядами вернулись командиры Тан и Ма, подвиг их записали, а их самих наградили.

Предсказания Небесного наставника сбылись в точности. На вопрос командующего, как тому удалось сие предвидеть, даос отвечал:

– Я исходил из возможностей генерала Цзиня. Он обладает необычайной физической силой, его трезубец небывало тяжел – более полутора са *цзиней*. Именно поэтому командиру сложно двигаться в строю и взаимодействовать с другими бойцами, четко реагировать на сигналы походного – «коварного» – котла^[436]. В таких условиях он не смог бы одержать победу.

– Иными словами, дабы победить, ему дозволено в одиночку двигаться форсированным маршем, так? – отреагировал адмирал.

– Даже ежели у командира сил в избытке, в бою не отвага приносит удачу – расчет и смекалка важны наипаче^[437], – подытожил Небесный наставник.

– Ваши изречения зело поучительны, – уважил его Саньбао.

Явился ординарец с сообщением, что предводитель Яо вернулся в сопровождении множества военных джонок. Адмирал тут же отдал приказ командующему морскими силами генералу Юю, а тот предписал подчиняющимся ему командирам четырех морских дивизий переместить береговые заграждения и определить для них наилучшую дислокацию. Те немедля выдвинулись ближе к берегу, готовясь к наступлению. Узрев внушительные военные лодки туземцев, генерал Юй понял, что предстоит нелегкая битва, и распорядился в каждой дивизии держать наизготове по сотне лучников, кои при столкновении могли бы немедля вступить в ожесточенную схватку. В то же время командирам дивизий было велено осуществлять контроль над залповым огнем – а именно без особого приказа не открывать стрельбу из самопальных ручниц-пищалей **(Ил. 44)** и аркебуз «птичий клюв» и не посылать огненные стрелы.

В это самое время туземные джонки атаковали арьергардную дивизию с востока. По приказу командира лучники выпустили стрелы, и джонки, не в силах оказать сопротивление, повернули обратно. Та же участь постигла и местные отряды, попытавшиеся атаковать левую и правую дивизии. Однако, когда джонки бросились на авангардную дивизию, ее командир, тот самый Чжан Бо, увидел на одной из них предводителя Яо и тут же принял решение: «За последние дни мы

одержали немало побед, но так и не смогли схватить главного разбойника. Попробую-ка я поймать его и заполучить высшую награду». Он крикнул:

- Эй, на джонке, назовись!
- Ты что, за столько дней так и не запомнил мое имя Яо и прозвища
- Осушающий Море и Ловец Драконов!? А ты кто таков?
- Я всего лишь Чжан Бо, держу булаву с шипами.
- Твоей булавой сподручно на берегу размахивать. Как ты собираешься с ее помощью на море драться?
- Презренный пес, смеешь утверждать, что я тебя не одолею?
- Слова не в счет, докажи на деле.

Чжан Бо приладил стрелу, натянул тетиву и – вжик! – стрела полетела прямо на противника. Тот поймал ее в широкий рукав своей одежды; та же судьба постигла и следующую. Тогда Чжан Бо решил применить более жесткий прием: пространство снова пронзил свист летящей стрелы, и Яо, услышав знакомый звук, оттянул рукав. Откуда ему было знать, что противник выпустил сразу несколько стрел – одно-то Яо поймал, но другая угодила ему прямехонько в лоб, третья пробила шлем из бычьей кожи, и это не считая тех, что пролетели, не поранив! Боль была столь невыносима, что Яо свалился в трюм и, корчась, катался там по полу. Туземцы в джонке запаниковали, развернули судно и скрылись в излучине впадающей в море реки. А секрет в том, что Чжан Бо использовал многолучевой арбалетный лук^[438], из коего выпустил в противника сразу десяток смертоносных стрел. После сего генерал Юй ударил в гонг, давая сигнал к прекращению военных действий.

Ровно через три дня вновь послышалась барабанная дробь и боевые кличи, стали видны развевающиеся флаги, и ординарец доложил о появлении отряда военных джонок во главе с Яо. Командир Юй воскликнул: «Жив, оказывается, Осушающий Море!» – засим приказал четверем морским дивизиям привести в боевую готовность всё имеющееся оружие и по сигналу бамбукового рожка открыть огонь. А еще каждая дивизия держала наизготове пять крупногабаритных пушек *фаланцзи*, коим предписывалось открыть пальбу по сигналу трубы.

На сей раз джонки ринулись в атаку купно и сразу на все дивизии – идут на приступ слева, атакуют справа, нападают спереди, штурмуют сзади, напирают со всех четырех сторон. Настоящая бойня! Поначалу, благодаря плетеным щитам, китайским воинам удавалось прикрываться от огня пищалей и зажигательных стрел пиратов, да беда в слабой маневренности огромных китайских кораблей. Командующий Юй, наблюдая за ходом боя с капитанского мостика, видел, что боевой дух бойцов сломлен, в настроениях зреет разброд. Тогда он дал условный сигнал рожка, и в тот же момент с кораблей всех четырех дивизий грянули ружейные залпы. Что было делать

малым джонкам на большом пиру – они немедленно развернули паруса и стали уходить. Вслед им по сигналу трубы ударили пушки *фаланцзи*, и на джонки каменными пампушками посыпались ядра. Всё действие напоминало традиционный танец «лев катает расшитый мяч» **(Ил. 15)** ^[439] – где уж противнику устоять! И джонки, спасаясь от верной гибели, стремглав направились к реке.

Только успели войти в устье, как с обоих берегов послышалась оглушительная барабанная дробь и боевые кличи. Яо увидел, что по южному крутояру, подхлестывая коня, скачет знаток военного дела Тан Ин, а по северному склону с криком «Сдавайся, презренный пес! Посмеешь пикнуть – проткну насквозь!» мчится, размахивая мечом, *юцзи* Ма. Яо понял, что ему не скрыться, и струхнул – он в тупике, как баран перед воротами, ни вперед, ни назад: «Придется постоять в этой речушке! Посмотрю, как они станут действовать, тогда соображу, как быть!» В этот момент раздались взрывы, столь оглушительные, словно со дна речного поднялись бесчисленные боги грома: поверхность воды занялась огнем, и в мгновение ока туземные суденышки сгорели дотла.

Командующий морскими силами Юй снял морское заграждение. И он, и все участники битвы были награждены – каждый по заслугам. И только после этого Саньбао спросил, каким образом из-под воды грянул огонь. И тогда генерал Юй рассказал о своей задумке: оказывается, он загодя приказал полусотне специально обученных моряков установить подводные мины ^[440], а затем по сигналу пушек матросы привели их в действие.

Главкомандующий удивился, отчего сей замечательный план не использовали раньше. Генерал Юй объяснил:

– Прежде нам был неизвестен маршрут джонок, и бессмысленное применение пороха могло только напугать противника, дав ему возможность подготовиться. А так мы заранее определили его сильные позиции и атаковали незащищенные. Как сказано в военном трактате, напали на врага, застав его врасплох.

– А с какой целью вы потребовали послать еще двоих командиров?

– Мы заложили порох в тупике, куда наши командиры должны были загнать неприятеля, преградив ему путь к отступлению.

Военачальники высоко оценили подобное искусство ведения морского боя.

– Сколько джонок привел с собой Яо? – уточнил Саньбао.

Оказалось, что корабли атаковали два десятка джонок, в каждой не менее двадцати пяти моряков. Главкомандующий поразился:

– Неужто все полтыщи пиратов погибли?

– Вовсе нет, – откликнулся Небесный наставник.

– Как такое могло быть, ежели джонки сгорели?

– Да это то самое морское войско, что способно подолгу находиться под водой. С какой стати они будут ждать гибели на горящих лодках!

– А их командир?

- О Рыбьем Глазе тем более не стоит беспокоиться - он унаследовал от предков способность подолгу находиться в воде.

- Как же он смог погрузиться в воду, ежели со дна поднимался огонь?

- Огонь стремится вверх, и пламя разгорается над поверхностью воды, посему, как только лодки загорелись, Яо вполне мог спрыгнуть в глубину.

Не успел договорить, как в ставку прибыли лазутчики с секретным донесением. Они сообщили, что Яо слезно покался владыке в своем поражении, а король спокойно отвечал, что на войне победы и поражения - дело обычное, и он не собирается взыскивать с него за это, однако добавил: «Впредь бей врага со всем усердием, раздели с нами все тяготы войны. Уж мы не поскупимся на вознаграждение». И тогда Яо поделился с королем своим планом: «У меня под началом полтыщи воинов-водолазов, способных семь дней и ночей находиться под водой. Я прикажу каждому из них захватить сверла и залечь под днищами вражеских судов. По сигналу горна они просверлят днища и потопят корабли». Местный владыка возрадовался: «Прекрасно! Прекрасно! Скорей приступай к операции».

- Вот почему Яо не появляется эти дни: сидит в своем шатре из шкур и ведет приготовления к боевой операции, а завершит он их не позже, чем через один-два дня, - так закончили лазутчики свое донесение.

- Значит, эти моряки и вправду не сгорели? - уточнил командующий.

Лазутчики отвечали:

- Эти люди в обычное время занимаются рыболовством, вода для них - родная стихия. Намедни, когда джонки загорелись, они зарылись в ил, а только огонь утих, выбрались на поверхность. Но если эти водолазы - всего лишь мелкие рыбешки-вьюны, то сам Яо - настоящий аллигатор, он умудряется в иле выискивать пищу.

И тут свое слово сказал командующий Ван:

- Осмелюсь предложить отобрать три сотни кузнецов из тех, кои сопровождают флотилию. Я, ничтожный, знаю, как ими распорядиться.

Сказывают, что главнокомандующий тотчас приказал отправить затребованных кузнецов в распоряжение Вана. Вице-адмирал обрисовал прибывшим план действий и объяснил, что к чему. Кузнецы разошлись и всю ночь трудились, не смея ослушаться приказа.

На другой день спозаранку командующий Ван приказать вызвать с каждого корабля по два воина, отвечающих за поимку разбойников^[441], и передать им изготовленные мастерами за ночь металлические изделия. Он предоставил им право отобрать, сколько понадобится, лучших бойцов, пороха и оружия, и начинать действия в соответствии с каждым из троекратных сигналов трубы. На сем распоряжения были

закончены: как говорят, без крючков с наживкой не поймает рыбу, приготовьте самострелы, чтоб вонзить тигру в тело.

В это время предводитель Яо, преисполненный самодовольства, восседал в своем шатре из буйволиной кожи. Он вызвал полтыщи водолазов и повелел им приготовить сверла, загодя спрятаться под днищем китайских кораблей и ждать сигнала рога. Затем выстроил водные и сухопутные войска и приказал погрузить на джонки до тысячи вооруженных короткими мечами моряков, а как только корабли Южной династии пойдут ко дну, рубить плывущих по волнам китайских командиров. На берегу он расположил еще три тысячи воинов, вооруженных мечами, пиками, веревками и тросами, дабы изловить исхитрившихся доплыть до берега. Отдав распоряжения, Яо Осушающий Море облачился в парадную форму, взял в руки трезубец и скомандовал: «Отплывайте!» Военные джонки рванули и со всех сторон облепили китайские суда, а оттуда – ни звука: что называется, ни ворона не каркнет, ни ветерок не пробежит. «Похоже, воины Южной империи потеряли бдительность и не готовились бою, – решил Яо. – Иль Небо мне благоволит?» И тут же крикнул: «Даешь сигнал!» При звуке рога полтыщи водолазов скопом нырнули под днища китайских кораблей. И тут-то на всех судах раздался первый сигнал трубы, и палубы вмиг заполнились воинами, по второму сигналу с кораблей в воду, словно дождевые капли, посыпались искры, а с третьим сигналом вода вокруг судов забурлила потоками алой крови.

Предводитель Яо был полон надежд свершить великий подвиг, но, как говорится, коли не умеешь рисовать тигра – получится собака. Пришлось немедленно дать джонкам команду отступить. Однако вослед им на китайских судах послышалась барабанная дробь, загремели ружейные и пушечные залпы. Яо и его воины в панике бросились на берег и, вскочив на коней, что есть сил помчались прочь. Тут прогремел выстрел сигнальной пушки, и вот уже на быстроногом скакуне по берегу летит Ма Драконоподобный: брови вразлет, кривой саблей «ущербная луна» поигрывает. С криком «Куда бежишь, презренный пес?» он метнул ее в противника, и Яо Рыбий Глаз, не рискуя долее испытывать судьбу, в панике бежал, как крыса в нору. Юцзи Ма приказал не преследовать его, а лучше связать и привести в ставку отряд местных воинов.

Мчится в испуге Яо сломя голову, а навстречу ему по правому берегу в старинном головном уборе, пуховой куртке, подпоясанной кушаком и с пряжкой, украшенной львом, скачет на горячем рысак Ван Лян. С криком «Куда, презренный пес?» он нацелил на противника свою расписную пику, но тот удирал молча, не повернув головы.

В это время измученному и загнанному Яо преградил путь серебристый скакун командира левого авангарда Чжан Цзи – голова тигра, глаза круглые, курчавый да с бакенбардами, в руках – массивный короткий меч с навершием в виде головы леопарда.

– Презренный пес, – загремел он, – здесь найдешь ты свою гибель!

Напуганный до смерти предводитель Яо приподнялся на лошади и, перекувырнувшись, рухнул на землю вниз луковкой. Чжан Цзи приказал связать разбойника, но воины успели лишь выхватить у того трезубец, а человека уже и след простыл: туземцы подхватили своего командира и умчались – только облако песка закружило вдали.

– Ускользнул – не беда! – бросил Чжан Цзи. – Подберите раненых и доставьте к командующему.

А в это время в ставке записывали в книгу свершенные подвиги и выдавали вознаграждение отличившимся военачальникам.

– Нынче, – воскликнул Саньбао, – отмечу как огромную заслугу план командующего Вана. Он проработан со всей тщательностью, в нем проявилось сочетание таланта ученого мужа и блестящего стратега!

– Всё сие просто удачно сложилось, никакой моей особой заслуги нет, – скромничал Ван.

– А всё же – что за устройство выковали кузнецы?

– Называется оно «усмиряющие тигра и укрощающие дракона когти». Это восемь сочленений-когтей длиной в два *цуня*, кои способны сжиматься и распрямляться, хватать и отпускать^[442].

– И где же их установили?

– По моему приказанию их распределили по периметру каждого корабля в количестве семидесяти двух штук – по числу превращений духов и нечисти.

– А что за порох взорвался в воде?

– У этого пороха те же свойства, что у водного фейерверка у нас в Китае: его поджигают на поверхности воды, и он безостановочно вращается^[443].

– А зачем он понадобился?

– Дело в том, что когти когтями, но местные воины затаились под водой – пришлось запустить пороховой фейерверк, что и заставило их обнаружить себя.

– А кабы не сработало?

– Намедни мы уже нагнали страху, спалив их джонки, а, как говорится, пуганая птица и куста боится.

– Как же вам удалось уничтожить противника под водой?

– Я приказал на каждом корабле держать в боевой готовности ударные отряды из двадцати отборных бойцов, каждый с кинжалом на поясе. Когти хватали врагов одного за другим, и, как только те показывались на поверхности, наши бойцы всаживали в них кинжалы.

В этот момент трое участвовавших в бою командиров доставили в ставку захваченных в плен вражеских воинов – все три тысячи до единого были налицо.

– Вот что значит «выловить вчистую одним забросом сети»! – радовался Саньбао.

– Даже если упустили нескольких недомерков^[444], неужто пощадим ускользнувшую из сети рыбу? – вмешался господин Ван.

– Это, пожалуй, слишком жестоко!

– А как быть с тем, что князь Явы в прошлом без всяких на то оснований уничтожил нашего посланника, да еще сто семьдесят человек его свиты? Это похуже дикости необъезженного коня, это ли не заносчивость и неуважение к Китаю! Ежели нынче мы с вами не продемонстрируем нашу мощь, то замараем доброе имя императорского двора и тем побудим чужеземцев зариться на наши владения. Нижайше прошу главнокомандующего хорошенько обдумать сказанное!

Саньбао приказал немедленно вывести пленных за ворота и казнить.

Тем временем Яо доложил владыке о поражении, гибели войска и о том, что собственными силами им не одолеть флотилию.

Яо предложил отправиться за подкреплением в соседние государства – неважно куда, хоть на Бони^[445], хоть на Тимор, хоть в Сукадану или Палембанг.

– Но это всё малые страны, – засомневался правитель. – Из них Палембанг, пожалуй, более всех подходит. Беда в том, что мы никогда не выказывали им никакой милости – боюсь, сейчас они не захотят нам посодействовать.

– Я растолкую, как легко им разделить нашу участь; как говорится, отрежут губы – замерзнут зубы.

С тем король и отправил его в путь-дорогу.

Отважный Яо, не мешкая, вскочил на коня – с ним лишь его язык острый да длинный, кого хочешь заговорит, да и острый трезубец языку под стать. Безостановочно мчался он днем и ночью, наскоро утолял голод и жажду, преодолевал горы и пересекал реки, спал, закутавшись в свет луны и звезд. Так скакал он более трех суток, пока не добрался до подножья горы, где увидел каменную стелу с надписью «Первая застава Горы двух волков»^[446].

Яо встревожился: «Ох, места гористые, глухие. Коли недобрый человек встретится, еще полбеды, а ежели какая нечисть выскочит, плохо придется». Только успел подумать, как из горного ущелья донеслась дробь местных барабанов, обтянутых крокодиловой кожей, показались два расшитых шелком знамени, и дорогу преградил горный разбойник верхом на коне, да еще затребовал доложить, кто таков, какого роду-племени. Яо про себя разозлился: «Преисполненный праведного гнева, я отправился искать воинское подкрепление, а тут какая-то деревенщина, даосский служка, неспособный постичь великой цели, смеет преграждать мне дорогу! Делать нечего, придется его схватить да проучить трезубцем, пусть побряхтит!» Приглядевшись, он разглядел, что всадник – женщина, и заорал:

– Убить тебя мало, баба дрянная! Ты кто такая, чтобы встать на моем пути?

А в ответ услышал:

– Я головой небо подпираю, ногами землю попираю! Второй такой не сыщешь, я – лучшая атаманша горных разбойников сего укрепленного пункта. Ты-то откуда взялся? Плати откуп за дорогу, тогда и пропущу.

Яо, как положено, представился, но атаманша заявила:

– Что с того, что ты военачальник с Явы и ищешь подмогу, дабы покарать неприятеля! Да будь ты хоть владыка Явы, всё одно – гони три тыщи *лян* золотом.

– Ты это всерьез? – восторженно воскликнул Яо.

А атаманша в ответ:

– А ты как думал? Чем живешь, с того и жуешь.

– Ну ежели так, то мой трезубец скорехонько научит тебя уму-разуму! – рявкнул Яо и занес оружие над головой разбойницы.

Атаманша призадумалась: «Ладно еще я, девица, нынче команду шайкой головорезов, а что ждет меня в будущем?! Господин сей выглядит внушительно, держится с достоинством, взор ясный. Кабы заполучить такого молодца, сплелись бы, как два дерева ветвями, связали бы наши сердца, что узел на пояске, – то-то славно! Однако, хоть он и назвался военачальником, надо допрежь всего испытать его ратное умение, тогда и решу». И дева громко крикнула:

– Ты бахвалишься своим трезубцем – а не желаешь ли испытать моих парных летающих ножей?

Она выхватила оружие, и началась битва в горном ущелье – трезубец отражает ножи, ножи отбивают трезубец. Яо был поражен ее мастерством: «С виду танцорка, а ножи летают, как метеоры». Не об этом ли сложены стихи?^[447]

Так в оны дни разбойница красу явила

И танцами с мечом всех поразила.

Там толпы зрителей бледны от изумленья,

Земля и небо – всё пришло в движенье.

Девица меж тем удостоверилась, что противник – воин выдающийся, трезубцем владеет отменно: «Наверняка известный военачальник стран Западного океана». Но всё же решила подвергнуть его испытанию потрудней. Она взмахнула ножами и резко развернула коня. Яо помчался следом с криком: «Куда, подлая разбойница?» Оба всадника стремительно летели по узкой тропе. Девица обернулась и, удостоверившись, что Яо нагоняет, пробормотала какие-то заклинания, указала пальцем на небо – небо нахмурилось, указала на землю – всё вокруг потемнело, солнечный свет померк. Яо ничего не различал на расстоянии вытянутой руки, не мог определить, где юг, где север. Пришлось остановить коня, опустить трезубец и выжидать. А дева всё видела ясно и, подъехав к воину, резким движением сдернула того с коня, а затем столь же сильным рывком закинула на своего скакуна. Яо

безвольно подчинился, а его одинокий конь повернул назад. Поистине: ловкостью рук воина в латах поймал, умный коняга без седока ускакал.

Вернувшись к стоянке в ущелье, атаманша сбросила Яо на землю у высокого шатра из бычьей кожи. Сбежалась вся шайка; они крепко-накрепко связали пленника и потащили к шатру, но дева скорехонько самолично развязала путы, пригласила Яо в шатер и стала почтительно кланяться, приговаривая: «Ах, что я наделала, не отличила добра от зла, проявила непочтительность к столь важной особе, прошу простить». Что же, с древности говорится: нельзя не ответить любезностью на любезность. А еще сказано: под низкой стрехой проходить – приходится шею склонить. Дева попросила Яо рассказать о себе, и он признался, куда и зачем направляется, а затем и сам дерзнул спросить, как ее звать-величать и чем она тут занимается. Та поведала:

– Происхожу я из рода Ван, к несчастью, родители рано умерли. С детских лет увлеклась ратным делом. Долго скиталась по военным гарнизонам, встретила удивительных людей, они и передали мне тайны белой магии – чудеса превращений, проникновения в загробный мир. Нет таких секретов, коими я бы не овладела, за что меня прозвали Ван-чудотворица.

Яо подивился, как при таких талантах она дала себя вовлечь в компанию низких людей. Дева отвечала:

– Я обычная женщина, вовсе не собираюсь всю жизнь заниматься разбоем. Рассчитываю встретить достойного мужа – выдающегося человека, образованного и прекрасно владеющего воинским искусством. Генерал, вы именно таков, и я, скромная женщина, возлагаю на вас большие надежды. Ежели не погнушаетесь мной, не сочтете уродиной, я готова разделить с вами ложе и вкусить супружеские радости.

Яо поначалу отнекивался:

– Государство в опасности, нет времени поесть-поспать. Какое право я имею задерживаться и заводить шашни?

Ван-чудотворица принялась его убеждать, что ежели они поженятся, то вся ответственность за спасение государства ляжет на нее.

– Как так? – недоумевал Яо.

– Так ведь коли я стану супругой, значит, меня касаются и дела вашего государства, и поиск военной помощи. Господин, вы меня недооцениваете, считаете просто разбойницей с большой дороги! Вы отправились за подмогой к соседям, так ведь сие вовсе не означает, что они готовы прислать к вам военачальника, а коли и согласятся, то, вполне возможно, он не обладает воинской доблестью, равной моей. Подумайте хорошенько!

Яо собственными глазами убедился в магическом искусстве девы, так что, послушав ее героические речи, решил: «Такая воительница и вправду может заставить армию Южной династии отступить. Пожалуй,

это лучше, чем обращаться к другой стране, неизвестно еще, как всё обернется. Надобно использовать замысел противника к своей выгоде». Вслух он молвил:

– Коли дева полюбила меня, недостойного, осмелюсь ли я перечить?

Дева приказала разбойникам забить коров и коней и приготовить пирушку. Но помыслы Яо были заняты спасением своей страны – откуда взяться похотливым желанием! Он торопился вернуться. Тогда Ван-чудотворица приказала поджечь свой прекрасный шатер, после чего раздала сотоварищам всё накопленное промыслом на горной дороге, а затем – жена вслед за мужем – вскочила на коня, и оба помчались обратно к Яве.

Сказывают, что после отъезда военачальника король Явы жил в постоянной тревоге. Что ни день, он с надеждой обращал взор на дворцовые ворота. И когда Яо, наконец, вернулся, да еще с новоиспеченной супругой-воительницей, радости короля не было границ.

Девица Ван расписала правителю свои воинские и магические таланты и пообещала: «Что до воинов Южной династии, да я с ними одной рукой справлюсь, это не тяжелее, чем поднять горчичное зернышко». И вот уже супруги вместе с отрядом помчались в Сурабаю, выкрикивая на ходу: «Где тут военачальники Южной династии? Выходите на поле брани!»

Адмирал Саньбао бросил клич: «Кто осмелится вступить в бой и поймать чужестранку?» Не успел договорить – перед шатром появился командир: голова вытянута – он словно божественный буддийский полководец Кумбхира, глаза, как у спутника богини-покровительницы Мацзу, «видят на тысячу ли», а татуировка – как у какого-нибудь даоса^[448]. Он восседал на белоснежном скакуне, в руках алебарда с расписным древком – это был Чжэн Тан, командир личной охраны из ставки командующего. Смело поскакал он на поле боя, видит – в стане противника развевается расшитый разноцветными шелковыми нитями флаг, а навстречу выезжает дева-воительница. Она представилась супругой военачальника государства Ява и стала разглядывать неприятеля:

Парень холостой так и рвется в бой,

Словно предок речной, он покрыт сединой.

Узорчатый пояс украсил черного шелка халат,

Точно осьмнадцать князей о богатстве кричат^[449].

Трижды сходились противники. Чжэн Тан бился своей расписной двузубой алебардой **(Ил. 34)** с огромным воодушевлением. Воительница Ван, видя, что ей не сладить, пустила в ход заклинания и заговоры, и тотчас над ее головой поднялся черный дым, а в нем – Небесный дух в золотой броне, с палицей в руках, укрощающей демонов. Небожитель свирепо ударил Чжэна по голове – и тот рухнул с

коня. Тут же отовсюду повыскакивали чужеземные воины с крюками, веревками и канатами, схватили и связали китайского командира.

Сказывают, что после того как Чжэн покинул ставку, Саньбао предрек: «У Чжэн Тана храбрости в избытке, а смекалки недостаточно. Его действия не приведут к успеху». Вице-адмирал Ван предложил принять меры предосторожности и послать на случай непредвиденных обстоятельств еще одного командира. Главнокомандующий тут же отдал приказ доставить в штаб гвардейца по имени Те Лэн из охраны главной ставки. И вот он предстал перед адмиралом – нос орлиный крючком, усы, как стальные прутья, торчком, движется стремительно, что метеор, держится прямо, как журавль, восседает на сивой каурке, в руках – металлическая четырехгранная палица на рукояти с гардой^[450].

Те Лэн отважно вступил в бой, но дева применила испытанный прием, и его постигла та же участь, что и Чжэна.

Местные воины ввели связанных пленников в королевские палаты, однако военачальники Южной династии не опустили на колени, чем вызвали гнев государя. Пленники твердили свое:

– Верховная держава – отец и предок, нижестоящая – сын и внук. Станет ли военачальник верховной державы преклонять колена перед правителем нижестоящего государства!

– Нынче ваша жизнь в моих руках, а вы смеее проявлять непочтительность! – возмутился король.

– Благородный муж расценивает смерть как возвращение к истокам, – не поддавались командиры. – Желаете казнить – казните, нам ли убояться?

Король взъярился, приказал казнить пленных и выставить головы на всеобщее обозрение. Стражники, не мешкая, вытолкали их за ворота, и уже слышались команды «Мечи наизготове!», «Рубить головы!». Но воительница Ван решительно упредила:

– Ничтожная просит владыку подождать! Не велико дело казнить этих двоих. Вот поймаю даосского и буддийского монахов – казним всех купно, сие сочтется полной победой.

Поскольку Ван-чудотворице принадлежала честь поимки командиров Южной династии, король снизошел до ее просьбы, умерил гнев, повелел отложить обезглавливание и отвести пленников в тюрьму.

Меж тем стемнело. Ван-чудотворица, упиваясь почетом, завоеванным победой, вместе с супругом так и рвалась в бой. Лишь только восток заалел, она во главе отряда местных воинов поскакала к китайскому лагерю. Саньбао издал боевой приказ: поймать воительницу и смыть позор. На сей раз откликнулся черноликий Чжан Бо, владелец булавы с клыкастыми шипами, коего так и называли – Волчий Клык. Злость и гнев обуяли Чжана на поле брани. Обеими руками поднял он свою тяжеленную, в восемьдесят четыре цзиня, булаву, нацелившись разmozжить деве череп. Но та, ловко орудуя

парными мечами, отразила удар. Чжан был грозный и сильный воин, да и оружие у него было мощное, трудно женщине сражаться против такого противника, даже до второй схватки не дошло. Воительница взмокла и обмякла, как пончик в масле. Почувствовав, что на сей раз ей не выиграть бой, она только охала и стонала. Чжан быстро сообразил, как действовать, размахнулся и (дева пикнуть не успела!) ударил ее палицей с шипами точнехонько по черепу – да будь ты хоть дух святой, и то не выстоишь! Удар был такой силы, что у девы зубы раскрошились и серое вещество из головы брызнуло.

Чжан Бо отрезал голову убиенной, поскакал в ставку и поднес трофеей главнокомандующему. Саньбао вельми обрадовался и повелел вписать подвиг Чжана в книгу записи воинских доблестей, а голову предъявить военачальникам. На радостях устроили пир, и командующий подал Чжану первую победную чарку. Не успел тот поднести ее ко рту, как ординарец доложил, что убиенная явилась вновь и желает состязаться с Черным разбойником. От этих слов Чжан пришел в ярость и громовым голосом заорал:

– Убирайся! Мертвецы не оживают! Способны ли духи вызывать на бой! Сии вздорные домыслы – не что иное, как злостное подстрекательство. Прошу командующего выставить голову казненной на шесте для успокоения наших воинов.

Саньбао изрек:

– За подрыв морального духа армии по военным законам полагается смертная казнь.

Едва он произнес слово «казнь», как охранники с мечами накинулись на ординарца, аки стервятники на ласточку или тигры на ягненка. Ординарец завопил:

– Несправедливость! Командующий, пощадите! Мы относимся к военной разведке, наша обязанность – доставлять сообщения о состоянии армии и выискивать смутьянов. Коли есть важное сообщение, не осмелимся умолчать, а без дела не станем зря болтать. Несомненно, это та самая дева. Она назвалась, да и по облику точь-в-точь как прежняя. Нешто я бы осмелился не доложить!

Господин Ван попросил командующего проявить великодушие:

– В этом деле не всё ясно. Как знать, возможно, в сей стране не одна дева-воительница – либо старшая или младшая сестра убитой пришла отомстить!

Чжан схватил свою булаву «волчий клык», вскочил на вороного и поскакал на поле брани.

Противники снова вступили в ожесточенную схватку, во время которой дева использовала чудесные превращения, но китайский воин не отступал.

В какой-то момент Ван, выкрикнув «сейчас или никогда», прокусила язык и плюнула кровавой слюной в сторону запада. В тот же миг небо заволокли черные тучи и задул сильный ветер. В этом вихре к Чжану со

всех сторон устремились злобные дикие твари – синие львы с густой шерстью и клыкастые белые слоны^[451], леопарды и драконы, шакалы и волки, собаки и свиньи, лисицы и барсы, а еще налетели слепни и москиты, поползли ядовитые гады. Чжан опешил:

– Человеку против зверья не устоять! Может, они тоже нечистая сила? Я никогда особо в оборотней не верил, неужто сейчас их убоюсь!

Командир призвал на помощь всю свою отвагу и очертя голову ринулся в битву – с ним его вороной конь и шипастая булава. Он колет-режет, бьет-тычет, стегает-хлещет во все стороны, не разбирая, кто где. Чжан бился, будто дьявол во плоти, да только бойцы его отряда были столь сильно напуганы, что проявляли крайнюю осторожность и не торопились расстаться с жизнью. Они рассуждали примерно так: «Ох, не повезло с командиром! Он на вороном коне, чего ему бояться, а у меня такого скакуна нет, мне-то пошто лезть в пекло?» Или так: «Да, не повезло с командиром! У него, небось, булава с шипами, вот и храбрится, а у меня такой нет, с какой стати мне ввязываться в драку?» Один твердит: «Не полезу в драку!» Другой ему: «Коли не вмешаешься, в лучшем случае отрежут ухо, в худшем – получишь сорок ударов плетью. Не боязно?» Кто-то отважился: «Пойду в бой!», а ему: «Пойдешь, а там дикое зверье, ядовитые гады – не убоишься?» Третий рубит с плеча: «Пусть уж дикий зверь меня сожрет, всё одним махом и решится». А со стороны шепчут: «Хорошо, ежели один нападет, а коли несколько? Тут в момент всё не закончится». Так они судили-рядили, но выхода не было, пришлось следовать за командиром и биться, что есть мочи.

Чжан Волчий Клык сражался отчаянно, но в какой-то момент раздался оглушительный рык, словно раскат грома. Небо вмиг очистилось, и стали видны плавающие в воздухе тысячи фигурок бумажных воинов на бумажных конях. А куда же подевались дикие звери и ползучие гады? Оказалось, это всё оборотни, рожденные магией, – они живут лишь краткий миг.

Тогда дева стала насылать на Чжана со всех сторон своих двойников.

Чжан растерялся: «У нас в Нанкине обычно на свет появляется один ребенок. Коли сразу двое – это близнецы, а ежели тройня – вези обследовать в округ или уезд. А здесь это, видать, дело обычное».

И тут он сообразил, что девы – новые миражи, созданные воительницей Ван. Грозный и воинственный, обуреваемый жаждой мести, Чжан был готов сражаться сразу со всеми девами-оборотнями.

Великая битва длилась долго, но в какой-то момент снова раздался устрашающий рык – и земля оказалась усыпана вырезанными из бумаги фигурками. Меж тем подлинная Ван, будто не торопясь, скакала к своей ставке. Чжан тихонько подкрался сзади и, размахнувшись изо всех сил, ударил ее палицей по затылку. На сей раз деве не удалось улизнуть, и она стала медленно сползать с седла.

Чжан отсек врагине голову и доставил в ставку. Однако Государев советник сразу догадался, что голова ненастоящая.

Он попросил своего ученика Юньгу принести в заветной патре той самой «воды без корня», а как тот принес – зачерпнул длинным ногтем, капнул на голову убиенной – а перед ним чурка, вырезанная из древесины тополя. Военачальники и все присутствовавшие от ужаса слова не могли вымолвить. Потрясенный тысяцкий Чжан воскликнул:

– Никогда прежде не веровал в нечистую силу, а вот нынче пришлось столкнуться. Как же так? Ведь я без сомнения отрубил ей голову и ясно видел, как кровь хлынула на землю и даже забрызгала мою одежду!

Командующий Ван приказал Чжану показать эти пятна; пригляделись – да это вонючая тина из сточной канавы! Флотоводец был потрясен прозорливостью Государева советника, а почтеннейший спокойно произнес:

– Амитофо, всё это я предугадал!

Послушник Юньгу с гордостью заявил, что наставник обладает мощным даром провидения:

– У каждого из трех учений особые виды гаданий. К примеру, в даосизме разные пути предсказания судьбы: гадания на монетах по символам *инь – ян* в гексаграммах Ицзина^[452] или по «палиндромам на парче»^[453], а то и по пальцам – сколько их выставлено на спрятанной в широких рукавах руке, такая триграмма Ицзина и вытаскивается. Подобные приемы позволяют по соотношению сил *инь – ян* предугадать грядущие радости и беды. В конфуцианстве, дабы прозреть прошлое и предсказать будущее, используется «гадание перед конем» **(Ил. 19)**^[454], обращение к системе «небесных стволов и земных ветвей»^[455], гадание по выбранному предмету. А в буддизме существует всевидящее око, зрящее не токмо нас с вами, а всю Поднебесную и даже все девять областей на всей земле, да что там девять областей – три тысячи больших миров^[456]! Что для наставника такая мелочь, как здешняя воительница!

После нескольких дней перемирия дева вновь примчалась к позициям китайского войска. На сей раз вызов принял Небесный наставник.

Командующий обрадовался и приказал отобрать отряд лучших воинов, дабы они, аки крылья с двух сторон, защищали даоса. И тот поскакал на поле боя – ошую и одесную реют стяги, с одного боку – две дюжины храмовых мальчиков-танцоров дуют в рог и бьют в барабаны, с другого – две дюжины монахов с талисманами и мечами, готовые в любой момент принести себя в жертву, посредине – черный бунчук, в руках у даоса семизвездный меч. При виде противника дева выкликнула:

– Я – супруга военачальника государства Ява. Все эти дни ваши командиры – здоровенные детины – и то проиграли мне бои. Каким

таким высоким воинским искусством владеешь ты, остроголовый даос, что осмелился выйти на позиции? – И язвительно продолжала: – Так у тебя и меч имеется! А у меня найдется для тебя парочка летающих ножей! Ты, кажись, добрый молодец – здоров и тачку толкать, и на коне гарцевать!

С этими словами она сжала лошадь шенкелями и скрестила ножи. Схлестнулись кони, меч и ножи. Небесный наставник понимал, что ратные подвиги – не его сильная сторона, и решил использовать магические талисманы. Продолжая бой, он максимально сосредоточил свою духовную энергию и подбросил вверх чудодейственную головную повязку с девятью драконами. Испокон веку это величайшая драгоценность в даосизме. Ежели она тебя накроет, то будь ты хоть святым, хоть небесным полководцем, всё одно не ускользнешь. Что уж говорить об обычных людях? Они – как рыба, не выскользнут из сети. Ван-чудотворица угодила в ловушку и вместе с конем рухнула на землю. Небесный наставник приказал связать воительницу и доставить в ставку.

И вот звучит барабанная дробь, и вооруженные до зубов охранники вводят пленницу. Командующие в один голос заявили, что ей даже смертью не искупить совершенных злодеяний: «Вывести за ворота лагеря и немедленно обезглавить. Исполняйте!» Начальство приказало обезглавить – вокруг тысячеголосая радость. Взгляните: словно сказочная птица Пэн спустилась с небес, будто свирепые белые тигры набросились на добычу – такой стоит крик и гвалт! Деве отрубили голову, кровь оросила всё вокруг.

В тот же момент в ставку, еле переводя дух, влетел ординарец и доложил, что, согласно приказу, он нес голову Ван-чудотворицы, но не успел отойти от ворот и на несколько десятков шагов, как столкнулся с той же девой – она мчалась на коне с пикой в руке и снова вызывала на бой. Беда: и эта голова оказалась ненастоящей!

Государев советник убеждал, что поймать деву не сможет никто, кроме Небесного наставника, и пообещал вручить тому талисман:

– Вам не понадобятся ни отряд воинов, ни знамена, ни таблички для заклинаний. Вы с легкостью захватите воительницу в плен.

И со словами «сим вручаю» он неторопливо достал из левого рукава монашеской рясы четки и отобрал необходимые по буддийским канонам сто восемь зерен^[457], хотя изначально подаренные морским драконом, они насчитывали более трехсот шестидесяти зерен.

Небесный наставник принял подношение, но про себя удивился: «Этот монах какой-то странный, обещал талисман, а дает какие-то четки. Может, чтобы медитировать с этой ведьмой?» Пришлось спросить напрямую:

– Эти четки столь длинные и крупные – как ими ловить ведьму?

Почтеннейший улыбнулся:

– Ну вы и глупец! Отправляйтесь в бой и ни о чем не беспокойтесь.

Едва рассвело – Ван-чудотворица тут как тут. Когда даос проезжал мимо ставки, Бифэн окликнул его и спросил, куда тот повесил четки. Услыхав, что на левую руку, Государев советник воскликнул:

– Да ведь так вы не сможете ими воспользоваться, а коли погибнете – сим опечалите потомков.

И велел даосу перевесить четки на шею. Тот так и поступил и совсем было тронулся в путь, когда Бифэн настойчиво окликнул его:

– Как увидите чудотворицу, подбросьте талисман в воздух, но не произносите при этом ни слова, а сразу хватайте воительницу.

Небесный наставник поскакал на поле боя. Стоило деве увидеть, что он едет один, в ее сердце тотчас закрались сомнения и опасения – не иначе как у даоса припасен талисман. И она крикнула:

– Эй, даос – коровий нос, зачем на сей раз пожаловал? Смерти своей ищешь?

– На сей раз я точно поймаю твое истинное тело, клянусь, не вернусь, коли пощажу тебя! – ответил Небесный наставник.

Эти слова подкрепили подозрения воительницы: «Кабы у него не было талисмана, он бы не хвастался. Как говорится, упредишь удар – одержишь верх, опоздаешь – потерпишь неудачу». Сделав ложный выпад летающими ножами, дева развернула коня и помчалась прочь. Только тут Небесный наставник вспомнил, что Бифэн строго-настрого наказал ему ни о чем с врагинею не разговаривать: «Видно, я ее напугал, придется догонять». А дева, убедившись, что хитрость удалась, пошептала заклятия, ткнула пальцем в землю, и глядь – в этом месте растекся широкий горный ручей, и ее конь с легкостью его перепрыгнул. Даос вскипел: «Презренная девица! Считаешь, что только твой конь стоящий, а мой что-то вроде осла?!» Он подхлестнул скакуна, надеясь, как в свое время император Тайцзун, трижды перепрыгнуть ручей^[458]. Однако конь уперся, как баран в изгородь, – ни тпру, ни ну, а затем и вообще вместе с седоком рухнул в ручей. Дно покрывала густая жижа, и коняга полностью в ней увяз: выдернет передние копыта – увязнут задние, вытащит задние – провалятся передние. Небесный наставник струхнул: «Ладно бы конь влип, так ведь коли чертовка пустит стрелу, и за мою жизнь нельзя поручиться». В сей миг он услышал всплеск, и поток начал стремительно выходить из берегов. Вода словно слилась с небом, превратившись в безбрежный океан. Небесный наставник здорово перепугался: «Верно говорят, счастье не ходит парой, а беда не приходит одна. Мало мне было бы погибнуть в ручье, так теперь утону в море. Видно, нынче и вправду море хохочет!^[459]» Он огляделся – простор взглядом не окинешь, да вода неглубокая, слева виднеется прибрежная насыпь. Наставник спешил и потащил коня к берегу, сетуя: «Не иначе как буддийский монах меня сгубил! Были бы сейчас при мне таблички для заклинаний и наговорная вода, призвал бы небесных полководцев, и они вызволили бы из беды!» А еще через пару шагов снова жалобился: «Наверняка это происки буддиста!

Был бы со мной Соломенный дракон, взмыл ввысь – и никаких хлопот!» Так он плелся, бормоча упреки, пока не увидал вдалеке гору. Он решил добраться до нее и там укрыться.

Вблизи гора оказалась отвесной и гладкой, как стальной клинок, нечего было и мечтать подняться по ней. Небесный наставник остановился и тут разглядел на вершине фигуру дровосека: в одной руке тот держал острый шест-коромысло, на коем носили вязанки хвороста, в другой – серп.

Было слышно, как дровосек напевает какую-то незатейливую песенку:

Ловкачу за хитрость достается, упрекают увальня за лень.

Богача вседневно точит зависть, а бедняк унижен, что ни день.

Небесный наставник решил, что это ушедший от суетного мира праведник: «Сколь глубок житейский смысл его песенки! Надеюсь, мне не суждено умереть, коли во спасение послан святой». И что есть мочи заорал:

– Господин на горе, спаси человека!

Но тот будто не слышал и, продолжая работать, напевал. Небесный наставник понял, что, ежели упустит случай, вряд ли кто иной придет на выручку, и снова крикнул:

– Господин на горе, спаси человека!

Услышав крики, дровосек опустил коромысло, положил на землю серп, нагнулся, всматриваясь, и отозвался:

– Человек у воды, ты кто будешь?

– Я есмь Небесный наставник Чжан, получивший от императора Великой Мин звание праведника, – представился Небесный наставник.

– Ты тот, кто отправился в Западный океан за драгоценной печатью?

– Не смею возражать, так оно и есть. А позвольте спросить, уважаемый, отчего это нынче море разлилось прямо до небес?

– Небесный наставник, нешто вам неведомо? Нынче день, когда море хохочет!

– Ладно кабы оно смеялось, но я не могу понять, куда подевались наши корабли?

– Экой вы, господин, непонятливый! Думаете, коли море хохочет, это забава?! Нынче такое моретрясение, что под водой скрылись земли Явы со всеми жителями, что уж толковать о ваших кораблях!

От этих вестей даос и опечалился, и обрадовался. Почему опечалился? Да потому, что гора крутая, на ней не спастись. А почему обрадовался? Да потому, что будь он на корабле, его давно бы рыбы да черепахи обгладывали. И Небесный наставник снова во всю глотку завопил:

– Подними меня на гору, и милость твоя многожды воздастся!

Дровосек в ответ:

- Гора высокая, не менее сорока *чжан*, да еще крутая, тропинок нет
- как я тебя втащу?

Небесный наставник пригляделся и спрашивает:

- Господин хороший, а что это у тебя за шест такой?

- Я ношу на нем собранные лианы, - с готовностью пояснил дровосек.

- Так сплети эти лианы и втащи меня на гору, - обрадовался даос. - А уж я, как поднимусь, не забуду тебя отблагодарить.

У дровосека были свои соображения. Он надергал лиан, аккуратно сплел и стал спускать вервие под гору. Опустил почти на сорок *чжан*, самой малости - где-то полутора *чи* - не хватило. Даос попросил еще чуток свесить вниз, но дровосек воспротивился:

- Ты, даос, вовсе не разбираешься в мирских делах. Небольшой кусок длиной где-то в один *чи* закручен у меня в руках, чтобы крепче тебя держать, стоит ослабить хватку - сам коснусь пустоты. Я-то ладно, но ведь и твоей жизнью рискую.

- Поторопись спасти жизнь человека вместо того, чтобы попусту разглагольствовать! - заявил Небесный наставник.

Дровосек присмотрелся и спросил:

- Слушай, а что у тебя там на поясе?

- Желтый шелковый кушак, - ответил Чжан.

- Ты привяжи его длинные концы к вервию - и себякрепишь, и длины хватит.

- Разумно! Разумно! - одобрил даос. Он так и сделал: крепко-накрепко привязался кушаком к вервию, закрепив концы мертвым узлом.

- Привязал? - долетел до него голос дровосека.

- Готово! - откликнулся монах.

- Сейчас начну тянуть, закрой глаза и не бойся, - предупредил дровосек.

- Моя жизнь столь важна, что мне нечего бояться. Надеюсь, ты быстренько меня поднимешь, и ладно, - пыжился наставник.

Дровосек стал изо всех сил подтягивать вервие - вот и половина пути пройдена. Но тут он почувствовал, что мышцы ослабли, и он более не в силах двинуть руками, а Небесный наставник повис над пропастью - ни туда, ни сюда.

- Господин хороший, будьте милостивы, подтяните еще немного, - взмолился даос.

Но дровосек стал отнекиваться:

- Я проголодался, сил больше нет.

- Ну поднатужтесь чуток, а то зря пропадут заслуги моего *радетеля*, - взмолился монах.

- Тьфу! - в сердцах сплюнул дровосек. - Человек рожден Небом и Землей, у него бывает трое отцов - не считая родного, - еще и отчим, живущий вместе с пасынком, или отчим, проживающий отдельно.

Бывает и восемь матушек^[460]. Но мы-то с тобой случайно встретились, а ты уже называешь меня *родителем*! Счастье еще, что я не втянул тебя на гору! Не то примчался бы ко мне домой, навязался жене, назвав ее мачехой, и вот тебе пожалуйста – я родитель, она мачеха, а там бы еще невесть чего потребовал.

Небесный наставник подумал: «Верно сказано: дракон в луже и с креветкой не сдюжит, а тигра в долине и пес осилит^[461]. Этот мужлан слова искажает, болтает что ни попадя, лишь бы от меня отделаться». Даосу ничего не оставалось, как примирительно произнести:

– Господин, вы ослышались! Я имел ввиду, что вы мой радетель, а не родитель.

Тут дровосек повторил:

– Как говорится в пословице, лучше невыгодно продать, чем голодать. Пойду домой подзаправлюсь, а потом уж буду тебя на гору тянуть. – И ушел, не оглянувшись.

Смеркалось. Несчастливого даоса то принимались жалить невесть откуда взявшие рои пчел, то вдруг вервие стали перегрызать какие-то крысы, а внизу в водной шири резвились драконы. Небесный наставник в ужасе закрыл глаза.

А когда решился их открыть, видит – все окружавшие его кошмары не более чем миражи, наваянные Ван-чудотворицей. Нет ни горы, ни моря, ни лиан, есть только желтый шелковый кушак, на коем он висит на невысокой акации. Небесный наставник и рассердился, и развеселился: «Что за вздор! Ладно бы меня касалось, но ведь и моего коня тоже, я ясно видел, что он утонул». Протер глаза – а его черногривый преспokoйно щиплет травку на склоне. Даос поспешно отвязал кушак, вскочил на коня и помчался на корабль. Скачет – и вдруг видит: какой-то всадник преградил ему дорогу; оказалось, снова она – Ван-чудотворица.

Дева повторила свой магический прием, и Небесный наставник снова вместе с лошадью глубоко увяз в липкой тине на дне ручья.

На сей раз дева в ярости успела содрать с него волшебную головную повязку, а затем и белую накидку на пуховой подкладке. В брызнувшем с неба серебристом лучике луны Ван-чудотворица увидела, что на шее даоса переливаются мириады искр, словно некое благовещее свечение. Она испугалась: «Так вот почему даос проявляет такое упорство! И всё же странно, что, имея при себе подобное сокровище, он не пытается мне противостоять. Сие вельми подозрительно, придется отобрать талисман». Недолго думая, доблестная Ван пригнула шею монаха, крепко ухватила за нее и стала тянуть нить на себя. И тут она разглядела, что это жемчужные четки, а в них сто восемь жемчужин. Схватила и залюбовалась – от жемчужин исходило нежное свечение, любо-дорого смотреть! Дева смекнула, что у нее в руках необычный талисман: «Вот повешу его на себя – и навсегда стану непобедимой!» Она решила подвесить четки

так же, как даос – на шею. Кто же знал, что четки сии волшебные? Раздался какой-то скрежет, каждая бусинка выросла величиной с черпак, и вот уже они стали огромными и придавили Ван к земле с такой силой, что у нее изо рта, носа и ушей хлынула кровь. Дева возопила:

– Небесный наставник, спаси!

Сказывают, что, услышав ее жалобные стенания, Небесный наставник глянул окрест – ни потока, ни вязкой тины, а сам он снова на склоне горы. Смотрит на поверженную деву и эдак с издевкой вслух рассуждает:

– Более всего я жажду убить тебя, но нельзя, мертвые не свидетельствуют. А еще мечтаю связать, да нет веревки! Хотелось бы поскорей доложить в ставку, да боюсь, уйду – а ты опять выкрутишься и исчезнешь!

Тем временем Государев советник ощутил дуновение пассата – ветра вестей – и понял, что Небесный наставник и на сей раз сам навлек на себя беду. Он вызвал добрых духов, охраняющих дхармы, растолковал им, что воительница государства Ява лежит поверженная на склоне горы, скованная его талисманом. И приказал немедленно отправиться туда и крепко-накрепко удерживать истинное нетленное тело девы, не повреждая его, но и не позволяя ей менять облик. Духи бросились исполнять приказ, а Бифэн задумался. Он понимал, что буддийские божества способны схватить деву, но не в их силах доставить в ставку ни ее, ни Небесного наставника.

Тогда он обратился к командующим с просьбой выслать на подмогу даосу отряд бойцов. По его приказу сотня гвардейцев из числа телохранителей мигом помчалась к склону горы.

Гвардейцы связали деву и привели в ставку. Государев советник первым делом снял с нее четки и пересчитал – все сто восемь зерен оказались на месте. Тогда он обратился к даосу:

– Как случилось, что нынче на вас обрушилось столько невзгод? Неужто талисман не сработал?!

Небесный наставник с трудом выдавил «Премного благодарен за заботу, но что поделать, моя ошибка!» и подробно поведал о своих приключениях. Разъяренный командующий приказал немедленно казнить воительницу, но та принялась жалобно рыдать и молить:

– Недаром издавна сказано: проявляя снисходительность, иди до конца.

Ее причитания пробудили извечное милосердие буддиста, и он обратился к командующим:

– Помилуйте деву хотя бы из уважения ко мне!

Адмирал повелел палачу отпустить пленницу. Государев советник подозревал Ван-чудотворицу и принялся в который раз втолковывать ей цели, ради которых послана флотилия. Он убеждал:

- Наш командующий вовсе не собирается захватывать ваши города и уничтожать население.

Дева кланялась, благодарила адмирала за столь нежданную милость, а Государева советника – за доброту, и наконец пообещала убедить короля выдать грамоту о капитуляции и пропуск для прохода через заставу:

- Впредь не осмелимся проявлять строптивость и непочтительность, не станем оказывать сопротивления и навлекать позор на свою голову.

Государев советник предупредил:

- Буде отступишься от данных ноне обещаний, пеняй на себя – поймаем, разорвем на кусочки, состругаем мясо с костей и сожжем.

Командующий приказал вернуть воительнице ее оседланного коня в парадных доспехах и налить кубок вина на дорогу – с тем и отпустили. Ван-чудотворица умчалась – будто феникс, выпущенный из драгоценной клетки, словно водяной дракон, коему дали уйти, открыв золотой замок. Она бежала, будто мышь, в панике обхватив лапами голову.

Вослед ей господин Ма решительно заявил:

- Чужеземцы по натуре своей непостоянны, а женщины тем паче. Сей деве неведома честность поведения, не следовало ее отпускать, мы еще об этом пожалеем!

Тогда Государев советник попросил ординарца вернуть Ван-чудотворицу и обратился к ней:

- Я тут подумал, что ты – всего лишь воительница западных земель, а я – Государев советник вышестоящего государства. Кто поручится, что завтра ты не поменяешь убеждения и не вернешься с отрядом воинов? Вот и вызвал, дабы надлежащим образом засвидетельствовать твои обещания перед всеми присутствующими.

Ван-чудотворица заявила:

- Я не больно сведуща в грамоте, навряд ли смогу написать официальную бумагу. Могу дать клятву, но словесное обещание – не гарантия. Оставлю в качестве залога шлем и латы, да в придачу – конскую сбрую.

- Речь не о залоге, – ответил Бифэн. – Мы просто хотим увериться в твоём чистосердечии.

Дева предложила дать торжественную клятву. На том и порешили. Она отбила несколько поклонов в сторону Неба и произнесла:

- Сим договорились о том, что наша страна признает себя вассалом, будет ежегодно выплачивать дань и более не двинет войска против флотилии Южной династии.

Государев советник заявил, что сей клятвы вполне достаточно, и воительница Ван, отвесив положенные поклоны, снова умчалась. Господин Ма заметил:

- У сей девицы далеко идущие замыслы.

Почтеннейший удивился:

– Она же вернулась, принесла обет, чего вы еще хотите?

Но евнух Ма стоял на своем:

– В том и состоит ее тонкий расчет. В последнее время у людей своя мантра на каждые двадцать четыре сезона^[462], вряд ли стоит ей доверять.

После сих слов Государев советник отправился на свой корабль, вызвал одного из ведающих заклятиями и заговорами бодхисаттв-хранителей и попросил того записать произнесенную Ван-чудотворицей клятву.

Командующие ежедневно ждали обещанных грамот. Они ведают не ведали, что дева, возвратясь восвояси, сообщила супругу и королю, что нарочно позволила взять себя в плен, дабы вывести состояние китайской армии.

– Коли так, что тебе мешает использовать всю свою мощь и силу, дабы поймать буддийского монаха и заставить трепетать угрожающее нам государство? – удивился король.

Воительница признала, что буддийский монах обладает сверхъестественным даром и поймать его не просто:

– Есть у меня наставница, тысячелетиями обитающая в горной пещере Летающего дракона. Там она обучалась, совершенствовалась в вере и обладает непревзойденным магическим даром. Она не питается злаками, как обычные люди: проголодается – глотает железные пилюли, мучится жаждой – пьет расплавленную ярь-медянку. Ростом громадная, не меньше трех чжан, голова с котел, ручищи – клещи, шея длиннющая, за что ее прозвали «Матушка Гусиная шея». В левой руке – самострел и зажигательная стрела, в правой – огненная курица^[463] и огнедышащий дракон. Нрав горячий и вспыльчивый, недаром ее называют Огнедышащая, или Праматерь огня.

Дева отправилась к наставнице и слезно молила ее поспособствовать в битве с воинством Южной династии, не забыв при этом упомянуть об их жестокой расправе с тремя тысячами местных воинов. Огнедышащая после долгих уговоров согласилась. Китайские лазутчики прознали об этом и доложили в ставку.

Все командиры без колебаний выразили готовность отправиться на поле брани: «Войско долго обучать, день – победу одержать. Мы, ваши верные слуги, хоть и не владеем небесным даром, но готовы вступить в схватку и поймать дьявольское отродье». Видя их решимость, вице-адмирал Ван приказал:

– Дозволяю командирам авангардов и пяти эскадр занять боевые позиции. Командирам морских дивизий запрещаю самовольно выдвигаться на позиции, они остаются охранять корабли-сокровищницы. Проявляйте крайнюю осторожность: не стоит недооценивать опасность.

Получив приказ, левый и правый авангарды разделились на два крыла, а эскадры, в строгом боевом порядке выстроившись квадратом, со всех сторон образовали сухопутный лагерь. Прогремел сигнальный залп, трижды ударили барабаны, и со стороны армии Южной династии выехали шестеро всадников – шестеро генералов. В лагере туземцев во весь рост возвышалась одна единственная фигура – огромная, лицо черное, словно прокопченное, руки-крюки. Первым навстречу помчался командир авангардной эскадры Ван Лян. Он тотчас сообразил, что перед ним – сама Огнедышащая праматерь. Стоило той открыть огненный зев, как из него на несколько *чи* вырвались языки пламени. Ван Лян попытался проткнуть злодейку своей чудодейственной пикой, но святая, не вымолвив ни слова и не пошевелив руками, продолжала изрыгать огонь. Сколь яростно Ван Лян ни размахивал пикой, вскоре он почувствовал, что и его опалило.

Следующим на поле битвы выехал командир арьергардной эскадры, знаток воинского искусства Тан Ин. Куда только он ни посылал стрелы из своего драконьего лука – в лоб, в глаз, в рот, в нос, в руку и в ногу сей дьяволицы – из любого места тотчас извергался язык пламени, а сама Праматерь огня хранила молчание, так и не пошевелившись.

Вслед за Тан Ином на лихом коне примчался командир левой эскадры Хуан со своим громоподобным, отпугивающим нечисть кистенем. Он нанес противнице более семи десятков ударов – в ответ в него полетели семь десятков огненных шаров.

Затем на взмывающем в облака скакуне выехал тощий коротышка – командир правой эскадры Цзинь Небесный Гром – без шлема, без лат, с одним лишь огромным трезубцем в полторы сотни *цзиней* весом. Генерал размахнулся, но в ответ в него полетели полторы сотни огненных шаров.

– Да что за чудеса? От моего трезубца никакого толку. Как говорится, ежели колокол молчит, придется отлить новый!^[464] – вскричал Цзинь.

Праматерь снова дунула, и длинный язык пламени ожег воина палящим жаром. Тот взмолился:

– Праматерь огня, отпусти меня, займись другими!

И тут Огнедышащая наконец заговорила:

– С какой стати вместо того, чтобы звонить в имеющийся колокол, отливать новый?

На подмогу Цзиню прискакали командиры двух авангардных отрядов с острыми мечами в руках. Машут ими во все стороны, как вдруг видят – мечи затупились. Оба аж языки прикусили от удивления, пригляделись – острия мечей расплавилась. Командиров от ужаса пот прошиб. А Огнедышащая громоподобно расхохоталась:

– Уж не обессудьте! Вчера в дороге простыла то ли от ветра, то ли от сырости, а нынче пока упражнялась с вами, так разогрелась, что простуда почти прошла.

Все шестеро командиров молча таращились на нее, а Праматерь продолжала:

– Чего уставились! Возвращайтесь и пришлите-ка лучше сразиться со мной этого вашего даоса – коровьего носа и буддиста – голова тыковкой.

Небесный наставник выехал на поле брани на черногривом скакуне со всей свитой. Праматерь немедленно послала в него огненную стрелу, да что стрела – она направила огромную струю огня. Семизвездным мечом даос отбил стрелу, но пламя опалило его лицо, борода и усы почернели. Небесный наставник понял, что даже сим мечом не победить Праматерь, ибо она суть огонь, а огонь всегда побеждает металл. Тогда он решил: «Ничто, кроме воды, не способно уничтожить огонь. Дабы противостоять такому противнику, надобно раздобыть водицы». Он направил коня к небольшой ямке в земле, сложил мудру, изображающую три знака десятиричного цикла^[465], в том числе и воду, и прочел заклинание. А когда Огнедышащая снова нацелила в него огненную стрелу, даос сконцентрировал энергию, легонько плюнул и незаметно указал кончиком меча в землю. Летящая стрела тотчас ткнулась туда, и пламя погасло. Та же участь постигла и следующую стрелу. Праматерь решила, что даос исчерпал свои возможности:

– Эй, даос, лови стрелу! – крикнула она, но сама пальнула из лучницы-самопала.

Да только у Небесного наставника глаз зоркий, он сразу почуял, что дело плохо, снова поплевал и скрутил мудру, и залп самопала ожидала та же участь, что и стрелы. Праматерь, видя, что и от самопала толку мало, рассвирепела – а гнев прибавляет силу, – и в даоса полетели сразу три волшебных пики. Искры рассыпались по небу, словно падающие метеориты, – такой огненный шквал кого хочешь напугает до смерти! Но Небесный наставник только больше расхрабрился, сложил мудры, сплюнул – пики одна за другой уткнулись в землю и погасли, не причинив ему вреда. Праматерь была потрясена: «Мои стрелы пронзали гору Сумеру, пики проткнули вершину Куньлуня! Отчего нынче от них никакого проку? Видно, судьба ко мне неблагосклонна!» И выкрикнула:

– Уже стемнело, завтра выйдем на решающий бой!

На другое утро противники встретились снова. Огнедышащая выпускала десятки, сотни, тысячи огненных воронов. Языки пламени превратили небо в сплошную огненную завесу, накрывшую людей. Небесный наставник стоял, не шевелясь; огонь не коснулся его тела, но окружавшие его мальчишки-танцоры и монахи, трепеща от ужаса, клали земные поклоны. Разгневанная Праматерь помчалась на огненной колеснице, на коей грешников в аду ввергают в огненную яму, изрыгая из своей словно кровавой пасти столбы пламени длиной в десятки *чжан*. Они лизали небо и землю, огонь и небо слились воедино, и уже не различить верх и низ, север и юг – всё в завесе пламени. Небесный

наставник слегка растерялся и что есть сил выплеснул из чаши вверх всю воду. И тут на землю хлынули потоки, словно разверзлись хляби небесные. Начавшись в полдень, небесный потоп утих только к вечеру. Секрет крылся в том, что сия чаша не уступала по могуществу патре буддиста – она заглатывала реки и засасывала океаны. Нечего и говорить, что потоп погасил пламя: даже Огненная праматерь промокла до нитки и умчалась с поля боя, взывая к ученице:

– Откликнись, где ты?

Увидав наставницу в таком жалком виде, дева Ван обомлела:

– Наставница, как случилось, что вы, Огнедышащая кобылица^[466], превратились в мокрую курицу?

Огнедышащая пустила в ход еще один талисман – бамбуковую клетку-ловушку с жаровней внутри. Способная разрастаться до гигантских размеров, клеть затмила всё небо. Небесный наставник успел умчаться ввысь на Соломенном драконе, но вся его свита – простые смертные – оказались внутри клетки.

Однако Праматерь решила, что даос тоже попался в клетку-ловушку, и радостно сообщила ученице, что нынче у нее достанет сил полностью уничтожить флотилию – как говорится, навсегда излечиться от чесотки:

– Воспользуюсь отсутствием Небесного наставника, и пусть шесть моих драгоценных талисманов осушат море. Корабли не сдвинутся с места, воинам придется спасаться на берегу, где вы вместе с супругом их переловите и уничтожите. Это будет полный разгром – ни одно колесо колесницы не вернется домой, даже пластинок от лат не останется.

С этими словами она забросила талисманы в морские глубины.

Меж тем китайские лазутчики прознали о том, что стряслось с Небесным наставником, и доложили командующему. Пришлось Саньбао снова обратиться к Государеву советнику. Буддист немедленно призвал на помощь бодхисаттв – защитников веры, кои освободили пленников из клетки-ловушки. Затем отправил депешу драконам четырех морей. Бодхисаттва Нагарджуна^[467] принял послание Светозарного Будды и известил о том драконов. Те открыли Снежную залу Водного дворца и извлекли оттуда бесчисленное множество ледяных драконов, поручив им охранять водную поверхность и защищать море от осушения. Бодхисаттва также послал небожителя Вэй-то – проследить, чтобы в полночь небо покрыли дождевые тучи и облака.

Сказывают, что с наступлением полуночи Праматерь повелела деве возглавить отряд воинов и позаботиться о том, чтобы китайцы из сухопутного лагеря не смогли прийти на помощь бойцам морского охранения. Яо Осушающему Море с его отрядом было поручено разместиться на джонках и окружить корабли берегового заграждения, не давая возможности китайским морякам спастись в сухопутном лагере. Сама же Праматерь на багряном облаке помчалась к морю и

стала кидать в воду подряд все волшебные талисманы – огненные стрелы, копья, огненные диски, огненных коней, огненных драконов и кур. Ждала, ждала и видит:

Перл-башенка лежит на водах,
И лунный серп дрожит в осенних волнах,
Эскизом облако – горит парчой,
Луна над мелией – этюд ночной^[468].

«Чудеса, да и только! – подивилась Праматерь. – Раньше стоило бросить талисманы в море, вода тотчас вскипала, а нынче наоборот, становится всё спокойней и прозрачней!» Откуда ей знать, что страж буддийской веры Вэй-то не торопясь подбирает все ее талисманы, да еще тьма ледяных драконов выполняет свою работу. Праматерь разъярилась: «Ну что же, эдак не получилось, попробуем по-другому! Я убью этого даоса и утолю свою ненависть». Но когда она вернулась на поле битвы, то не обнаружила там ни даоса, ни послушников, ни бамбуковой клетки.

Праматерь просто взбеленилась – вскочила на огненную колесницу, помчалась к лагерю Южной династии и потребовала вернуть ей клетку-талисман:

– Знаю, что даос – коровий нос сидел в ловушке, он не мог утащить мои талисманы, их наверняка похитил тыквоголовый буддийский монах. Пусть выкажет почтение, вернет корзинку-талисман, и уладим дело миром. А осмелится не повиноваться, спалю корабли, все до единого обращу в пепел!

Услыхав ее угрозы, Небесный наставник стал настаивать на своем долге рассчитаться с бесовкой, ибо всё произошло из-за того, что это он затруднил Государева советника просьбой убрать клетку и освободить монахов. Однако Государев советник не согласился:

– Повремените, Небесный наставник! Издревле вашим даосским мыслителем Лао-цзы сказано: мягкое способно победить твердое, слабое побеждает сильное. Праматерь не в меру вспыльчива, оттого ей и недоступны высшие достижения человека, ставшего на путь самосовершенствования. Не стоит ей уподобляться.

Прихватив клетку-ловушку, Государев советник отправился на встречу с Огнедышащей.

Завидев Бифэна, Праматерь окликнула его:

– Ты буддист, я исповедую сокровенное даосское учение. Поступки каждого определяются его устремлениями, каждый считает свои действия верными. Зачем ты ночью сорвал мою клетку-талисман?

Бифэн смиренно сложил ладони в монашеском поклоне:

– Моя вина!

– Ты намеренно нанес оскорбление даосскому учению! – продолжала возмущаться Праматерь.

– Ну и ну! Да я не желал ничего иного, как освободить заключенных в ней даосских монахов. Уместно ли говорить об оскорблении?

– Коли так, собираешься ли ты вернуть талисман?

– Мы, буддисты, не отнимаем чужого – на что мне твой талисман?

– Так где же он?

– Вот он, у меня в руках. Однако затрудню Праматерь просьбой увещевать местного короля свернуть военные действия и вручить командующему флотилией испрошенные грамоты. Не лучше ли прекратить побоище, не калечить людей и не тратить более казенные деньги?

С этими словами Бифэн подбросил ввысь корзинку-талисман, Праматерь протянула руку и схватила свою драгоценность.

Однако, завладев волшебной корзинкой, Огнедышащая решила заполучить и голову буддиста и стала швырять в него поочередно все свои огненные талисманы.

Бифэн неспешно открыл рот, смачно сплюнул в северном направлении – и вот уже свинцовые тучи затянули небо, разверзлись небесные хляби, огонь погас, пепел рассеялся, дым исчез. Поняв, что сладить с таким противником нелегко, Праматерь рассвирепела и метнула укрощающий демонов меч прямо в лицо буддисту. Цзинь Бифэн неторопливо достал из рукава и подбросил в воздух патру. Праматерь ничего не заметила и не приняла мер предосторожности. Патра перекувырнулась и, превратившись в огромный латунный таз, накрыла собой Огнедышащую, опрокинув ее наземь. Не в силах выбраться, та запаниковала и стала молить буддиста о пощаде, взывая к чувству сострадания и заботы о ближних. Цзинь Бифэн почувствовал жалость, но всё же подумал: «Хоть не монашеское это дело – лишать человека свободы, однако мнится мне, что сто дней страданий для сего существа еще не истекли^[469]. Пусть посидит-подумает, умерит свой пыл и выбросит из головы коварные помыслы». И Государев советник преспокойно вернулся в ставку.

А Праматерь внутри патры зовет-кричит, плачет-стенает – всё напрасно, то руками по стенкам стучит – всё бестолку, то плечами пытается поднять патру – не выбраться. Наконец громкие вопли дошли до слуха ее ученицы. Ван-чудотворица примчалась, попробовала приподнять патру – сначала одной рукой, потом уперлась обеими, но как ни напрягалась, не смогла сдвинуть ее с места.

Дева призвала на помощь местных воинов, и Праматерь предложила поднять патру совместно – она уперлась изнутри головой, да с таким усилием, что обливалась потом, а воины пытались приподнять патру с таким напряжением, что покрылись испариной. Однако патра не сдвинулась ни на йоту. Тогда Праматерь присоветовала новый план: созвать побольше воинов и проделать в патре большую дыру.

– Величиной с Драконовы врата или с собачью конуру? – уточнила дева.

– Думаю, с собачью конуру достаточно. Разве ты не знаешь древнего высказывания: в минуту опасности собака сбегает? – ответила наставница.

Дева без промедления созвала воинов. Пришли кто с мотыгами, кто с копьями, мечами или вырезанными из арековой пальмы дротиками. Только и слышно «вжик-вжик»: скребут-царапают, но вскоре один за другим побросали свои орудия – бесполезно. Дева призналась наставнице, что внутренняя стенка патры – это кусок листового железа толщиной в три *чи*, его ничем не проткнешь и не пробьешь, сколько ни старайся, даже царапины не остается.

Тогда Огнедышащая отправила Ван за подмогой к своей наставнице – Почтенной матушке горы Лишань^[470], проповеднице, с древности прозванной Божеством мира и порядка или Нерожденной праматерью.

Матушке горы Лишань несчетно лет,
Скрыта лотосами яркого платка.

Дождь на платье радужное не падет,
Хоть Янтай покрыли чудо-облака^[471].

Башмачками странствий тронута дорога,
Пыль земная отмечает легкий след.

Верно, в вышине небесного отрога
Фея Вэй-фужэнь^[472] ее давно уж ждет.

Поначалу Матушка горы Лишань наотрез отказалась спускаться в земной мир:

– Твоя наставница сама навлекла на себя несчастье – и нечего втягивать других.

Тогда дева Ван наплела с три короба небылиц, что будто бы буддист отпускал насмешки и в адрес наставницы – мол, чего стоит твоя прародительница по сравнению с нашим буддийским учением! – а еще небрежно бросил, что она не посмеет вступить с ним в бой. Оскорбленная прародительница согласилась отправиться в путь и расправиться с буддистом. Вот уж верно написано в конфуцианских канонах: одним словом можно достичь процветания страны, а можно и погубить государство.

Матушка горы Лишань взяла с собой учеников по имени Черный Лотос и Белый Лотос и с отрядом небесных воинов и полководцев на благовещем облаке отправилась на Яву помериться силами со Светозарным Буддой.

Однако сколько усилий ни прилагали прародительница и ее ученики, всё тщетно. Не помог даже призванный на помощь бог Громовик – дракон с человеческим лицом и птичьим клювом, кой пытался им поддеть патру и поднять ее в воздух.

Тогда послушник Черный Лотос предложил:

– По моему скромному мнению, следовало бы с пассатом послать весточку Цзинь Бифэну и посмотреть, как он себя поведет. Ежели пожелает встретиться с наставницей, уберет патру и освободит Огнедышащую, меж двух религий снова воцарятся мир и согласие. А коли нет, тогда не поздно и небесных воинов вызвать и посчитаться с ним.

Праматерь согласилась и тут же отправила Бифэну послание.

Сказывают, что Цзинь Бифэн восседал на своем Тысячелистном лотосе, когда его коснулось дуновение пассата. Он заранее знал, какое известие тот несет, и задумался: «Вот ведь Праматерь мира и согласия, а разгорячилась, как обычная мирянка. Изначально я не планировал так скоро убирать патру, но боюсь, что буде не выкажу приверженности зароку „не убий“, задену чувства прародительницы».

Бифэн явился на встречу в истинном облике огромного – в два человеческих роста – Золотого Будды с учениками Анандой и Сакьямуни, позади стоял страж буддийской веры Вэй-то. Вот и встретились прародительница даосизма и Пратьекабудда, обменялись приветственными поклонами. Первой заговорила Матушка горы Лишань:

– Моя ученица согрешила против почитаемого Государя-Будды. Прошу на сей раз помиловать ее во имя единства трех религий.

– Амитофо! Это я, недостойный, обидел вашу ученицу. Горячо надеюсь, что почтенная святая простит меня, – воскликнул Бифэн. – Коли Матушка горы Лишань повелевает, смею ли я отказать? В свою очередь, прошу, когда вашей ученице будет даровано высвобождение, наказать ей убедить короля немедленно вернуть нам драгоценную печать, дабы избежать бесполезных для обеих сторон военных столкновений.

– Почтительно принимаю вашу просьбу.

Бифэн неторопливо подошел к патре, похлопал по ней, затем неторопливо разжал пальцы, и патра с легкостью легла в его руку.

Однако выскочившая из патры разъяренная Праматерь продолжала изрыгать в сторону буддиста языки пламени. Бифэн, не желая спорить и вступать в бой, повернулся и стал уходить. Огнедышащая нагнала его и замахнулась мечом. Бифэн одной рукой неторопливо перехватил меч, другой метнуть патру и снова накрыл противницу.

Прознавший об этой схватке Нефритовый император вместе с бодхисаттвой Гуаньинь спустились на землю – и только они смогли уговорить Светозарного простить почтенную Матушку горы Лишань и ее неразумную ученицу.

На сей раз освобожденная из плена Огнедышащая не посмела слова поперек молвить, а ее наставница еще и потребовала испросить у буддиста прощения.

– Ни к чему это, – запротестовал Бифэн. – Лучше уговорите короля Явы как можно скорее передать нам нашу наследственную печать, и закончим всё миром.

Прародительница изъявила готовность отправиться к государю вместе с Огнедышащей:

– Это не только ее личное дело.

Не теряя времени, обе небожительницы вскочили на облако и исчезли.

Тогда дева Ван решила самостоятельно расправиться с буддийским монахом. Государев советник заметил погоню и успел подняться на флагманский корабль.

Бифэн встретился с командующим и составил план действий: по сигналу пушечного выстрела со всех сторон выскочили на боевых скакунах командиры левого и правого авангарда, четырех эскадр и четырех дивизий. Окружив деву, они стали метать в нее кто нож, кто меч, кто пику, а кто кистень. Ван стала похожа на петуха, пытавшегося прокукарекать под проливным дождем: она упрямо шептала заклинания, но изо рта вырывался лишь невнятный клекот, попыталась убежать, но свалилась с лошади и ничком рухнула на землю. Неясно было, кто нанес решающий удар, но из тела девы хлынули потоки крови. Ну кому бы тут не захотелось приписать подвиг себе! Всяк пытался первым схватить воительницу – что называется, люди хлопчут, кони топчут. И вот уже несчастная Ван-чудотворица превратилась в кровавое месиво под копытами лошадей.

На сей раз Государев советник подтвердил подлинность останков.

Удостоверившись в гибели воительницы, доблестный Саньбао долго хмурил брови в задумчивости, составляя хитроумный план поимки предводителя Яо. Он нашептал его полусотне лазутчиков – мол, так-то и так-то, – а затем сообщил что-то на ухо командирам левого и правого авангардов, а также двух морских дивизий. Не успел закончить, как ординарец доложил: только что та самая дева на коне мелькнула за воротами китайского лагеря и ускакала. Командующий приказал послать ей вслед командиров двух авангардов и обеих дивизий. Видят – дева по дороге встретила с Яо, и вот они уже мчат вместе.

Тем временем командир левого авангарда Чжан Цзи с отрядом добрались до местечка Гэр и схватили старосту по имени Налада. Тот оказался уроженцем Южной династии, из Гуандуна, и привел группу местных жителей, среди которых были и китайцы, и туземцы. Все они стали безостановочно быстро-быстро отбивать поклоны и залопотали: «Мы люди прямодушные, как один, готовы повиноваться приказам господ командиров». Чжан заявил, что не собирается отдавать никаких приказаний, от жителей требуется лишь вовремя платить дань, признать себя вассалами Китая и не предпринимать враждебных действий супротив Поднебесной. Собравшиеся дружно пообещали. Чжан развернул лагерь, дабы закрепиться в сем местечке.

А командир правого авангарда Лю Инь вместе с командирами двух дивизий, преследуя деву и предводителя Яо, прибыли в местечко Сурабая. Там они объявили жителям, что не будут никого казнить, и

повторили те же требования. Жители дружно согласились. Генерал Лю раскинул лагерь, а командиры двух дивизий поскакали дальше. Дорога привела их в местность под названием Маджапахит, где обитал сам правитель. В это время воительница вместе с супругом уже оказались на территории дворца и предстали перед королем. Не успел тот и рта раскрыть, как во дворец ворвались двое китайских военачальников. Испуганный король поспешил скрыться в глубине дворца, а дева последовала за ним, бросив супруга одного. Вслед за ними ринулся один из командиров дивизии. Со страху король взобрался на самую верхотуру – девятый ярус высоченной, в сто *чи*, башни, дева Ван – за ним, китайский командир следом. Дева крикнула королю:

– Господин мой, не бойтесь, я здесь и защищаю вас. Я, ваша подданная, знаю секрет, как вознестись на облаках и умчаться на туманах.

– Никогда того не забуду, – поблагодарил король.

Дева немедленно туго обвязала его веревкой, объяснив сие необходимостью поднять владыку на облако. Затем она притащила его в дворцовую залу, где лежал связанный Яо. Было время ранних петухов, и хотя еще горели лампы, но везде сновали люди – они что-то галдели, и трудно было разобрать, что происходит.

– Воительница, мы с тобой муж и жена, соединены прочными узами. Как ты могла сотворить подобное злодеяние? – возмутился супруг.

Однако дева стала убеждать, что его связали для полета на облаке. Она взвалила обоих связанных на своего скакуна, приказала закрыть глаза, присовокупив, что конь помчит их на облаке. После чего дева пришпорила коня, тот рванулся вперед, словно ветер, а те двое, крепко зажмурившись, гадали, куда же домчит их облако. И когда наконец рассвело, дева Ван сбросила их с коня, разрешила открыть глаза и сказала:

– Мы примчались в обитель вельмож; боюсь, что теперь вы уже ничего не сможете сделать.

И тогда пленники увидели, что находятся в ставке китайского войска, перед ними восседают оба главнокомандующих, даосский и буддийский монахи. От этого зрелища короля словно ножом по сердцу полоснули, будто кошачьи когти разрывали его легкие, и он взревел:

– Предательница! Обманщица!

Саньбао повелел развязать пленников, призвал палача и приказал тому продеть им под лопаткой железную цепь^[473]. Ключицу каждого надрезали ножом, проделали цепь, затем поставили на колени. Командующий спросил, кто из них король Викрамавардхана, а когда тот назвался, предъявил ему обвинение в безосновательном убийстве китайского посланника и всей его свиты, да еще в завоевании восточной Явы ради создания государства с единоличным правлением. Саньбао приказал палачу содрать с короля кожу, четвертовать и растолочь кости, дабы он и после смерти помнил военачальников

Южной династии. Буддист в очередной раз обратился к адмиралу с просьбой о помиловании, и командующий согласился заменить страшную казнь сорока ударами тростниковой палкой. Не успел договорить, видит – показались командиры обоих авангардов и двух дивизий. Они привели группу местных жителей, а также двоих взятых ранее воительницей в плен командиров личной охраны ставки – Чжэн Тана и Те Лэна. Командующий обратился к ним:

– Во время боя вы не использовали все имевшиеся возможности. Согласно законам войны, вас следует строго наказать.

Государев советник попросил о снисхождении, ссылаясь на то, что дева одурманила китайских воинов своими магическими приемами. Но Саньбао был тверд: «Они опозорили Отечество», – и приговорил командиров к двадцати палочным ударам, что и было тут же исполнено.

Казнили с десятков местных старост, подстрекавших народ к сопротивлению. Затем командующий углядел среди пленников двух главных советников короля и заявил, что те давно пытались увещевать правителя подать грамоту о капитуляции, и не их вина, что король не внял советам. Посему Саньбао приказал украсить головные уборы советников цветами и вручить им полотна красной материи по случаю радостного события. Поначалу советники отказались.

– Вы что, пренебрегаете нашими наградами? – рассердился командующий.

– Как можно! – вскричали оба. – Скорбь государя – бесчестье для подданных, нам не подобает принимать подарки.

– Вы знаете свое дело! – похвалил адмирал и приказал пожаловать каждому еще и парадную чиновничью шапку, халат с круглым воротником, украшенный рогом кушак и нарядные черные с белой подошвой сапоги как доказательство того, что и среди инородцев попадаются верные служаки.

В следующей группе оказался Яо Осушающий Море.

– Эта скотина – корень зла, виновник всех наших бед! Изрубить на мелкие куски! – воскликнул Саньбао.

Король стал умолять проявить снисхождение, пообещав без промедления вручить вассальную грамоту, акт о капитуляции, пропуск через заставы, а также дань и дары местной земли:

– Век не забудем вашей милости!

Командующий ответил:

– Мы, великая империя во главе с мудрейшим Сыном Неба, высоко ставим вашу готовность вручить грамоты. Мы, отправившиеся в Западный океан и одержавшие сокрушительную победу, ценим ваше согласие передать пропуск через заставу. Китай, государство совершенномудрых, куда несут подношения все страны, также чтит ваше желание вручить дань и дары местной земли. Нынче вы, уже

брошенные в котел рыбы, будете избавлены от смерти, и не о чем больше рассуждать.

Напослед дошла очередь до девы-воительницы. Командующий приказал пожаловать ей по две пары золотых и серебряных цветов и два отреза цветного шелка. Все офицеры – в высоких ли, низких чинах – недоумевали:

– Командующий обычно вельми сметливый, нынче совсем запутался. С какой стати он решил награждать деву?!

Сама же воительница с поклонами приняла дары и направилась к выходу. Король закричал ей вслед:

– Ничтожная предательница! Ты еще припомнишь слова древних мудрецов: у небесных сетей ячейки редки, да никто не проскочит.

К нему присоединился Яо:

– Как ты посмела притащить сюда меня, твоего супруга! Поистине, кто содействовал успеху, тот способствовал и поражению.

Тут подал голос военачальник евнух Ма:

– Командующий, вы неправы! Эта ничтожная бабенка доставила нам столько хлопот, а вы ее награждаете! Намедни Государев советник совершил оплошность, пощадив ее, а нынче вы допускаете еще одну ошибку!!

Саньбао поочередно обратился к вице-адмиралу Вану, Небесному наставнику и Государеву советнику с одним и тем же вопросом: стоило ли награждать деву? Вице-адмирал ответил отрицательно, Небесный наставник засомневался: «Награждать не надо, да только мнится мне, что награжденная – вовсе не дева Ван». Тогда Саньбао приказал вновь вызвать воительницу. Та нерешительно вошла, и видно было, что всем присутствующим не терпится сожрать ее с потрохами. Командующий приказал:

– Снимай парадные доспехи.

Приказ был выполнен – и где же дева?! Оказывается, Саньбао изначально на ушко повелел лазутчикам замаскировать одного из них под деву, а тот, дабы ни у кого не оставалось сомнений, взял с собой еще одного воина, переодетого ее супругом. Непредвиденный поворот – таков закон всех надувательств. Помните, как командующий нашептывал секретные указания командирам авангардных отрядов и дозоров? Он приказал им сделать вид, что они преследуют воительницу. Прибыв в городок, ложная дева помогла схватить старосту, устремилась во дворец – и взяла в плен короля. Осмыслив сей хитрый план, господин Ма заявил, что в таком случае надо еще раз наградить псевдодеву. Небесный наставник воскликнул:

– Я же говорил, что адмирал наградил вовсе не воительницу Ван!

Государев советник открыл глаза:

– Хорошо, что догадались! Ведь подлинная дева давно превратилась в кровавое месиво. Как она могла возродиться в прежнем виде?

И все в один голос вознесли хвалу военачальнику, кой в маленькой палатке способен выработать план побед на дальних полях сражений. Саньбао скромно заметил: «Сие наш общий подвиг, не стоит умалять деяние каждого», после чего приказал чиновникам, ведающим военными делами, наградить всех по заслугам. Закатали пир, налили чарку и королю Викрамавардхану.

По окончании возлияний командующий отдал приказ отправляться в путь. И в этот момент на берегу показались двое всадников и криком «Повремените!». На окрик вестового с корабля «Кто такие?» ответили, что являются командирами личной охраны короля, доставили грамоту и акт о капитуляции, дань и дары местной земли в качестве выкупа. Вестовой доложил командующему, но тот приказал ничего не брать и не пускать прибывших на корабль. Туземные воины пали на колени прямо на прибрежный песок и продолжали мольбы. Тогда господин Ван предложил: «Коль скоро они прибыли с добрыми намерениями, пусть поднимутся на борт, а там посмотрим». Только тогда флотоводец дал на то соизволение. Прибывшие попытались передать вассальную грамоту – не принял, хотели вручить акт о капитуляции – отверг, представили список подношений – отказался. Тогда командующий Ван сам взял список и стал изучать его. А там в числе прочего значились такие редкости, как лежанка, на коей зимой тепло, а летом прохладно^[474], расписной красочный полог, циновка из чешуи дракона, комплект подушек из перьев феникса; сладкоголосая птица калавинка^[475], четыре красных «королевских» попугая и четыре белоснежных какаду.

А еще четыре горшка сушеной оленины, две бутылки даосского сока долголетия из горного источника, по десять кувшинов настойки на креветках, напиток из сахарной пальмы и лечебного отвара из коры ивы.

Командующий отказался и от даров, а старосты всё упрашивали. Тогда Саньбао решительно заявил:

– Дело не в том, что мы не желаем принимать дары, а в том, что преступления вашего короля столь велики, что он достоин смерти. Мы доставим его в колодках в Поднебесную, там определят тяжесть его вины и заставят принять смерть без сожаления.

Вице-адмирал Ван стал убеждать командующего, что, хотя король зело провинился, скорбь его командиров столь впечатляет, что не грех и пощадить правителя. Одначе Саньбао твердил свое:

– Никак невозможно! Таким злодеям положено немедля рубить голову. Токмо оттого, что дело сие особой важности, мы под конвоем в наручниках доставим его в нашу столицу, а там уж государь рассудит, казнить или миловать.

Командующий Ван настаивал:

– Доставить в наручниках – сие есть принуждение. Не лучше ли дать возможность подчиниться по доброй воле, а тогда и обсудить дальнейшие планы?

– Ну что же, – согласился главнокомандующий, – ежели он готов признать вину, пускай самолично отправится ко дворцу нашего государя, повинится и вручит вассальную грамоту и дары.

Старосты принялись горячо заверять Саньбао, что готовы препроводить короля ко двору китайского императора: «Всё сделаем в наилучшем виде!» Командующий Ван потребовал гарантий, и те выразили готовность немедля составить повинную грамоту: «Ежели солжем, готовы принять любую кару». Старосты тут же сообщили королю о переговорах, на что тот ответил: «Безропотно соглашаюсь на любые условия – нешто осмелюсь более противиться?» – и начертал официальную бумагу. В сем документе местный владыка обязался явиться на высочайшую аудиенцию к императору и принести дань. Там также говорилось: «Живя в глуши и отдаленье, я не ведал, сколь небо высоко, а земля огромна; провел все годы в темноте и невежестве, не узрев солнечного света». Король каялся в убийстве китайского посланника и его сопровождения, в насильном поглощении восточной Явы, а также в том, что при появлении китайской флотилии у границ его страны не пожелал признать себя вассалом и оказал сопротивление: «Преступления мои громадны, как высокие горы. Уповаю на милосердие командующего и прошу указать мне, невежественному, путь к спасению. Отныне и впредь обещаю покончить со старым и начать новую жизнь, обратить зло в добро. Пусть настигнет меня кара небес, коли дерзну пренебречь обещанным. Засим верно».

Затем Саньбао вызвал старост и наказал им:

– Вы, старейшины, призовите вашего правителя творить добро. С древности и поныне существовал Китай, существовали и варвары. Китай – это благородный муж, это отец, а варвары – его подданные и сыновья. Всякому свое место. Шапку, хоть и старую, на ногу не натянешь, башмаки, хоть и новые, на голову не наденешь. На будущее – осмелитесь выказать неповиновение, мы вас, псов презренных, раздавим, как гора Тайшань корзину яиц, ясно?

Те согласно закивали.

Наконец командующий обратился к предводителю Яо:

– Ты, пес заморский, только и знаешь, что размахивать мечом и сеять смуту в соседних странах. Ты за кого принял наших полководцев, пошто проявил строптивость и невежество? Ты источник всех наших бед, тебя четвертовать мало. Приказываю палачу отвести вражину на корму, разрубить на части и бросить на съедение духам моря. А мы отправляемся в путь!

Король и его охранники уже и так изо всех сил старались загладить собственную вину – до того ли им, чтобы заступаться за

военачальника? Они бежали как крысы с корабля, а Яо подвергся страшной казни.

Ежели хотите знать, какие приключения ожидали мореходов дальше, слушайте следующую часть.

Часть пятая^[476], коя глаголет о пирате Чэнь Цзуи и приключениях в Царстве женщин

Воитель, покоривший Юг^[477], покинул двор,
А нынче в Западных морях его наперсник.
Знамена, барабаны в ряд – не грабить шел,
А зло искоренять, о том и песня.

Сказывают, что, покинув Яву, флотилия продолжила путь и миновала порт Сурабая в восточной части Явы – небольшую деревушку, окруженную высокими горами причудливых форм^[478] с удивительным огромным гротом, в коем могли разместиться десятки тысяч человек.

К кораблям-сокровищницам приблизился на лодке старейшина: волосы завязаны узлом на затылке, холщовая рубашка, ниже пояса обмотан хлопчатой тканью. Прибыл он с небольшими подношениями: десять антилоп, пара попугаев, сто *цзиней* древесного хлопчатника, сотня кокосовых орехов, десятков сосудов вина и десять *даней* морской соли. Командующий, убедившись, что здесь живут люди добросердечные и смиренные, желающие выказать свое радушие, приказал принять дань и одарить старейшину нарядным головным убором, монашеской рясой и парой обуви. Старец поблагодарил и удалился.

Шли еще несколько дней, миновали множество поселений и островков. При виде проплывающих мимо огромных кораблей на берег выбегали толпы местных жителей: лохматые, босые, уродливые, они тащили дары – шкуры леопарда, медведя, оленя, рога сайгака, черепаши панцири, жемчуг, разноцветные шелка и набивные ткани. На вопрос командующего, откуда всё это, отвечали:

– Признаемся господину императорскому посланцу как на духу. На беду, родились мы в дикой стране: пахотной земли у нас нет, нечем зарабатывать на жизнь. Что остается, кроме как заниматься разбоем и грабежом? К счастью, нынче мы узрели небесных посланцев, и вот – словно облака рассеялись и небо очистилось. Уповаем на безмерную милость господина и за неимением лучшего просим принять наши скромные подношения.

Командующий наотрез отказался:

– Люди высоких принципов не пьют из Разбойничьего источника^[479], благородный человек не принимает подачки. Как можно взять добытое несправедливым путем? И всё же хорошо, что вы честно всё рассказали и выказали покорность – за это я, пожалуй, милостиво приму от вас ткани.

Напуганные, туземцы удалились со слезами на глазах.

Корабли продолжали путь и через несколько дней достигли небольшого островного государства Тимор^[480]. Дозорные доложили, что земля здесь зело плодородная, днем жарко, а ночи холодные. Мужчины и женщины коротко стрижены, носят короткие одежды, ночью спят не укрывшись.

Корабли со всех сторон окружили местные лодчонки – в них с товарами для торговли сидели женщины. Ну и срам!!! Командующий приказал:

– Коли у них тут столь дурные нравы, вызови вожака, отдубасим его палкой.

А когда привели вождя племени, заявил ему:

– Между мужчинами и женщинами существуют отличия, сие относится к основным принципам этики. Как ты, староста, мог допустить, чтобы бабы занимались торговлей, позорили нас, благородных мужей?! Вот всыплю тебе пяток ударов палкой – сразу усвоишь пять основных принципов этики и впредь не допустишь их нарушения.

Вождь племени отбивал поклоны и уверял, что всё уже усвоил. Так Саньбао проводил политику благотворного воздействия китайской духовной культуры на дальних чужеземцев.

Двигались еще несколько дней, после чего корабли смогли войти в устье широкой пресноводной реки^[481] с большим поселением на берегах. Командующий обрадовался, вызвал каменотеса и приказал немедленно установить стелу с надписью «Пресноводное устье». Оно и поныне так зовется. Тут вернулись лазутчики и доложили:

– В стране сей много воды и мало земли. Кроме дворца князя на берегу стоят дома командующих. Остальные жители обустраивают жилье на больших плотках и на них же передвигаются, что не требует больших усилий. Название страны на местном наречии звучит как Палембанг, а по-китайски называется Старый порт^[482].

– Плодородна ли тут почва? – поинтересовался Саньбао.

– Да такой тучной земли нигде более и не сыщешь. Здесь бытует поговорка: один сезон зерно сажаешь, трижды золото пожинаешь. Большинство жителей – китайцы из Гуандуна, они привычны к морскому бою и промышляют пиратством, – отвечали лазутчики.

В тот же момент к кораблю подгребла большая джонка, на коей восседал местный военачальник.

– Не приближаться! – остановил его вестовой. – Назови имя.

Военачальник сообщил, что он родом из Гуандуна, по фамилии Ши, а по имени Цзиньцин^[483]:

– Нынче выпало счастье узреть императорское войско, и я прибыл его приветствовать. Коварных умыслов не имею. Могу ли обеспокоить просьбой доложить обо мне командующему?

В ответ услышал:

– Пока держись от кораблей подальше.

– Да вы не сомневайтесь, я один, со мной никого, – откликнулся прибывший.

Вестовой передал известие ординарцу, тот – в ставку, и командующий дал дозволение пустить гостя на корабль. Представ перед Саньбао, местный начальник проделал положенные церемонии, назвал и поведал, что несколько десятков лет назад, в годы правления императора Чжу Юаньчжана^[484], его семья пострадала от морских пиратов и вынуждена была уехать из Гуандуна:

– Во всяко время с благоговением вспоминаю священную столицу. Днесь, прознав, что нам выпала безмерная удача и императорские воины снизошли до нас, прибыл выразить свое почтение.

Командующий поинтересовался:

– Вам вроде должно быть известно о таком законе природы, как движение светлых сил *ян* и темных *инь* в противоположных направлениях?

– Я, ничтожный, прибыл один, без охраны, под одеждой нет лат, – уверил Ши. – Осмелюсь ли тащить за собой темные силы!

– Пусть вы не сторонник теории видимого повиновения при скрытом сопротивлении, но, похоже, прикрываясь общественным положением, решили с кем-то поквитаться, – отрезал Саньбао.

Местный военачальник был потрясен и, восклицая «Ничто не скроется от пронизательного взгляда почтеннейшего!», бросился отбивать земные поклоны.

– Расскажите-ка толком, в чем дело, – потребовал адмирал.

И гость сообщил, что некогда сюда бежал его бывший соотечественник Чэнь Цзуи^[485] – после того как в Китае вскрылось его вероломное пособничество чужеземцам. Прошло много лет, Чэня выбрали на высокий руководящий пост, он стал бесчинствовать, бесконтрольно грабить проезжающих купцов, даже раджа – и тот с ним не сладит:

– Потому-то я и поторопился прибыть первым.

Тут вмешался господин Ван:

– Да, речь явно не о личных счетах, а об общественном бедствии.

– А как величают вашего правителя? – поинтересовался Саньбао.

И услышал в ответ:

– Его называют Анангаварман^[486].

– А известно ли вам, что вашему правителю была дарована печать? – спросил адмирал.

– Мне известно об этом, – отвечал Ши. – Его отец, предшествующий владыка Адитьяварман, трижды платил дань императорскому двору и трижды получал от него новый астрономический календарь, а также узорчатые шелковые ткани.

Саньбао отослал гостя, заметив при этом:

– Чэнь Цзуи вот-вот сам явится, я с ним разберусь.

Тем временем он вручил своему личному телохранителю золотую пластину с головой тигра для раджи Палембанга, коему надлежало изъявить покорность. В случае же малейшего неповиновения флотилия угрожала нанести удар главными силами и, как говорится, копать на три *чи*, дабы докопаться до сути^[487]. Порученец отвез пластинку в Палембанг и вручил ее правителю и военачальникам. Те приняли пластину, прочли текст. В нем разъяснялись цели экспедиции, а в завершение говорилось: «Недопустимо, чтобы государства, независимо от побуждений, вызывали беспорядки, вступали в споры и создавали конфликты. В случае неповиновения мы, согласно императорскому указу, безо всякого снисхождения уничтожим бунтовщиков. О чем и направляем Вам сие уведомление».

По прочтении раджа произнес:

– Император Чжу Юаньчжан не раз проявлял милость к моему отцу, но у отца не было возможность отблагодарить его. Немедля пошлите военачальника приветствовать нынешних посланцев. А я тем временем составлю вассальную грамоту и акт о капитуляции, подготавливаю дань и дары и лично отправлюсь на поклон к флотоводцу. И до тех пор, пока корабли стоят в гавани, окажем гостям радушный прием.

Не успел договорить, как пред его очи явился военачальник – здоровенный, весь закован в латы – и громко отчеканил:

– Я, недостойный, готов отправиться приветствовать небесных посланцев.

Оказалось, это и был Чэнь Цзуи. Раджа вздохнул:

– Ну, что же, чистая или нет, а вода из своего источника, родня – не родня, а всё из одной деревни. Отправляйся.

Чэнь сел в лодку и вместе с офицером-порученцем направился к флагманскому кораблю. Там он представился командующему со всеми церемониями, назвавшись главным старейшиной одного из регионов. Не увидав на лице адмирала приветливости, попытался его улестить:

– Господин, да вы не сомневайтесь. У нашего владыки были кое-какие собственные цели, но я, ничтожный, растолковал ему, что к чему, он и не пикнул. Потому-то я и прибыл первым приветствовать вас, дабы подтвердить твердость намерений нашего владыки.

– Где охранники? Вот сейчас свяжем тебя и проверим сию твердость, – пригрозил Саньбао.

– Зачем сразу связывать?! Как говорится, за что казнить пришедшего сдаваться?

- Будучи в Китае, ты снюхался с иноземцами, одно это достойно казни. А ты еще и здесь промышляешь разбоем да пиратством, и опять же по закону надлежит тебя обезглавить. Да будь у тебя две головы, стоило бы снести обе!

- Командующий, вы несправедливы! Ведь я к вам со всем расположением!

- Ты пришел приветствовать меня лишь для того, чтобы, прикрываясь государственными интересами, кое-кому отомстить. Где тут доброе расположение?

Напуганный Чэнь не проронил ни звука: было ясно, что всезнающий и проницательный военачальник разгадал его потаенные чувства и мысли. А Саньбао решил чуток повременить, пока не прибудет сам раджа, а тогда уж расправиться с Чэнем. Тут как раз доложили о прибытии раджи. После положенных церемоний тот вручил главнокомандующему вассальную грамоту, и Саньбао приказал адъютантам почтительно ее принять. Затем раджа передал акт о капитуляции, кой адмирал внимательно прочел. В документе говорилось, что правитель Палембанга наслышан о различиях меж Китаем и варварами и уразумел, что всякому свое место – шляпа на голове, а ботинки на ногах. Далее правитель выражал убеждение в том, что, прежде чем противостоять давлению извне, следует навести порядок внутри страны: «Что до Палембанга, мы всегда были окружены заботой и вниманием. Еще при предшествующем китайском императоре великие его милости проникли во все уделы: нам был пожалован календарь, письменность, деньги. Подаренная печать придала нам славу, а роскошный экипаж повысил наш авторитет. Мы почувствовали себя защищенными великим благодетелем. Ваше высокое посещение – большая удача для нас. Трудно сдержать радость! Пишу сие послание, надеясь на Ваше великодушие. Я, ничтожный, не в силах выразить охватившие меня страх и трепет. Дата. С поклоном вручаю сие послание».

Прочтя документ, Саньбао объявил:

- Сей текст подтверждает, что добродетельный государь не идет наперекор интересам своей страны.

Засим правитель вручил внушительный список даров, среди коих перечислялась живность всякая: пара «божественных оленей» (огромные, высотой в три чи, спереди черные, сзади белые, поросшие красивой короткой шерстью, травоядные); пара местных птиц-носорогов^[488] (величиной с утку, с черным оперением, шея длинная, клюв широкий и острый, снаружи алый, изнутри нежно-желтый, столь красивый, что им можно украшать пояс); пара огненных кур^[489] (на шее два мягких гребешка алых и шелковистых, туловище покрыто жесткими черными перьями, на голове нарост вроде шлема, лапы мощные с острыми когтями – могут раскорячать до смерти, а сами столь сильные, что их палкой не забьешь, и способны глотать

раскаленные угли, отсюда и название). А еще в списке значились: по паре стеклянных бутылей и коралловых веток, две коробочки алых кристаллов (чудодейственное лекарство для заживления ран), две бутылки розовой воды, два ящика бензойной смолы^[490] (цвет – будто ювелиром составлен, внутри белые вкрапления, внизу – черные, и запах сильный); пятьдесят семенных желез морского котика (эти яички используются как тонизирующее средство). В конце было указание на двух иноземных рабов-музыкантов.

Саньбао приказал складским чиновникам принять дань, одновременно дал распоряжение выставить угощение. Раджа передал еще список «скромных даров на довольствие военным». Командующий категорически отказался принимать что-либо сверх казенных подношений, однако раджа столь жалобно умолял, что адмирал согласился взглянуть на список. Заметил там сто *даней* белого риса и приказал сим ограничиться.

Начался роскошный пир. Впрочем, правитель не притронулся к мясным блюдам и на удивленный вопрос командующего о причине сего объяснил:

– Ничтожный не потребляет приготовленную на огне пищу, ибо сие ведет к засухе и неурожаю^[491].

В ответ на удивленный возглас Саньбао «Быть того не может!» правитель продолжал:

– Есть у нас и другой строгий запрет. Я, ничтожный, не принимаю водяную баню, ибо сие вызывает обильные ливни и наводнение.

Командующий подивился:

– Что же, высочайший правитель ничего не ест и не моется?

– Я питаюсь только кашей и совершаю омовение в цветочной эссенции, – с достоинством отвечал раджа.

Тут Небесный наставник важно покивал, а командующий приказал одарить владыку церемониальной одеждой чиновника с приложенной дщицей, а также подвести к нему оседланного коня с дорогой сбруей. Правитель с поклоном поблагодарил, и вот тут-то командующий повелел привести Чэнь Цзуи. Вид связанного пленника напугал раджу – да так, что он словно язык проглотил.

Командующий спросил, ведомы ли правителю преступления Чэня в Китае и его бесчинства в Палембанге.

– Возможно, я кое-что упустил в самом начале, – проямлил раджа.
– Что же теперь делать?!

Саньбао твердо заявил:

– Я полагаю доказанной его прошлую вину, не считая тех бед, что он принес вашему государству.

Адмирал не стал выслушивать мольбы Чэня, приказал палачу вывести того за ворота, отрубить голову и выставить на всеобщее устрашение. Приговор был исполнен. Раджа с поклоном поблагодарил командующего за то, что своим могуществом тот сумел избавить их

страну от подобного злодея. Затем Саньбао призвал к себе Ши Цзиньцина, вручил ему богато украшенные парадные головной убор и пояс, а также назначил старостой-предводителем вместо Чэня, наказав: «Служите с душой, добросовестно!» Раджа и Ши, откланявшись, отбыли.

Корабли двинулись дальше, и только тогда господин Ван спросил у командующего, отчего Саньбао предчувствовал прибытие Чэнь Цзуи, ведь Ши Цзиньцин ни словом не обмолвился об этом. Флотоводец растолковал, что подобным личностям, жаждущим использовать служебное положение в корыстных целях, обычно не терпится первыми предстать перед вышестоящими и себя показать:

– Посему на посланной мной тигровой пластинке я приказал выбить слова «иных интересов не имеется». Прочтя их, Чэнь должен был еще больше раздухариться. Это ли для него не основание явиться безотлагательно?

Все восхитились проницательностью командующего. Однако Саньбао их остановил:

– Гораздо важнее выяснить у Небесного наставника, отчего тот дважды понимающе кивнул, когда раджа отказался от горячей пищи и сказал, что не оmyвается водой.

Даос признался, что разгадал сущность этого человека – «драконово семья»^[492]. Командующий подхватил:

– Ясно, дракон боится огня, потому всё округ высыхает, зато ему по нраву вода, одним взглядом на нее он вызывает паводок.

Не успел договорить, как ординарец доложил, что правитель прислал с десятков джонок, доверху груженных хворостом и всякими овощами. Командующий приказал взять от всего половину, а остальное вернуть. Ординарец сообщил также, что недавно назначенный старостой Ши Цзиньцин тоже прислал четыре джонки со всякими дарами – там свиньи и бараны, куры и утки, вино и рис. Командующий утвердил:

– Возьмите от всякого товара понемногу, дабы выказать наши чувства.

С тем корабли двинулись дальше.

Прошло еще несколько дней. Меж тем наступил третий лунный месяц, все стали вспоминать красоты столицы, наслаждались окрестными пейзажами. По этому поводу сложены стихи:

Весну встречать богиня вышла,
Вблизи мосточка, где прелестен вид,
Щебечут иволги о том, что утро дивно,
А девы давнюю тоску несут под ивы.

Ординарец доложил, что впереди по берегу раскинулось какое-то государство. Из ставки последовал приказ опустить паруса, бросить якоря, причалить и, как обычно, разбить морской и сухопутный лагеря.

Затем послали лазутчиков, кои вскоре вернулись и доложили, что застава сия весьма необычна. Все местные жители красивы и грациозны, брови очерчены четко, словно горы на весеннем пейзаже, глаза ясные, как прозрачные осенние воды.

- Ну, что же, - не удивился Саньбао, - во всякой местности у жителей свои особенности.

- Да это-то не всё. Черные волосы закручены в тугой узел, лица белые покрыты густым слоем пудры, - продолжали лазутчики.

- Повсюду по-своему прихорашиваются.

- А вот и еще чудеса. Бороды-усов нет, потому и губы алые обнажаются, зубки белые ровными рядами выстраиваются.

- Да уж, люди всякими рождаются.

- А вот уж совсем непонятно. Они, когда мочатся, на корточки присаживаются, струя льется, что вода из горного ручья, а волосья оттуда, будто трава с дамбы, свешиваются.

Тут и Саньбао растерялся:

- Не иначе как женщины?

Дозорные признались:

- Да мы и сами не поймем, вроде они.

Взгляните:

Взмокла под нарядами девичья краса,

Темной тучей, плетью ивы - волоса.

То ли фрейлины из лунного дворца,

То ль парящие снежинки в небесах.

Тут вставил свое слово командующий Ван:

- Судя по донесению, это Царство женщин.

- Означает ли сие, что в нем нет мужчин?! - поразился адмирал.

- Именно!

- Коли так, то каковы его особенности?

Лазутчики доложили, что в стране сей, как и повсюду, существуют и правитель, и сановники, военачальники и простолюдины. Саньбао решительно заявил, что в таком случае разумно и с них требовать капитуляционную грамоту. Однако евнух Ма напомнил:

- Согласно конфуцианским законам, когда мужчина и женщина передают что-нибудь друг другу, им не положено соприкасаться. Посему лучше миновать сию местность.

- Мы - не имеющие равных в Поднебесной, наместники Неба, - процитировал Саньбао древних философов. - Ежели пройдем мимо, нас обвинят, что-де Царство женщин - и то не смогли покорить.

Командующий Ван рассудил:

- Всё одно не стоит начинать с военных действий. Пошлем толкового переговорщика, который четко растолкует, что, мол, ежели подадите вассальную грамоту, акт о капитуляции и пропуск через заставу, сие послужит ко взаимному улагодворению.

Саньбао призадумался:

– А что ежели мне самому пойти на переговоры?

– Да оно бы и неплохо, только вот незадача: боюсь, как бы в отсутствие главного в лагере не стряслось беды, – встревожился командующий Ван.

– Не забравшись в логово тигра, не поймает тигренка. Все известные военачальники древности сражались в первых рядах. Буде возникнут какие военные проблемы, то ведь вы, господин Ван, остаетесь здесь.

– Коли так, не смею препятствовать.

Доблестный адмирал надолго задумался, а затем изложил план действий:

– На войне не возбраняются хитрости! Я пройду через заставу, переодевшись воительницей из здешних мест, иначе не пропустят. А как предстану пред правительницей, открою истинное лицо и растолкую, что к чему. Посмеет ли она, узрев самого главнокомандующего армией Южной династии, не повиноваться нашим требованиям?!

Господин Ван одобрил план.

И вот Саньбао закрутил волосы в тугой узел, надел короткую кофту, обернул нижнюю часть туловища куском яркой ткани, начистил наколенники и сел на коня. Проехав несколько *ли*, он увидел перед собой заставу. Стражницы – изящные, стройные, в руках барабаны из крокодильей кожи и пики из бетелевой пальмы, лица белые, будто пудренные, губы алые, как киноварью вымазаны. «Сколько странного в этом мире! – подумал Саньбао. – Такие красавицы, а не знают радостей брака. Сие не менее прискорбно, чем мое оскопление». Тут стражницы его окликнули. Будучи мусульманином, Чжэн Хэ знал кучу варварских наречий, посему не задумываясь назвал посланцем Государства беловолосых^[493] и добавил, что шесть лет не посещал сие царство:

– У меня важное поручение к государыне, прошу поскорей доложить.

Стражница допрежь всего уведомила деву-военачальницу Ван Ляньин. Та подтвердила, что в самом деле от Государства беловолосых шесть лет не было вестей, и приказала пропустить госпожу. Саньбао приветствовал военачальницу на местном наречии, и та ответила:

– Мы и вправду много лет не встречались.

Саньбао подумал: «Сколь безмерно удачлив наш государь! Ведь я ляпнул первое, что на ум пришло, а оказалось, с ходу попал в точку – легко, словно иголкой проткнул лист бумаги». Дева повела мнимую гостью во дворец, оставила в приемной зале и отправилась докладывать государыне. Правительница милостиво дозволила принять посланницу. Военачальница вышла ее пригласить, да только та исчезла! Точнее, на ее месте стоял совсем другой человек – сановник-мужчина, да и одет он был не так, как жители ближних стран:

в расшитом драконами парадном кафтане, подвязанном украшенным яшмой поясом, на голове шитая золотом шапка с узором в виде трех гор, на ногах черные парадные сапоги военачальника. Дева внимательно осмотрела его со всех сторон, удивилась и встревожилась. Саньбао уверил ее, что он и есть та самая посланница, коя просила встречи с государыней, только он прибыл не из Государства беловолосых, а является главнокомандующим огромной флотилии империи Великая Мин с материка Джамбудвипа:

– Флотилия сия послана императором Чжу Ди в Западный океан с целью умиротворить варваров и вернуть сокровище – нашу потомственную печать. Фамилия моя Чжэн, имя Хэ. Проплывая мимо ваших берегов, мы не имеем намерений посылать войско и наносить урон и разор вашему царству. Посему я лично явился к государыне, дабы получить вассальную грамоту, акт о капитуляции и пропуск через заставу. После того мы направимся в иные страны к удовольствию обеих сторон.

– Вы показали себя зело неискренним человеком, – рассердилась военачальница. – Отчего сразу не признались, что явились из Южной династии? Зачем придумали, будто прибыли из наших западных краев? Ведь я так и доложила государыне – как теперь сообщить ей иное?!

– Да вам в любом случае придется заново докладывать. Ведь того человека более не существует. Вы же не захотите пойти на такое преступление, как сокрытие правды от повелительницы? Поскорей оповестите ее, как на самом деле обстоят дела.

После краткого раздумья военачальница отправилась в покои к императрице, стала умолять простить за ложное донесение и поведала, кем на самом деле является гость и чего требует. Выслушав сие признание, государыня расплылась в улыбке:

– Хватит чепуху молоть, какое-такое преступление? Прибыл посланник Высокого государства, скорей зови его в мои покои.

И Саньбао предстал пред государыней.

Увидав господина, она разволновалась: «Да, я управляю целым государством, подобное счастье дано мне навеки. Плохо лишь то, что ночами я лежу без сна на сиротливой подушке. И вот нынче улыбнулась удача, сей военачальник – не что иное, как дарованная мне Небом возможность счастливого брака. Стань он моим мужем, и в положенный час я без сожалений отправлюсь в загробное царство». Государыня принялась почтительнейше выспрашивать у гостя, откуда он родом, кто таков, какое положение занимает. Ее интересовало и то, зачем флот пожаловал в столь дальние края и как кораблям удалось преодолеть Простор мягкой воды и Магнитный хребет. Саньбао подробно ответил на все вопросы.

– У нас в стране одни женщины, мы мудреных трудов не изучали. Чем обязаны вашему высокому визиту? – старалась подольститься государыня.

– Да ведь потому лишь, что в вашем царстве женщины не обучены военному искусству, мы не посылаем к вам своих военачальников, не двигаем войско. Я явился лично с просьбой вручить нам грамоту и пропуск через заставу, иных требований не имеем.

– Ну, будь по-вашему, вот завтра и передадим документы, не посмеем ослушаться.

Саньбао, видя готовность государыни, безмерно обрадовался и собрался откланяться – да не тут-то было! Утонченность манер господина, изысканность его речи, достоинство, с коим тот держался, – всё это распалило сладострастие государыни. Ей не терпелось испить чашу наслаждений по глотку и до дна, как утоляют жажду в жаркий день. Она принялась уговаривать гостя остаться:

– Коли суждено, расстояние встрече не помеха, а нет – так и сидя рядом не поговорят ладком. Нынче нам посчастливилось встретиться, вы уж не погнушайтесь скромным угощением, заодно и побеседуем по душам.

Тут же накрыли столы, поставили вино. По обе стороны от государыни расположились приближенные дамы, они пели и танцевали под местные мелодии. Командующий посидел-посмотрел и подивился, отчего столь чувственные женщины не выходят замуж за мужчин из соседних стран. Он всё же решился спросить, от кого изначально произошли женщины сего царства. Императрица вздохнула:

– Теперь уже невозможно точно ответить. Однако ныне мужчинам из соседних стран Западного океана не дозволяется иметь сношений с нашими женщинами. Ежели случится что безнравственное, тотчас на теле и мужчин, и женщин появляются язвы, плоть разлагается, и в три дня они умирают. Потому-то женщины нашего царства чисты, как родниковая вода.

– Я не пью, – отказался Саньбао от предложенной чарки. – Позвольте откланяться.

Но владычица подносила и подносила ему чарку за чаркой, а потом призвала:

– Давайте выпьем за знакомство – неужто откажетесь?

Саньбао был человеком прямодушным, ему невдомек постичь тайный смысл ее речей, он по-простецки и опрокинул два больших кубка. И тут государыня подает ему пару золотых кубков в форме женских туфелек. Адмирал попробовал отказаться, но правительница настаивала:

– Это напиток единения, выпьем вместе.

Саньбао не сообразил, что именно имела в виду государыня, и, ничего не подозревая, осушил кубок-туфельку. А та уже протягивает пару инкрустированных золотом и жемчугом чарок в виде цветков лотоса. Тут Саньбао взбунтовался:

– Право, боле не в силах!

- Да взгляните! Два цветка на одном стебле^[494], я тоже с вами выпью.

Саньбао и тут ничего не заподозрил и выпил из вежливости. А государыня торопится вручить ему пару украшенных драгоценностями кубков с изображением мифической птицы Луань^[495]:

- Посмотрите же на эту птицу, и я глотну вместе с вами!

Поскольку государыня уверила Саньбао, что женщины их царства не имеют сношений с мужчинами, он по-прежнему ничего не заподозрил и выпил. Глядь - у государыни в руках пара кубков, украшенных золотыми фениксами. Саньбао был непривычен к выпивке и стал противиться еще решительней. А государыня всё уговаривает:

- Один взгляд на этого упавшего феникса^[496], и глотнем вместе по последней!

Командующий выпил - и вот тут-то он почувствовал странное возбуждение, на него словно пахнуло весной: щеки порозовели - да-да, именно так всё и случилось, Саньбао здорово захмелел. Тогда государыня решила, что называется, тихо подкравшись на веслах, схватить усыпленную рыбку. По ее приказанию прислужницы взяли восковые свечи, курильницу, потихоньку довели гостя до ее богомерзкой опочивальни, а затем и до пропахшей козлиной кожей лежанки. Только тут до Саньбао дошло, что скрывалось за любезностью и радушием правительницы. Понять-то он понял, но так обмяк, что был не в силах сопротивляться и оказался полностью во власти хозяйки дворца. А та отпустила служанок и уложила Саньбао на лежанку, приговаривая:

- Господин, неужто вам неизвестно, что покои новобрачных, озаренные свадебными свечами, важнее, чем победа на императорских экзаменах? Вы - выдающийся деятель великой империи, я государыня - чем мы не пара, пошто противитесь?

- Вы ведь говорили, что местные женщины чисты, как родниковая вода, и не общаются с мужчинами?

- Сие касается соседних государств, а за господина из Южной империи не грех и замуж пойти.

- Неужто вас никогда не посещали наши мужи?

- Такого не случалось. А хоть бы и появился один-другой, их поровну на всех не разделишь. Каждая из наших женщин попыталась бы его ухватить, да побыстрее, так бы и разорвали на лоскутки - тоненькие, как лепестки жасмина в чае или ароматическая травка в мешочке благовоний. Где уж тут о муже толковать!

- Коли так - и меня завтра на лоскутки порвут!?

- Нынче другое дело, мужчин предостаточно, на всех хватит, государыне - главнокомандующий, фрейлинам - командиры, простолюдинкам - солдатики. Каждой самке по самцу, сие ли не справедливость?

Саньбао был подавлен: «Вот уж поистине великие ожидания! Словно пирожки с луком на закуску делят! Интересно, в какой пирожок положат меня, императорского посланника?» А государыня оказалась женщиной сластолюбивой и продолжала свои бесстыжие уговоры в надежде подогреть его страсть. Тут уж не до соблюдения этикета! Она крепко прижала к себе Саньбао, а тот, совершенно растерянный, пробормотал:

– Государыня, вы обознались, я дворцовый *хуаньгуань*.

Так в империи называли евнухов – да откуда правительнице об этом знать! Она решила, что полководец унижительно назвал какой-то невысокий чин и стыдится этого:

– Станешь моим мужем – кто будет смотреть на твой чин?

Она еще крепче вцепилась в евнуха, приблизила к себе его лицо – однако ни о чем не догадалась; сбросила с него парадную шапку – всё еще не догадалась; сняла обувь – по-прежнему ни о чем не догадалась; стащила верхнюю одежду – и тут не догадалась; стянула исподнее – так ни о чем и не догадалась; накрыла покрывалом – даже тут ничто ее не насторожило. Взгляните, с какой радостью она сбросила с себя украшения и одежды, улеглась на лежанку и отдернула край одеяла, дабы внимательней рассмотреть господина! Видит – кожа белая, как снег, гладкая и блестящая, словно яшма. От счастья у нее перехватило дыхание: «Нет, неспроста нынче я заполучила столь прекрасного мужа. Наверняка сие есть воздаяние за то, что в предыдущем рождении я ставила святым благовонные свечи». Она еще сильнее распалилась, крепче прижалась к господину и, шепча «Милый, милый», приблизила к нему свои сладостные уста. Ей не терпелось слиться с ним воедино, дабы дождевая тучка оросила ее солнечную веранду. Она всё ждала, что господин даст волю рукам, но он оставался безучастен. Тогда государыня сама стала щупать-шарить, но на переднем дворе не отыскала столб, держащий небосвод, зато за воротами – пруд разливанный^[497]. Она несказанно удивилась и вылезла из постели:

– Маршал Чжэн, в тебе мужское или женское начало?

– По сути я мужчина, а по функции женщина, – признался Саньбао. И продолжал: – Родился я обыкновенным мальчишкой, настоящим мужчиной – это ли не означает, что я принадлежу к мужскому началу *ян*? Но затем меня оскостили, у меня нет этой штуки, это самое не работает, вот и получается, что у меня ныне женская функция.

Государыня, услышав про «это самое», вскричала:

– Ну ты меня и разозлил!

А про себя подумала: «Стыдоба, развлекала этого уродца! Хватит срамиться, пора гнать его прочь, да поскорее». И приказала немедленно вывести командующего за ворота и обезглавить. Саньбао стал ее урезонивать – здесь стоит многотысячное войско, убьют его – быть беде. Государыня и вправду испугалась и повелела отправить евнуха под конвоем в тюрьму. Адмирал придерживался правила: в сложном

запутанном деле проявлять твердую волю, ради государства забыть личное и не избегать трудностей. Оставалось временно подчиниться, а разобравшись, составить план действий. Меж тем государыня послала разведчиков узнать, что происходит на кораблях.

Сказывают, что тем временем вице-адмирал Ван собрал в ставке всех командиров и выказал озабоченность тем, что от командующего уже два дня ни слуху, ни духу: «Кто возьмется повести отряд на поиски?» Вызвался командир правого авангарда Лю Инь – тот самый: нос мусульманина, глаза что медные колокольцы. Снарядили с ним полсотни всадников. Лю прихватил меч «гусиное перо», вскочил на белоснежного скакуна, и отряд помчался вперед. Скачут они эдак, как вдруг вдали показался огромный мост. По обе стороны перила резные – ну как есть площадка для традиционной музыкальной драмы «Ребятчи забавы». Командир придержал коня, огляделся, отряд тоже остановился. Осмотрелись – под мостом течет прозрачный ручей:

Кружит поток, прозрачен свет волны,
В смарагде струй не зришь мирской пыли.
Сколь много смысла скрыто в чистоте —
И плеск весла, и пение детей.

Стоя на мосту, командир Лю с отрядом не могли оторвать глаз от сверкающего ручья, как вдруг все завопили: «Ох, живот болит!» Один за другим воины повалились на мост и с криками и стонами стали по нему кататься-крутиться. Да что воины, у командира Лю тоже схватило живот; он слез с коня и из последних сил крикнул:

– Думаю, это ядовитые испарения сих варварских мест в воздухе витают, а вода-то под мостом на вид чистая и проточная.

Однако кто-то из воинов высказал подозрение, что именно вода может быть отравленной, и Лю предложил:

– А вы глотните капельку с ивовый черпачок, и сразу станет ясно.

Воины друг за дружкой спустились к ручью, и каждый выпил по ковшику. Затем снова поднялись на мост и расселись как попало, невзирая на ранги. Посидели, ожидая, пока прекратятся боли и можно будет отправиться на разведку. Кто бы думал, что чем дольше они сидели, тем больше раздувались их животы – сначала стали размером с глиняный котелок, а потом и вовсе с ивовую корзину, так что и двинуться невозможно.

Делать нечего, так они и сидели, пока не послышался бой барабанов и шум голосов. Они подумали было, что приближается отряд местных воинов – к счастью, оказалось, что это Чжан Волчий Клык со своим отрядом, посланный вдогонку командующим Ваном, человеком дотошным и острожным. Видя, в каком нелепом положении оказались воины, Чжан здорово перепугался. Лю подробно пересказал, что и как с ними приключилось. Чжан понял, что ситуация непростая, надо как-то выручать своих, и вернулся доложить в ставку. Командующий Ван

рассержено заявил, что воины поступили неосторожно и сами виноваты, посеяв в животах ядовитое семя. Он приказал лазутчикам расспросить местных жителей, что за мост и что за река такая. Те ушли и долго не возвращались.

Чжан Волчий Клык, не в силах более ждать, вскочил на коня и помчался обратно в город. По дороге ему встретилась местная жительница – она несла овощи на коромысле. Он закинул ее на коня и вернулся в ставку. При виде командующего Вана бедняга затряслась от страха. Но тот ее успокоил и приступил к расспросам. Женщина рассказала, что мост называется Мостом отражений:

– Ему дали такое имя потому, что в нашем государстве живут одни женщины, все они мечтают иметь детей. И вот ежегодно пятнадцатого числа восьмой луны все жительницы – от правительницы до простолюдинки – приходят на мост и вглядываются в свое отражение в воде, после чего беременеют. А сама река называется рекой Матери и младенца. А еще беременные женщины, чтобы быстрее родить, приходят сюда, выпьют ковшик воды – и через десять дней созревший плод выходит наружу.

Лю был потрясен:

– На сей раз я в женщину, что ли, превратился?

Господин Ван обеспокоенно спросил, нет ли в воде какой отравы, но женщина уверила, что вода лишь ускоряет роды. Тогда он уточнил:

– Так что же всё-таки станет с тем, кто ненароком глотнет сей водицы?

– Он вроде как зачнет, но не по-настоящему. Чтобы прервать беременность, надо отправиться в пещеру Динъян, что на горе Черепов^[498] в сотне *ли* отсюда. Там есть колодец – Источник Святой матери. Глотнешь водицы оттуда – и освободишься от плода.

– Сложно ли добыть воду из того источника?

– Женщинам нашей страны доступ открыт, а у вас, мужчин-иноземцев, могут возникнуть трудности. В пещере живут три придворные дамы – Златоглавая, Среброглавая и Медноглавая, они охраняют источник и скорее всего не пустят вас, мужчин.

Получив щедрое вознаграждение, женщина ушла. Первым добаться до источника вызвался евнух Ма, а командир Тан Ин выказал готовность сопровождать и охранять его. Вице-адмирал Ван заметил, что в пещере обитают три дамы, посему лучше бы пойти еще одному смельчаку. Откликнулся высокий чин – *юцзи* Ху Инфэн.

И вот евнух Ма с двумя военачальниками отправились на гору Черепов в пещеру Динъян. Им было сказано, что пещера расположена в ста *ли*, но в Царстве женщин расстояние измерялось мелкими женскими шажками, а китайские воины прошли по своим меркам не более полусотни *ли* – и вот пещера перед ними. Стражница доложила дамам, что прибыли всадники, да еще при флагах, под стук барабанов и бряцанье оружия:

- Не походят на мужчин из стран Западного океана.
- Может, из Южной династии? – оживились дамы.
- Да уж, люди необычные, шлем и латы сверкают – верно, и вправду из тех краев. А числом три.

- Не ошиблась?

- Точно!

Тут дамы радостно засмеялись и стали шушукаться:

- Ведь коли один приедет, то кому-то достанется чарочка, а остальные обзавидуются. Да хоть бы вдвоем пожаловали, всё равно одна осталась бы ни при чем, только и слушай, как колотушки время отбивают. А тут в самый раз трое прискакали, каждой достанется. Это ли не удача, небом посланная?

Дамы тотчас надели парадное облачение, вскочили на коней и выехали навстречу: Златоглавая двинулась к евнуху Ма, Сереброглавая – к Тан Ину, а Медноглавая – навстречу Ху.

Евнух Ма ни разу до того не выезжал на боевые позиции. Увидав скачущую во весь опор прямо на него особу женского пола, он выхватил было меч, но не успел ничего предпринять, как Златоглавая сразу его заграбастала. Видя это, Тан Ин в тревоге торопливо повернул коня, дабы вызволить Ма. Кто мог ожидать, что Сереброглавая бросится за ним, ловко накинет на спину алый парчовый аркан и сбросит наземь. Конным оставался лишь командир Ху. Доблестный воин воодушевился и изготовился к бою с Медноглавой. Но та явно неплохо разбиралась в ратном искусстве, и тогда Ху кое-что придумал: он резко крутанул коня и стремглав поскакал прочь. Медноглавая кинулась вдогонку. Ху решился: «Вот теперь-то я ее проучу!» Командир развернулся, рассчитывая схватить противницу – он уже словно в свете молний видел отблеск победных знамен! Да куда там – на дне морском иголку не сыскать, из воды не выловить отражение луны! Медноглавая оказалась закаленным в боях противником. Заметив нацеленный на нее замах, она тотчас резко накренилась вбок и спряталась за конем – удар пришелся впустую по луке седла. А дева, пытаясь обратить против врага его собственный план, развернулась и кинулась обратно. Командир Ху вообразил, что она испугалась, и не раздумывая поскакал вслед. А та, услышав приближающийся перезвон колокольцев его коня, вдруг – бам! – резко повернулась и со всей силы ударила воина кулаком прямо в лицо. Ху оторопел и выхватил свою длинную пику, да только он и представить не мог, что дева перехватит пику и отбросит ее далеко-далеко, а затем, мгновенно перетянув Ху на своего коня, помчит с ним в пещеру.

А из грота Златоглавой уже неслась музыка, звучали песни – дева не скрывала радости, приготовила пир, пригласила музыкантш и танцовщиц. Она и сама выпивала да подпевала, вела себя весьма вольно. Евнух Ма был чуть под хмельком, а дева уже в сильном подпитии. Неожиданно она крепко обхватила гостя, зашептала:

«Сольемся в любовном порыве» – и ждет: вот-вот его чресла прильнут к ее лону, и благодатный дождь прольется в ведьмино ущелье. Как вдруг евнух Ма расхохотался:

– Ты, милая, напрасно стараешься, не на ту могилку пришла плакаться. Я с виду, конечно, мужик, но, к сожалению, лишен мужских достоинств.

– Как так? – возопила Златоглавая.

– А вот так, отрезали, – вздохнул Ма.

Дева не поверила, полезла ощупывать – похоже на застольную игру «чет-нечет»^[499], да только в обоих кулаках пусто. Дева опешила:

– А что, у тех двоих тоже пусто?

Ма решил, что ему с девой дружбу не водить, можно и позабавиться:

– Я как подумаю о тех двоих, просто рыдать хочется.

– Да отчего же? – не поняла дева.

– Владыка ада Яма неравномерно распределил наши достоинства – мне и хвостика не дал, а у них с избытком – у каждого по две-три дополнительные штуки.

От этих слов у дамы сердце застучало часто-часто, она оттолкнула Ма и помчалась в пещеру к Среброглавой.

Смотрит – та выпивает с Тан Ином, у каждого в руках чарки **(Ил. 16)**, да не простые, а брачные, из двух половинок тыквы, алой тесьмой связанных.

Дева пригляделась – ох и хорош воин! Губы алые, лицо белое, не то что у евнуха Ма, как мандариновая корка. Она подумала: «Да, у такого и вправду может оказаться несколько этих штуквин». И окликнула парочку:

– Ну что, веселитесь?

– А ты чего не развлекаешься? – отозвалась Среброглавая.

– Да мой-то оказался лишен мужского достоинства. С чего веселиться!

– Пеняй на свою судьбу – чего пришла ко мне жалиться?

– Какая ты жестокая, забыла нашу клятву: появится достойный – вместе позабавимся, одну лошадку все оседлаем. Нынче у тебя есть любовник – как мне не роптать?

– Ладно, не расстраивайся, поделюсь с тобой.

– Что значит поделюсь? Всё как положено по старшинству: в семье – сначала старшему сыну, в стране – главному сановнику. Сие означает, что сначала он будет мой, а уж остальное достанется тебе.

С этими словами Златоглавая цепко ухватила Тан Ина и потянула к себе. Среброглавой это не понравилось:

– Эка, пасть раззявила на то, что мне в рот попало! Расхрабрилась! Не боишься? Мол, думаешь, голову отсеку – только шрам останется?

И она обеими руками стала тянуть Тан Ина к себе.

Да только Златоглавая была нрава горячего, отваги ей не занимать – размахнулась и со всей силы двинула сестрице кулаком по лицу. Среброглавая пришла в ярость и мечом ловко отсекла старшей голову аж по самое плечо.

Медноглавая, услышав шум ссоры в пещере, удивилась: «Каждой по мужику досталось – что они, по второй порции захотели?» – и побежала мирить сестер. При виде валяющейся на полу Златоглавой с отрубленной головой она пришла в ярость и набросилась на Среброглавую:

– Ах ты, подлая тварь, заботишься о любовнике, а на сестру наплевать?!

И она метнула в нее карманный ножичек^[500] – не длинный и не острый. Как он мог унести жизнь сестры?

А дело в том, что к тому времени Среброглавая уже уложила Тан Ина на лежанку, разделась догола и, стыдясь высовываться, не успела увернуться. Вот так – жизнь за жизнь, месть порождает месть, и этому нет конца.

Меж тем Медноглавая, покончив с сестрой, откинула покрывало и принялась рассматривать Тан Ина: тело белое и гладкое, как яшма, нежное, словно жиром смазано, брови вразлет, пальцы на руках и ногах тонкие – ну до чего хорош! Тут похоть в ней взыграла, она стащила с лежанки труп сестры и позвала служанок, чтобы те его выкинули. Сама же забралась на лежанку, ногами крепко обхватила Тан Ина за талию, приблизила к нему уста и нежно промурлыкала: «Золотко, красавчик». Тан Ин решил, что так тому и быть! Вдруг дева внезапно опрокинулась наземь, и из нее хлынула кровь. «Вот уж правда, девица в красном^[501] приступила к своим обязанностям», – только и подумал Тан Ин. Окликнул ее, чтобы встала и обмылась, но, внимательно приглядевшись, увидел рану на поясице. Тан Ин испугался, вылез из постели, накинул одежду и выскочил из пещеры. Видит – у входа стоит евнух Ма с мечом в руках и хитро улыбается:

– Взгляни, хорош меч!

Тан Ин внимательно глянул и со значением произнес:

– Я скорей назвал бы его топором, разрубающим любовные связи.

Привлеченный их голосами, прибежал и командир Ху:

– Согласен, поистине это так. Ведь мы едва не угодили в ловушку.

– Так как же всё произошло? – обратился Тан Ин к евнуху.

– Да я как услышал, что сестры скандалят, воспользовался случаем и прикончил твою деву, – признался Ма.

– А как ты нас нашел? – удивился Тан Ин, и Ма рассказал, что, видя, как служанка выбрасывает труп Среброглавой, расспросил ее и тотчас примчался сюда.

– Ну, хватит болтать, – заметил Ху, – нас ждут со святой водицей.

Воины набрали воду из источника и, весело подхлестывая коней, ноги в золотых стремях, с победными песнями поскакали к

поджидавшему их отряду. Затем все вместе они помчались на флагманский корабль.

При виде их командующий Ван зело возрадовался, передал водицу авангардному Лю, а тот распределил ее между полусотней воинов. Вода и вправду оказалась целебной, и через три дня все были здоровы. Однако вице-адмирала продолжало заботить, куда подевался флотоводец и что с ним приключилось. На поиски вызвался пойти *юцзи* Хуан Бяо – Хуан Богатырь. На голове – шлем Тай Суя **(Ил. 29)** ^[502], облачен в смазанные животным жиром плотные ламеллярные доспехи, при нем острое копье, восседает на благородном скакуне в яблоках:

– Готов повести отряд, всё сделаем в лучшем виде.

Вице-адмирал предупредил, что хоть это женское царство, но управляют они не хуже мужчин, не стоит их недооценивать. Хуан отвесил поклон:

– Следую указаниям, не смею ослушаться.

С этими словами он простился, надел на коня походное седло и поскакал в Царство женщин. Домчался до заставы Белое облако, а там, гарцуя на легендарном красном коне, его уже поджидала с отрядом военачальница Ван Ляньин – на руке висит редкостный короткий меч с колокольцем^[503]. Взгляните:

Ни румян, ни белил на рже нет,

Лохмы пышны, словно горец-многоцвет.

То не клубень от хохлатки и не панцирь черепаший,

Всё же лилии с Чаншаня^[504] точно краше.

И завязался бой – копье супротив меча, туда-сюда, вверх-вниз. Сходились более двадцать раз, но никто не одержал победу. Дева прошептала заклинания, в руках у нее появилась крошечная железная бадейка, и из нее к небу взметнулся черный дым: постепенно опустившись на землю, он со всех сторон окутал-опутал Хуан Бяо. Оказалось, это и не дым вовсе, а тонкие и прочные нити тутового шелкопряда, кои, словно веревки, крепко обвилились вокруг воина. Да будь ты хоть могутный полководец древности – со связанными руками только и остается, что подчиняться приказам. Девы из отряда подняли Хуана и умчали на своих конях-скакунах.

Как только об этом доложили командующему Вану, тот воззвал к командирам – кто еще отважится принять бой? Вызвался Чжан Бо – обладатель булавы с шипами. Но военачальница тем же способом поймала его и умыкнула.

Завладев сразу двумя командирами, военачальница стала раздумывать, кого из них выбрать в супруги: «Мужчины Южного материка такие красавцы, но только не эти двое – у одного лицо, что копоть на дне котла, у другого желтое, как имбирь. Что-то мне ни один не приглянулся! Отвезу-ка их правительнице, заодно и похвастаюсь своим подвигом, посмотрим, как всё обернется!» Но государыне

пленники тоже пришлись не по вкусу, и она приказала заключить их в тюрьму.

Едва ординарец доложил в ставку, что военачальница снова вызывает на бой, командующий Ван не на шутку встревожился: «Что за страна такая?! Что ни день, то поражение. За два дня двоих военачальников потеряли! Как же заполучить грамоты и добыть государеву печать? До чего вредный народец!» Видя, сколь огорчен командующий, Тан Ин вызвался померяться силами и взять командиршу в плен.

Стоило ему появиться на поле боя, дева тотчас разглядела, до чего хорош: ясноликий-ясноглазый, лицо приятное, борода и бакены^[505] – всё при нем. Она разулыбалась и решила, что сей молодец ей подойдет. Вежливо осведомилась:

– Как вас величать изволите? Благодарствую за наставление!

А тот в ответ:

– Ну, ты, волосы пучком, наряды торчком, где тебе, невежде, знать обо мне, победителе дворцовых экзаменов по военным дисциплинам?

Услыхав, что воин еще и ученый, дева возликовала, на ум пришли строки^[506]:

Первый из всех пятисот, он самый красивый.

Одежды цветастой шелк, что дымка плакучей ивы.

В зеленых одеждах повсюду, он государем обласкан.

Император издаст указ, распишется свежей краской^[507].

«Вот нынче поймаю его, вечером вкусим фениксову любовь, а поутру проснусь супругой великого ученого. То-то радость!» – возмечтала дева.

Задумавшись, она позабыла пустить в ход свои танцующие мечи или хотя бы подстегнуть коня, а очнувшись оттого, что пика воина упирается ей в лицо, и поспешила покинуть поле боя. Тан Ин поразился: «Даже не вступила в схватку, а уже убегает. Не иначе симулирует поражение. Иначе ежели не стану преследовать, то посрамлю свое звание первого из сильнейших!» Он подстегнул коня и пустился вслед. И вдруг ясно увидел, что дева взмахнула руками, и тотчас ввысь поднялся какой-то черный дым. Тан Ин смекнул, что в этом и состоят колдовские чары. Он потыкал пикой в дымовую завесу, пытаясь найти ее истоки. Откуда ему знать, что прорвать завесу невозможно, она бесконечна – вот она уже засосала оружие. Лишившись пики, Тан отважился выпустить стрелу – стрела не оторвалась от тетивы, а лук словно застыл и не натягивался до конца. Да и руки у него были будто связаны – в общем, уже не человек, а полчеловека. Почему? Да потому, что ни рукой, ни ногой не двинуть, и ратный талант без пользы. Тут-то воительницы из отряда схватили его и умчали.

Заполучив Тана, военачальница Ван возрадовалась и приказала отнести молодца в ее хоромы. А сама вошла в дом, развязала

опутывавшие господина веревки, пригласила занять почетное место за столом и трижды поклонилась:

– Прошу простить за то, что посмела нанести оскорбление и поставила вас в неловкое положение!

– Хочешь убить – убей, хочешь отрубить голову – руби, нечего болтать об обидах! – вскричал Тан Ин.

– Господин ошибается! Лишившемуся брэнного тела придется пройти десятки тысяч калп до нового перерождения. Мертвые не оживают – с чего это вы не дорожите жизнью?

– Жертвовать собой во имя великого дела, отдать жизнь во имя долга! Что ты смыслишь в этом, презренная!

– Коли суждено – и тысяча *ли* не преграда, красный шнурок свяжет брачными узами сквозь любое расстояние^[508]. Я дева простая, талантов не имею, но мечтаю разделить с господином подушку и циновку. Что вы об этом думаете? – заискивающе улыбнулась дева.

– Хватит молоть вздор! Чтобы я, военачальник Южной империи, тайно вступил в брак с чужеземной девицей из какой-то варварской страны!

– Право, не следует так пренебрежительно о нас отзываться! Коли станете моим супругом, будете жить в хоромах – над головой расписные балки и резные перекладыны, под ногами яшмовые ступени. Какие одежды придутся по нраву – немедля доставят тысячу ящичков шелковых одеяний, чего ни возжелаете вкусить – в тот же миг перед вами любые редкостные яства. Стоит слово молвить – толпы слуг вмиг откликнутся. Коли я вам приглянулась, кто еще во дворце нужен?^[509] Захотите – станете правителем нашего царства, а я – матушкой-государыней.

Стоило деве завести речь о нарядах и яствах, Тан Ин еще пуще разгневался, а уж когда она предложила ему стать правителем, и вовсе разъярился: «Ну и девица! Из тех, о коих наш древний философ писал: ни отца, ни правителя не почитает! Верно говорят: коварство женщины опаснее укуса ядовитой змеи и жала осы». Командир вскочил и плюнул ей в лицо:

– Тьфу, дерзкая! Мелешь тут всякий вздор! Как сказал Конфуций, человек не может жить с одними лишь птицами и зверями!^[510] Поскорей убей меня, не то я убью тебя!

От такой грубости Ван Ляньин вспыхнула, до корней волос покрылась испариной, и в тот же миг ее настроение изменилось: она кликнула служанок и приказала отрубить Тану голову. Те с готовностью вытолкали его из покоев.

Но случилось так, что была в стране еще одна выдающаяся девица, коя изначально и заняла первое место на дворцовых экзаменах Царства женщин. Одначе в день награждения она нечаянно опрокинула на пол поднесенные ей государыней три чарки вина, и правительница обвинила ее в неучтивости к благородным^[511]. По этой причине занявшая

третье место на тех экзаменах Ван Ляньин стала первым кандидатом на должность военачальницы, а подлинную победительницу назначили тюремной надзирательницей. Звали ее Хуан Фэнсянь, и была она равно сведуща и в грамоте, и в военном деле – что называется, всё при ней. Ей с первого взгляда приглянулся ладный, плечистый да речистый Тан Ин – она распознала в нем человека незаурядного, птицу высокого полета, и решила спасти молодца: «Тогда и брачные узы мне достанутся». Хуан бросилась в ноги военачальнице и напомнила о могуществе даосского и буддийского монахов, сопровождавших флотилию:

– Мы не знаем всех их возможностей, не ведаем, ждет нас завтра победа или поражение. По моему скромному мнению, лучше отправить командира пока в тюрьму к остальным двум. Ежели войско Южной династии одержит победу, неплохо иметь заложников. А коли китайцы проиграют и нам удастся взять в плен тех монахов, не поздно будет казнить всех скопом.

Доводы стражницы звучали убедительно – почему бы не прислушаться? Ван Ляньин приказала отвести Тана в камеру смертников и не спускать с него глаз. Фэнсянь ответила:

– Человек тверд, как железо, и всё не железный, а закон подобен печи – в ней и пеки. Посмею ли я пренебречь приказаниями? – и лично препроводила Тан Ина в тюрьму.

Там его уже ожидали сотоварищи – Чжан Бо и Хуан Бяо. Они поведали друг другу о своих злоключениях и дружно вздохнули:

– Ну и штучки! Эти оболстительницы так и липнут, словно клей или лак. Вдоволь от них натерпелась!

Тан осведомился, известно ли кому местонахождение главнокомандующего Чжэна, и узнал, что тот содержится в центральной тюрьме Министерства наказаний. В этот момент вошла надзирательница Хуан, принесла извинения, угостила чаем. Все трое пленников умели изъясняться на местном наречии, и Тан Ин молвил:

– Вовеки не смогу отблагодарить вас за спасение, а вы еще и чаем нас поите!

– Не стоит благодарности, – сконфузилась дева. – Наша военачальница поначалу к вам благоволила, но, как нарочно, вы не поладили, вот она и отплатила злом за добро.

Тут вмешался Чжан Волчий Клык:

– Навряд ли она с самого начала была чистосердечна.

– Отчего же? И мужчины, и женщины равно мечтают обзавестись семьей – в чем тут неискренность?

– Но вы-то, уважаемая, не стремитесь замуж?

– Без свахи хата женихом не богата. Кто не желает найти мужа?

– Ежели дева и вправду собралась замуж, я готов быть сватом – согласны?

– Сначала проверю таланты жениха.

– Вы тоже заняли первое место на государственных экзаменах – неужто вам не подойдет высокомудрый Тан?

– Боюсь, мудрейший погнушается чужеземной девой, постыдится вступить с ней в брак.

Тан Ин молчал, склонив голову. Тогда Хуан обратилась прямо к нему:

– Господин Тан, не пренебрегайте чужеземкой. Ежели я вам подхожу, то раскрою все тайны магии нашей военачальницы.

Тан Ин заколебался: принять предложение и вступить в незаконный брак – значит совершить преступление, а как отказаться? И всё ради магических секретов военачальницы, кои Хуан Фэнсянь сулила раскрыть. «Была не была, командующий тут недалеко, попрошу пригласить его, а там уж как он решит!» И повернулся к деве:

– Благодарю за оказанную честь и предложение вашей любви. Однако я воин и действую в соответствии с приказами. Вот ежели бы вы привели сюда нашего командующего, можно было бы решить проблему.

Надзирательница тут же открыла центральную тюрьму и привела адмирала Чжэна. Все трое командиров поспешили его поприветствовать. Саньбао так и не понял, как случилось, что все они оказались в плену, и Чжан Волчий Клык разъяснил:

– Да всё из-за колдовских чар здешней командирши— не знаем, как их развеять.

– Как бы найти того, кто сможет ее одолеть? – допытывался Саньбао.

– Сей тюремщице по имени Хуан Фэнсянь то ведомо. Одначе она согласна поделиться секретами, только став супругой Тан Ина.

– Ежели всё взвесить, то личные и общественные интересы совпадают – с чего бы отказываться? А я готов быть распорядителем на свадебной церемонии.

– Превосходно! Тан, готовь дары невесте, – засмеялся Чжан.

Тан Ин, не задумываясь, откликнулся:

– На мне яшмовый пояс, дарю его.

Так и состоялся свадебный сговор. Командующий посоветовал новобрачным отправиться в личные покои Фэнсянь:

– Боюсь, у тюремных стен могут быть глаза и уши.

Время близилось к полуночи, и молодые уединились во внутренних комнатах:

Лунной феи белоснежна кожа,
Дивна яшма ночью дарит свет,
Это лик из старых книг, быть может,
Равной красоты в сем мире нет.

На другое утро Тан Ин вернулся в тюрьму, а дева причесалась и привела себя в порядок. Тут пришла срочная бумага от начальницы с

требованием без промедления явиться во дворец. Новобрачная до смерти перепугалась, решив, что просочился слух о ее похождениях прошлой ночью. Вот уж поистине: кто днем дурных не совершает дел, тот ночью не боится стука в дверь. Фэнсянь помчалась в резиденцию Ван и с трепетом поднялась на красные ступени. Военачальница произнесла:

– Мелкий душой не станет благородным человеком, мягкосердый не будет хорошим мужем.

С этими словами она приказала Фэнсянь приготовить три сотни *даней* сухих дров, облить их серной кислотой и селитрой и разжечь за восточными воротами большой костер, а троих пленных офицеров вместе с их военачальником-евнухом крепко-накрепко связать и бросить в огонь:

– Только тогда найдет выход кипящая в сердце ненависть! Немедля выполняй, да не вздумай ослушаться!

Надзирательница вернулась в тюрьму и обо всём рассказала пленникам. Те всполошились:

– Теперь наши судьбы в твоих руках.

Фэнсянь возразила:

– Я получила приказ и не смею ослушаться. Лучше поскорей придумайте план действий.

Тан с ходу предложил сделать на веревках скользящие узлы, от коих легко избавиться.

– Поняла, – ответила дева.

– Развяжем узлы, и куда бежать? – осадил Чжан Волчий Клык.

Тан Ин не растерялся:

– Жена моя, ты пойдешь вперед и проложишь путь.

– Сделаю! – с готовностью отозвалась Фэнсянь.

– Что толку бежать с пустыми руками? – возразил Чжан. – Нужны оседланные кони, полный комплект одежды и оружие.

А у Тана уже наготове хитрый план. Он попросил супругу передать военачальнице, что китайские командиры не боятся смерти:

– Скажи, мол, просим наших коней, одежду и оружие тоже сжечь, дабы всё, с нами связанное, решительно и бесповоротно уничтожить и предать земле. В противном случае после смерти хозяев и кони, и вещи превратятся в злых духов гор, рек, деревьев и не дадут покоя ни днем, ни ночью. С этой целью предложи поставить коней и разложить всё, принадлежащее осужденным, перед каждым из них у костра.

Фэнсянь одобрила план и отправилась докладывать:

– Костер готов, ждем приказа доставить командиров Южной династии и довершить дело.

Военачальница приказала накрепко связать пленников и привести под конвоем к восточным воротам:

– Будь начеку, не оплошай.

Тут-то надзирательница и изложила начальнице пожелание пленных не оставлять после себя свои доспехи, коней и оружие, дабы их души не беспокоили окружающих.

Ван мысль одобрила и поручила Хуан Фэнсянь самой всё подготовить.

И вот уже слышна троекратная дробь барабанов: Хуан под охраной вывела четверых военачальников за восточные ворота и расставила слева от навеса, где были приготовлены дрова. Чжан Волчий Клык глянул украдкой – все четыре комплекта одежды аккуратно разложены вместе с оружием, рядом стоят оседланные кони. Не сдержав рвущуюся наружу ярость, он издал громкий клич и, дернувшись всем телом, избавился от веревок. Остальные трое тоже быстро обнаружили скользкие петли и сбросили оковы. Каждый стремительно схватил свое обмундирование и оружие, Тан Ин прихватил жену, все вскочили на коней и помчались к стоящим у берега кораблям.

Сказывают, что, получив сии ужасные вести, военачальница от злобы аж зубами заскрежетала и глазами засверкала: «Ах, подлая! С ее-то талантами решила предать родину ради личной выгоды». Взяв с собой отряд лучших воительниц, военачальница Ван в парадных доспехах вскочила на коня и бросилась в погоню с криком:

– Где ты, предательница?

Услыхав эти вопли, Тан Ин бросил жене:

– За нами гонятся! Что делать?

Та успокоила:

– Одна рука не устоит против двух ладоней. Я да вас четверо – стоит ли бояться ее одной? А чары – моя забота, скоро сам убедишься, как я с ней расправляюсь.

Тан Ин приказал Хуан Бяо охранять флотоводца и вместе с ним уходить, а сам вместе с женой и Чжан Бо придержал коней, и они развернулись навстречу погоне – Фэнсянь в центре, командиры по обе стороны. Военачальница тоже заняла боевую позицию и принялась оскорблять противницу:

– Гнилое собачье мясо, ты воспользовалась мужчиной, коего я с таким трудом заполучила. Да еще и предала страну.

Фэнсянь в ответ:

– Сама бесстыжая! Ты за целый день не смогла никому всучить свои женские прелести, а меня обвиняешь в том, что я у тебя мужика увела!

Обе выхватили мечи, завязалась схватка. Тан Ин, опасаясь, что победа ускользает от супруги, вклинился в бой. Военачальница от ревности еще больше рассвирепела и обратила меч против него. После нескольких схваток она развернула коня и поскакала прочь. Тан Ин, не желая ударить лицом в грязь перед супругой, помчался вдогон, а Фэнсянь, зная все повадки своей командирши, поскакала за ним вслед.

Обе девы использовали и обычные мечи, и разные магические приемы – сражение длилось не один день. В конце концов Хуан Фэнсянь пустила в ход полученные в дар от своей божественной наставницы стрелы – они вонзились в тело военачальницы Ван. Боль была столь нестерпимой, что той пришлось покинуть поле боя.

Фэнсянь помчалась вслед за противницей и почти нагнала ее, но та достигла берега моря, неожиданно вместе с конем прыгнула в глубины и исчезла. Под звуки победных барабанов все вернулись на флагманский корабль.

Одначе наутро военачальница Ван, как ни в чем не бывало, вновь оказалась на поле битвы. Евнух Ма недовольно буркнул:

– Все чужестранцы таят в душе злой умысел – считай, на сей раз он раскрылся.

Командующий Ван поддержал:

– Боюсь, Фэнсянь нарочно изобразила ратный подвиг, и по закону ее полагается казнить.

Адмирал вызвал деву:

– Твой вчерашний подвиг вроде как ненастоящий!

Та в ответ:

– Неужли я, скромная воительница, осмелилась бы обманывать командующего и претендовать на великий подвиг! Военачальница на самом деле прыгнула в море, все это видели и могут подтвердить.

Саньбао рассердился:

– Ты – чужестранка и не знаешь наших законов. Тебе ведомо, что за подобный подлог приговаривают к обезглавливанию?

– Сие мне известно, – подтвердила Хуан. – Дозвольте снова выйти на боевые позиции и искупить вину.

– Считай, договорились! – бросил Саньбао.

Тан Ин понял, что у командующего всё еще остались сомнения, и попросил дозволения сопровождать жену:

– Я прослежу за ней, а ежели что – подмогну.

На другой день бой между соперницами продолжался, каждая клялась отрубить другой голову. Сходились несколько десятков раз, пока военачальница Ван снова не разыграла поражение и не покинула поле боя. Ее противница, хорошо знакомая с подобной тактикой внезапного удара мечом^[512], бесстрашно кинулась в погоню. Военачальница только и ждала этого – услышав за собой топот копыт, она резко развернулась и замахнулась расписным мечом с колокольцем. Конь под Фэнсянь не удержался, и вот уже меч занесен над ее головой. В ту же секунду, оглушительно рявкнув «Что творишь, скотина мерзопакостная!», Тан Ин бросился на помощь супруге. От такого вопля ее конь в испуге чутко отскочил назад, и нацеленный меч воткнулся в землю прямо перед его копытами. Как говорится, мудрейшим святые помогают, полководца самоуверенность спасает. Грозная Ван поняла, что из одной шелковинки не сплести нити, одной

ладонью в ладоши не хлопнешь. Куда ей против двоих! Она схватила свой меч, помчалась к берегу и снова скрылась в море. Тан Ин предложил подождать, пока та вновь не появится. Ждали до заката, но, не дождавшись, вернулись на корабль и доложили о победе.

А наутро та самая Ван, как ни в чем не бывало, снова примчалась, сгорая от нетерпения вступить в схватку. Бифэн предложил допрежь послать добра молодца:

– Найдите такого, кой не убоится ни черта, ни святого, пройдет сквозь огонь и воду.

Принять вызов согласился Чжан Бо:

– Я и есть тот самый воин.

Государев советник предупредил:

– Ежели дева опять притворится побежденной и бросится в море, ты прыгни вслед, продолжи там битву и заставь ее выйти на сушу. Тогда победа в твоих руках.

Тут Чжан призадумался: «Прыгнуть-то я прыгну, а ну как она меня утопит? Я превращусь в злого духа вод, тогда уж мне не совершать более подвигов, не вернуться на родину. Нет, так не пойдет!»

Ему расхотелось вступать в бой, но он хранил молчание. Государев советник разгадал его мысли и улыбнулся:

– Ты отважен, но тебе недостает сообразительности и находчивости, ты не предназначен для великих свершений. Желает ли кто иной принять вызов?

Не успел договорить – Хуан Фэнсянь упала на колени и вызвалась снова ринуться в бой. Бифэн и ее предупредил:

– Тебе придется окунуться в морскую пучину, ты победишь, только ежели не убоишься смерти.

Доблестная Хуан с достоинством отвечала:

– Сражаясь за страну, не страшно и умереть.

На сей раз Государев советник проникся верой в ее героический дух и вручил заветный талисман – огромную идеально круглую жемчужину:

– Сей талисман очищает воду от любой нечисти. Как войдешь с жемчужиной в море – вода расступится, перед тобой откроется широкий путь, а драконы, черепахи и тому подобная нечисть исчезнет.

Фэнсянь с поклоном поблагодарила, взяла жемчужину и была такова. Чжан Волчий Клык подсадовал: «Зря я струхнул – да кто же знал о подобном талисмани!» Вот про такие случаи и говорят: лицом к лицу не вступит в бой, храбрец он только за спиной. Засим Государев советник встретился с Небесным наставником и попросил даоса оседлать Соломенного дракона и, как только злобная дева выскочит из воды и взмоет в облака, схватить ее и не выпускать.

На другой день, едва военачальница Ван, пытаясь в ходе битвы спастись, прыгнула в море, Хуан Фэнсянь не колеблясь последовала за ней.

Теперь, уже в морской стихии, противницы сходились в схватке несколько десятков раз. Военачальница, увидав, что вода перед Хуан расступается и та не только не тонет, а становится всё бойчее и энергичнее, смекнула, что дело нечисто. Прочтя мантры и заклинания, она вместе с конем выпрыгнула на берег и взвилась на облаке в небесные выси. Храбрая Хуан возмутилась: «Думаешь я не смогу оседлать облако?» – и последовала за врагиней. И в этот самый миг Небесный наставник подбросил свою волшебную головную повязку с девятью драконами и – хлоп! – накрыл ею деву Ван, словно лукошком. Хуан, услышав сей странный звук, испугалась, что прозевала противницу, и тотчас спустилась на землю. Увидав, что та лежит на земле, как чехлом спеленутая, она споро подбежала, выхватила меч и отсекла ей голову. Тут на Соломенном драконе подоспел и сам Небесный наставник, а Хуан уже держит в руках истекающую кровью голову военачальницы.

– Не знала, что Небесный наставник тоже в заоблачье – боюсь, превысила свои права, – повинулась она.

– Нечего об этом говорить, ты сражалась отважно и умело, – заверил ее даос и забрал свой талисман – головную повязку.

Затем он встретился с командующим и преподнес ему голову военачальницы. Саньбао возрадовался, роздал награды, сообщил о победе всем командирам, а затем закатил пир горой. Как говорится, победные стяги радуют глаз, благие вести услаждают слух.

Правительница Царства женщин, прознав о гибели военачальницы, испугалась до дрожи, до трепета. Тотчас приказала девам в воинском чине готовить грамоты, дамам-сановницам – дары, а прислужницам – расставить курительницы для благовоний и вазы для цветов на случай появления Небесного наставника.

И вот правительница прибыла на флагманский корабль и отвесила поклоны командующему. Саньбао приветствовал ее такими словами:

– Спокон веку Китай находится в центре и руководит проживающими вокруг, чужеземцы располагаются окрест и служат центру^[513]. Как вы посмели проявить неуважение?

Правительница принялась класть земные поклоны:

– Умоляю простить! – и с этими словами почтительно, обеими руками, вручила вассальную грамоту, кою командующий отдал на хранение представителям военной администрации.

Затем владычица вручила акт о капитуляции, где в том числе говорилось: «Мы, государыня Царства женщин, наслышаны о том, что император достославной Мин есть великий объединитель земель... В безмерную, как океан, благодарность к вашим благодеяниям вливается и наш тонкий ручеек...»

Прочтя документ, Саньбао воскликнул:

– Сколь высокий слог!

Правительница опустилась на колени, дабы передать список даннических подношений, но Саньбао отказался:

– Вы же не такие, как другие страны. Достаточно того, что вы признали величие нашей небесной династии и впредь не дерзнете проявлять непокорность. Посему ничего от вас не приму. Нешто наша великая империя обеднеет без ваших даров?!

Правительница настаивала – командующий наотрез отказывался. Тогда она пожелала представить список подарков для награждения воинов, но флотоводец и тут решительно воспротивился:

– Я отверг дань, а уж подарки тем паче не приму.

Зато повелел ординарцам в ответ одарить правительницу парадным головным убором, поясом, платьем, драгоценной дщицей и нарядной обувью, и еще наказал:

– Варвары восхваляют и почитают Китай, как того требует этикет, иначе сие не означает их унижения. Впредь не оказывайте сопротивления нашим воинам.

Владычица снова поклонилась до земли, поблагодарила и откланялась.

Командующий приказал раздать награды, устроить пир и выбрать счастливый день для продолжения плавания. Не успели поднять якоря, как вперёдсмотрящий доложил:

– Дальше пути нет – следовало бы разузнать, куда двигаться. Отсюда куда ни глянь – словно иной мир: не разглядеть неба и земли, солнца и луны, не определить сторон света. Вокруг безбрежно-белый водный простор, да и тот необычный: на несколько *ли* бурлит гигантский водоворот – от него такой шум, словно обрушились небеса и треснула земля! Словно мы оказались в ином мире!

– Сие доподлинно так, – подтвердил командующий Ван. – Об этом еще в древних книгах сказано.

– Что же сие за место такое? – потрясенно воскликнул Саньбао.

– Морское око^[514], оно еще называется подводной пучиной.

– Как же быть? Нам не пройти!

Тут военачальник евнух Хун^[515] предложил повернуть корабли в обратный путь. Да только командующий Ван воспротивился:

– Отчего же! Корабли немного отклонились к востоку, следует развернуться точно в западном направлении.

– А ну как вовсе собьемся с пути? – не успокаивался Саньбао.

– Днем флотилии предпочтительней стоять на месте, а плыть только ночью.

– Мы и днем потеряли верный путь – как же двигаться ночью?

– Ночью надежно озаряет дорогу небесный фонарь.

Главкомандующий согласился. Стемнело – и тут вправду на небе стал виден свет небесного фонаря. Корабли продолжили путь, днем отдыхали, ночами плыли спокойно, без происшествий.

Если хотите знать, куда дальше лежал путь флотилии, слушайте следующую часть.

Вклейка

Ил. 1 Портрет императора Чжу Ди

Ил. 2 Памятник адмиралу Чжэн Хэ. Музей судовой кораблей-сокровищниц, Нанкин

Ил. 3 Изображение адмирала Чжэн Хэ. Фрагмент керамического панно в башне Юэцзян, Нанкин

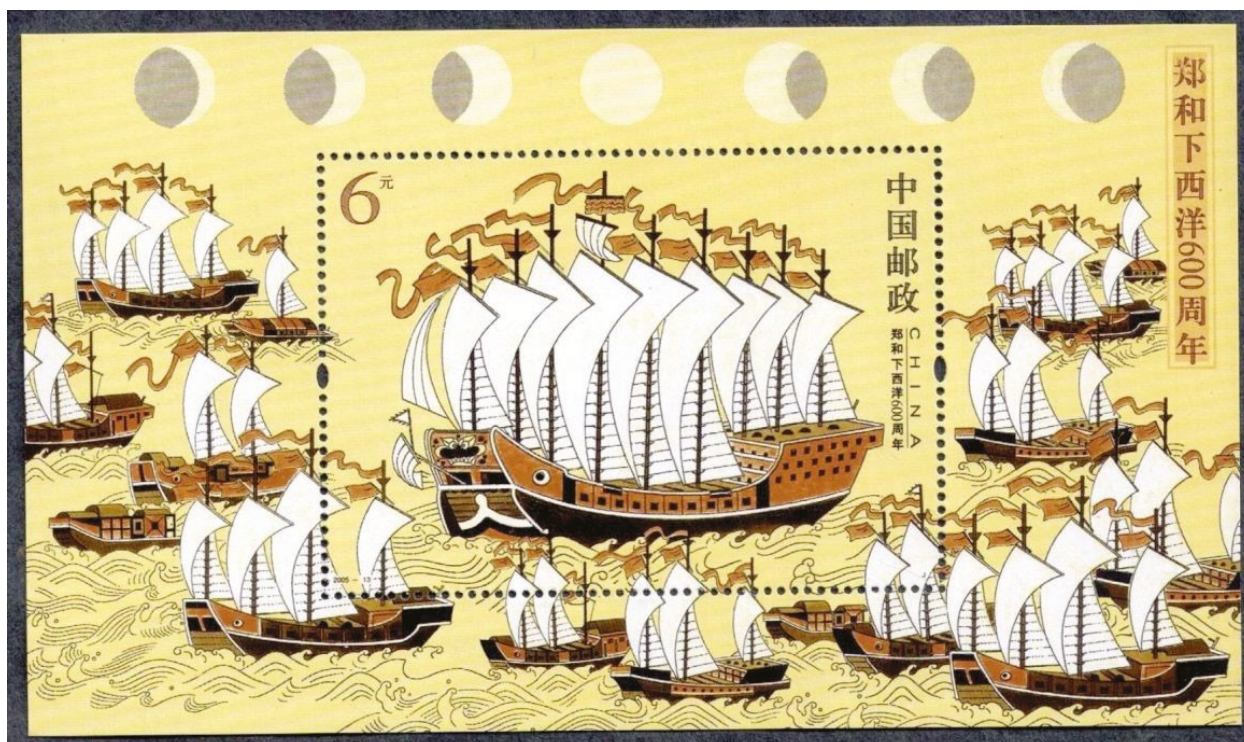
Ил. 4 Корабль-сокровищница. Фрагмент керамического панно в башне Юэцзян, Нанкин

Ил. 5 Модель корабля-сокровищницы, созданная в Китае в 2005 году. Музей судовой верфи кораблей-сокровищниц, Нанкин

Ил. 6 Модели корабля-сокровищницы (на заднем плане) и корабля Христофора Колумба (на переднем плане). Музей судовой верфи кораблей-сокровищниц, Нанкин

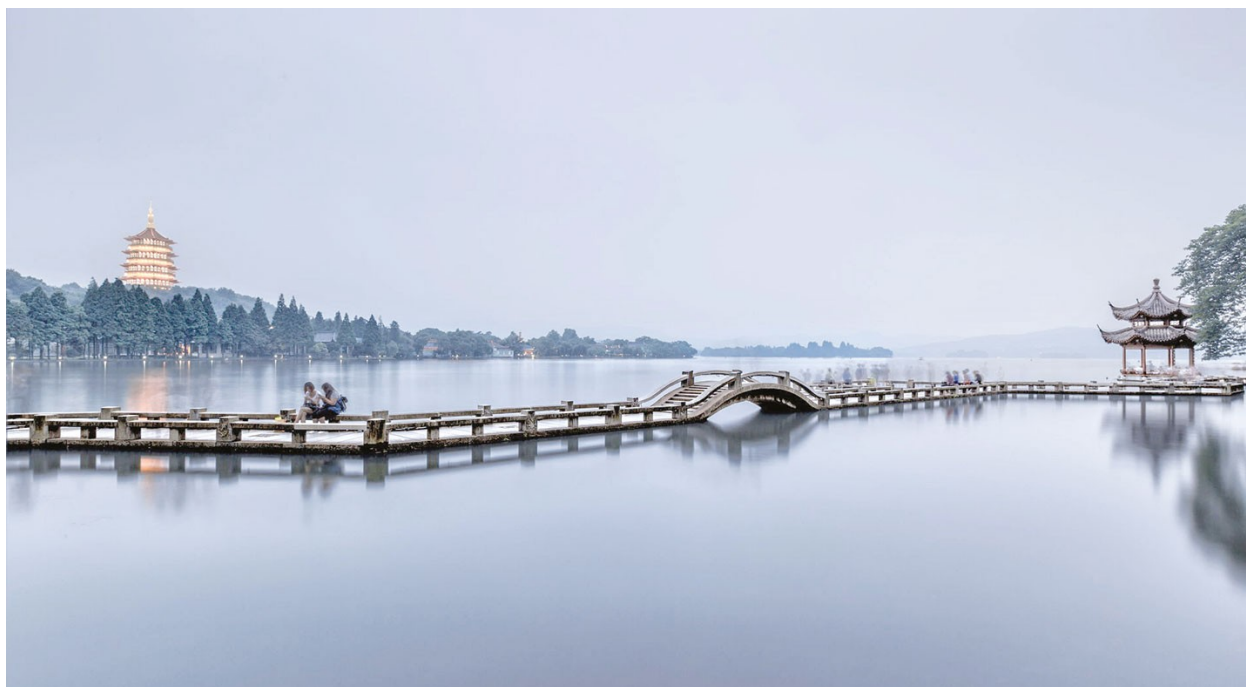
Ил. 7 Марка, выпущенная в Китае к 600-летию начала плаваний Чжэн Хэ

Ил. 8 Камень, естественный узор на котором напоминает о флоте Чжэн Хэ, выходящем в море. Музей верфи кораблестроителей в Нанкине

Ил. 9 Дун Юань. Пейзаж с изображением реки и Пурпурных гор близ Нанкина

Ил. 10 Озеро Сиху. Слева – храм Чистоты и Милосердия

Ил. 11 Бодхисаттва Гуаньинь в сопровождении юной девы с волшебным кувшинчиком и юнца с лотосом

Ил. 12 Статуя покровительницы мореходов – богини Мацзу (Тяньфэй) на острове Цзиньмэнь

Ил. 13 Невритовые печати

Ил. 14 Фарфоровый табурет в виде бочонка

Ил. 15 Статуэтка на традиционный сюжет «Лев катает расшитый мяч»

Ил. 16 Брачные чарки из половинок тыквы-горлянки

Ил. 17 Шэн – китайский «губной орган»

Ил. 18 Мудры

Ил. 19 Схема «гадания перед конем»

Ил. 20 Ваджра – ритуальный жезл

Ил. 21 Даосский трехуровневый магнитный компас лопань

Ил. 22 Двухчастная «тигровая пластинка»

Ил. 23 Знак перемирия

Ил. 24 Армия эпохи Мин

Ил. 25 Выступление гвардии. Фрагмент шелкового свитка, династия Мин

Ил. 26 Доспехи с защитными пластинами

Ил. 27 Скрытые доспехи

Ил. 28 Старинные китайские шлемы

Ил. 29 Шлем Тай Суя - часть церемониальных доспехов. Династия Цин (XVIII век)

Ил. 30 Древковое оружие Китая: копья, секиры, алебарды

Ил. 31 Длинная китайская секира юэ

Ил. 32 Короткая секира фу – бронзовый топор с навершием в виде головы дракона

Ил. 33 Навершие алебарды цзи. Династия Цин, XVIII век

Ил. 34 Двузубая алебарда (рунка) фантяньцзи. Современная работа

Ил. 35 Дао - меч сабельного типа

Ил. 36 Меч дао «гусиное перо». Китай, XIX век

Ил. 37 Меч-сабля гуань дао (или «зеленый дракон»)

ROYAL ARMOURIES

Ил. 38 Цзянь – прямой обоюдоострый меч

Ил. 39 Старинные и современные метательные ножи – «летающие кинжалы» фэйдао

Ил. 40 Бронзовая мортира-ручница эпохи Мин

Ил. 41 Пушка фаланцзи

Ил. 42 Пушка-кулеврина да фагун

Ил. 43 Огнетет мэнхоюгуй

Ил. 44 Ручница-пищаль

Ил. 45 Аркебуза «птичий клюв» с фитильным замком

Ил. 46 Фитильный замок

Ил. 47 Станковый арбалет

Ил. 48 Железный шип

Ил. 49 Сяньянский камнемет

Ил. 50 Булава с шипами

Ил. 51 Комбинация стрелы «полумесяц» с боевой лопатой «лунный зуб»

Ил. 52 «Поющая стрела»

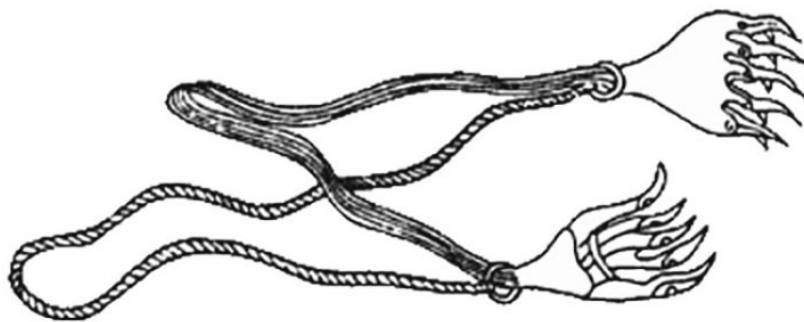
Ил. 53 Трехгранный наконечник стрелы «волчий клык»

Ил. 54 Трезубцы среди образцов оружия из коллекции Хабаровского краеведческого музея

Ил. 55 Боевой крюк чжуа

Ил. 56 «Летающие когти» – комбинированный вариант боевого крюка чжуа

Ил. 57 Боевой многоколенчатый цеп цзебянь

Сноски

1

Ван Мэн (род. в 1934 г.) – крупнейший современный китайский писатель. Его рассказы рубежа 1970-х – 1980-х годов, написанные с использованием приема «поток сознания», возродили новейшую китайскую литературу после «культурной революции», вводя в нее глубокий психологизм. В России опубликовано немало произведений писателя, в том числе в сборниках «Избранное» (1988) и «Следы на склоне, ведущие вверх» (2003). – *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. пер.*

2

Чжэн Хэ, происходивший из семьи китайских мусульман, стал одним из многочисленных евнухов при дворе императора Чжу Ди (годы правления 1402–1424), который пожаловал ему почетное буддийское имя-титул Три Драгоценности (санскр. Триратна) – Саньбао, символизирующее Будду как учителя, дхарму как закон и сангху как сообщество единомышленников. Автор романа, судя по тексту, был горячим приверженцем буддизма, вероятно поэтому и поставил в заголовок именно буддийское имя флотоводца.

3

Династия Мин существовала с 1368 по 1644 годы.

4

Западным океаном, или Западными морями китайцы называли район Индийского океана в противоположность Восточным морям – Восточно-Китайскому и Японскому – и Тихому океану.

5

Древнекитайский философ-конфуцианец Мэн-цзы жил в IV веке до н. э.

6

Странами Южных морей современники Ло Маодэна называли нынешние страны Юго-Восточной Азии.

7

Жизнь Геродота охватывает период приблизительно с 484 по 425 год до н. э.

8

История империи Хань делится на два периода – ранняя, или Западная Хань (206 до н. э. – 9 н. э.) и поздняя, или Восточная Хань (25–220).

9

Династия Тан управляла Китаем с 618 по 907 год.

10

Династия Сун правила в Китае с 960 по 1279 год.

11

Династия Юань, основанная монгольским ханом Хубилаем, существовала в 1271–1368 годах.

12

«Чжу фань чжи» («Описание иноземных стран») Чжао Жугуа – важнейший историко-географический источник китайского средневековья / исследование и пер. с кит., коммент. и прил. М. Ю. Ульянова; науч. ред. Д. В. Деопик. М.: Наука – Восточная литература, 2019.

13

Подобной концепции придерживался историк Алексей Бокщанин. См.: Бокщанин А. А. Китай и страны Южных морей в XIV–XVI вв. М., 1968.

14

Жизнь Плутарха охватывает период примерно между 45 и 127 годами.

15

Цит. по: Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. М.: «Русское слово», 1996. С. 327.

16

Полициано – прозвище итальянского поэта и драматурга Анджело Амброджини (1454–1494).

17

Имеется в виду Боксерское (Ихэтуаньское) восстание (1898–1901).

18

См.: Фэй Синь. Достопримечательности, виденные со звездных плотов (*Синча шэнлань*). Пекин, 1954. Впервые издана в 1436 году.

19

Чанлэская стела – памятная стела, обнаруженная в 1937 году в местечке Чанлэ в провинции Фуцзянь. Перевод помещенного на ней текста цитируется по книге: Бокщанин А. А. Китай и страны Южных морей в XIV–XVI вв. М., 1968.

20

Gaspar Corrêa. Lendas da Índia // Collecção de monumentos ineditos para a historia das conquistas dos portuguezes, em Africa, Asia e America publicada de Ordem da classe de sciencias moraes e politicas, e bellas letras da Academia real das sciencias de Lisboa. T. I. 1-a Serie. Historia da Asia. Lisboa, Typ. da Academia real das sciencias, 1858. Цит. по: Можейко И. В. Пираты, корсары, рейдеры: Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV–XX века). М.: Наука, 1991.

21

Кроме личных имен, китайских императоров принято обозначать девизами правления, а также храмовым и посмертным именами, которые давались этим правителям уже после их смерти следующим за ними императором. – *Примеч. ред.*

22

Сян Да. О романе Ло Маодэна «Плавание Чжэн Хэ по Индийскому океану» // Ханьская столица Чанъань и западная цивилизация. Пекин, 1951 (на кит. яз.) С. 559.

23

Чжэн Хэ родился в 1371 году.

24

Книга впервые вышла в свет в 1451 году. Изданий на русском языке нет. См. современное издание на китайском языке: Ма Хуань. Ин я шэн лань. Фучжоу, 2016.

25

См.: История западноевропейской литературы. Раннее средневековье и Возрождение. М., 1959. С. 161.

26

В. Шкловский. Повести о прозе. Т. 1. М., 1966. С. 143.

27

Цит. по: Сян Да. Там же. С. 557.

28

Главы 1-14.

29

Глава начинается с пересказа мифа об отделении Неба и Земли после их появления из изначального бесформенного хаоса, подобного яйцу: светлая и легкая энергия *ян* поднялась ввысь и стала Небом, а более тяжелая энергия *инь* опустилась и стала Землей, затем появились разные существа. Временная последовательность этих процессов определена последовательностью двенадцати небесных стволов – циклических знаков двенадцатеричного цикла, принятых в Древнем Китае для обозначения космических процессов и летоисчисления.

30

Здесь перечислены животные зодиакального календаря.

31

Под двумя древними божествами имеются в виду Верховный владыка Дицзюнь, ведающий первообразами иероглифов – «триграммами» и «письменами», и Мугун – чистейшая субстанция, обладатель магического колокола Владыки Востока. Оба якобы зародились от находившегося на солнце трехлапого золотого ворона, совместно усмирили все нечистые силы и создали небесные чертоги.

32

Три алтаря – общий алтарь земли, личный императорский алтарь земли и алтарь предостережения от гибели страны.

33

Три сферы – небо, земля, мир людей.

34

Китайская пентатоника – это лад, состоящий из пяти звуков, находящихся в пределах одной октавы.

35

Разные виды одежды были предусмотрены для императора, удельных князей, канцлеров, сановников и служилых.

36

Джамбу – плодовое дерево, описанное в буддийских канонах.

37

По буддийским представлениям, рожденные в сырости – один из четырех классов живых существ, например, рыбы.

38

Кальпа – единица измерения времени в буддийской космологии: каждые шестьдесят четыре махакальпы после пятидесяти шести разрушений мира огнем и семи разрушений водой наступает самая сокрушительная катастрофа – разрушение мира ветром.

39

Сукхавати, или Чистая Земля – название рая в буддизме махаяны после его проникновения в Китай из Индии. Местом его расположения считалось Западное небо. Горой Линшань здесь именуется пик Гиджхакута, расположенный между Китаем и Индией и являющийся

местом проповеди Будды, и под этим же местным названием известны многие горы и холмы в Китае, в частности, на берегах озера Тайху в провинции Цзянсу.

40

Название храма происходит из представления о том, что проповеди Будды гремят по всей земле как раскаты грома.

41

В буддизме есть понятие трех миров (кальп) – прошлого, настоящего и будущего, в каждом из периодов по тысяче будд, отсюда обобщенное понятие «три тысячи будд трех миров».

42

Причинно-следственная связь – одно из основных положений буддизма, на нем основано понятие о карме и природе явлений.

43

Столько их было в буддийской космологии: восточный – Пурравидеха (Япония и Юго-Восточная Азия), южный – Джамбудвипа (Китай), западный – Апарагодания (Индия как местопребывание Будды, Африка) и северный – Курудвипа (Монголия, Россия).

44

Согласно мифам, луна составлена из семи сокровищ, и время от времени ее надо чинить.

45

Патра – чаша для подаяний у буддистских монахов.

46

Речь о правлении в Китае монгольской династии Юань (1279–1368).

47

Будда Дипанкара (санскр. «Зажигающий Светильник») – один из «семи Будд прошлого», предшествующих появлению Будды Сакьямуни. Во время его рождения произошло чудо, суть которого заключалась в появлении многочисленных светящихся огоньков.

48

Махасаттвами назывались бодхисаттвы, достаточно далеко продвинувшиеся на Пути. Бодхисаттва Цзямоа – выдуманный Ло Маодэном персонаж, который, спустившись на землю, перевоплотился в буддийского монаха Юньгу и поселился у водопада в горах Яньдан (ныне провинция Чжэцзян).

49

Согласно буддийским представлениям, существуют три тела Будды, выражающие его триединую сущность, или три способа бытия: высшее – *дхармакая* – есть абсолютное проявление его духовной сущности, посему иконографически оно или никак не изображается, или представлено в виде символа – ступы; *самбхогакая* – «божественное тело», образ, постижимый в медитации, и в этой мистической форме Будда является бодхисаттвам и йогином; *нирманакая* – «феноменальное тело», в коем Будда (в частности, исторический Будда – принц Гаутама) проявляется в обыденном мире.

50

Согласно древнекитайской космологии, небо представляло собой полусферу над квадратом суши, по четырем углам которого располагались моря. Южное море окружало современный регион Филиппин, Индонезии, Индокитая. Издревле почиталось как место обитания бодхисаттвы Гуаньинь.

51

Образ бодхисаттвы Гуаньинь восходит к буддийскому бодхисаттве Авалокитешваре как воплощению бесконечного сострадания. В Китае Гуаньинь почитается представителями практически всех направлений буддизма Махаяны. В текстах буддийских канонов Гуаньинь фигурирует и как брахман и воитель, но мог представлять и в женском облике, в Китае – чаще всего в женском, не только как божество, спасающее от всевозможных бедствий, но и как подательница детей и защитница женской половины дома. В данном эпизоде романа Гуаньинь является в мужском облике, а в последующих эпизодах и в женском.

52

Государство Корё образовалось на Корейском полуострове в 935 году (после падения государства Силла, основанного, по легенде, в 57 году до н. э.) и существовало до 1392 года.

53

Поталака – легендарная обитель бодхисаттвы Авалокитешвары, почитаемого в Китае под именем Гуаньинь. В индийском буддизме считалось, что гора расположена в морях на юге Индии. В Китае это гористый остров в составе архипелага Чжоушань к юго-востоку от Шанхая на входе в залив. Путошань является одной из так называемых Четырех священных гор Китая.

54

Бодхисаттва Гуаньинь мог представлять в мужском или женском облике, но всегда изображался в сопровождении юного бодхисаттвы Судхана, появляющегося в Аватамсака-сутре, и девочки – дочери дракона Восточного моря.

55

Восточное море в древнекитайской космологии находилось в районе нынешнего Желтого моря, между материковым Китаем и Корейским полуостровом.

56

Восточный колодец, или Дунцзин – название созвездия, которое состоит из восьми звезд зодиакального созвездия Близнецов. Первое из созвездий южного сектора неба, означающего направление движения флотилии.

57

Вода с большим содержанием солей кальция и магния называется жесткой, с малым – мягкой. Соотносящееся с последней понятие «слабой воды» не раз упоминалось в древнекитайских источниках и означало или определенные географические точки, или общее понятие труднопроходимого водного участка. Например, в хронике «История династии Поздняя Хань» в разделе «Западный край. Римская империя» говорилось, что к Западу от Римской империи находился участок слабой воды и сыпучих песков – где-то в тех краях, «где обитает богиня Сиванму». Народности юга Китая, Вьетнама и Бирмы называли подобные участки Рекой зыбучих песков (это понятие попало в роман «Путешествие на Запад», гл. 22). Ло Маодэн предпочел использовать понятие Простор мягкой воды.

58

Западное море, согласно древнекитайской космологии, находится в районе нынешнего озера Балхаш, на территории Казахстана и провинции Синьцзян.

59

Лазурит – одна из семи драгоценностей в буддизме (золото, серебро, лазурит, раковина тридакны, агат, коралл, жемчуг). Представляет собой цветную глазурь – результат обжига разноцветного искусственного кварца; является очень сложным древним технологическим производством.

60

В буддизме птица Гаруда – существо, изображаемое в виде человека-птицы, идам, один из символов просветленного ума.

61

«Магнитный хребет» в романе – это архипелаг Наньша (или Коралловые острова) в юго-западной части Южно-Китайского моря. В географическом труде X века сказано, что в Южно-Китайском море есть образованные хребтами острова и песчаные отмели, где много магнитного железняка, который притягивает корабли с железными деталями. Сегодня некоторые исследователи считают, что, возможно, это магнитные валуны в Тайваньском проливе, где есть и коралловые рифы. Действительно, существует магнитное поле срединно-океанических хребтов, параллельно гребням которых возникают магнитные аномалии.

62

В буддизме барка милосердия является иносказательным образом: она вывозит всё живое из моря страданий (сансары) на другой берег, т. е. ведет к освобождению от желаний, страданий и привязанностей.

63

Северное море, по представлениям древнекитайской космологии, находится в районе озера Байкал.

64

Считается, что Бодхидхармы Дамо в V-VI веках принес из Индии учение о просветлении и поселился в пещере неподалеку от монастыря Шаолинь. Там же установлен барельеф, изображающий Бодхидхарму, уходящего в сторону запада босиком и держащего в руках монашескую сандалию.

65

Пенанг – остров у берегов Малайзии, Шривиджайя – средневековое государство на территории современной Индонезии.

66

Жемчуг – твердое или округлое образование, извлекаемое из раковин некоторых морских и речных моллюсков, которое является защитной реакцией организма моллюска на инородное тело, попавшее в мантию или между мантией и раковиной.

67

Раковина тридакны используется для изготовления ювелирных изделий.

68

Сиши (VI век до н. э.) – одна из так называемых четырех великих красавиц Древнего Китая. По преданию, ее красота была так велика, что, когда она перегнулась через балкон, чтобы посмотреть на рыбу в пруду, та была настолько ослеплена, что забыла, как плавать, и начала тонуть. Сравнение в тексте основано на физиологической особенности иглобрюхой рыбы-собаки: от ее желудка отходят мешковидные выросты, которые при появлении опасности наполняются водой или воздухом, из-за чего рыба становится похожей на раздувшийся шар с торчащими шипиками.

69

В реплике Государя-Будды делается отсылка к санскритскому понятию *шуньята* (букв. «пустотность») – центральному в буддизме Махаяны. Оно обозначает отсутствие собственной постоянной природы у вещей, в том числе у личности. Как следствие этого, всё материальное – *рупа* (форма) – представляет собой пустоту, иллюзорность, т. е. фантом. Человек тщетно стремится «дополнить себя» вещами, другими людьми и существами и, не достигая в результате искомой устойчивости и целостности, испытывает неудовлетворенность. В работе над собой буддизм рекомендует развивать контроль над своими чувствами и отсутствие привязанности к их объектам.

70

Стихотворение Бо Цзюйи (772–846) «Пою на озере весну». Перевод С. А. Торопцева.

71

Образное обозначение иссиня-черных волос прибывшего из Индии Дамо.

72

Стихотворение Линь Бу (967–1028) «Сиху». Перевод С. А. Торопцева.

73

Небесный владыка, он же Нефритовый император – в китайской даосской и поздней народной мифологии Верховный владыка, которому подчинена вся вселенная: небеса, земля и подземный мир, а также все божества и духи.

74

Храм Чистоты и милосердия – буддийское святилище у озера Сиху на одном из пиков горы Наньбин («Солнце мудрости»), прямо напротив пика Лэйфэн. Построен в середине X века.

75

В буддизме крик золотого фазана – символ пророчеств Дамо, его пришествия с Востока.

76

«Мэн-цзы» // Конфуцианское «Четверокнижие». М., 2004 (пер. П. С. Попова). Гл. IV А, 11. С. 316.

77

Майтрейя – грядущий Будда, преемник Будды Сакьямуни.

78

Цзинь Бифэн – реальное историческое лицо, настоятель монастыря Бишань в горах Утай. Весьма влиятельный буддийский монах времен императора Чжу Юаньчжана (XIV век), которого император пригласил в столицу Нанкин.

79

Император Чжу Ди правил под девизом Юнлэ («Вечная радость») с 1402 по 1424 год.

80

Кнут – царская регалия; им подавали сигнал к аудиенции.

81

В Китае времен династии Мин было двенадцать внутриворцовых инспекторов, отвечавших за дворцовое хозяйство. Членами инспекторов были евнухи.

82

Академия Ханьлинь (букв. «Лес кистей») – многофункциональное культурно-политическое учреждение в Китае, существовавшее с 738 по 1911 год. Академия предлагала официальную интерпретацию конфуцианских сочинений, которая служила основой для оценки работ на государственных экзаменах, и по сути дела являлась частью государственного аппарата в императорском Китае. – *Примеч. ред.*

83

Училище для подготовки к императорским экзаменам *кэцзюй*, открывавшим путь к государственной службе.

84

Поскольку корреляция между китайскими и западными понятиями, выражающими аристократическое подчинение, представляет большую сложность и не точна (герцог, маркиз и граф), переводчик оставляет китайские титулы без перевода, тем более что в Китае на протяжении столетий они неоднократно меняли свое название и значимость. Первый император династии Мин отменил существовавшую с древности систему пяти наследственных титулов знати, оставив только три – *гун*, *хоу* и *бо* (как правило, невоенные лица не могли получить первые два титула). Титулы присваивались также родственникам императора по матери и свойственникам (титул *сыма* носил зять императора). Согласно «железной жалованной грамоте» (она хранилась в металлическом футляре и давала право на амнистию владельцу и его потомкам), каждый из титулов имел несколько уровней, поэтому в период походов в стране насчитывалось девять вельмож с титулом *гун*, восемнадцать *хоу* и тридцать шесть *бо*. Обычно они занимали высшие министерские и военные посты. В целом социальные льготы знати были выше, чем у сановников самого высокого ранга. Например, в «Своде законов Мин» определено, что конная свита сановника первого и второго рангов должна посторониться, встретив на дороге экипаж кого-то из представителей перечисленной знати.

85

В 1380 году по приказу императора Главное военное управление было разделено на Пять армейских управлений, которым принадлежало право командования армией в мирное время, тогда как Военное ведомство занималось вопросами дислокации и командования ими во время войн. Подробнее см. Приложение 2.

86

Управление военными делами столицы было создано после перенесения в 1421 году столицы из Нанкина в Пекин в связи с усилением угрозы с севера.

87

В древности в могилы знатных людей клали оберегающие их деревянные или керамические статуэтки.

88

Кашгар – в настоящее время округ и город в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. С конца XIV до середины XV века находился под властью династии Тимуридов.

89

Татарские ханства – государства, существовавшие в период ослабления и затем распада Золотой орды на рубеже XIV–XV веков.

90

В те времена сановники высокого ранга приносили такие дощечки на аудиенцию к императору, чтобы не забыть, о чем собрались докладывать, и делать пометки. По форме это были длинные узкие полоски из бамбука, слоновой кости или нефрита.

91

Этот титул знаменитого даосского деятеля или подвижника был рангом выше титула «бессмертного отшельника», который присваивался по царскому указу до X века, и в 1368 году, при восшествии на престол первого императора династии Мин, впервые был получен 42-м патриархом секты Истинного единства (*чжэньи*), основанной еще в середине II века н. э. даосским патриархом Чжан Даолином.

92

Внутренние (дворцовые) склады-хранилища были заложены первым императором династии Мин сразу по восшествии его на престол. Приведенные в романе названия подлинные, однако в реальности их было больше (не упомянуты склады конфискованного имущества). Склады принадлежали в основном министерствам по сбору податей, общественных работ и Военному ведомству.

93

Воинские жилеты подбивали толстым слоем ваты для защиты воина от стрел.

94

Сделанная из знаменитого ланьтяньского нефрита, печать передавалась императорами наследникам со времен первого императора династии Цинь (III век до н. э.)

95

Отсылка ко второй книге трактата «Великое учение» («Да сюэ») – первой части сборника конфуцианских трактатов «Четверокнижие» («Сы шу»). Ср.: «В древности желавшие высветлить светлую благодать в Поднебесной предварительно упорядочивали свое государство, желавшие упорядочить свое государство предварительно выравнивали свою семью, желавшие выровнять свою семью предварительно усовершенствовали свою личность, желавшие усовершенствовать свою личность предварительно выправляли свое сердце, желавшие выправить свое сердце предварительно делали искренними свои помыслы, желавшие сделать искренними свои помыслы предварительно доводили до конца свое знание». Цит. по: Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Пер. с кит. и коммент. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова (отв. ред.), П. С. Попова. М.: Восточная литература, 2004. С. 93.

96

В основе следующего за этим фрагмента лежит исторический эпизод, когда Чжу Юаньчжан, объединив Юг, послал в Северный Китай против императора Шуньди войска под предводительством военачальников Суй Да и Чан Юйчуня и одержал победу. В 1369 году Шуньди бежал в южную часть Монголии, где в 1370 году умер.

97

Единорог *цилин* – мифический зверь, который изображался как тигр или кабан с рогом на носу.

98

Более сорока гарнизонов (в каждом 5600 человек) в начальный период правления династии Мин находилось у границы с Монголией.

99

Южная династия здесь и далее является обозначением династии Мин, которую так называли, очевидно, потому, что столица государства вначале находилась на юге, в Нанкине.

100

Китайская династия Мин (1368-1644) установилась в результате национально-освободительной войны против правившей в стране почти столетие монгольской династии Юань. Сразу после провозглашения династии Мин император Чжу Юаньчжан, устроив свою столицу поначалу в Нанкине, переименовал юаньскую Великую столицу (расположенную на территории будущего Пекина) в *Бэйпин* («Мирный север»). Остатки монгольских войск некоторое время продолжали сопротивление, но к 1387 году пали их последние оплоты внутри Китая, и в начале XV века началось строительство новой северной столицы, названной *Бэйцзин* – «Северная столица» (русское звучание – Пекин) по аналогии с Нанкином, чье название в переводе означает «Южная столица».

101

Мэнхэ – канал, проложенный при династии Тан (618-907) для удобства перевозки податного хлеба водным путем от Чанчжоу до Янцзы.

102

Река с этим названием – Байлунцзян – протекает в китайских провинциях Ганьсу и Сычуань и является притоком реки Цзялинцзян, которая, в свою очередь, впадает в Янцзы. Длина реки Байлунцзян – 1119 км. Храм Белого дракона находился в 15 *ли* от Наньтуна – крупного порта в устье реки Янцзы.

103

В древности Простором мягкой воды назывались архипелаг Сиша и острова Чжунша в Южно-Китайском море, расположенные к юго-востоку от участков магнитного поля, а также Тайваньская отмель.

104

«Кусать пупок» – аналог русского выражения «кусать локти».

105

Обычная практика при системе *баоцзя* – объединение дворов деревни в группы с введением круговой поруки.

106

Вольные деvy – не зарегистрированные официально проститутки, принимавшие гостей дома.

107

Махасангхика Виная – свод «Великое собрание» (или «Учение большинства»), который представляет направление, появившееся после раскола в общине на Втором буддийском соборе в конце IV века до н. э.

108

Главные смотрители храма отвечали за принятие пострига и обетов, чтение сутр и совершение покаянного моления.

109

Департамент по делам буддийского духовенства был создан в столице в 1382 году и подчинялся Министерству обрядов.

110

История этого устойчивого образа Нанкина такова: в эпоху Сражающихся царств (V–III вв. до н. э.) основатель царства Шу направил полководца Чжугэ Ляна в столицу царства У – нынешний Нанкин, чтобы перетянуть правителя У на свою сторону. Приблизившись к городу, Чжу восхитился: окружавшая его Пурпурная гора была похожа на могучего свернувшегося дракона, а Каменный город – на присевшего перед прыжком тигра; прекрасное место для создания сильной столицы.

111

Так описывали мужскую красоту в средневековых китайских романах.

112

Ритуальный обход может совершаться семь и более раз, но трехкратный наиболее распространен и служит выражением поклонения Будде, законам буддизма и самому наставнику; может сопровождаться также пением мантр.

113

Хунъю (1368–1398) – девиз правления основателя династии Мин Чжу Юаньчжана.

114

Порт Шансиньхэ в эпоху Мин представлял собой улицу длиной девять километров, которая тянулась вдоль нижнего течения Янцзы и на которой находились наиболее крупные в стране рынки древесины.

115

Хойчжоу, или Хуэйчжоу, в настоящее время является одним из районов города Хуаншань в провинции Аньхой. – *Примеч. ред.*

116

«Великое свершение» в буддизме – постижение абсолютного бытия, полное прозрение. Порождающими и способствующими факторами служат явление Будды в миру и толкование основ буддизма.

117

Лю Цзи, или Лю Бовэнь (1311-1375) – советник императора Чжу Юаньчжана; имел репутацию военного гения, о нем сложено множество легенд.

118

Вэнь-ди – император, правивший во II веке до н. э. Упоминание этого императора в связи с описываемыми событиями согласуется с легендами, письменные же свидетельства о существовании в Китае буддизма и монашества относятся только к I веку н. э.

119

Ставленная грамота – монашеское свидетельство с разрешением на пострижение; она давала освобождение от налогов и повинностей, а временами продавалась чиновниками за деньги.

120

Буддийские «три яда»: алчность, гнев и неумение отличить истину от лжи (или добро от зла).

121

Скит духовной музыки – правительственное учреждение, которое подчинялось Жертвенному приказу. Создано в 1378 году для совершения обрядов жертвоприношения, включая пляски во время церемоний. В середине XVI века туда был введен патриарх секты *чжэньи* с горы Лунхушань, имевший титул Совершенного.

122

Тем, чьи судьбы еще не были предсказаны по гороскопу. На профессиональном языке гадателей это означает, что перелом

(великая перемена), согласно восьми циклическим знакам, наступает в жизни человека раз в десять лет – это периоды счастливых и несчастливых полос.

123

«Ицзин», или «И цзин» («Книга перемен») – древнекитайский философский трактат, наиболее ранний слой которого датируется рубежом VI-VII веков до н. э.; был связан с гадательной практикой. Состоит из толкования 64 гексаграмм, которые представляют собой графические символы, состоящие из шести расположенных друг над другом черт двух видов – целой и прерванной – во всех комбинаторно возможных сочетаниях. Для Китая «Ицзин», как Библия для Запада – священный текст, запечатлевший в особых символах и знаках тайну мироздания. – *Примеч. ред.*

124

Пять изображений символизируют стихии: дерево, огонь, землю, металл и воду. В комбинации с зодиакальными знаками получаются символы для каждого года в пределах шестидесятилетнего цикла.

125

Дух звезды жизни и судьбы в мифологии Китая обычно представляет Алая птица – Чжу-няо.

126

Обряд даосских монахов при обращении с молитвой к Небу: они будто наступают на звезды Большой Медведицы и созвездия Ковша, светящиеся в чертогах небожителей.

127

Всё это элементы традиционной магии в даосском ритуале. Обряд символического прохождения по звездам Большой Медведицы и созвездия Ковша, светящихся в чертогах небожителей, называется «шаги Юя». Мудра – это символическое, ритуальное расположение кистей рук, ритуальный язык жестов. Мудры заключаются или в складывании пальцев одной или обеих рук, или большой палец прижимают к определенным точкам на других пальцах в соответствии с их символикой. Мудры активно используются и в буддизме, где их смысл заключается в связывании энергетики собственного тела с энергетикой космоса и Буддой.

128

В старом Китае было шесть степеней родства: отец, мать, старшие и младшие братья, жена или муж, дети, тесть и зять.

129

Согласно установлениям династии Мин, население обязано было, в качестве одного из налогов, снабжать местные органы власти некоторыми орудиями производства и предметами обихода.

130

Регламентирующие установления в отношении обуви стали жесткими лишь при династии Мин, и их должны были придерживаться чиновники всех рангов. Например, ученым-конфуцианцам разрешалось носить высокие черные сапоги, которые гвардейцам-охранникам было дозволено надевать только во время дежурства. Простым людям и торговцам вообще запрещалось ношение сапог. Черные сапоги на белой подошве считались парадными или официальными.

131

«Водица без корня» – термин китайской медицины, который может означать, например, дождевую воду или воду, только что вычерпанную из колодца.

132

Согласно одному из буддийских трактатов, «...среди нынешних монахов великой Сун многие... отращивают длинные ногти. Например, в один или два цуня, или даже, случается, в три или четыре цуня». Цит. по: Бабкова М. В. Проповедовать Закон Будды даже в уборной (к переводу трактата Догэна «Очищение») // Японские исследования. 2017. № 1. С. 9. Часто буддисты отращивали длинный ноготь на мизинце, ибо считалось, что у Будды все пальцы на руке были одинаковой длины.

133

Амулеты-заклинания составляли важнейшую часть даосской магии. Их основным предназначением было общение с духами – часто призыв последних к заступничеству. Заклинания представляли собой надписи в виде прихотливых изломов и извивов отдельных черт иероглифов на разных материалах (бумага, шелк, дерево и прочее), но особо эффективными считались начертанные киноварью на желтой бумаге. Одним из способов использования подобных амулетов было их сожжение: пепел смешивался с водой, после чего та считалась волшебной, либо дымок от пепла поднимался ввысь к небесам – обители святых.

134

Смысл фразы в том, что за менее тяжкое преступление полагалась тюрьма или ссылка, и от них государь не имел права освобождать.

135

Верительная бирка – специальная пластинка, покрытая красным лаком, на который нанесены золотые знаки.

136

В китайских деревнях на празднествах был распространен танец со сделанным из соломы драконом как символом настоящего царя морей.

137

Гора Утай – центр поклонения будхисаттве Манджушри. Величественный монастырь Манджушри, или Чистая земля, был основан в начале X века. Вышеупомянутый храм Цинлян известен тем, что там хранился «камень Манджушри», сидя на котором, будхисаттва вел проповеди. Возможно, отсюда и путаница в романе при упоминании храма, где находился Бифэн.

138

В старом Китае гробы полагалось заколачивать семью гвоздями во имя процветания будущих поколений детей и внуков. Экраном в погребальной процессии называлось белое полотнище, ограждающее ближайших родственников покойного от гроба.

139

Траур пятой степени – по дальним родственникам. В старом Китае было установлено пять форм траура и соответствующая им траурная одежда в зависимости от степени родства, которая связывала носителя траура с умершим: глубокий трехлетний траур (по императору, родителям, бабушке, мужу, жене, старшему сыну, свекру); траур второй степени (матери по старшему сыну, по братьям и сестрам, дядьям со стороны отца и т. д.); девятимесячный траур третьей степени (в т. ч. по дочерям), малые пятимесячный и трехмесячный трауры по дальним родственникам.

140

При династии Мин помещение для гроба делалось внутри ямы с помощью кирпично-каменной кладки. Захоронения в древнем и средневековом Китае осуществлялись по трактату «Канон захоронений», составленному в IV веке н. э., и были связаны с законами *фэншуй*. Поскольку человек считался продуктом духа – *ци*, то его тело и костяк считались конденсацией энергии *ци*, которая после смерти рассеивалась, поэтому тело следовало похоронить в месте, обладавшем определенной энергетикой, которая питает скелет.

141

В старом Китае в некоторых местах существовал способ вертикального захоронения, который мог быть связан с нехваткой места, но в основном диктовался правилами *фэншуй* и был связан с «драконовыми жилами», т. е. подземными магнетическими токами в геомантии. Считалось, что потомки вертикально захороненного вознесутся и познают славу.

142

В Китае о благородном муже с древности говорили: «ногами стоит на земле, головой подпирает небо».

143

Название драмы периода Юань об известном военачальнике VII века, утверждавшем, что хотя он стар годами, но его хитроумные военные расчеты не устарели. Автором произведения считается живший во времена династии Юань автор музыкальных драм Ян Цзы (приблизительные годы жизни – с 1260 по 1327).

144

Парадный головной убор сановников, на основание которого, сделанное из бамбука, сверху накладывались перекладины – от трех до пяти.

145

Эвфемизм «верхом на журавле вернуться на Запад» означал «умереть» (бессмертные летали на журавлях, а потусторонний мир располагался на краю Запада).

146

Соблюдая форму устного сказа, автор употребляет слово «слушайте».

147

Главы 14–18. Начала частей не всегда совпадают с началом новой главы, отсюда повторы в нумерации.

148

Образное обозначение вассальных государств, прикрывавших границы Китая в древности.

149

Звезда Кохаб, или бета Малой Медведицы – вторая по яркости (после Полярной) звезда в созвездии Малой Медведицы. В Китае у гадателей она считалась определяющей судьбу человека, поэтому если при его появлении на свет находилась во «дворце жизни» (так

называлась область неба, через которую в тот момент проходило солнце), то связывалась с императорской особой.

150

Вероятно, речь идет о так называемой карте Мао Куня – единственной дошедшей до наших дней китайской карте эпохи Мин, показывавшей морские пути времен походов Чжэн Хэ и основанной на данных, которые были собраны во время этих плаваний. Другой документ – «Навигационные карты плаваний Чжэн Хэ» (см. форзац) – был составлен между 1425 и 1430 годами и представлял собой сложенную книжицу объемом около двадцати страниц, раскрываемую справа налево.

151

Три шлюзовых канала Синьхэ – верхний, средний и нижний – были созданы в начале династии Мин для удобства выхода водного транспорта из Нанкина в устье Янцзы. Из исторических документов известно, что флот по реке Циньхуай, западнее Нанкина впадающей в Янцзы, спустился в находящийся в ее устье важный морской порт Люцзяган, оттуда проследовал вдоль китайского берега на юг, в порт Тайпин (в устье реки Минь, близ Фучжоу).

152

Гора Цзиньшань находится в провинции Цзянсу. К западу от нее располагался источник Чжунлин, который бил из каменного плато у реки Янцзы.

153

Верховный главнокомандующий – высшая воинская должность на театре военных действий, которая могла быть и постоянной, и временной. Подробнее о чинах и званиях в армии периода плаваний Чжэн Хэ см. Приложение 2.

154

Командующие авангардными подразделениями нанимались на время военных действий из высшего командного состава армии, ибо перед этими частями стояли крайне важные задачи: авангард отвечал за руководство некоторыми элитными войсками для выполнения стратегических и тактических действий перед началом боевых действий, включая разведку местности, положение армии противника и ее оснащенность, передовую атаку и т. д. Например, будущий первый император династии Мин сделал рывок в военной карьере, когда, сражаясь в рядах войска Красных повязок, крестьянского антимонгольского восстания середины XIV века, получил почетное звание тысяцкого – командира левого авангарда.

155

В эпоху парусных кораблей главным формированием флота разных стран была эскадра, чаще всего состоявшая из боевого порядка в центре, авангарда и арьергарда. В данном тексте в эскадры входят корабли с сухопутным десантом, организованным в батальоны, а дивизиями названы формирования именно морского флота.

156

В каждой из семи экспедиций Чжэн Хэ участников насчитывалось от 27 000 человек, иными словами, были мобилизованы поселенцы пяти военных округов *вэй* (от пяти до пяти с половиной тысяч человек в каждом), в основном, очевидно, приморских.

157

Имелись в виду лица, не проживающие в военных поселениях *вэй* или *со*.

158

При династии Мин в Китае фактически существовало 36 категорий различных ремесленных цехов, превратившихся в народных сказаниях в мифические цифры 72 или 360.

159

Чаотянь – храмовый комплекс в Нанкине, построенный в 1384 году по приказу первого императора династии Мин для поклонения Небу. Поныне это один самых больших по масштабу и лучше всего сохранившихся храмов той эпохи во всем регионе к югу от Янцзы.

160

Корабли-сокровищницы *баочуань* – крупные морские военные корабли, которых в эскадре Чжэн Хэ в разное время было от 40 до 62. В романе под этим образным названием выступают реально использовавшиеся корабли *фучуань* (один из четырех видов средневековых военных судов с двумя рулями), ибо ширина и длина судов (55 и 140 метров) совпадает с данными исторических документов. Корабли имели высокий корпус, остроконечный нос и широкую корму, обладали прочной ударной силой и глубокой осадкой. Девять мачт несли двенадцать парусов. *Фучуань* имели четыре уровня: первый – трюм для земли и камней, второй – для проживания моряков, третий – для механизмов и верхний – площадка ведения боя, где хранилось оружие и стояли пушки. Корабли-сокровищницы являлись самыми большими в мировой истории деревянного кораблестроения и сравнимы по своим размерам с крупнейшими из когда-либо существовавших парусных кораблей, например, с такими парусными гигантами начала XX века как «Пруссия».

161

Для облегчения подсчетов: *чжан* – «китайская сажень», равна 3,33 метра.

162

«Три явных, пять скрытых» – архитектурный принцип, использовавшийся при строительстве главных ворот Запретного города, в результате чего при взгляде на ворота с фасада видны были три арки, а с тыла – пять.

163

Даосский магнитный компас (*лопань*) – средневековый компас геомантов, сконструированный с соблюдением принципов *фэншуй*, – прибор диаметром не менее 22 сантиметров. Три уровня – земля – человек – небо – позволяли ориентироваться на суше и на воде. Двенадцать земных ветвей, обозначаемых знаками двенадцатеричного цикла счисления времени, соответствовали двенадцати знакам зодиака. Поверхность прибора имела от трех до сорока концентрических кругов различных цветов, испещренных многочисленными символами и цифрами: они служат для изучения потока космической энергии *ци*, пронизывающей земное пространство. *Лопань* делился на 8 сегментов по 45° каждый, а те – еще на 3 части, и в результате получалось 24 направления по 15° каждое – так называемые 24 рамки (*шань*). Формулы *фэншуй* включаются в концентрические кольца на поверхности. Металлическая пластина («солнечные часы») размещается на деревянной основе («земной пластине»), на которой свободно вращаются диски небес.

164

В XV веке земельный налог в основном взимался зерном (рисом или пшеницей) и тканями, деньги собирались в меньшем количестве.

165

Храм Чангань был построен южнее Нанкина во времена династии Сун.

166

Департамент по делам даосизма был организован при династии Мин.

167

Один из трех главных павильонов внутренних покоев на территории Запретного города, императорской резиденции в Пекине, построен в 1420 году и не сохранился.

168

В стихотворении Ван Бо (VII век) «Длинна осенняя ночь» описывается бессонница жены, чей супруг отправлен в поход.

169

Инспекторат по печатям – один из двенадцати дворцовых инспекторатов, создан в 1395 году. Помимо печатей, там хранились железные жалованные грамоты (в металлическом футляре, давали право на амнистию владельцу и его потомкам), грамоты о пожаловании титула, разделенные на половинки для сличения верительные бирки, разные удостоверения и прочие документы.

170

Позы животных на печатях варьировались. Обычно изображались четыре мифических существа: единорог, феникс, черепаха и дракон. В даосских верованиях, связанных с космологией, кроме дракона это еще тигр, красная птица и черный воин.

171

Безрогий дракон – мифическое животное, помесь тигра и дракона. Такие печати обычно принадлежали даосам высокого статуса.

172

В Шанхайском музее древнекитайского искусства выставлен оттиск древней печати с названием повести «Чужеземец с курчавой бородой» (см.: Танские новеллы / пер. с кит. О. Фишман и А. Тишкова. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960).

173

В архаическом стиле *чжуаньшу* были выполнены древние письма на гадательных костях. Поскольку он относительно прост, декоративен и в нем много прямых линий, в старину его использовали как стиль делового письма на печатях.

174

Золотой петух – одно из мифических существ в китайской культуре.

175

Инспекторат по астрономии и календарю – один из трех дополнительных инспекторатов при династии Мин.

176

Согласно древнекитайской астрологии, созвездия, составляющие центральную часть небосвода, делились на три участка, или Ограды, звезды в которых определяли социальную позицию человека.

177

В традиционной китайской астрономии созвездие Большой Медведицы состоит из девяти звезд: помимо семи, непосредственно составляющих Ковш, в него входят две таинственные невидимые звезды – звезда Сопровождения (Фусин) и звезда Помощи (Бисин). Считается, что увидеть их могут лишь святые, и тогда срок их жизни продлится на несколько сотен лет. Эти звезды соотносятся с планетой Марс и с Полярной звездой (см. Торчинов Е. А. Путь золота и киновари. Даосские практики в исследованиях и переводах. СПб., 2017).

178

Инспекторат церемоний – один из двенадцати дворцовых инспекторатов, учрежденный в 1384 году. Хранитель печати был самым важным лицом, ибо обладал привилегией заверять обмакнутой в красную тушь кистью одобренные императором докладные (это касалось вклеек, сделанных Кабинетом министров на этих документах, с ответной резолюцией государя или предложенными им изменениями). На деле это ставило хранителя печати на уровень сановников ведомств-министерств, имевших более высокие ранги: недаром его называли «министром внутренних дел».

179

Китайская физиогномика делила туловище человека на три части: верхняя часть – голова, средняя – от плеч до талии – и далее нижняя часть. Таким же образом на три части делилось и лицо: верхняя часть – темя и лоб, нижняя – от носа до подбородка, и между ними средняя, которая сопоставлялась с возрастом. Согласно трем пропорциям предсказывалась судьба.

180

Ши Чун – имя крупного сановника второй половины III века, которое стало нарицательным. Занимая ряд высоких должностей, Ши Чун сильно разбогател на грабеже странствующих купцов и свой дом украсил, как царских дворец.

181

Традиционное описание хравого полководца. Когда ласточки кормят птенцов, то приносят в зобу большой запас измельченных до состояния «паштета» мелких насекомых, которыми питаются птенцы, погружая свой клюв в зоб родителя.

182

Бань Чао – дипломат и военачальник эпохи Хань, который не раз направлялся с военной миссией в западные земли, благодаря чему свыше пятидесяти мелких государств подчинилось Китаю. Титул «князь тысячи *ли*» присваивался за военные подвиги на дальних границах.

183

С небольшими вариациями вся речь Лю повторяет китайские гадательные трактаты, в частности, даоса Ма И, известного физиогномиста конца X – начала XI века. В древности считалось, что глаза с прямым длинным разрезом и большой рот свойственны неординарным личностям. Под тремя чертами *ян* имеется ввиду первая из восьми триграмм древнего трактата «Ицзин», символизирующая мужское начало.

184

По старым поверьям, черепаха дышит ушами; образное выражение со значением «быть великим человеком».

185

Образное обозначение талантливого человека.

186

Цзянь Тайгун, автор трактата «Шесть военных стратегий», считается основателем китайской военной науки. Согласно притче, когда ему исполнилось восемьдесят лет, отец первого правителя китайской династии Чжоу (XII-XI вв. до н. э.) почтительно ему поклонился и признал своим советником. Притча стала поговоркой, означающей, что и в старости можно добиться успехов.

187

Фениксовый пруд – водоем в парке императорского дворца, местонахождение штаб-квартиры «великого имперского секретариата».

188

Шэн – «губной орган», древний китайский духовой музыкальный инструмент.

189

Строка из стихотворения известного сунского поэта Оуян Сю, ставшая идиомой, означающей высокого сановника.

190

Около трех метров – принятое в героических эпопеях обозначение роста героев.

191

Система императорских экзаменов существовала в Китае с 1605 по 1905 год. Полученное соискателями звание отражало успешность

пройденной ступени разных уровней, оно не являлось ученой степенью, зато обеспечивало сдавшим доступ в бюрократический аппарат. Степень *цзиньши* была высшей на дворцовых экзаменах в этой системе.

192

После перевода столицы в Пекин в 1421 году в формально оставшихся столицах – Нанкине и Фэнъяне – действовали филиалы шести министерств, поэтому глава военного ведомства в Нанкине всё равно имел ранг министра.

193

По этим приметам древние гадалки способны были разглядеть будущих полководцев.

194

Фамилия этого персонажа отсылает к местности, которая во времена написания произведения, т. е. во второй половине XVI века, была «коллективным могильником» выдающихся министров по фамилии Ван. Имя министра в романе не указано, но явно подразумевается занимавший высокий пост в военных структурах дворцовый евнух Ван Цзинхун, которому автор присвоил должность министра, хотя тот никогда официально ее не занимал. Находясь на одном из ключевых постов в экспедициях Чжэн Хэ, «министр» Ван активно участвовал в первых трех и последних двух плаваниях. Во время четвертой и пятой экспедиций (с 1412 года, когда император уехал в Пекин следить за строительством северной столицы) он оставался в Нанкине, исполняя обязанности главы государства вместе с наследником престола, одновременно набирая рекрутов во флот и надзирая за строительством кораблей для последующих походов. В 1430 году императорским указом он наравне с Чжэн Хэ был назначен «главным послом» (его даже называли Ван Саньбао) и в этом звании отправился в последнее – седьмое плавание флота. Когда во время этого похода Чжэн Хэ умер в Индии, Ван Цзинхун вел флотию обратно в Нанкин.

195

В Китае VI-XVII веков существовало девять почетных феодальных титулов, из которых *гогун* был третьим. Перед титулом *гогун* могли стоять разные слова-определения – в зависимости от того, кому он присваивался. Лица с титулом Отважного *гогуна* в истории Китая немного, все они занимали высокие военные должности: в эпоху Мин самым видным из них был Чжан Фу (1375–1449).

196

Сунь-цзы – мыслитель и стратег VI века до н. э. «Шесть секретных учений» – один из семи классических трактатов по военному искусству, автором которого был Цзян Цзыя (около XI века до н. э.)

197

Согласно физиогномике, такие глаза означали прямой, открытый нрав их обладателя.

198

Секира – одна из разновидностей боевого топора с длинным лезвием.

199

Алебарда в длину больше секиры и представляет собой сочетание копейного острия и клинка секиры с острым обухом на длинном (2–2,5 метра) древке.

200

Образ Небесного владыки Ли, держащего пагоду, родился в результате контаминации фигуры знаменитого полководца первой половины VII века Ли Цзина и буддийского божества Вайшраваны, одного из четырех властителей стран света (в этой системе он соответствует северу).

201

Владыка (Дух) Севера – один из весьма распространенных народных культов. Божество, изображаемое с семизвездным мечом в руках, левой ногой наступает на черепаху, правой – на змею.

202

Согласно мифам, это знамя, с которым Северный владыка вод отправлялся в инспекционную поездку. Поскольку при династиях Тан и Сун в дельте Жемчужной реки часто бывали наводнения, жители города Фошань (провинция Гуандун) приглашали духа охранять город.

203

Строка из стихотворения императора Чжу Хоуцуна (1507–1567), возможно, современника автора романа.

204

Императорская гвардия династии Мин начала создаваться в конце XIV века. Сначала это было 12 подразделений, а в первой половине XV века к ним добавилось еще 14, итого 26 отрядов, которые охраняли Императорский (Запретный) город и патрулировали все ворота столицы.

205

Подобный титул в начале XV века носил Сюй Цзэншоу, дослужившийся до звания командующего.

206

Речь идет о будущем первом императоре династии Хань (II век до н. э.); Чанъян – название его охотничьих угодий.

207

В период походов по личному приказу императора было создано три главных военных гарнизоны столичного гарнизона, состоящие из отборных полевых войск, а именно: Пять боевых полков (150 000 воинов), Полк трех тысяч (ударная наемная группировка монгольской конницы, шесть-семь тысяч воинов) и Полк чудесных механизмов (вооруженный огнестрельным оружием и состоявший из пяти тысяч человек).

208

К началу эпохи Мин сложилось представление о «восемнадцати видах боевого искусства» – классическом арсенале бойца, т. е. способах владения разным оружием, отобранным из сотен традиционных видов. Число 18 связано с нумерологией; перечень восемнадцати видов оружия не был фиксированным.

209

Рукава одежд были столь широки, что их стягивали шнурками.

210

Образ этого мифического духа-хранителя Востока используется для описания тренировочной серповидной сабли.

211

Белый тигр в древней космогонии – злой дух (ассоциируется с Западом, куда направляется флотилия), и его появление у ворот – предвестник несчастий.

212

Училище толмачей четырех сторон света было основано в 1407 году и готовило переводчиков. Выпускники училища владели языками многих народов Азии.

213

Конюшенная палата – одна из пяти государственных палат при династии Мин.

214

Чангань – предгорье вблизи современного Нанкина. Там устраивались различные развлекательные мероприятия, и место это было огорожено соединенными друг с другом «большими» и «малыми» перилами.

215

Во II веке до н. э. гунны неоднократно вторгались на территорию, находившуюся под властью династии Хань. Только когда построили укрепленный лагерь в Силу («Гибкий ивняк»), удалось остановить их натиск.

216

На северных землях жили малые народы.

217

Здесь и далее почти все перечисленные имена принадлежат знаменитым быстроногим скакунам древности.

218

Согласно легенде, Конь-дракон вынес из реки Хуанхэ таинственные письмена, ставшие основой восьми триграмм.

219

Парафраз стихотворения Садулы – поэта периода монгольской династии Юань, в котором тот воспевал мир и порицал агрессивность юаньской армии.

220

В древности очертания созвездия Фан связывались с лошадью.

221

В одном из разделов «Поздней истории Хань» рассказано, как однажды иностранные правители прислали в подарок основателю династии редкого скакуна и драгоценный меч. Государь повелел впрячь скакуна в повозку с барабаном в своем эскорте, а меч пожаловал вознице. Данное выражение означает неэффективное использование талантов.

222

Известный ученик Цзинь Бифэна, буддийский наставник Фэй Хуань жил в скиту при храме Бифэна, пользовался уважением императора и в 1407 году даже был им приглашен участвовать в строительстве усыпальницы почившей императрицы, после чего его возвели в ранг настоятеля монастыря. Чжэн Хэ состоял в дружеских отношениях с Фэй Хуанем и даже приглашал его принять участие в плавании, но тот отказался. В отличие от Фэй Хуаня буддийский монах по прозвищу Юньгу (1500–1575) был современником Ло Маодэна, настоятелем храма Даюнь в своем родном городе. Еще в начале эпохи Мин храм начал отстраиваться и уже к концу XV века стал величественным сооружением, активно посещаемым вельможами и писателями того времени.

223

Явно имеется в виду дворец в Пекине, куда император собирался перенести столицу из Нанкина.

224

Канал Синьхэ находился в двадцати с небольшим *ли* от Янцзы. Место, где река Саньча соединяется с притоками реки Циньхуай при ее впадении в Янцзы, – реальное место сооружения кораблей флотилии.

225

Река Девяти драконов (Цзютань) – вторая по величине в провинции Фуцзянь. Там же находился реально существовавший островок Тяньнин, откуда по распоряжению императора были отряжены промысловые партии за древесиной.

226

Обе фразы взяты из комментария к конфуцианскому канону «Книга перемен» («Ицзин»).

227

Известное изречение Конфуция «Благородный муж думает о праведном пути и не думает о пропитании» изменено автором в соответствии с ситуацией.

228

Ваджра (в переводе – «молния» и «алмаз») – ритуальное и мифологическое оружие в буддизме, символ силы и защиты веры.

229

Пратьекабудда («будда для самого себя») – существо, достигшее просветления, но отказавшееся от проповеди буддийского учения.

230

Сиванму – в архаических мифах, по-видимому, богиня страны мертвых, располагавшейся на Западе. На протяжении веков ее образ претерпел изменения. В текстах рубежа новой эры она уже изображалась красавицей. В средневековом даосизме и фольклоре Сиванму – хозяйка своеобразного рая бессмертных на горе Куньлунь, где растут персики бессмертия. Бессмертные регулярно съезжаются к ней на торжества, ибо она и ее муж хранят списки бессмертных и повелевают ими. Сиванму считалась также обладательницей снадобья бессмертия, и ее изображения полагалось дарить женщинам к пятидесятилетию.

231

Ма, Чжао, Вэнь и Гуань – почитаемые в даосизме четыре святых предводителя небесного воинства, находившихся в подчинении даосского патриарха Чжан Даолина. Ма Тяньцзюнь – реальная личность начала X века – канонизирован как Владыка, дарящий свет, или Небесный владыка блеска и славы. Чжао Гунмин – покровитель силы и богатства, при этом военачальник; Вэнь Цюн – Владыка Восточного пика (другое название горы Тайшань), он же дух-покровитель этой горы; Гуань Юй, получивший титул Гуань-ди (Государь Гуань), – бог воинского могущества.

232

Лу Бань – святой, покровитель плотников, популярная фигура в романах XVI века. Именно в годы плаваний Чжэн Хэ он получил титул Великого мастера – покровителя империи.

233

Юй Шо и Гун Гу – легендарные мастера, создававшие во времена Хуан-ди, первого китайского императора, деревянные ладьи с веслами.

234

Ханьская слюда – минерал, добываемый в районе провинции Хубэй. В частности, он обладает водоотталкивающими свойствами, и в древности из него делали иллюминаторы на судах.

235

Куньмин – пруд в окрестностях Чанъани, который был создан при У-ди (157-87 до н. э.), императоре династии Хань, для упражнений в морском бое.

236

Драконья, или императорская лодка – лодка с украшениями в виде головы и хвоста дракона. На таких лодках проводят состязания в день летнего праздника Дуанью, или Двойной пятерки.

237

Изображение цапли или утки часто помещалось на древних судах.

238

В XV–XVI веках на больших многопалубных парусных судах – галеонах, в том числе и европейских, – стала применяться пороховая артиллерия, которая первоначально по-прежнему располагалась на предназначенных для лучников надстройках-башнях.

239

Веретено – продольный стержень якоря, от его нижней части в стороны отходят два рога, кончающиеся лапами. Скоба-кольцо находится в верхней части якоря для крепления его к тросу.

240

Согласно одному из разделов династийной хроники «История Мин» («Мин ши»), в стране, помимо тринадцати провинций, существовало 140 округов, 193 области и 1138 уездов.

241

«Тигровая пластинка» – верительная бирка, которая подтверждала воинские полномочия. Пластинка с изображением головы тигра делилась на две части: одну при назначении получали главы

территориальных подразделений, а вторая вручалась вместе с императорским указом. Совпадение половинок пластинки свидетельствовало о подлинности полученного указа.

242

Главный инспектор – чин, введенный в начале эпохи Мин и дававший право инспектировать, контролировать и управлять всеми военными и гражданскими делами на местах.

243

На основе омонимичного звучания слов *мяо* (скончался) и *мяо* (якорь), а также *фу* (муж) и *фу* (обод), мастера переосмыслили цитату из канона «Лунь юй», в которой Конфуций оплакивает кончину своего ученика.

244

Согласно даосским представлениям, в человеческом теле находится семь злых душ (животное начало) и три разумных души (духовное начало). После смерти семь нечистых душ сразу покидают тело, а тройственное начало остается, пока труп полностью не окоченеет. Если в течение семи дней после того, как разумная душа покинула тело, поблизости родится некое живое существо – неважно, человек или зверь, – туда переселяется разумная душа, и происходит реинкарнация.

245

Отсылка к одной из книг конфуцианского канона – «Записки о совершенном порядке вещей, правления и обрядов» («Лицзи»). Смысл сказанного опровергает древнее понятие «золотой середины», в частности, при исполнении ритуалов, кои могут быть обильными, если изливаются из сердца на всё сущее, и скудными, если речь идет о порядочности внутри души-сердца.

246

Перетолкование строки из трактата Лао-цзы «Дао дэ цзин», где сравниваются Путь Небес и путь людей. «...Путь Небес: отнимает лишнее и прибавляет недостающее»; «Путь же людей не таков: / Отнимают недостающее и добавляют к тому, что в избытке» (См.: Чжуан-цзы: Даосские каноны / пер. В. В. Малявина. М., 2002).

247

Вероятно, имеются в виду три пути получения государственной должности в старом Китае: быть рекомендованным, назначенным или получать место путем сдачи императорских экзаменов *кэцзюй*.

248

Чэнь Туань – легендарный даосский монах, проживший 118 лет (871–989). Известен также тем, что мог проспать более ста дней подряд.

249

Ху Динцзяо – реальная личность, он жил на рубеже VIII–IX веков, происходил из бедной семьи; имя – Лудильщик – дано по профессии: он полировал бронзу, лудил котлы, клепал металлические изделия, чинил посуду. Познав *Дао*, Ху стал почитаемым отшельником и был канонизирован в качестве святого-покровителя ремесленников.

250

Название уезда Пэнлай совпадает с названием мифического Острова бессмертных.

251

Сановники высших разрядов для укрепления головного убора вставляли в него золотую головную шпильку, а чиновники более низких разрядов – золотой цветок и серебряную шпильку; для парадной одежды знати использовались шелк и атлас.

252

Золотой отрок и Яшмовая дева – сопровождающие свиты бессмертных.

253

Так автор рисует образ якоря.

254

Главы 18–21.

255

1407 год, хотя по версии, принятой в официальной истории, начало первого плавания относится к 1405 году.

256

При династии Мин, по мере укрепления власти евнухов, помимо внутридворцовых инспекторов были созданы с их участием восемь дворцовых канцелярий.

257

В древности в Китае ели, сидя на расстеленных на полу бамбуковых циновках, но уже в X веке были распространены круглые фарфоровые или сделанные из мягкой ткани табуретки, появились и стулья.

258

Хуалин – название театральной труппы в Нанкине при династии Мин.

259

«Густая роса» – песня из старинного сборника народных песен «Шицзин»; ее название подразумевает государевы милости.

260

Согласно китайским мифологическим представлениям, существовало девять сфер неба и восемь концов земли.

261

Золотая чаша подносилась в древности при назначении высших сановников страны, символизируя целостность ее территории.

262

Красный и зеленый цвета соотносятся с *ян* и *инь* – мужской и женской силами природы.

263

Управление монарших регалий отвечало за хранение императорских и государственных печатей, воинских удостоверений и знаков отличия, вручаемых китайским послам металлических табличек – верительных грамот, жертвенных дощечек и прочего. Управление создано в 1367 году как общегосударственное учреждение (в отличие от подобного по названию и функциям внутридворцового инспектората), дабы предотвратить беззакония при использовании императорской печати, которое контролировалось обоими учреждениями. Внутридворцовый инспекторат сохранялся, вел надзор за Управлением высших регалий и служил мостом между этим учреждением и императором. Подобный взаимоконтроль оказался эффективным.

264

Здесь употреблено слово, использовавшееся в старину для отмера тканей (кроме шелка) и означавшее длину куска в четыре *чжана*, т. е. 13,2 метра.

265

О созвездии Дунцзин см. сноску № 29 в Прологе.

266

Девять высших сановников – главы шести министерств-ведомств, а также Центрального цензората, Канцелярии по приему жалоб и прошений трону и Палаты по уголовным делам.

267

Небожитель Девятого Неба – согласно даосской (не буддийской) мифологии, титул верховного божества Ведомства грома (аналог европейского громовержца).

268

Ворота военных лагерей образовывались поднятыми кверху оглоблями двух поставленных друг против друга повозок.

269

Согласно мифам, У-ван, первый правитель династии Чжоу (1122-222 до н. э.), выступив в поход, попал под дождь и счел это знаком того, что небеса омывают его оружие, предрекая победу.

270

Во второй половине правления династии Мин, когда издавался роман, морские формирования перешли к следующей системе эскадр, бригад и дивизий: обычно в состав бригады входило 90 человек, пять бригад составляли дивизию (450 человек), а пять дивизий – эскадру (2250 или около 3000 человек). В зависимости от размера судна отличался и личный состав команды.

271

По сравнению с цифрами, указанными в трудах эпохи Мин, численность вооружения на бортах судов флотилии Чжэн Хэ гиперболизирована – автор увеличил ее в десять раз. Например, известно, что даже самый крупный корабль *фачуань* с трудом выдерживал вес одной тяжелой пушки *да фагун*. Обо всех видах оружия см. подробнее Приложение 2.

272

Дымовой горшок – устройство в виде банки, выпускающее твердые или жидкие дымящиеся вещества.

273

Цементные горшки с известковой пудрой применялись со II века до н. э. С помощью метательных машин их забрасывали на борт вражеского корабля, где они разбивались, поднимая известковое облако, слепившее врага.

274

С получением гранулированного пороха в начале XVI века было связано производство длинноствольных мушкетов.

275

В древности в Китае был особый род войск – щитonosцы.

276

На пятицветном военном знамени каждый из цветов (голубой, красный, белый, черный и желтый) символизировали четыре стороны света (восток, юг, запад и север), населенные варварами, и центр, в котором располагался Китай.

277

Железные шипы размером в несколько *цуней* разбрасывались в качестве препятствия; из них также делали ограждения с помощью колючей проволоки.

278

Сведения о дислокации кораблей флотилии Чжэн Хэ есть только в романе; в исторических материалах они не сохранились. Рисунок предполагаемого построения флотилии, который воспроизводится в тексте перевода, по описанию в романе сделал китайский историк Чжан Вэйхуа.

279

Представленная на рисунке схема в некоторой степени условна. Источник: Чжэн Хэ отправляется в Западный океан (Чжэн Хэ ся Сиян) (на кит. яз.) / ред. Чжан Вэйхуа. Пекин, 1958. С. 89.

280

Там же. С. 90.

281

Дословно – «офицер синего флага», ибо при династии Мин офицер, передающий приказы, имел при себе синий флажок, на котором был написан иероглиф «приказ».

282

«Спасение императора» – название эдикта императора Чжу Юаньчжана, предоставлявшего уникальную привилегию освобождения от церемоний на аудиенциях его соратнику Чжу Шэну, чей вклад в завоевание власти и основание династии первый император династии Мин оценивал очень высоко. Современник автора романа, поэт Ю Пу, использовал слова «освобождение от аудиенции» в названии своего стихотворения – «Освобождение от аудиенции семнадцатого числа восьмой луны».

283

Чжэньи (Истинное единство) – одно из весьма распространенных при династии Мин направлений даосизма. См. сноску № 64 Пролога.

284

В эпоху Мин в окрестностях Нанкина была построена кумирня Владыке Белому угрю.

285

Подвешивание зеркал в народных верованиях Китая было одним из способов выявления и изгнания нечисти.

286

Имеется в виду, что этический принцип неизменен, а право – это практикуемая категория, меняющаяся сообразно с обстоятельствами.

287

Слегка измененная старая пословица «нетерпимость к пустякам может испортить большое дело» связывалась с тем, что никто не смел смеяться над двумя знаменитыми соратниками – советником и военачальником – Лю Бана, будущего императора династии Мин, хотя у одного были толстые ляжки, а другой носил стоптанную обувь старого даоса.

288

При династии Мин сетки для укладывания волос под шапками носили все, независимо от сословного положения.

289

Чжугэ Лян приказал нарезать быка и лошадь, сделать из теста шары, напоминающие человеческие головы, и начинить их мясом – их-то и бросили в реку вместо людей. См.: Ло Гуань-чжун. Троецарствие / пер. с кит. В. Панасюка, под ред. В. Колоколова. В 2 т. М.: ГИХЛ, 1954. Т. 2, гл. 91.

290

Майтрейя – Будда грядущего, один из наиболее популярных в дальневосточном буддизме. Считается, что он спустится с небес в конце текущей калпы, и тогда наступит эпоха процветания и блаженства.

291

Горький бамбук – высокий, до трех-пяти метров, плотный бамбук, который использовался для строительства, производства музыкальных инструментов и изготовления бумаги.

292

На кораблях флотилии десятки матросов обслуживали якорные лебедки – механизм, тяговое усилие которого передается посредством каната, цепи или троса от приводного барабана. Самый тяжелый железный якорь весил четверть тонны, якорный линь был сделан из бамбуковых волокон, которые долго выдерживались в кипящей воде. С помощью лебедок также поднимали паруса, весившие тонну.

293

Одно из стихотворений поэта Чжан Юэ (663–730) из цикла «Входим в море».

294

Буддийские четки – инструмент для подсчета мантр, ритуалов и поклонов; в них также кодифицирована информация, связанная с основными философскими и практическими аспектами буддизма.

295

Паньгу – герой китайских мифов, отделивший от первобытного хаоса Небо (*ян*) и Землю (*инь*). – *Примеч. ред.*

296

Река сыпучих песков шириной 800 *ли* в романе «Путешествие на Запад» мифологически по описанию связана с Простором мягкой воды: «Не плавают даже перо / На поверхности этих вод, / На самое дно уходят / Тростниковых цветов лепестки...» (Цит. по: «Путешествие на Запад» / пер. с кит. А. Рогачева. М., Гослитиздат, 1959. Т. 1–4. М., 1959. Т. 1. Гл. 22 [Электронный ресурс. URL: <http://nhat-nam.ru/biblio/west1.html>]).

297

Перед закипанием воды в нижних, наиболее горячих, слоях образуются тысячи маленьких пузырьков воздуха и насыщенного пара, каждый из которых производит звук с частотой 100 Гц. Пузырьки начинают отрываться от дна и подниматься к поверхности. Проходя через намного более холодные верхние слои воды, они остывают и «схлопываются», производя звук с частотой около 1 кГц.

298

Небесная река – название Млечного пути в китайской мифологии.

299

Согласно даосским верованиям, небесные чертоги охраняла четверка дежурных стражей – страж года, страж месяца, страж дня и страж часа (т. е. текущего момента). В старом Китае в храмах Бога города совершались жертвоприношения в их честь.

300

Малый поклон – поклон-приветствие, при котором одна рука охватывает сложенную в кулак другую.

301

Главы 22–32.

302

Под этим названием в романе выведено государство Тямпа, или Чампа, – объединение княжеств, существовавшее в VII–XVII веках на территории центрального и южного регионов современного Вьетнама.

303

Одно из значений – «столица»; в эпоху Тан – Чанъань. Так же называется город Фэнхуан (букв. «город Феникса») у горы Фениксов на территории провинции Хунань.

304

По преданию, во II веке до н. э., в эпоху Хань, путешественник и дипломат Чжан Цянь отправился на плоту к истокам Желтой реки – Хуанхэ, а попал на Небесную реку – Млечный Путь.

305

В тексте – Пэнлай и Инчжо, острова бессмертных.

306

Тяньфэй, или Небесная принцесса – имя, под которым с XIII века стала известна богиня Мацзу, согласно поздней китайской мифологии, покровительница мореходов, чей культ зародился в X–XI веках в приморских селениях юга Китая.

307

Пограничная застава в Китае; по-видимому, она же описана автором и применительно к Тямпе. Представляла собой фортификационное укрепление в форме квадрата или трапеции. Обычно застава имела несколько каменных ворот, над которыми возвышались смотровые башни. Некоторые заставы имели три линии защиты от врагов – внешний город, внутренний город и ров. Внутри заставы обычно была крепостная площадь, башня для лучников, несколько флигелей, даже храм. Десять важнейших застав были частью Великой китайской стены.

308

Стража, или большой час – один из двенадцати двухчасовых периодов, на которые делились сутки. Ночных страж, которые начинались с семи часов вечера, было пять.

309

Принятые в китайском языке цветовые параллели.

310

Высокое государство – название, которое подразумевало отношение других государств к Китаю как к сюзерену.

311

Западная Лагуна – Ситан, древний городок в нынешней провинции Чжэцзян, напоминающий каналами Венецию.

312

Генерал Найто (1550–1626) – японский военачальник, известный тем, что в 1594 году во время войны, начатой Японией против Кореи, прибыл в качестве посланника в Пекин на мирные переговоры. В итоге оказался в ловушке, согласившись на мирные предложения китайских военачальников, пришедших на помощь Корее.

313

В буддизме – три стадии (trailoka) развития существ: «обладающие желаниями», «обладающие чувственностью» и «не ведающие чувственности». Пять стихий в космогонии: земля, дерево, металл, огонь, вода. Смысл выражения: освободиться от мирских пут и сохранять полную безучастность и невмешательство в мирские дела.

314

После свержения пришедшей с севера монгольской династии Юань в народе династию Мин называли Южной династией (тем более что при ее провозглашении столица была перенесена из района Пекина в южный Нанкин).

315

«Сяньянский камнемет» – камнеметное орудие противовесного типа, появившееся в Китае в связи с осадой двух китайских городов войсками Хубилая в 1268–1273 годах (отсюда основное название этого орудия – «мусульманский камнемет»). Подробнее см. Приложение 2.

316

Известная поговорка, означающая победное возвращение войска. Стремена образно названы золотыми, хотя в те времена они были металлическими. В IV–V веках на Дальнем Востоке появляются парные деревянные овалы стремени, выгнутые из деревянного прута и обитые листом железа или меди. Первые железные стремени встречаются среди предметов V века и поначалу имитируют деревянные, в VI–VII веках они уже широко распространены.

317

Фантяньцзи – оружие типа рунки, использовавшейся в Европе в XVI веке; разновидность древкового колющего оружия, представляющая собой фактически копье с двумя дополнительными боковыми наконечниками, меньшими, чем центральный. См. Приложение 2 и ил. 34 цветной вклейки.

318

Имеется в виду ламинарный доспех – общее название доспеха из подвижно соединенных друг с другом твердых поперечных пластин. Он был заметно жестче простого ламеллярного доспеха, состоявшего из одного слоя пластин. С начала XV века полосы ламинаров уже не сплетали друг с другом тонкими шнурами, как в ламелляре, а крепили заклепками к кожаным ремням внутри доспеха.

319

Пояса воинов украшались фигурками львов, наплечники – звериными мордами с кольцами в пасти.

320

Индраварман VI – второй вице-король Тямпы, правил с 1400 по 1441 год. В 1402 году, когда Дайвьет напал на Тямпу и подчинил ее, Китай выступил против Дайвьета, а в 1407 году армия империи Мин заняла столицу Дайвьета, и Тямпа вернула ранее захваченные у нее земли. Флотилия Чжэн Хэ приблизилась к Тямпе в 1408 году, была встречена крайне любезно, и вице-король послал сына ко двору правителя империи Мин с дарами. В 1415 году, когда Китай снова направил войска против Дайвьета, император уже приказал Тямпе послать войска для подкрепления.

321

Подлинная формулировка, содержащаяся в исторических документах династии Мин.

322

Грамота о сдаче войска – акт о капитуляции – древний документ, предназначенный для командующего, вассальная же грамота, впервые упомянутая в историческом документе XI века, предназначалась для государя. В тексте романа первыми упомянули об этих документах воины Тямпы.

323

Автор обозначил голову китайским понятием «вместилище шести каналов энергии *ян*». Согласно концепции китайской традиционной медицины, в теле человека существует двенадцать энергетических каналов, по которым циркулирует внутренняя энергия – *ци*, шесть каналов энергии *ян* сосредотачиваются в голове.

324

При династии Мин виды цепов разнообразились, как и приемы их использования. Появились двухколенчатые, а затем и многоколенчатые цепи – максимум из тринадцати звеньев.

325

Сыма Жанцзюй – военный стратег и полководец одного из царств VI-V веков до н. э.

326

В китайской средневековой литературе летающими кинжалами называли метательные ножи – узкие и обоюдоострые орудия, вонзающиеся прямо в противника. Реальные летающие кинжалы обычно были вращающимися, причем двух типов – как ножи, т. е. однолезвийные, так и кинжалы, т. е. обоюдоострые. На рукоятке иногда делали разное количество отверстий для прохождения холодного воздуха, что усиливало дальность полета.

327

Согласно китайским мифам, на луне обитает белый заяц, а на солнце – треногий ворон.

328

В древности расстояние в сто шагов считалось самой дальней дистанцией досягаемости стрелы.

329

Через 25 лет после установления династии Мин появились новые правила, касающиеся одежды для всех чиновников: на груди и спине парадного одеяния для обозначения рангов изображались различные звери (для военных чинов) или птицы (для гражданских).

330

Цитата из трактата «Искусство войны» Сунь-цзы – китайского военного мыслителя и стратега VI века до н. э.

331

«Мэн-цзы» // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). Гл. I, часть Б, 3 (2). С. 258.

332

Упомянута легендарная пика (разновидность копья – орудия с острым лезвием на длинном шесте) с наконечником, покрытым серебром. Ее вес – 240 *цзиней*. Герой времен эпохи Тан, вращаясь на месте с такой может, пикой в руках, защищался от нападений и уничтожал противников.

333

Дырогрудые – по легенде, люди со сквозным отверстием в груди, живущие за Южным морем.

334

Поговорка, основанная на том, что протекающие котлы обычно заделывали мягким ковким чугуном; поскольку передельный чугун отличается высокой твердостью, хрупкостью и низкой прочностью, его использование для этой цели требовало высокого мастерства.

335

Свое название стрела «волчий клык» получила от острого трехгранного наконечника гарпунного типа. Популярны при Мин стрелы для стрельбы из лука на лошади без седла представляли разновидность боевой лопаты «лунный зуб»: имея два разных по форме острия, они могли и пробить латы противника, и ранить его коня. «Поющие стрелы» стали известны в Китае с X века. Сверленный – обычно с тремя отверстиями – наконечник такой стрелы служил также сигналом для передачи команд.

336

Подразумевается умение вовремя и умело воспользоваться своей силой. Под именем Баван имеется в виду генерал Сян Юй (III век до н. э.), разгромивший династию Цинь. Впоследствии в течение четырех лет он воевал с Лю Баном, будущим первым императором династии Хань (с 206 года), но потерпел поражение в решающем сражении и всё потерял, а Лю Бан, выиграв сражение, стал единовластным правителем Китая.

337

В эпоху Мин женщины зачесывали за уши две пряди волос с висков, высоко, как черную тучу, взбивали их и закрепляли шпильками. Пряди со лба тоже взбивались, соединялись с волосами на макушке и закреплялись алой шелковой лентой в большой пышный пучок.

338

Под двуслойной одеждой подразумеваются длинный халат и под ним нижняя юбка – так в старину одевались женщины.

339

Мулань – героиня народной баллады «Песнь о Мулань» (VI век).

340

Принципиальное отличие палицы и булавы заключается в конструкции наконечника. Булава имеет съемную боевую часть, изготавливаемую из металла, кости, рога, в то время как палица – оружие из одного цельного материала. Головка у булавы могла быть круглая или вытянутая, утыканная железными гвоздями. Ручка булавы могла быть короткой (один метр) или длинной (до двух метров).

341

Прямое воздаяние, или карма – причинно-следственный закон в буддизме. Согласно этому закону праведные или греховные действия человека определяют его судьбу при жизни и после физической смерти, которая рассматривается как форма перерождения.

342

Департамент организован после переноса столицы в Пекин в 1420 году для мобилизации на случай войны.

343

В старом Китае осужденных за не требующие казни преступления редко держали в тюрьмах – это обходилось слишком дорого. Потому главным способом наказания за кражи, оскорбления чиновника и т. п. были колодки разного типа – индивидуальные и групповые, ножные и шейные. Последние были самыми распространенными, на них наклеивали полоски бумаги с обозначением преступления. Кормить преступника должны были родственники или сердобольные люди.

344

В старом Китае бытовала сказка-страшилка о ведьме, руки и ноги которой за ужасные преступления были закованы в кандалы и превратились в куриные лапы.

345

Восковница – растение, плоды которой имеют вид алых шариков и напоминают сифилитические язвы.

346

Коровий нос – насмешливое прозвище даосских монахов.

347

У старинных прялок были широкие головки.

348

Меч – колющее и рубящее оружие с прямым средним или длинным двухлезвийным клинком. Прямой меч подходит для колющего удара, а кривой – для рубящего. Подробнее см. Приложение 2.

349

Мифический праведник с реально существующих гор, в частности, Столовой горы, издревле считавшейся у даосов местом самосовершенствования. Основанием для имени, вероятно, послужила пещера на склоне, очертаниями похожая на бараний рог. Имя праведника получил построенный в конце эпохи Мин небольшой монастырь на горе в провинции Хунань, что свидетельствует о популярности святого.

350

Район Цзяннань – правобережье Янцзы – с древности славился производством бронзы. В древности для боевого коня делался специальный оберег из отрезанной части красно-рыжей конской гривы: она оплеталась материей, на ткань нашивалась медная бляха (как древнее бронзовое зеркало) со сферической выпуклостью посередине. Перед боем украшение привязывали к узде. Оно имело двоякое назначение: практическое – защитить коня от удара оружием по голове (испуганный конь может сбросить всадника) и самого всадника, т. к. размеры медного зеркала совпадали с размером защитного нагрудника на доспехах, и если тот оказывался поврежден, его временно заменяла медная бляха конского амулета. Был и еще один вариант использования: желая приподняться для нанесения удара с воздуха, всадник мог опереться ногой на медную выпуклость посреди бляхи. Алый цвет «гривы» был и украшением, и имел целью отгонять злых духов.

351

По весьма распространенному в древности поверью, владыка ада распоряжался душами умерших, и их нужно было успеть утащить в ад до последней – пятой стражи (т. е. с трех до пяти часов утра), когда начинает светать и черти теряют свою силу.

352

Отсылка к известной поговорке, означающей победное возвращение войска.

353

Смысл поговорки: если герой потеряет силу, то легко станет добычей даже ничтожного противника.

354

Верительная стрела – жезл стрельчатой формы, вручавшийся лицу, получившему военный приказ, в знак признания его полномочий. По форме напоминал стрелу, иногда на его острие помещался остроконечный флажок.

355

Строки из цикла стихотворений Ду Фу «Девять экспромтов» в стиле катрен – катрен № 5.

356

Издревле в даосизме меч являлся ритуальной утварью, существовали разные его виды. Упомянутый здесь семизвездный меч, обычно длиной около шестидесяти сантиметров, был сделан из металла или древесины персикового дерева, считавшейся магической. На поверхности металлического семизвездного меча часто помещался узор с изображением звезд Ковша Большой Медведицы. Сожжение талисмана на острие подобного меча использовалось даосами как род послания небесным силам, ибо дым поднимался в поднебесье.

357

Это выражение восходит к истории покорения У Ваном (основателем династии Чжоу; XII–XI вв. до н. э.) царства Шан (или Инь). Тогда с позиций Чжоу оставшиеся непокорными жители царства Инь считались невеждами, а с позиций Шан – оставались благородными рыцарями.

358

В буддизме есть четыре ложных представления о действиях и их последствиях, которые подрывают основы духовной жизни человека: отрицание причины, отрицание следствия, отрицание себя как

субъекта нравственности и отрицание достижений будд и бодхисаттв. На практике ложные воззрения ведут к жизненным невзгодам.

359

Возможно, Бифэн использует мудру предупреждения (tarjanamudra), при которой поднят только указательный палец, в то время как другие сжаты в кулак.

360

В старом Китае существовало поверье, что нельзя откликаться на прямое выкликание твоего имени – этим можно вызвать злых духов. При первой встрече Рогатый назвал имя Бифэна предположительно.

361

Истинный огонь, или энергетика, излучаемая тремя врожденными свойствами человека: изначальным духом, изначальной субстанцией *ци* и изначальной жизненной силой. Так в даосизме называли состояние *самадхи* – состояние созерцания (транса, экстаза).

362

«Сосуд, уловляющий души» – глиняный сосуд, который по обычаю, распространенному в III–V веках в Южном Китае, использовали для захоронения кого-то или чего-то вместе с умершим.

363

Стихотворение Ли Бо «С Постигшим истину пьем в горах». Пер. С. А. Торопцева. См.: Три вершины, семь столетий. Антология лирики средневекового Китая. М., 2017. С. 27.

364

Особые носки, которые плели из джута и прибивали к ним снизу два каблука из дощечек, благодаря чему в них было тепло и удобно ходить в горах по снегу.

365

Вывод из известной в Китае максимы о том, что если ложное выдает себя за подлинное, то подлинное становится ложным, и наоборот, иногда их сложно отличить.

366

Обряд надевания головного убора совершался при достижении юношей совершеннолетия, которое наступало в двадцать лет. До этого волосы просто завязывались в два пучка.

367

В эпоху Мин такую обувь носили и чиновники, и ученые мужи.

368

Бунчук – символ власти, представляющий собой древко с привязанными к нему хвостами коня или яка. Получил широкое распространение в Восточной Европе и Османской империи. – *Примеч. ред.*

369

Упоминание носорогов в романе совпадает с их описанием в известном труде XI века по китайской фармакологии, откуда оно, вероятно, перешло в записи великого медика Ли Шичжэня – современника Ло Маодэна.

370

Подобными узорами украшались вещи и предметы в древности.

371

У большинства носорогов один рог, у африканских и на Суматре – два.

372

Реальный подвид – вьетнамские сколопендры.

373

Сообщение о «трупных рыбах» переключалось в роман из раздела о Тямпе, содержащегося в записках Фэй Синя, куда оно, возможно, попало из легенды о полурыбах-полуженщинах, записанной в «Каталоге гор и морей» (V-I вв. до н. э.) – реальной и мифической географии Китая и соседних земель. При этом в романе почти дословно повторяется текст из трактата IV века «Забытые истории», где содержался рассказ посланника страны Иньчи, вероятно, расположенной где-то в западных землях – на севере Центральной Азии, а может, даже в Индии, поскольку этот посланник в течение десяти лет на телеге добирался до Китая, где побывал при дворе ханьского императора У-ди (156–87 до н. э.). Он поведал, что к югу от их страны живут люди, отдельные части тел которых могут летать далеко за моря.

374

Даосы утверждали, что способны силой энергии повелевать ветром, дождем и громом.

375

Эта и последующие три фразы совпадают с описанием любовных позиций в известном ксилографе XVI века. Образность первой позиции в том, что корни старых деревьев прочные и глубокие. Поза: мужчина лежит на спине (или стоит), женщина сидит на нем, а мужчина держит ее двумя руками за бедра.

376

Поза: мужчина стоит на полу на коленях, женщина лежит ничком, сжимая ногами бедра партнера, мужчина поддерживает женщину за ягодицы.

377

Поза: мужчина сзади – партнеры могут лежать или стоять (см. «Цзинь, Пин, Мэй», гл. 72).

378

Поза: женщина лежит на спине, мужчина на ней сидит (см. «Цзинь, Пин, Мэй», гл. 6).

379

Редкая и дорогая раковина, в которой собирается по несколько жемчужин.

380

Алойное дерево. В Восточной Азии считалось дорогим лекарственным материалом и весьма ценилось как курительное вещество, используемое в религиозных ритуалах, а также употреблялось в парфюмерии и в качестве сырья для украшений.

381

Согревающим теплом древние называли одно из свойств, которое ошибочно приписывали рогам носорога.

382

Такое название упоминалось в разных произведениях еще с VI века, а несколько подобных циновок, сохранившихся во дворце Гугун и датированных XVIII веком, свидетельствуют о том, что эти изделия реально существовали. Слоновая кость твердая, ее распиливают тончайшей пилой. В принципе плетение из тончайших пластин возможно, т. к. в особой кислоте слоновая кость размягчается и в таком виде ее можно сгибать и формовать, а затем, по удалении кислоты в горячей воде, ей можно вернуть прежнюю жесткость.

383

Крупные (15 см) плоды хлопкового дерева имеют форму вскрывающихся коробочек, внутренние стенки их покрыты пушистыми желтоватыми блестящими волосками, напоминающими хлопок.

384

«Белый журавль» – один из видов коричневого дерева; упоминается и как священное дерево.

385

«Трава тысячи шагов» – многолетнее растение региона Южных морей, используемое в медицине. Его название упоминалось еще в конце V века в сборнике «Записки о чудесном», который был составлен Жэнь Фаном.

386

Жухэ – мифическое дерево, плоды которого даруют бессмертие.

387

Из древнего конфуцианского канона «Учение о середине» Цит. по: «Конфуцианское „Четверокнижие“» С. 146.

388

Формулировка, вошедшая в реальные грамоты местных князей, потрясенных величиим флотилии.

389

Думается, что в данном случае под белым золотом имеется ввиду природный сплав золота (от 16 до 69 %) с серебром.

390

До современной стандартизации *дань* имел разные значения в зависимости от эпохи и сферы употребления. В настоящее время в качестве меры веса он составляет пятьдесят килограммов, а в качестве меры объема – сто литров. – *Примеч. ред.*

391

Натуральные свинцовые белила с древности готовились из церуссита.

392

Цзиньчуань – уезд в нынешней провинции Сычуань.

393

Ко времени плаваний Чжэн Хэ Пандуранга (ныне город Фанранг на юге Вьетнама) имел статус столицы одноименного княжества, которое входило в состав объединенной Тямпы в качестве одной из автономных территорий.

394

После периода правления династии Сун (960–1279) эта древняя форма одежды стала официальной для чиновников. Вышитый на парадной одежде тотем животного служил знаком иерархии чиновников разных рангов: носорог означал высший ранг в военном ведомстве.

395

Одна из вершин с таким названием расположена на юге Китая, на выходе к Тонкинскому заливу Южно-Китайского моря. В 1417 году, во время пятого плавания, Чжэн Хэ совершил молитву у знаменитой мусульманской гробницы на горе Линшань у города Цюаньчжоу (ныне провинция Фуцзянь), после чего там была установлена стела надписью: «Чжэн Хэ посетил храм и возжег курения и благовония».

396

Главы 32–45.

397

См. сноску 4 в части 3.

398

В самом Китае в середине XVI века культура благовоний, особо культивируемая даосами, достигла своего взлета, и император дарил придворным в знак награды шапки с ароматом алойного дерева.

399

Черный дракон – мифологический обладатель чудесной жемчужины, которую можно взять у него с подбородка, когда дракон спит. Древние кубки делали в том числе и из полированных черепов.

400

Принцип общения с вассальными государствами, который был записан еще в древних трактатах Китая.

401

Куньлунь – в данном контексте название крупнейшего острова Кон Дао из группы шестнадцати островов; расположен к югу от нынешнего Вьетнама, в 100 км от побережья в водах Южно-Китайского моря. В длину составляет 15, а в ширину – 9 километров. Опасность пути представляли бурные воды Акватории семи островов (между юго-западной частью Тайваньского пролива и северо-восточной частью острова Хайнань) и ураганные ветры в районе Куньлуня. Этот путь

проходили из Китая все суда, направляющиеся в Атлантический океан, и здесь орудовали морские пираты.

402

Сравасты (или Шравасты) – в древности индийский город в пригималайской части долины Ганга, где Будда провел большую часть жизни. Там же располагалась знаменитая Джетова роща (Джетавана).

403

Поговорка «с помощью мягкой веревки можно и поймать тигра, и связать вражеского полководца» подразумевает, что не всегда нужна сила, важнее сообразительность.

404

Сторожевые боевые корабли флотилии (длиной 36 метров) имели по восемь пар весел.

405

Имеется в виду государство, существовавшее на Окинаве и островах Рюкю в XV–XIX веках. Оно не было полностью независимым и платило дань Китаю, с которым его связывала масштабная торговля.

406

Подразумевается сиамское государство Аюттайя, или Аюттхая (1350–1767) со столицей под тем же названием, основанное совместно правителями двух княжеств (и, соответственно, двух династий) – Лаво (современный Лопбури) и Сукхотай. Первым его правителем стал князь Лаво из династии Утхон (известный также как Раматхибоди I). В 1370 году власть перехватил Пха Нгуа из династии соперничавшего

Сукхотая. В 1377 году император Чжу Юаньчжан пожаловал ему дары и титул князя Сиама (в записках Ма Хуаня «Любуюсь берегами океана» государство так и называется). В 1388 году власть в Аюттайе на время вернул представитель династии Утхон, но в 1409 году, когда флотилия посетила Аюттайю, племянник Пха Нгуа – Интхарача вернул столицу своему роду и правил под именем Интхарачи I до 1424 года. С династией Утхон было покончено.

407

Описание чужеземного командира составлено из названий современных автору мелодий для стихов жанра *цы* или жанра музыкальной драмы – «Собравшись в поход», «Узорчатый пояс» и «Шелковый черный халат». Большинство мелодий исполнялось от имени женщин; тем самым автор романа передает насмешливое отношение мореходов к женоподобному облику невысоких изящных тайцев.

408

«Голова леопарда» – очень широкий меч, длина которого достигала девяноста сантиметров, а длина лезвия – шестидесяти сантиметров, на конце ручки была выточена голова леопарда.

409

Эта формула является основополагающей в учении об *инь* и *ян* – двух противоположных началах в китайской натурфилософии. В круге-символе изначального эфира с делением на символы *инь* (темный) и *ян* (светлый) видно, что эти силы вращаются в противоположных направлениях. Этому соответствует и расположение триграмм «Ицзин» – *ян* благоприятствует, *инь* идет наперекор: *ян* поднимается слева, *инь* опускается справа.

410

Речь идет о редкой породе «львиных кошек», полученной путем скрещивания белых персидских котов и диких египетских кошек чаузи – помеси дикого камышового кота и абиссинской кошки.

411

В даосском энциклопедическом трактате начала IV века «Мудрец, объемлющий первоизданную простоту» сказано: «Продолжительность жизни мыши триста лет, а когда она достигает ста лет, ее цвет становится белым, и таких крыс используют для гаданий».

412

Из сердцевины сапанового дерева получали краситель красного цвета для тканей и деревянных предметов. Оно веками ввозилось в Китай из Тямпы.

413

Около трех метров. У индийских слонов длина бивней около 1,5 метров, у африканских они крупнее, очень редко до четырех метров.

414

Отсылка к «Дао дэ цзин» Лао-цзы (книга 1, параграф 8): «Человек высшей благодати подобен воде, ибо вода приносит пользу мириадам существ...» Цит. по: Мистерия Дао: Мир «Дао дэ цзина» / Сост., пер., исслед. А. А. Маслова. М.: Сфера, 1996.

415

Момордика, или «крокодилий огурец» – вьющаяся однолетняя лиана из семейства тыквенных. Ее плоды снаружи покрыты

соскообразными выступами удлинено-овальной формы с заостренным кончиком и потому кажутся бородавчатыми.

416

Стеньга – вертикальный брус, составляющий продолжение мачты в высоту.

417

Имеются ввиду так называемые пауки-волки, обитающие в травянистых лугах и кустарниках.

418

Описываемое государство располагалось на островах Явы и Суматры и с V по XIV век и было важным пунктом на Шелковом пути. В 1293 году монголы были изгнаны с Явы, и там была основана империя Маджапахит, правитель которой к середине XIV века объединил окружающие острова, архипелаги и феодальные владения под своей властью.

419

Тубан – древний город на северо-восточном побережье Явы, в ста километрах к западу от Сурабаи; стал важным портом в эпоху империи Маджапахит.

420

Гресик расположен рядом с Сурабаей, чуть севернее. Гавань Сурабая находится на северо-востоке острова Ява (нынешняя Индонезия).

421

Пристань Чангу расположена на острове Бали.

422

С конца XIII века Маджапахит превратился в одно из самых могущественных государств в истории Малайского архипелага и стал крупнейшей морской державой в морях Юго-Восточной Азии, оказывая противодействие китайской экспансии в сферу его интересов. В конце 1370-х годов на Яве фактически существовали два независимых трона – западный и восточный, каждый из которых отправлял в Китай послов. В 1370 году правитель империи Маджапахит Раджасанагара (он же Хайям Урук) отослал к китайскому двору грамоту на золотой пластинке; то же самое было сделано в 1381 году. В романе упомянута война 1404–1406 годов за единый престол между Вирахуми, правителем восточной части страны, и правителем западной – Викрамавардханой (1389–1429), который и одержал победу. Флот Чжэн Хэ впервые прибыл в Яву в июне 1406 года.

423

Сукадана – древнее государство на западном побережье Борнео, на территории современной провинции Западный Калимантан.

424

Речь идет о гибели в 1377 году китайских послов, которые везли махарадже Шривиджайи письмо императора о признании его независимым правителем (до этого царство состояло в вассальной зависимости от империи Маджапахит). Когда об этом узнали в Маджапахите, войска которого как раз в этот момент заняли столицу Шривиджайи, посольство было задержано, его участники доставлены на Яву и казнены.

425

В 1406 году во время разгрома, учиненного Викрамавардханой над своим соперником, в резиденции последнего были убиты 170 солдат с китайских кораблей, которых приняли за присланный в поддержку отряд. Чжэн Хэ приказал всем офицерам и солдатам отступить на корабли и не отдал приказ о контратаке. Викрамавардхана принес извинения и выразил готовность заплатить компенсацию в сумме 60 000 *лян* золота (2238 килограммов). Чжэн Хэ, прибыв на Яву в 1408 году, получил в виде компенсации 10 000 *лян*.

426

О Батальоне чудесных механизмов см. Приложение 2.

427

Здесь и далее текст стихов, описывающих противников, составлен в соответствии с поэтической традиций Китая – из названий популярных *цы* и арий. Здесь это «Пророчества варваров», «Туземцы в шелках», «С песней чужеземной», «Бредут по траве», «Хмельные грезы», «Предерзкая песенка».

428

«Дракон, мутящий воду» – название снаряда для взрыва под водой, известного как «каток с подводной миной».

429

«Злобный тигр с горы спустился», «Дракон, мутящий воду», «Златой булавы взвизг», «Металла тихий стон» – мелодии арий юаньской драмы «Западный флигель», драмы эпохи Мин «Пионовая беседа» и др.

430

Западными землями называли страны, расположенные к западу от Китая, в том числе и Индию.

431

Сокращенная цитата из трактата «Мэн-цзы», глава 1, «Лян Хуэй-ван», часть Б (1 Б, 3, стих 5). Ср.: Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 259.

432

Название оружия «вращающийся дракон», как и другие наименования с определением «вращающийся», упомянуты в военном трактате Ци Цзигуана XVI века.

433

Высокая переносица считалась в Китае типичной чертой всех западных инородцев.

434

Иноземец цитирует строки из китайского сборника «Стихи тысячи поэтов», изданного во времена династии Мин.

435

Летающая сколопендра – персонаж древнего мифа о сколопендре, которая мечтала летать как птицы. Такое же название даосы давали многим растениям, лекарственный настой которых прибавлял сил. Длина тела панголина составляет около полутора метров и покрыто

крупными, толстыми чешуйками. Животное способно за час вырыть в земле углубление в три-пять метров, т. е. проложить туннель в горах.

436

Днем походный котел служил для приготовления пищи, а ночью применялся для подачи сигналов тревоги.

437

Это выражение из романа стало поговоркой.

438

Об арбалетном луке см. Приложение 2.

439

Традиционный танец: один человек изображает льва, другой облачен в костюм воина и в руках держит расшитый мяч, которым он дразнит льва. «Воин» бросает мяч, «лев» хватает его зубами и возвращает.

440

О подводных минах см. Приложение 2.

441

Особая должность, на которую правитель одного из княжеств эпохи Чуньцю назначил некоего человека, способного по мимике определять намерения злодеев, которых с его помощью и изловили.

442

Возможно, речь идет о так называемых «воинах восьми когтей». Эти воины были способны глубоко нырять и с помощью особых «когтей» хватать под водой разные предметы.

443

Речь идет о фейерверке «ондатра», который зажигается на поверхности воды и испускает искры типа бенгальского огня.

444

Дословно «трехмерный» – так называли комических персонажей традиционной китайской музыкальной драмы.

445

Бони – название, которое в китайских источниках с IX–X веков носило одно из государств на северном побережье острова Калимантан, а именно – Бруней, вассально зависимый от Шривиджайи. С X века государство Бони установило тесные торговые отношения с империей Сун, а позже и с Мин, являясь и локальным торговым центром, и важным региональным морским транспортным узлом. В XIV веке эти земли находились под властью империи Маджапахит, но после ее распада в XV веке образовался сильный и независимый султанат Бруней. В период плаваний Чжэн Хэ китайские купцы вывозили из Брунея клювы птицы-носорога, безоаровый камень (этим камням из желудка животных приписывались магические свойства), древесину и съедобные ласточкины гнезда в обмен на шелка, изделия из металла и фарфор. В 1408 году султан Бони во время визита в Нанкин (со свитой в 150 человек) заболел и умер, и император Чжу Ди распорядился похоронить его там же.

446

«Гора двух волков» – гора в современной провинции Шаньси, известная как место действия событий, описываемых в популярном романе эпохи Сун «Генералы семьи Ян».

447

Далее цитируется отрывок из стихотворения Ду Фу, посвященного известной танцовщице – госпоже Гунсунь.

448

Как правило, даосы не оскверняли тело татуировкой, считая его чистым даром предков; чаще татуировку делали буддисты, считавшее брэнное тело зловонным мешком из кожи.

449

Намек на сюжет юаньской драмы о князьях восемнадцати уделов, в древности устроивших состязание в богатстве и могуществе. В описании внешности воина снова использованы названия популярных арий: «Холостой парень», «Речной предок», «Узорчатый пояс».

450

Гарда, как и рукоять, крепится на язычок и предназначена для защиты руки от оружия противника.

451

Некоторые бодхисаттвы, например, бодхисаттва Манчжушри, изображаются на белом слоне и синем льве.

452

Речь идет о традиционном гадании на монетах по 64 гексаграммам «Ицзин». Каждая гексаграмма – это шестистрочное сочетание пунктирных линий *инь* (женское начало) или сплошных линий *ян* (мужское начало) с соответствующими комментариями к ним (см.: <https://anashina.com/yi-jing/>). Для гадания использовались три специальные монеты счастья; каждая имела одну сторону с энергией *ян* (четыре иероглифа) и другую с энергией *инь* (два дракона). Если при подбрасывании выпадали две или три монеты кверху стороной *ян*, рисовалась сплошная линия, в противном случае – пунктирная. Монеты подбрасывались шесть раз, и когда были нарисованы все шесть линий какой-то одной гексаграммы (например, ☰ ☷ ☱ ☲ ☳ ☴ ☵ ☶ ☽ ☿ ☿ ☿ ☿ ☿ ☿ ☿ ☿), происходило ее толкование.

453

«Палиндром на парче» – один из способов гадания. В древности некий начальник округа за оскорбление вышестоящего был сослан в далекий уезд. Разлученная с ним жена вышила на куске парчи 840 иероглифов в квадратных диаграммах, так что каждый рисунок состоял из двадцати расположенных по вертикали и горизонтали иероглифов, которые можно было читать произвольно слева направо и наоборот, так что в общей сложности получалось 3752 стихотворения, выражающих ее чувства.

454

«Гадание перед конем» – буквально это гадание перед отправкой войска. По легенде, придумано стратегом древности Чжугэ Ляном. Вытаскиваются триграммы «Ицзина» (всего их четырнадцать), в каждой в стихах повествуется о взлетах или падениях в разные исторические периоды – от Троецарствия до утопического общества всеобщего благоденствия «Датун», соответственно звучит и предсказание.

455

«Небесные стволы и земные ветви» – система, основанная на сочетании знаков десятичного и двенадцатеричного циклов в китайском времяисчислении. Десятичные знаки образуют небесный, сильный ствол дерева, это силы *ян*, а двенадцатеричные – земные ветви, более слабые, они олицетворяют силу *инь*. Знаки *ян* и *инь* в каждом из циклов сочетаются, составляя определенные понятия.

456

Доктрина «в одном акте сознания – три тысячи миров» связана с космологическими представлениями буддизма. Три горы Сумеру и семь окружающих ее континентов, восемь морей и кольцо железных гор образуют один малый мир; тысяча малых миров – малый Хилюокосм; тысяча малых Хилюокосмов – один средний Хилюокосм; тысяча средних Хилюокосмов – Великий Хилюокосм, состоящий из миллиарда малых миров.

457

Классическое количество бусин на четках, которое обычно символизирует 108 родов желаний (санскр. *танха*), омрачающих дух человека и препятствующих достижению нирваны. Есть и другие трактовки числа 108: 36 – число звезд в Ковше Большой Медведицы, а 72 – количество роковых звезд, злых духов, и в этом случае четки имеют разделители-привески после 36-й и 72-й бусин.

458

История, вошедшая в книгу «Гадания императора Гуанди», созданную, вероятно, в конце эпохи Юань – начале Мин. Намек на императора Тайцзуна (годы правления – 626–649), который под натиском войск противника вынужден был трижды прыгать через широкий ручей.

459

«Море хохочет» звучит так же, как «море грохочет», поэтому в древности считалось, что на берегу моря нельзя смеяться, иначе может разразиться шторм.

460

Восемь матушек: родная мать; мачеха; приемная мать; добрая матушка; родная мать, вторично вышедшая замуж; брошенная отцом или разведенная мать; наложница отца; кормилица.

461

В Китае считалось, что тигр силен только в горах.

462

Китайский сельскохозяйственный год делится на 24 сезона. Выражение «своя мантра на каждые двадцать четыре сезона» означает непостоянство и ненадежность.

463

Куры с привязанными горящими фитилями выпускались на вражеский лагерь с целью поджога.

464

Фраза, ставшая поговоркой, пришла из пьесы одного из четырех великих юаньских драматургов Ма Чжиюаня. Ее смысл близок к значению русской поговорки «лучше синица в руках, чем журавль в небе».

465

Для китайского старого времяисчисления характерно сочетание знаков десятичного и двенадцатеричного циклов.

466

Согласно китайской космогонии, конь (лошадь) принадлежит к одной из пяти (земля, дерево, металл, огонь, вода) стихий, а именно – стихии огня.

467

Нагарджуна (II–III вв.) – основатель буддийской школы Мадхъямаки.

468

Стихи поэта VII века Ло Биньвана.

469

На пути даосского совершенствования следовало пройти четыре вида испытания, первое из которых направлено на выносливость: подавить минутный гнев – это всё равно что пройти сто дней страданий.

470

Гора Лишань находится в нынешней провинции Шэньси в районе города Сиань. Упомянутая святая весьма влиятельна в даосских народных верованиях, ей также издавна поклоняются как общей древней святой ханьцев. 13 июня – ее храмовый праздник, который

длится пять дней. Во многих даосских храмах есть ее изображения. Отдельный храм в горах Лишань был построен еще в III веке до н. э., во времена императора Цинь Шихуана, и на протяжении веков неоднократно перестраивался.

471

Радужные облачка – мифическая одежда небожителей. Намек на сюжет из оды Сун Юя об амурных свиданиях князя с феей, прилетавшей облачком с колдовской горы.

472

Вэй-фужэнь – реальное историческое лицо IV века, в легендах была превращена в фею.

473

Реальное наказание для особо опасных преступников в Китае, которое применялось даже в 30-е годы XX века.

474

В Китае существовала легенда о подобной лежанке, продлевающей жизнь.

475

По буддийским поверьям, калавинка – сладкоголосая райская птица с человеческой головой и туловищем птицы, с длинным развевающимся хвостом. Считается, что она обитает в западной Чистой земле и проповедует Дхарму своим прекрасным голосом – поет, пока не вылупится из яичной скорлупы.

476

Главы 45–50.

477

Почетный титул Цао Жэня, полководца периода Троецарствия (III век).

478

Сурабая окружена удивительными по красоте горами.

479

Разбойничий источник – источник в провинции Шаньдун. Согласно легенде, Конфуций проходил мимо и отказался испить воды из него, испытывая отвращение к названию.

480

Тимор – остров в юго-восточной части Малайского архипелага.

481

Здесь подразумевается полноводная река Муси. Стекая с гор, она образует дельту, где впадает в пролив Банка, относящийся к Южно-Китайскому морю. В начале XIV века отложения в устье реки Муси отрезали Палембанг от прямого выхода к морю. Возможно, поэтому к самому городу по реке могли подплыть лишь малые суда флотилии Чжэн Хэ. В настоящее время река судоходна для морских судов на 85 километров от устья до Палембанга.

482

Палембанг – город на острове Суматра в дельте реки Муси. Основан в конце VII века как столица малайского королевства Шривиджайя и до конца XII века делил сей статус с городом Джамби. К концу XIII века Шривиджайя фактически распалась, и ее доминирующую роль на Суматре взяло на себя возродившееся и к концу XIV века набравшее силу королевство Мелаю (или Малаю), куда вошел и Палембанг в качестве номинального вассала Явы. В 1377 году Маджапахит окончательно разгромил Палембанг и положил конец усилиям правителей Мелаи по возрождению Шривиджайи. Впоследствии, оставаясь номинально вассалом Явы, Палембанг долгое время находился в управлении китайских ставленников, оставаясь торговым центром и пиратским гнездом. Таковым он был и в 1407 году, когда его впервые посетила флотилия Чжэн Хэ на обратном пути из первого плавания.

483

Когда Шривиджайя пала, Палембанг остался в руках китайской общины. В 1407 году император Чэнцзу назначил Ши Цзиньцина правителем, присвоив ему почетный титул комиссара по умиротворению окраин (так назывался родовой старшина в районах, где проживали малые некитайские народы при династиях Юань и Мин).

484

Чжу Юаньчжан – основатель династии Мин, правил с 1368 по 1398 год.

485

Чэнь Цзуи – главарь крупнейшей в те годы пиратской армии – более десяти лет грабил корабли. Его имя впервые упоминается в анналах династии Мин еще в 1400 году, когда он напал на китайские суда. В период своего расцвета армия Чэня насчитывала до 10 000 человек и

сотню боевых джонок. Император Чжу Ди сначала объявил за его поимку вознаграждение в 500 000 *лян* серебра, затем сумма выросла до 7 500 000 *лян* (при годовом доходе империи в 11 000 000 *лян*). Чэнь бежал в Палембанг под покровительство местного владыки. Возвращаясь из первого плавания в сентябре 1407 года, с ним столкнулась флотилия Чжэн Хэ. Чэнь напал на нее и в битве уничтожил около пятидесяти судов. После ожесточенного сражения армия Чэня была разбита, 5 000 пиратов убиты, сам Чэнь захвачен в плен, отправлен в Китай, где был в том же году казнен.

486

По приведенной в романе транскрипции, указанные имена правителей совпадают с названными в «Истории Мин» именами правителей Шривиджайи. Но поскольку Шривиджайи как самостоятельного государства в то время практически не существовало, по совпадению дат в романе и источниках эпохи Мин похоже, что речь идет о правителях королевства Мелаю, куда входил Палембанг.

487

Согласно представлениям древних китайцев, почва на три *чи* (или «китайских футов», как называют эту единицу измерения) покрыта грязью и глиной, которые надо убрать, чтобы добраться до хорошей земли.

488

Птицы-носороги получили свое название из-за больших длинных клювов, резко загнутых вниз и имеющих у основания значительные выросты различной формы. Несмотря на свою величину, такие клювы очень легки, так как внутри они полые.

489

Имеется ввиду шлемоносный казуар – вторая по величине птица в мире после страусов. Вес ее достигает шестидесяти килограммов, рост – полутора-двух метров. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля упомянута сказочная жар-птица казуар.

490

Бензойная смола – бальзамическая смола произрастающего в Малакке дерева стиракс, из которой получают ароматическое вещество, используемое в парфюмерии.

491

В комментарии к древнему канону – «Книге церемоний» – есть запись о том, что варвары не едят нагретую пищу, чтобы от горячих испарений не пострадала жизнеспособность растений и животных в данной местности. А в других древних книгах упоминались сорок четыре святых, потреблявших только рис в зернах (для жертвоприношений), но не горячую пищу.

492

«Драконово семя» – даосский термин, касающийся приготовления эликсира бессмертия и подразумевающий водную стихию. В одном из даосских трактатов говорилось: «Дракон притягивает к себе тигра, тигр притягивает дух (семя) дракона, так они взаимно обеспечивают себя едой и питьем». Существовало поверье, что дракон боится металла, поэтому древние погружали в воды Хуанхэ железное изображение быка для предотвращения наводнения.

493

Беловолосыми китайцы называли западных варваров-европейцев.

494

«Два цветка на одном стебле» – образное обозначение супружеской четы.

495

Основная символика мифической птицы Луань – мир в государстве, но также она считалась самкой феникса.

496

Опрокинутая жар-птица и упавший феникс означают любовную близость.

497

Очевидно, намек на то, что вместо семяизвержения у евнухов начиналось мочеиспускание.

498

Гора Черепов – известная по даосским легендам гора, в которой навалены непогребенные скелеты.

499

Игра «чете-нечет» заключается в угадывании количества зерен или цвета шашек, зажатых в кулаке.

500

Согласно разным версиям, подобные ножички служили либо чиновникам для разрезания бумаги, либо конвоирам для освобождения связанных преступников от веревок.

501

«Девушка в красном» – обозначение проституток в средневековом Китае в отличие от «девушек в синем» – гетер, которые развлекали беседой или давали уличные представления, но не торговали своим телом.

502

В легендах Тай Суй – божество китайской мифологии, часто весьма опасное, поэтому ношение подобного шлема означало «спрятаться от Тай Суя», то есть быть защищенным от злых сил.

503

Именно такими изящными мечами с короткой ручкой и кольцом на конце эфеса, куда и подвешивался колокольчик, обычно сражались героини-воительницы в китайских средневековых повествованиях.

504

Чаншань – гора в провинции Шаньдун.

505

В старом Китае на лице мужчины обязательны были три вида растительности – бородка и бакенбарды, иногда пять – еще и усы с двух сторон над верхней губой.

506

Строки из стихотворения Шу Фэня (1484–1527) «Экзамен сдан».

507

Чиновники разных рангов отличались по цвету парадной одежды. *Чжуанъюань* (так называли получивших высший балл на императорском экзамене) обычно имел право на шестой ранг, т. е. одежду зеленого цвета. Представители более высоких рангов носили одежду фиолетового, а следующие по старшинству – желтого цвета. После завершения императорских экзаменов государь писал указ на желтой бумаге и ставил свой автограф на сочинениях трех первых победителей.

508

Согласно древним поверьям, Подлунный старец – божество брака – связывал красным шнурком ноги будущих супругов.

509

Намек на пословицу: «есть во дворце свой человек – хороший пост тебе обеспечен».

510

Подразумевается, что место благородного мужа – в Поднебесной.

511

Существует старая поговорка: «можно проявить неучтивость к благородным, но нельзя к недостойным», смысл которой состоит в том, что первые простят, а вторые отомстят.

512

Этот прием впервые применил военачальник эпохи Троецарствие Гуань Сюй: притворившись, что терпит поражение, он умчался, опустив меч. А когда противник нагнал его, молниеносно развернулся и, взмахнув мечом под углом 360 градусов, круговым движением рассек противника.

513

Почти дословная цитата из приказа императора Чжу Юаньчжана, основателя империи Мин, от ноября 1367 года, о выступлении войска карательным походом против чужеземной династии Юань.

514

Согласно мифологическим представлениям, Морское око – это бездна в Южных морях, куда якобы низвергаются все впадающие в океан воды и стекающие с неба потоки, но не могут ее заполнить. Фактически подобные «сливные отверстия» для ручьев или подземных вод существуют во многих высокогорных озерах Китая с карстовой эрозией.

515

Явно имеется ввиду Хун Бао – мусульманин, командир из евнухов, неоднократно участвовавший в экспедициях и даже возглавлявший отдельные ее эскадры.